

love_sf
network_literature

Анна
Сергеевна
Сокол

Экзамен первокурсницы

Я Ивидель Астер, богатая наследница, маг огня и студентка первого потока Магиуса.
Я влюблена и помолвлена. Увы, это разные люди, что меня бесконечно удручает.
Но пока на запястьях не защелкнулись брачные браслеты, я буду надеяться.
Надежда – это все, что позволено леди в нашем мире.
Но иногда, даже леди нарушают правила, особенно когда любят совершенно неподходящего рыцаря.

ru

Аня
Сокол

Colourban

FictionBook Editor Release 2.6.6
25 April 2019
C29B7DD0-CDED-42A6-AC7A-9D7393C35E94
1.01

v 1.0 – создание fb2 – (Аня Сокол)

v 1.01 – оптимизация обложки и дополнительное форматирование – (Colourban)

СИ
2019

Аня Сокол

Экзамен первокурсницы

Билет 1. Уложения этикета, или правила техники безопасности

Я нарушила данное отцу слово через неделю. А потом нарушала его неоднократно. Но самый первый раз запомнился сильнее всего, как запоминается первый бал, первый поцелуй, первое прощай. Мне удалось придумать сотню оправданий и даже поверить в них, но... Факт оставался фактом, я нарушила обещание.

Даже сейчас смотрясь в зеркало, искала на лице черты обмана. Но ни клейма на лбу, ни бегающих глаз, ни дрожащих губ. Старая кормилица Туйма всегда говорила, что стоит хоть раз ступить на скользкий путь вранья и порока, и уже не свернешь. Он вцепится в тебя и утянет на самое дно, где совершенно не место леди.

Я продолжала смотреть в зеркало, а порок задерживался, отказываясь утягивать меня куда бы то ни было. Да и какой именно порок кормилица никогда не уточняла.

– Это всего лишь урок, – громко сказала я пустой комнате. – Я не обманываю, а иду учиться.

Ведь не будет же папенька возражать, если очередное занятие пройдет, к примеру, в оранжерее, где нам надлежит выдавить унцию яда из корней листовенного аспарагуса магистрам к ужину? Но зеркало молчало, а лицо в отражении было полно укоризны.

– Это просто урок, как... как... утренний урок по этикету.

Я вспомнила скрип перьев. Шорох, с которым они касались бумаги. Вспомнила, как аудиторию...

...Аудиторию в очередной раз тряхнуло, Мерьем Вири в очередной раз взвизгнула. Я привычно придержала чернильницу, магистр Ансельм Игри, в очередной раз не повернул головы. Дверца одного из шкафов открылась, и на пол посыпались свитки.

– Когда же это кончится? – непонятно у кого, спросила Дженнет, перо в ее руке сломалось пополам.

– Никогда, – улыбнулся ей Оли. – Пока мы над Запретным городом, остров так и будет трясти.

– Правильно, мистер Ревьен. А не объясните герцогине, да и всем остальным, почему? – Посмотрел на парня магистр.

– Ну, – протянул сокурсник, оглянулся, взъерошил волосы, разом став похожим на нахохлившуюся серую найку

[1]

, но все-таки ответил, – Дело в этих горах, да?

– Да, отчасти дело в Чирийском хребте, – согласился учитель, останавливаясь напротив карты. – Кто дополнит ответ мистера Ревьена? – Мы молчали. – Ну же, смелее. Или вам действительно нравится вспоминать десять уложений этикета, принятых при Людвиге Третьем?

Я подняла голову от листка бумаги, где сиротливо жались друг к другу две строчки – все, что удалось вспомнить из старого уложения. Правила этикета вдалбливались нам с братом едва ли не с рождения. Моя гувернантка Кларисса Омули была очень строга, но даже ей не пришлось в голову заставить меня выучить нормы принятые при дворе Людвига Третьего прадеда нынешнего князя.

Я смогла вспомнить, лишь то, что леди запрещалось смотреть в глаза джентльмену, если тот стоит против солнца. Понятия не имею почему. Права была матушка, чем больше глупость мы слышим, тем лучше запоминаем.

На самом деле в этикетном кодексе уложений было намного больше. Каждый правитель считал своим долгом добавить еще парочку, чтобы подданные не скучали, а Людвиг Третий расщедрился на целых десять.

Кажется, там еще было что-то про путешествия... Леди без сопровождения запрещено путешествовать в салоне поезда, но дозволено в вагоне-конюшне наедине с конем.

Воображение живо нарисовало картину «Иви в стойле тридцать часов спустя». Рука дрогнула и по светлому листу расползлась синяя клякса. Теперь придется переписывать, если не хочу получить несколько дополнительных часов чистописания.

– Неужели никто не знает? – удивился магистр Ансельм, он больше напоминал дровосека, широкоплечий, высокий, абсолютно лысый с короткой черной бородкой. Более неподходящей кандидатуры на замену преподавателю этикета придумать сложно. Что-то у них там не

получилось, у магистров, я имею в виду, и нанятый учитель опоздал к отлету Академикума из Льежа, теперь его замещали все магистры по очереди.

– Динамические потоки воздуха характерные для горной местности... – начал рассказывать Отес, магистр развернулся к парню и тот замолчал.

– Продолжайте, мистер Гиро, вы так хорошо начали. Динамические потоки и что?

За соседним столом Гэли сосредоточено кусала кончик пера, ее лист оставался полностью чистым.

– Они нестабильны, а поскольку Академикум – это летающий остров...

– Тоже мне новость, – отчетливо прошептала герцогиня.

– И этот остров по форме напоминает диск. – Не обращая внимания на девушку, наш умник достал из кармана серебряную монету. – Будь мы на дирижабле, трясло бы еще сильнее, но мы могли бы маневрировать, и за счет вытянутой формы корпуса, пройти между потоками. – Парень перекатил монетку между пальцами.

– А сейчас не можем? – удивилась Гэли, отложив перо.

– Размеры основания Академикума делают это маневрирование бесполезным, уйдем от одного потока, сразу попадем во второй. Ветер с гор сильнее всего у вершин и слабее у подножия. Технические характеристики острова таковы, что влияние взаимного расположения основания Академикума и воздушных струй на величины аэродинамических коэффициентов...

– Стоп, – прервал парня магистр. – Вам пять баллов по основам механики, мистер Гиро, которая начнется у вас, послезавтра. Авансом.

– А я подумала, он демона вызывает, – хихикнула Гэли.

– Вы же, мисс Миэр, напишите к первому уроку эссе по истории постройки Академикума и спуска его в воздух, где объясните, как такое вообще возможно. – Магистр Ансельм улыбнулся, а подруга едва слышно застонала. – Да и слово «аэродинамический» должно повторяться в работе не менее дюжины раз. Я проверю.

– А как же... – Оли с отвращением посмотрел на листок, на котором он в последние полчаса со всей старательностью выводил завитушки. – Этот... этикет?

– Да, богини с этим уложением. – Махнул рукой магистр Ансельм. – Я и сам не помню ни одного пункта.

Все с облегчением выдохнули, а Отес бесстрастно сложил и убрал в карман свой листок, исписанный от края до края четким убористым почерком.

– Когда у вас первый спуск в Запретный город? – учитель подошел к своему столу.

Настроение в аудитории сразу изменилось, сонное оцепенение, в которое погрузило учеников уложение по этикету, слетело, как слетает со шляпки подхваченная ветром вуаль. Тара демонстративно разорвала листок, Мэри поправила прическу, Коррин и Оли переглянулись. Предстоящий спуск в легендарный город будоражил весь первый поток. Даже невозмутимый Мэрдок Ирсе Хоторн одернул сюртук и, словно почувствовав мой взгляд, повернул голову... Я призвала на помощь всю выдержку и воспитание, чтобы не вздрогнуть от холода в его серых глазах. Что ж, его можно было понять.

– Сегодня, – ответил Коррин.

– Хм, – Магистр нахмурился и уточнил: – Но вашу группу веду не я?

– Магистр Виттерн, – пояснила Тара. – Он сказал, чтобы мы были готовы к часу дня.

– Советую вам послушаться, и даже более того, если Йен Виттерн там внизу, – Ансельм Игри указал на пол, – велит вам упасть в грязь, вы тут же падаете, не утруждая себя тем, чтобы найти лужу посимпатичнее, иначе можете потом и не подняться.

– Но разве позавчера город не прочесали рыцари? – возмутилась Мерьем Вири.

При слове «рыцари» я сжала руки, и тут же заставила себя положить ладони на стол.

Получилось почти сразу, не то что два дня назад. Я не видела одного конкретного рыцаря с начала второго полугодия. А все потому, что дала себе слово не искать встречи. И пока мне удавалось его сдерживать. Хоть и с трудом. На самом деле я надеялась, что он найдет меня сам.

– А вчера спускались старшие курсы. – Пожала плечами дочь первого советника князя Алисия Эсток.

– И это отменяет осторожность? – удивился учитель.

– Вы говорите так, словно мы собрались спускаться в Разлом, а не в город, где живут люди и даже сам князь, – добавила Мерьем.

– Если с нами что-то случится, – поддержала подруг герцогиня. – Если... Мы вам не дети каких-то там травников.

Мэри Коэн густо покраснела и опустила голову. По мне так это было глупо. Глупо принимать слова Дженнет всерьез.

– Даже герцоги, отправляя свое неразумное чадо в Академикум, подписывают контракт, – невозмутимо пояснил магистр, – Согласно которому ваши похороны они оплатят сами.

– Но... – возмутилась Дженнет.

– Не верите мне, можете спросить отца, леди Альвон Трид, – прервал ее магистр. – А мы, по этому самому контракту, обязуемся сделать все для защиты вашей жизни и здоровья. При условии, что вы не будете нам в этом мешать. Пункт о послушании идет под номером семь, если не ошибаюсь. Хотите оспорить?

Дженнет вздернула подбородок, но промолчала. При всем своем высокомерии, глупой герцогиня Альвон Трид не была.

– Итак, – продолжал магистр Ансельм, – Перечислим основные принципы поведения в Запретном городе. Что надлежит помнить всегда? Кто начнет?

– Полная полевая экипировка, – сказал Коррин.

– Да. Еще?

– Не отходить от группы, не разговаривать с местными, не заходить ни в дома, ни в лавки, даже если будут очень просить, – добавил Отес.

– Очень точно, мистер Гиро.

– Там все не то, чем кажется, – трагически прошептала Мэри и все разом заерзали на стульях.

– Рад, что вы относитесь к этому серьезно, – кивнул магистр. – Кто назовет мне самое главное правило?

На миг воцарилась тишина, а потом заговорил Мэрдок:

– Если вам показалось что, что-то не так, значит что-то сильно не так.

– Именно, мистер Хоторн, – кивнул Ансельм Игри. – А теперь позвольте, леди и джентльмены, пожелать вам удачи, она вам понадобится. Можете быть свободны, у вас впереди большой день, идите и готовьтесь. Но помните, магистр Виттерн терпеть не может опоздавших.

– Мы знаем, – прошептала я... стоя в своей комнате, бросила взгляд на брегет, что достался мне от папеньки и добавила: – Отец бы понял.

Открыла и закрыла крышку карманных часов, которые никогда не носила. Украшения магам только мешают, искажая изменения. Эти часы достались мне по воле случая. Два года назад они сломались, и пока часовщик пытался вернуть брегет в строй, маменька презентовала отцу новые. Неделию спустя эти вернулись от мастера тикающие и отполированные до блеска, но отец не посмел сменить подарок жены. А когда их попросила я, отдал с видимым облегчением, даже не спросив, зачем мне мужское украшение. Оно мне было не нужно, но поскольку у Ильберта уже были свои часы, я задалась целью обзавестись такими же.

Отложив брегет, я схватила рапиру и торопливо закрепила ножны на поясе с ингредиентами. Клинок мелодично звякнул о крайнюю склянку, где бесшумно перекатывалась горошинка тьмы, в соседнем флаконе мерцал «осколок света», дальше «зерна пустоты», ржа, слюна тритона, паутина, «живая вода», «сухой огонь», еще с пяток склянок и целительский набор в непромокаемом мешочке. Я попрыгала на месте и сдвинула крепление рапиры, чтобы она не стучалась о пузырьки при каждом шаге.

Вышло тяжеловато. Я не рыцарь, чтобы таскать на себе два десятка разных железок и при этом умудряться, махать кликом. Не рыцарь, а маг, и спрос с нас куда больше, чем с воинов. Магистр Виттерн сказал: полное боевое снаряжение. А это значит – забранные под шляпку волосы, никаких лент и каблуков, это значит – рапира у пояса и набор ингредиентов.

Я снова посмотрела на часы, а потом пошла к двери. Остановилась, позволив себе всего несколько минут на раздумья. И все-таки вернулась обратно.

Переложила книги с туалетного столика на кровать. «Новейший этикет», десятая редакция переработанная и дополненная Ее Величеством Алолией, бабушкой нынешнего правителя; «Воздушная механика» под редакцией Картура Безрукого; «Свойства веществ», «Совместимость веществ», еще что-то о веществах...

Сведения, таблицы наложения, статистика и коэффициенты изменений, от которых двоится в глазах. Что можно изменять, а что запрещено. Некоторые зерна изменений нельзя применять к определенным веществам. К примеру, вода и молния, паутина и утренний свет. Первые две

усиливают друг друга в сотню раз, вторые накладываются, полностью гася изменения. Магистры называли такие вещества катализаторами и нейтрализаторами. Куча условий взаимодействия, доказанных формулами и научными трудами бородатых старцев, что умерли еще до моего рождения.

Второе полугодие совсем не походило на первое, когда мы со смехом мерялись силой словно ярмарочные шуты на потеху толпе.

Я отбрасывала книги одну за другой с небрежностью, которой они не заслужили.

Он лежал в верхнем ящике туалетного столика с тех пор, как я его туда положила, с тех пор как начались занятия. Хотя первые два дня таскала с собой, пока не поняла, как это глупо.

Бархатный мешочек, на дне которого спал камень рода. Одно прикосновение, и он проснется и разбудит все остальные. Тогда отец будет знать, что со мной беда.

Отец... Он взял с меня слово, что я не покину стены Академикума, что я буду учиться. Я согласилась на все, лишь бы вернуться на факультет, и тут же нарушила обещание. Граф Астер заслуживал лучшей дочери.

Я представила, как говорю магистру Виттерну, что не могу спуститься с группой в Запретный город, и выражение его лица, когда учитель посылает меня... замуж. Нет, папенька бы понял. Прикрепив мешочек к камушку к поясу (стало еще тяжелее), я снова пробежалась пальцами по пузырькам с ингредиентами. Что лучше оставить? «Горошинку тьму» или паутину? А может, обе? Понадобятся ли они мне в Запретном городе? Стоит ли таскать на себе лишнюю тяжесть в ущерб подвижности?

Это же всего лишь прогулка пусть и не в самое приятное место Аэры. Что-то подсказывало мне, магистры вряд ли отправят учеников на заведомо опасное мероприятие, во всяком случае, не учеников первого потока, от которых больше вреда, чем пользы. Нет, точно не отправят.

Вздыхнув, я оставила, все как есть. Надеюсь, мне не придется об этом пожалеть.

В третий раз бросила взгляд на часы и бросилась вон из комнаты. Милорд Йен терпеть не мог опозданий.

– Одиннадцать человек из двенадцати, – констатировал спустя несколько минут учитель, разглядывая нашу группу, собравшуюся у пятого каменного пирса воздушной гавани. – Неплохо, я думал, будет хуже. Кого нет, мистер Лорье?

– Леди Эсток, – тут же ответил Коррин.

Я оглянулась. Он прав, собрались почти все. Серьезные, взволнованные, напуганные. Даже высокомерная герцогиня рассеяно касающаяся пузырьков на поясе. Бесшабашный Оли, продолжающий запускать руку в волосы и напоминающий пугало. Серьезный Отес, пугливая Мерьем, молчаливая Мэри, Рут, Тара, Мэрдок, выглядевший в кожаной куртке так, словно собрался на прием, подозреваю, он будет так же выглядеть, если надеть на него рубище. Собранный и с беспокойством поглядывающий на небо Коррин. Бледная Гэли, на поясе которой покачивались всего три склянки. Полную экипировку, каждый понимал в меру своего разумения, в случае с подругой, уже одно то, что она надела пояс, было показателем серьезного отношения.

И я. Ивидель Астер, дочь графа Оро Кльер Астера. Вся первая группа первого потока факультета Магиус. За исключением дочери первого советника Алисии Эсток. Ее отсутствие только добавило чувства вины. Теперь уже не скажешь, что не было выбора.

Как же тяжело становиться на путь обмана и порока. Пока встанешь, семь потов сойдет, и мозги набекрень съедут. Если подумать, я совершала достойные порицания вещи и раньше. Но раньше я не давала слова отцу. Первый раз запоминается сильнее двадцатого.

– Что ж, это ее право и ее выбор. – Пожал плечами магистр. – Но магами сидя за стенами замка не становятся.

Эх, сказал бы он это папеньке.

Все, хватит. Решение принято. Я даже топнула ногой от избытка чувства.

– Можем отправляться? – спросил звонкий молодой голос и мы, как по команде, повернули головы.

На трапе легкой гондолы Академикума стояла жрица. Молоденькая девушка, на вид почти девочка, худенькая и нескладная в алом плаще, скрепленном у горла брошью в виде ключа. Значит, она уже закончила обучение. Значит, не такая уж и молоденькая.

– Леди и джентльмены позвольте представить вам Илу Трено, – сказал учитель, первым направляясь к трапу. – Она и я ваши сопровождающие на экскурсии по Запретному городу. Добро пожаловать на борт.

Я мельком отметила раскосые глаза и выступающие скулы жрицы. Имя, характерное для жителей Верхних островов в сочетании с совершенно обычной фамилией. И полное отсутствие акцента.

Через несколько минут, мы убедились, что Отес был прав, трясло на гондоле еще больше. Даже несмотря на маневрирование.

– Да, что ж это такое! – Тара бросилась собирать слетевшие с пояса пузырьки.

– Это называется конфликтом воздушных потоков, – пояснил магистр. – Не волнуйтесь, у нас опытный пилот, он справится, а если нет...

– Похороны за нас счет, – буркнул Оли. – Мы уже в курсе.

Я обнаружила, что сижу на лавке между Гэли и Коррином, вцепившись в перила, и лишний раз боюсь пошевелиться.

Ненавижу летать! Нет, неправильно. Леди не может ненавидеть, она лишь может считать некоторые вещи неприемлемыми. Так вот, я считаю неприемлемым, что эти гигантские кабачки принимают в свое нутро людей, а потом трясут их, как созревшие семечки.

– Кто знает, почему Запретный город называют «запретным»? – милорд Виттерн облокотился на подоконник и посмотрел в окно.

Сейчас к нам была обращена чистая половина его лица с правильным и тонкими чертами лица аристократа, из-за которого, наверняка, пролилось немало женских слез. А спустя миг магистр обернулся, и наваждение рассеялось. Правую половину лица мужчины наискось перечеркивал бугристый шрам. Он начинался у линии волос, пересекал бровь, веко, щеку и касался губ.

– Потому что его запрещено посещать? – высказала предположение Рут.

– Ну, это на поверхности, мисс Ильсеннинг. А можете ли вы копнуть глубже? – лицо милорда скривилось, или он пытался улыбнуться, из-за шрама не понять. – Не разочаровывайте меня, мы над Запретным городом уже неделю, все ваши разговоры только о нем и о затворнике. Неужели, никто не сходил в библиотеку и не поинтересовался историей города?

Гондолу дирижабля в очередной раз тряхнуло, и мысли о библиотеке начисто вылетели из головы. Хотя, их и так было немного.

– Рут, права. Город назван так, – неожиданно для всех ответила Гэли. – потому что его нельзя посещать. Тот, кто останется в городе после заката...

– Умрет? – испуганно спросила Мерьем.

– Нет, – ответила подруга таким тоном, словно смерть для этого кого-то была предпочтительнее. – Не захочет возвращаться обратно. Не важно есть ли у него титул, состояние, дом, семья или обязательства, он останется в Запретном городе навсегда.

– Но мы же маги, – возразил Оли и едва не свалился с лавки, когда дирижабль качнулся. – Нас даже болезни не берут.

– Маги... не маги, – еще тише ответила подруга, – не имеет значения.

– Я думала, это бабкины сказки, – сказала Мэри, и Коррин закивал.

– А как же князь? – нахмурилась Дженнет, – Он тоже не может? Тогда какой же он князь?

– Какие опасные речи вы ведете, герцогиня, – ответил Йен Виттерн. – Особенно в свете того, что если правящая династия прервется, то первым претендентом на мраморный трон станет ваш отец. Хотя, есть еще один род, не уступающий вам в древности. И в этом роду, в отличие от вашего, есть наследник мужского пола. – Милорд выпрямился и посмотрел на меня. Они все посмотрели на меня.

Опять эти разговоры о крови и наследовании. А ведь, совсем недавно кто-то пытался этого наследника мужского пола устранить, когда моего брата и отца засыпало в шахте

[2]

К тут же горлу подкатила тошнота, и остро захотелось на землю. Даже если это будет земля Запретного города.

– Перестаньте пугать студентов, милорд Виттерн, – хихикнула жрица. – Затворник снимет голову любому, кто усомнится в его праве на трон. Сила крови князя такова, что он может

ходить, где хочет. Хоть по проклятым островам, хоть по Запретному городу. Еще бы женился, цены бы ему не было.

– Так он, небось, старый уже, – высказалась Тара и тут же зажала себе рот рукой.

– Ровесник милорда, – ответила жрица, посмотрев на магистра Виттерна.

– А если вы все же сомневаетесь, герцогиня, – Учитель словно не слышал высказывания Тары. – Могу вас обрадовать, князь посещал Академикум и Льеж совсем недавно, на дни Рождающихся Дев. Это я знаю совершенно точно, так как сам организовывал охрану.

– Значит, мы можем и не вернуться? – воскликнула Мерьем, которую, видимо, не интересовал князь.

– А вы планируете заночевать в Запретном городе? – удивился милорд Виттерн, – Жаль, что не могу порекомендовать хорошую гостиницу, там их попросту нет.

– Не вижу ни одной причины, по которой мне захочется остаться в этом захолустье. –

Герцогиня тоже выглянула в окно, а у меня от одного ее вида закружилась голова.

– Но, тем не менее, люди остаются, – ответила жрица. – Не считая князя, после внеплановой ночевки в запретном городе, обратно вернулось только восемь жриц.

– Восемь жриц? – удивилась смуглянка Рут.

– Интересное совпадение. – Нахмурился Отес.

– Очень, особенно если учесть, что это не совпадение, мистер Гиро, – ответил магистр. – Только служащие Девам могут выдержать ночь в Запретном городе и остаться собой.

– Остаться собой? – нервно спросила Мерьем. – А кем становятся остальные?

– В наших архивах они получили название «других людей», – пояснила жрица.

– Моя матушка так аристократов называет, – добавил Отес, а Дженнет фыркнула.

По стеклу кабины застучали первые редкие капли начинающегося дождя.

– Люди и в самом деле становятся другими. – Вздохнула сидящая рядом Гэли. – То, что было важным ранее, утрачивает ценность, словно человека разобрали, а потом собрали заново, перепутав в голове некоторые детали.

– И маги ничего не могут с этим поделать? – возмутился Оли, хватаясь за поручень, ветер швырнул на стекла прозрачные капли.

– Конечно, маги ничего не могут, – жрица хихикнула. – А у нас в Посвящении

[3]

Запретному городу целая лаборатория работает.

– Вы читали этих «других людей»? – требовательно спросила герцогиня. – Что с ними не так?

– Читали и продолжаем читать. – Жрица оглядела притихшую группу. – И до сих пор не знаем, что с ними случается в эту переломную ночь. В воспоминаниях нет ничего, за что можно было зацепиться, хотя, мы и разобрали их на фрагменты. – При этих словах Мэрдок поморщился. – И все равно ничего. Обычная ночевка, ну, как обычная... Забываются в какую-нибудь нору, сидят трясутся, перед рассветом не выдерживают и засыпают, а по утру...

– Как вообще это происходит? – спросила Тара, а Гэли закусил губу. – Просыпаешься и думаешь, как было бы хорошо, прикупить в этом чудесном краю домик по бросовой цене?

– Примерно, – кивнула Илу. – Воспоминания о прежней жизни отдаляются и становятся неважными, как память о детстве. Мол, было и прошло. Все внимание концентрируется на происходящем здесь и сейчас. Это место, земля, здания и даже горы становятся важнее всего остального. Со временем это чувство крепнет, а воспоминания наоборот тускнеют, почти стираются, становятся размытыми картинками без эмоциональной окраски.

– А если взять такого «другого» и не слушая привезти домой? – спросила Рут.

– Бесплезно, – ответила вместо жрицы Гэли. – Придется сажать на цепь, иначе сбежит и вернется в Запретный город.

– То есть соображать эти «другие» не перестают? Знают, где купить билет на дирижабль? Знают, что это стоит денег и в какой стороне север? – уточнил Отес, бессознательно шевеля пальцами, словно ему не хватало пера и бумаги, чтоб начать записывать очередную лекцию.

– Во всем остальном «другие» остаются полноценными людьми, – ответил ему Йен Виттерн. – Они едят, спят, женятся и торгуют. Скоро сами увидите.

– Похоже на выдумки для обывателей, чтобы люди и нос в Запретный город не совали, – протянула герцогиня.

– Похоже, – не стал спорить учитель.
– Вот-вот, – согласилась Тара. – Мне нянюшка рассказывала, что по улицам Запретного города черные медведи ходят.
– А железные повозки ездят сами без коней, извозчиков и двигателей, – добавила Мэри.
– А люди бледные, как утопленники, потому что там круглый год метель и солнца не видно, – страшным голосом добавил Оли.
– Ты еще про девушку с горящими волосами, что появляется на улицах каждую ночь и заманивает путников в... куда бы то ни было, вспомни, – небрежно озвучил Мэрдок самые известные страшилки про город затворника.
Все неуверенно рассмеялись, правда Мэри тревожно поерзала, а Гэли только сильнее стиснула руки.
– Так что там с цепью? – уточнил Оли. – Если все-таки запереть в комнате или подвале. Со временем оклемается?
– Сажали мы их на цепь, – махнула рукой жрица. – Травами успокаивающими опаивали. Только бестолку все. На травах человек – не человек, а медуза. Да и травы рано или поздно заканчиваются, цепи ржавеют. Одни убытки, а семье расстройство. Проще схоронить, оплакать и успокоиться. Это просто другой человек, понимаете? Схватите на улице незнакомца, запирайте в подвале и попытайтесь объяснить, что он ваш любимый дядюшка. В лучшем случае, он будет считать вас сумасшедшим. Возможно даже знакомым сумасшедшим, но сбежит при первой возможности. Они просто не понимают, чего мы от них хотим и почему не отпускаем.
– Это какая-то магия? – в наступившей тишине спросила Мэри, и сама испугалась вопроса.
– Никаких следов компонентной магии, – печально улыбнулась жрица.
– Смотрите! – закричал Оли, указывая в окно, – Там еще один дирижабль!
Магистр Виттерн вытащил из нагрудного кармана миниатюрную подзорную трубу, раздвинул и поднес к здоровому глазу.
– Рыцари Академикума, – сказал учитель через минуту, – Заходят на посадку к восточной мачте. Мы пришвартуемся к западной. Обе группы пройдут город насквозь, начнут и закончат экскурсию на пирсах. Мы поднимемся в Академикум на той гондоле, а они на этой. – Учитель с легким хлопком сложил трубу и убрал в карман. – По крайней мере, такой план, чтобы не ходить туда-сюда лишний раз.
Крупные капли дождя ударились об борт гондолы и разлетались мелкими брызгами.
– Насколько шанс не вернуться реален? – уточнил Мэрдок.
– Вероятность пять к ста, – магистр облокотился на подоконник, вглядываясь в облака.
– А если погода ухудшится? А если поломка? Если кончиться газ? Если... – начала торопливо перечислять Мерьем.
– Если станет ясно, что взлететь не удастся, то на ночевку мы уйдем в горы. На них притягательное действие этой земли не распространяется, – отрезал учитель и посмотрел на белую шубку девушки. – Поэтому я и сказал полное полевое снаряжение, а не бальное платье.
– Но я...

– Вы должны запомнить, что Академикум – это не пансион благородных девиц. Мы здесь обучаем магов, рыцарей и жриц
[4]

– Кстати о жрицах, – добавила Илу. – Если вы все же здесь застрянете, я смогу вернуться, все рассказать. – Девушка повернулась к Мерьем. – Что передать вашим родителям?
– Перестаньте, – неожиданно вмешалась Гэли. – Это слишком жестоко.
– Вы от своего рода отказались, а мы нет, – поддержал ее Мэрдок.
Гондолу снова бросило в сторону, положив конец разговорам. Судя по образовавшейся пустоте в животе, мы пошли на снижение. И не по спирали, как раньше, а довольно резко. Кто-то вскрикнул. Я продолжала держаться за перила. Боюсь, из дирижабля меня придется выносить вместе с ними.

Запретный город оказался похож на... город. Дирижабль пришвартовался к посадочной мачте через час и двадцать минут после взлета с Академикума. Ни паровой платформы, ни каменного

пирса, лишь скрипучая деревянная лестница с шершавыми необработанными перилами. Крики серых наек и ругань рабочих – первое, что мы услышали, сойдя с трапа. Тюки и ящики с грузами были подвешены на лебедках и пяток рабочих разной степени небритости с хеканьем разгружали соседний грузовоз с выбитой цифрой один на гигантском борту. Первая Западная компания принадлежала советнику князя. И чего Алисия не поехала, коль уж ее отец ведет здесь дела?

Чуть дальше судно среднего класса, принадлежащее, судя по эмблеме, «Пути Лантье», уже опустошило трюмы и готовилось отчалить.

– Держитесь крепче! – стараясь перекричать ветер, скомандовал магистр Йен Виттерн, поддерживая поскользнувшуюся на досках Рут. – Это вам не Льеж. И даже не Сиоли. Мэрдок подал руку герцогине. Оли просто стал спускаться вслед за жрицей. Коррин, поколебавшись, предложил руку Мэри и покраснел, когда она ее приняла. Отес, так задумался, что не замечал ничего вокруг. Я спускалась следом за молчаливой и непривычно сосредоточенной Гэли. Дождь усилился, ноги скользили, в ладони впивались занозы. Спуск казался бесконечным, ступенька за ступенькой, ветер, холодные капли, покачивающиеся над головой грузы и отборная ругань рабочих.

И чем это они «другие»? Сквернословят, по крайней мере, совсем как наши, что уголь развозят. Или они прибыли вместе с грузом, сейчас закончат работу и улетят обратно?

– Неужели, я здесь? – спросила Гэли. – Если отец узнает, сойдет с ума. – Подруга спрыгнула на мокрую от дождя дорогу.

А я поняла, что спуск закончен, перед нами была уходящая вверх улица, за спиной хлопали вымпелы, и пыхтел, словно гигантский зверь, дирижабль.

– Мой тоже, – выдохнула я.

Билет 2. Свойства воды

Улица, что начиналась прямо от пирса, называлась Радужной, кто-то озаботился повесить табличку на стену ближайшего и судя по всему пустующего дома. Ничего радужного в этот хмурый день в серой дорожной пыли не было, разве что...

– А здесь теплее, чем в Сиоли, – констатировал Оли, расстегивая куртку. – Там везде лежит снег, а здесь его нет, и идет дождь.

– Разлом близко, – ответил ему Отес. – Грязевые вулканы и еще Девы знают что, – совершенно непривычно закончил объяснять наш умник.

– Мистер Гиро прав, – согласился милорд Виттерн. – Мерьем перестаньте всхлипывать и жаться к ограде. Никто здесь вас не съест. Если не можете идти, лучше останьтесь на судне, вернетесь вместе с рыцарями. Мистер Лорье перестаньте оглядываться, нас никто не преследует.

Астер... – Я вздрогнула. – Отпустите подругу, она того и гляди лишится чувств от вашей хватки. Не учебная группа, а дети малые!

Жрица в очередной раз хихикнула. Никакого воспитания, как бы сказала матушка.

Странная это была прогулка, сперва, мы нерешительно топтались на месте, потом, брели друг за другом словно овцы на заклание. Вздрагивали от любого крика найки, не в силах ни на мгновение забыть, где находимся. Каждую минуту то один то другой ученик поднимал голову к небосводу, словно солнце в любой момент могло выкинуть каверзу и прыгнуть к горизонту.

Улица то ныряла вниз, то снова поднималась в гору, гигантские судна скрылись в низких свинцовых облаках. Мэри споткнулась и вцепилась в руку поддерживавшего ее учителя, Оли спугнул роющуюся в отбросах птицу. Дома мало помалу становились все ухоженней, развалюхи сменились обитаемыми постройками, потом стали появляться двухэтажными, с крохотными садиками.

Первой остановилась Рут, что шла рядом со жрицей, на нее натолкнулся Коррин. Гэли вскрикнула, указывая рукой вперед, и я замерла на месте рядом с ней. Даже герцогиня не сдержала удивленного вздоха.

Дорога до этого уходящая вверх обрывалась на холме, а дальше... Дальше начиналась булыжная мостовая, спускающаяся к жилым кварталам Запретного города, к его центру, лежащему в низине, словно пирог на блюде. Он походил на слоеный корж, который разрешила

неумелая рука служанки, от чего линии – улицы казались не прямыми, а немного изломанными, словно их прокладывал нетрезвый градостроитель. А в центре в самом сердце города стоял дворец, и все виденное мною раньше меркло и рядом с ним.

– Отчасти я понимаю привязанность князя к этим местам, – протянула Дженнет.

Едва замечая, что делаю, я согласно кивнула.

Дворец был не просто большой, он был огромный, занимающий территорию двух-трех городских парков, но при этом каким-то легким, будто вырезанным изо льда, казалось, дыхни и он растает.

– Как глазурь на торте, – прошептала Гэли.

Темные, словно отлитые из стекла стены отражали солнечные лучи, купол похожий на тот, что установили в храме богинь в Эрнестале, венчал направленный прямо в небо серебряный меч. Оружие Небесного война, первого князя. И его первый дворец. И последний. Дворец, в котором по слухам он никогда не жил, предпочитая первый форт любимым хоромам. И все же эти «хоромы» были подавляюще красивы. Как и соседние.

– Никогда не думала, что увижу Жемчужину Альвонов, – пробормотала герцогиня, глядя на соседствующее с дворцом здание. Белоснежное и воздушное, как безе поданное к чаю. Оно тоже было украшено куполом, но гораздо меньшим, чем на княжеском дворце. На шпиле резиденции герцогов, задрал голов к небу, сидела белоснежная лисица, знак рода Альвонов Тридов.

– Дом памяти Хоторнов, – хрипло проговорил Мэрдок указывая вправо. Внешне он оставался спокоен, даже почти равнодушен, я в жизни не видела его столь взволнованным, как в тот день, когда он смотрел на шпиль серого здания, на котором восседал раскинув крылья орел. Казалось, птица вот-вот увидит добычу и сорвется в полет. – Это стоит того, чтобы спуститься сюда.

– Я тоже так подумал, – тихо ответил магистр.

– Смотрите это же... – указала Мерьем на серый замок, похожий на те, которые лет пятьсот назад брали штурмом рыцари. Ни купола, ни позолоты. Высокие гранитные стены, узкие, как бойницы, окна, кованная подъемная решетка. По обе стороны от арочного входа замерли каменные звери, его вечные охранники. Звери, которым кто-то походя снес головы.

– Серый чертог Муньера, – закончил за нее Милорд Виттерн, – Род истреблен, а замок до сих пор стоит.

– Они что, там осаду держали? – спросил, разглядывая обвалившуюся южную стену замка Оли.

– Есть легенда, что последний из полуночных волков...

– Кто? – спросила Рут, позволив себе перебить учителя.

А меня кольнуло странное чувство повторения или даже узнавания, словно я уже когда-то стояла так, смотрела на эти серые стены.

– Полуночные волки – так называли Муньеров. Волк – зверь их рода, – ответил вместо учителя Отес. – Очень старый род, когда-то бывший очень сильным.

– Именно так, мистер Гиро, – согласился Йен Виттерн. – А вам, мисс Ильсеннинг, нужно подтянуть генеалогию и геральдику. Надеюсь, новый преподаватель по этикету этим займется.

– А что за легенда? – спросила Гэли.

– Легенда не очень красивая, – продолжил рассказ учитель. – Спасаясь от убийц последний из рода Муньер с частью рыцарей успел добраться до Серого чертога и дорого продал свою жизнь. Об этом даже песню сложили, но она тоже давно забыта.

– Это же глупо, – фыркнула Дженнет, – Чтобы взять штурмом такую глыбу понадобится целое войско. И как минимум три дня. Сами же сказали, одна ночь здесь делала людей другими, поутру им просто стал бы неинтересен ни замок, ни его хозяин, который, наверняка, вышел бы сам. И они одной дружной компанией отправились бы на осмотр достопримечательностей.

– Может так, а может и нет. Мы видим то, что видим. Замок штурмовали после исхода людей.

Подробности история не сохранила, только песню, – подвел итог магистр.

Мы молчали, разглядывая дворцы знати, что окружали замок князя, слово воины-телохранители. На каждом красовался знак рода. Рысь Стентонов, сова Оуэнов, кабан Виттернов, змея Астеров и еще с десяток животных. И все с головами. Кроме волков.

– Когда-то это место называли золотым кварталом, – продолжил Йен Виттерн. – Но если подойти ближе, то увидишь, что позолота давно облетела, а мрамор стен растрескался и порос вьюном.

– А мы подойдем? – все так же напряженно спросил Мэрдок.

– Нет, мистер Хоторн, не подойдем. Наш путь лежит на восток, вон к той мачте. – Магистр указал на теряющуюся вдаль вышку для дирижаблей, – Заденем город всего лишь краем. Илу, теряем время. – Учитель кивнул жрице, и та пошла вперед.

– Говорят, где-то там зал стихий, куда запрещено заходить магам без сопровождения князя, – завистливо проговорил Оли и, бросив взгляд на золотой квартал, начал спускаться по улице следом за жрицей.

– А почему запрещено? – спросила Мэри.

– Потому что магия, что течет в нашей крови, там оживает. И никому не под силу сдержать ее кроме затворника, – ответила герцогиня.

– Его еще называют залом камней, говорят, он выложен им от пола до потолка, – серьезно добавил Коррин и тоже двинулся за сокурсниками.

– Это уж точно сказки, – натянуто рассмеялась Рут.

– Что это? – шепотом спросила Мерьем оборачиваясь.

Я тоже повернула голову, и на минуту холод нехорошего предчувствия ужом скользнул под кожу, заставляя поежиться. От западной вышки стартовал дирижабль, его очертания уже терялись среди облаков, но в самое первое мгновение мне показалось, что этот тот самый, на котором мы спустились из Академикума. Но этого не могло быть. Наш будет дожидаться рыцарей, как их судно будет дожидаться нас.

– Это наверняка, грузовой «Пути Лантье», – ответил магистр. – Хватит пугаться собственной тени. Идемте, леди Вири и вы леди Астер, времени осталось не так много.

Улицы становились все оживленнее, появились мелкие лавки и стеклянные витрины. Булочник в белом переднике подмигнул Мэри и приглашающе указал на дверь пекарни. В сыроварне напротив дородная матрона выставляла на прилавок головки сыра, а маленькая девочка с большим бантом на макушке, пыталась вытащить из-под них кружевную салфетку и запихать в рот. Мужчина вез полную тачку камней, несмазанные колеса скрипели. Нас обогнал мальчишка в расстегнутом пальто, с вихрастой головы слетела кепка. Пацан нагнул, подбирая головной убор, бросил краткий взгляд на жрицу и побежал дальше, явно не собираясь кусаться, как наверняка думала вздрагивающая Мерьем.

Люди улыбались и склоняли головы, иногда что-то кричали вслед. И никаких черных медведей. Пока, во всяком случае.

Первым расслабился идущий сразу за жрицей Оли, походка которого перестала напоминать иноходь деревянного пони. Потом Мэри начала что-то вполголоса рассказывать Таре. Я взяла Гэли под руку, в шутку указав на мастерскую, на вывеске которой были нарисованы катушка ниток и игла. Только походка по швейным мастерским Запретного города нам и не хватало. Даже Рут перестала вертеть головой, как флюгер на доме садовника. Мэрдок разжал ладонь, что неосознанно все время держал на рукояти рапиры. Последней перестала всхлипывать Мерьем и даже герцогиня брезгливо отбросила с мостовой на обочину высохшую капустную кочерыжку.

– А почему нигде нет собак? – спросил Оли проследивший, как капустный огрызок подкатывается и исчезает в сточной канаве. – И кошек?

– Рад, что вы перестали вспоминать небылицы и начали думать, мистер Ревьен, – ответил милорд Йен, за локоть которого все еще цеплялась Мерьем.

– Нет не только собак и кошек, – задумчиво добавил Коррин. – Нет ни крыс, ни свиней, кур, лошадей. Ни одной скотины, кроме человека.

– Сколько мы уже идем? – спросила я у Гэли, но та только пожала плечами. – А до сих пор не видели ни одной повозки, лишь тот мужик с тачкой? А мобили? – Я обернулась к учителю, – Почему нет мобилей?

– Местные не умеют управлять мобилиями, – кивнул магистр. – И не проявляют ни малейшего интереса к учебе или к покупке оных. Они также не ездят на телегах и каретах, даже князь вынужден передвигаться по городу сам.

– Но почему? – удивился Оли.

– Потому что, мистер Ревьен, – магистр Виттерн поравнялся с Мэрдоком, снял со своего локтя ладонь Мерьем и «передал» девушку графу. – Здесь нет лошадей, которых можно запрячь. Даже коз и тех нет. Не приживаются в Запретном городе никакие животные, кроме серых наек. – Мужчина проследил взглядом за грузной птицей взлетевшей с обочины.

– Как так? – снова спросила Рут. – Крысы, тараканы и люди живут везде, так наша кухарка говорит.

Дженнет сморщила нос, подбирая подол платья и обходя большую лужу.

– А этого мы тоже не знаем, – жизнерадостно ответила жрица. – Кошки сбегают сразу, стоит только открыть транспортировочный ящик, без которого вы кису сюда вообще не довезете, удерет раньше, исцарапав любимой хозяйке руки.

– А собаки? – поинтересовалась Мэри.

– Собаки оказались покрепче. Одно время их даже завозили, но потом... – Девушка поморщилась. – В один день они все как по команде взбесились. Разом. Пришлось отстреливать.

– Та же ситуация и с лошадьми, – вставил учитель, – Крыс даже не проверяли, но ни в одной булочной, ни в одном амбаре вы не найдете и следов грызунов.

– Так может, это и неплохо, – заметила Рут.

– Так может, ты здесь себе и домик присмотришь? – высказалась герцогиня.

А мужчина что шел нам навстречу, склонил голову и коснулся пальцем старомодного котелка.

– Тогда откуда это все? – спросил Отес, останавливаясь напротив мастерской цирюльника, – Молоко? Масло? Хлеб? Мы говорим об амбарах и грызунах, но где тут сеять, в конце концов?

– Хороший вопрос, мистер Гиро, – согласился учитель. – В дне пути на север есть деревушка, вообще-то сейчас разросшаяся в большое село, что живет за счет поставок продовольствия в Запретный город. Молока, масла, яйца, что-то там еще, – пожал плечами магистр, – свозят к северным воротам, но в город не заходят. Местные сами забирают товар на торжище. – Он указал рукой куда-то за золотой квартал. – Остальное завозят дирижаблями, хоть и дороговато выходит.

– По крайней мере, есть способ избавиться от этой язвы на Чирийском хребте, – лениво проговорила герцогиня, – Перекрыть поставки продовольствия на полгода и дело с концом.

– Ваша доброта, леди Альвон Трид, не знает границ, – процедил учитель. – Надо подать эту идею магистрам. – Он говорил спокойно и рассудительно, лишь рука рассеянно коснулась эфеса рапиры. – Интересно, как к этому отнесется князь? – Улыбка Дженнет увяла. – Я понимаю, на простых людей вам наплевать, но затворнику вы сами готовить будете? Как на это посмотрят остальные? Те, кто оставили здесь члена семьи? И пусть местные помнят о родных смутно, то эти самые родные на память не жалуются. Вряд ли вам позволят устроить массовый голод, верно, леди Миэр?

Подруга вздрогнула, но не ответила.

Из мастерской выше по улице вышел брандмейстер. Поздоровавшись с мужчиной в цилиндре, жестом предложил тому присесть на один из стульев под навесом.

– А чирийское железо кто будет к Разлому таскать и заговаривать? – уточнил у герцогини Оли. – Если местные перемрут, мы останемся без клинков.

– Не останемся, – ответил ему Отес.

– Самое распространенное заблуждение, – согласился с парнем учитель, – Что путь черного железа лежит через Запретный город.

– А это не так? – спросила я.

– Нет, леди Астер, не так. Металлы закаляют в Разломе, а не в Запретном городе. –

Усмехнулся учитель, поворачиваясь ко мне изуродованной щекой. – Путь черного железа лежит в стороне. Восемьдесят процентов чирийского металла поставляют от врат демонов [5]

, остальные двадцать идут через Гиблый перевал, поэтому...

– Запретный город нам не нужен, – сказала Мэри и испугалась собственных слов. Мэри.

– Именно так, мисс Коэн, – процедил учитель, а девушка смутилась. – Но для остальных все едино: черное железо, Разлом, Запретный город, Проклятые острова, Врата демонов – все это где-то там далеко на севере. Далеко и одинаково страшно. Но пусть это останется между нами, а то герцогиня и вправду подаст отцу мысль избавиться от местных жителей.

– Я всего лишь сказала, что есть способ, – недовольно пояснила Дженнет. – И все!

– Этот способ не работает, – неожиданно вставила жрица, – Местные могут покидать город. Они просто не хотят этого делать. А в этих лесах, – она посмотрела на горы, – полно живности, и умелый охотник без еды не останется. Мертвые и выпотрошенные звери обычно с радостью пересекают городскую черту и ведут себя на удивление тихо.

– Я поняла. – Раздраженно дернула плечом Дженнет.
– Вряд ли, – печально сказал магистр и взмахнул рукой, приказывая продолжить движение. Бладобрей накинул на присевшего мужчину полотенце и достал сверкающее лезвие.
– Как-то странно я себя здесь чувствую. – Рут поежилась. – Словно в лавке кукольника, только марионетки не маленькие, а в полный человеческий рост. Люди ходят, говорят, торгуют, но... – девушка не договорила.
– Словно все это спектакль, – прошептала Гэли. – А мы в нем зрители. Все остальное время они, – она посмотрела на цирюльника и его клиента, – Лежат в своих домах – коробках в ожидании, когда их извлекут.
Бладобрей что-то сказал клиенту, и они рассмеялись.
– Как лубочная картинка на стене, – прошептала Мэри.
И в этот момент цирюльник поднял голову и посмотрел на меня. Будто услышал. Посмотрел и лезвие в его руках, ожило и описало дугу вокруг пальцев, словно металл вдруг расплавился и стал подчиняться малейшему их шевелению. Таким быстрым оно было. И таким знакомым. На меня так уже смотрели, пусть тогда взгляд был мимолетным, но лезвие так же ластилось к пальцам того, кто его держал. Тогда это был слуга моего отца, сейчас же...
Бладобрей опустил голову и снова заговорил с клиентом. Бритва снова стала бритвой, а тень, на миг промелькнувшая в глазах мужчины, исчезла. Да и была ли она на самом деле?
Все произошло слишком быстро. Я заморгала. Может, мне все это привиделось? Как говорит маменька, все болезни от нервов: и простуда и обмороки.
– Лубочная – восточная – чесночная, – нараспев произнес Оли. – Без разницы. Улечу и думать забуду.
Мерьем рассмеялась, пусть и слегка нервно.
– Напомните мне прочитать для вашей группы лекцию на тему: Массовая истерия и ее последствия, – серьезно сказала жрица.
– Иви? – подруга потянула меня вперед, а я поняла, что все еще стою и пялюсь на цирюльника, который уже невозмутимо бреет клиента. – Иви, все в порядке?
– Не знаю... Да, просто задумалась.
– Давайте-давайте, осталось всего ничего. – Магистр Йен указал на возвышающуюся над кварталами мачту. Из-за низких облаков сложно было понять, сколько к ней пришвартовано судов и пришвартовано ли вообще.
Всего полчаса, и я улечу отсюда. Сейчас даже болтающийся в воздухе дирижабль, казался мне надежнее этой земли под ногами. Не одну меня одолевало такое желание, потому что теперь шли быстро, лишь изредка поднимая взгляды к домам и тут же опуская их. Через десять минут мы услышали звук текущей воды, а еще через три вышли к каменному мостику. Кричали найки. За первым каналом перечеркивал мостовую следующий, а потом еще один и еще, пахло водой и тиной.
– Эту часть города изрыла вода. Река Чиять берет свое начало в горах, но выходит на поверхность только здесь в Запретном городе, а потом снова ныряет под землю. Местные не любят этот район, так же как и золотой, – пояснила жрица, первой ступая на мост.
– Почему? – спросила я.
– Мы не знаем, словно кто-то объявление в газете дал: грядет наводнение, просьба не занимать дома на восточной улице.
Я посмотрела на темные окна, они и впрямь были грязными, правда вон тот дом кажется жилым и этот...
– Там в окне женщина, – указал рукой Оли.
– Численность населения медленно, но растет. Естественная миграция отсутствует. Домов, оставленных жителями, после... – Магистр задумался и спросил: – Кто скажет мне, когда этот город покинули жители?
– Примерно через пятьсот лет после образования Разлома, – выкрикнул Оли.
– А если точнее то, через четыреста девяносто один год, – поправил его Отес. – Говорят, без видимой причины бросили все, что не могли увезти или унести, ушли через перевал Ветров. Дошла лишь треть.
– Именно так, мистер Гиро. Так вот, дома постепенно заселяются, приводятся в порядок или разрушаются, но когда-нибудь закончатся даже развалюхи и жителям придется селиться здесь. Собственно, они уже селятся. Альтернатива только строить.

– Ну нет, – фыркнула Дженнет. – Если, не дай Девы, останусь здесь, то я предпочту золотой квартал и жемчужину Альвонов.

– То есть вы хотите сказать, раньше эта земля не держала людей? И не отнимала у них память? – спросила Мэри.

– Отвечайте, мистер Гиро. – Улыбнулся учитель, – Раз уж начали.

– Сперва нет. Раньше, до исхода людей, жить так близко к Разлому считалось чуть ли привилегией. Построить дом рядом с первым дворцом князя было престижно. Потом случился массовый исход, и город опустел. Несколько десятилетий это место пустовало, но в пятьсот пятьдесят первом году от образования Разлома, здесь пропал целый отряд. Вернее, все думали, что он пропал, а они просто решили остаться.

– Так они и заявили прибывшим им на выручку наемникам, – добавил Отес. – Видимо, меценат этого предприятия озаботился послать.

– Что за отряд? Что за наемники? – спросил Коррин.

– Охотники за сокровищами, из тех, кто думал пожить в брошенных дворцах знати, – ответил магистр.

– Грабеж дело выгодное, – пробормотала Гэли.

– Но и второй отряд на свою беду решил заночевать на этой гостеприимной земле, – продолжал парень. – Когда магистры заподозрили неладное, тут уже обживалось пять десятков человек. Они слышать не хотели ни о возвращении, ни о сокровищах знати.

– Смотрите, кто идет! – прерывая рассказ, закричал Оли, первым минуя мост и взбегая на следующий.

Нам навстречу шла группа рыцарей. Такая же первая группа первого курса. Мечи, плащи, метатели на поясе, на ком-то кольчуга, на ком-то нагрудник, у одного даже шлем. Полное снаряжение они тоже поняли по-своему.

Первым напротив Оли остановился Вьер и тут же получил тычок в плечо от друга.

– Живой? – спросил Оли.

Бывший сокурсник с тоской посмотрел на нашу группу, потер свежий синяк на скуле и ответил: – Не уверен.

Вьер не сдал экзамен за первое полугодие и по всем правилам его должны были отчислить. Какими правдами и неправдами парень смог уговорить совет оставить его в Академикуме, неизвестно, но уговорил. Его перевели на факультет рыцарей, раз уж его магия, спряталась так глубоко, что теперь до нее не могли достучаться даже магистры.

Я вспомнила его зеленую жижу на экзамене, улыбнулась и... Встретилась взглядом с синими глазами и забыла про все на свете. Про Запретный город, про тень демона, про странности местных жителей и жирных серых наек, про учителя и одноклассников – про все.

Как давно я не видела Криса? Несколько недель? Месяц? А казалось, что целую вечность. И даже успела забыть насколько пронзителен его взгляд, насколько он лишает равновесия, насколько...

Вру, ни на минуту не забывала. Почему так? Почему любовь – это не серенады под окном, а вот такие вот украденные у судьбы секунды? Почему влюбленный, получив такую малость, чувствует себя так, словно ему подарили весь мир. Мне подарили. Когда Крис рядом, стоит и вот так смотрит, вся Аэра принадлежит мне.

– Иви, идем, – зашипела Гэли, – На нас смотрит милорд.

И я пошла. Каждый шаг приближал меня к рыцарям на мосту. Подруга говорила что-то еще, магистр поздоровался со старшим рыцарем, что вел группу молодых людей. Дженнет хмыкнула. Отес о чем-то думал. Мэрдок... Не знаю, было не до него. Мы поравнялись с рыцарями. На один миг мы с бароном оказались друг напротив друга, и он поднял руку, касаясь непокрытой головы, словно приветствуя, а потом опустил ее. Шаг и мы разминулись. Вот и все. Один взгляд, несколько секунд на расстоянии вытянутой руки и ни одного слова. Это жестоко! Так и тянуло разреветься от несправедливости.

Я не выдержала и оглянулась. Кристофер все еще смотрел на меня. Не отвернулся по обыкновению, не пошел дальше. А смотрел вслед, словно хотел... Хотел... Сердце забилось.

– Иви, я не могу тащить тебя, – сквозь зубы произнесла подруга, и я лишь на миг отвела взгляд от Криса, увидела, как минут мост Мэрдок, а когда оглянулась снова, увидела лишь спину удаляющегося рыцаря и догоняющего группу милорда Виттерна.

– Он чем-то встревожен, – шепнула Гэли. Мне потребовалось несколько секунд, чтобы понять, она говорит не о бароне Оуэне. – Что-то ему сильно не понравилось в сопровождающем рыцарей магистре.

Она проводила взглядом обогнавшего нас учителя. Милорд Йен подошел к жрице и начал что-то обеспокоенно ей объяснять. Я снова оглянулась, но «моего» рыцаря уже не было видно.

– Что в нем может не понравиться?

Вместо ответа Гэли приложила палец к губам, так как мы как раз поравнялись с учителями.

– Кто изменил расписание? – спросил у жрицы Йен Виттерн. – Должна была спускаться другая группа рыцарей.

– Не имею ни малейшего понятия. Это наверняка в Ордене напутали. – Пожала плечами девушка. – Да и какая разница, что одна группа, что другая.

– Вы не понимаете. – Учитель посмотрел на нас, взял жрицу под локоть и повел вперед. – Для этой группы предусмотрена совсем другая программа.

– Что происходит? – спросил Мэрдок.

– Не знаю, – ответила я.

– Милорд Йен чем-то недоволен, – добавила Гэли.

– Это мягко сказано, – вставил идущий справа Отес. – Он почти в ярости. Видимо что-то не так.

– Хм... – Мэрдок поднял брови и повторил слова магистра Игри: – Если вам показалось что что-то не так...

– Что-то очень сильно не так, – закончила я.

– Именно, – согласился парень и, сделав шаг вперед, позвал: – Милорд Виттерн.

Учитель недовольно обернулся. Напуганная жрица переступала с ноги на ногу. Я увидела, как рука Мэрдока скользнула за спину под куртку и сжалась на рукояти ножа. – Что-то случилось? Мерьем на всякий случай всхлипнула.

– Ничего такого, чтобы казалось вас, мистер Хоторн, – недовольно ответил учитель.

– И все-таки... – не отступал Мэрдок.

– Пожалуйста, скажите нам, – попросила Мэри.

– Что не так с этой группой? – спросила я.

Учитель разглядывал наши лица с таким видом, словно никак не мог решить рассказать нам или выпороть розгами. Жрица натянуто рассмеялась и уже собралась ответить вместо милорда Виттерна. Ответить несомненно что-то пренебрежительное, где главными словами будут: «истерия» и «мнительность», а может, очередная угроза внеплановой лекцией.

– Не надо, Илу, – остановил ее учитель. – Проще сказать, чем объяснить, почему это не их дело. Ты сама видела, как легко они впадают в крайности.

Он посмотрел на всхлипывающую Мерьем, потом на Мэрдока. Парень все так же продолжал стоять на месте, и все так же сжимал ладонь на рукояти кинжала за поясом. Он ждал. Мы все ждали.

– Для группы, что спустилась одновременно с нами, была разработана специальная программа хм... Скажем так, развлечений в Запретном городе. И эта группа должна была спускаться только завтра и в одиночестве, чтобы ненароком никто больше не огреб этих развлечений. –

Магистр вздохнул и спросил: – Удовлетворены? – И тут же голосом, в котором появились стальные нотки, скомандовал: – Первая группа к восточной мачте бегом марш! И перестаньте скулить, Мерьем! Мистер Хоторн, уберите руку с ножа, не ровен час порежетесь. Я все равно быстрее вас, хотите узнать насколько? Дерзайте, но потом, лежа в доме целителей, не жалуйтесь. Я сказал, бегом! – рявкнул он так, что подпрыгнули все, даже жрица.

И мы побежали. Скорее растерянные, чем напуганные. Я несколько раз обернулась, но рыцари уже миновали мостик и скрылись за поворотом. Юбки путались и мешали бежать, Гэли шумно дышала рядом, Мерьем вопреки ожиданиям держала темп наравне с парнями, отставала только Рут, да и то всего на несколько шагов. Мелькали обветшалые дома, изгибались улицы, чернели влажной корой голые ветки кустов и деревьев.

Первым к воздушной вышке выбежал Оли, охнул, взмахнул руками и поскользнулся на влажной, раскисшей от дождя земле и упал в грязь. Мэри едва на него не налетела. Мэрдок помог ей сохранить равновесие. Тара и Коррин встали рядом. Герцогиня запнулась, уронила придерживаемый подол прямо в лужу и даже не обратила на это внимания. Остановилась Гэли едва не касаясь замершего впереди Мэрдока. Я ощутила настоящую потребность разреветься. Учитель выругался.

На самом деле ругался целую минуту, а мы продолжали смотреть на восточную вышку. Абсолютно пустую мачту. Без единого пришвартованного дирижабля.

– Да чтоб того, кто с расписанием намудрил, богини в услужение демонам разлома отправили с правом на размножение, – закончил учитель.

– И проследили, чтобы этим правом воспользовались, – добавила жрица.

– М-м-магистр... – начала запинаясь Мэри.

– Прекратить панику!

– Да мы еще собственно и не начинали, – процедила Дженнет, и лишь дрогнувший на последнем слове голос выдал ее волнение.

– Та группа должна была спускаться в одиночестве, поэтому дирижабль и улетел, – процедил Йен Виттерн, подходя к ваяющемуся у обочины деревянному ящику и рывком ставя его на торец.

– Но в Академикуме же быстро поймут, что совершили ошибку, да? – жалобно спросила Мерьем. – И пришлют другой? Ведь, правда?

Ей никто не ответил. Магистр расстелил на ящике карту. Ветер трепал углы бумаги.

– Может быть, сейчас прилетит грузовой? – продолжала спрашивать девушка и вдруг, повернувшись к Гэли, схватила ее за руку. – Твой отец владеет транспортной компанией, не бросит же он тебя здесь...

– Не бросил бы, – подруга старалась вырваться из хватки Мерьем, – если бы знал, что я здесь. Не бросил бы, если бы здесь было хоть одно наше судно. Но отец не поставляет товары в Запретный город.

– Ну и дурак! – высказалась герцогиня.

– А еще говорят, высокородные не сквернословят, некоторые даже грузчикам фору дадут! – в голосе Гэли слышались слезы.

– Ах ты, безродная купчиха...

– Заткнулись все! – рявкнул магистр, – В Академикуме табель о рангах обсудите, как и экономическую ситуацию на Аэре. А сейчас, если не хотите здесь заночевать, заткнитесь и слушайте. – Он склонился над картой, Мэрдок и Отес подошли ближе, жрица все еще задумчиво смотрела на вышку. – Есть два варианта.

– Целых два? – не выдержав спросила я. Все что приходило в голову, это опрометью бежать обратно к «нашему» дирижаблю.

– Да, Астер. Еще раз перебьете, специально для вас будет и третий. Варианта два. Первый – прямо сейчас уходить в горы и обустроиваться на ночлег, а по утрам идти в то село, что поставляет продукты в Запретный город. Но думаю, нас хватятся раньше. Второй... – Учитель провел рукой по карте, не давая ветру в очередной раз заломить угол. – Второй вернуться к нашему дирижаблю одновременно или раньше рыцарей, так как его грузоподъемность позволяет взять на борт всех.

– Это если в список развлечений для рыцарей не входит ночевка в Запретном городе, – тихо проговорил Мэрдок. – Это если и тот дирижабль не улетел.

Очень тихо, но все услышали.

– Ты в своем уме? – рявкнул на графа Оли, – Ты сказал, что магистры обрекли целый курс на жизнь и смерть в Запретном городе? Спятил?

– Следи за языком, – повернулся к нему Хоторн.

– Это тебе бы не мешало...

Он еще говорил, а Мэрдок уже действовал. Нож лег в ладонь, граф пригнулся, собираясь атаковать, а Оли... Оли только успел округлить глаза и сделать шаг назад, поднимая руки, в которых едва появились зерна изменений. Неяркие, блеклые, безнадежно опаздывающие. Миг и нож полетел бы ему в голову...

То, что произошло дальше, было настолько неожиданным, насколько и ожидаемым, как бы безумно это не звучало. Учитель и в самом деле был быстр. Одно скользящее движение и вместо того, чтобы бросить нож, Мэрдок с размаху ткнулся головой в карту, а стоящий за его спиной магистр вывернул парню руку, заставляя графа нагибаться все ниже и ниже. Нож Хоторна, отгрызаясь голубыми искрами, упал на снег. Чирийское, закаленное в Разломе, железо, не подчиняющееся никому кроме хозяина.

– Как вы, мистер Хоторн? – спросил учитель.

Парень дернулся, но освободиться не смог. Магистр усмехнулся и ткнул его лбом в карту еще раз. Лист такого варварства не выдержал и порвался, голова ученика оказалась крепче и кровь из ссадины закапала только после третьего головоприкладывания к ящику.

– Ах ты! – закричал Оли, изменения на кончиках его пальцев вспыхнули, – Да я тебя...

– Пожалуйста, – взвизгнула Гэли, но ее перебил ледяной голос жрицы:

– Ну-ка, хватит! – рука Илу, еще минуту назад затянута в перчатку, замела напротив лица Оли. Одно прикосновение, и если захочет, она заставит его считать себя курицей несущей яйца.

– Собаки взбесились через несколько дней, – тихо произнесла Рут.

Магистр выпрямился, не отпуская Хоторна, но и не тыкая его больше лицом в ящик.

– Всегда надеялась, что мы покрепче собак, – произнесла Илу, глядя на Оли, парень тяжело дыша опускал руки, зерна изменений погасли. – И даже верила в это. Только вот мне сейчас самой хочется вам всем... – Она изобразила рукой жест, очень похожий на тот, которым кухарка сворачивает головы курам.

– Милорд, – прохрипел Мэрдок.

Учитель тут же разжал руки и чопорно проговорил:

– Прошу прощения, мистер Хоторн.

– Я сам виноват, мистер Виттерн, – сокурсник поднял упавший на снег нож.

– Да, виноваты. – Учитель придержал карту и совсем другим голосом спросил: – Кто-то еще сомневается в том, что там рыцарей ждет дирижабль? Скажите сразу, чтобы мы потом не тратили время на разбирательства.

Группа молчала. И я вместе с ними, такая же тихая и напуганная.

– Нижайше прошу прощения, мистер Ревьен, – едва заметным движением обозначил поклон Мэрдок.

– Я принимаю ваши извинения, граф Хоторн и приношу свои, – поклон у Оли вышел немного неуклюжим, но все же.

– Если инцидент исчерпан, продолжим обсуждать второй вариант. Нам нужно вернуться к дирижаблю. Трудность в том, чтобы обойти группу рыцарей и не попасть в их список «развлечений».

– Могу я спросить, что это за развлечения? – с беспокойством уточнил Отес.

– Можете, мистер Гиро. – Учитель снова склонился над картой. – В основном это проверка на эмоциональную устойчивость, которую вы не прошли. На умение действовать в группе, и навык отличать миражи от реальности. Самое опасное, что их ждет на пути к вышке, это атака мороков. Страшные на вид, они на деле подпитываются яростью, чем ожесточеннее вы с ними деретесь, тем более сильный отпор получаете. Если не проявлять агрессии, то у них не будет сил даже на материализацию, и сквозь них будут просвечивать стены домов.

– А если подпитывать – поинтересовался Коррин. – Что они могут? Разорвать на части?

– Нет. Они нематериальны и максимум укусят.

– Ничего себе «развлечение», – пробормотала герцогиня.

– Но даже тогда, вас ждут всего лишь неприятные ощущения, когда чужая магия осядет на коже. Сами убедитесь, когда у вас начнется конструирование личин, миражей и видений. –

Учитель указал на карту. – Мы можем обойти группу рыцарей и даже чуть сократить путь, если пройдем вдоль золотых кварталов.

– И в чем трудность? – спросил Оли.

– Ни в чем, – исчерпывающе пояснила жрица и, видя, что магистр собирается ей возразить, добавила: – Кроме того, что местные без нужды туда не суются, у нас нет никаких доказательств того, что золотые кварталы опасны. Они просто построены так, что заплутать там, раз плюнуть. Но у нас есть карта, поэтому давайте не будем медлить.

– Во избежание возможных конфликтов, предлагаю решить сообща. – Магистр Йен сложил карту. – Кто за то, чтобы сразу уходить в горы?

Первым поднял руку Коррин, следом Мэри и, наконец, к моему удивлению, Гэли.

– Кто за то, чтобы вернуться к западной вышке?

Мэрдок вытер рассеченный лоб и поднял ладонь, его жест повторил Оли, за ним Рут и Тара. Поколебавшись, кивнула учителю герцогиня, Мерьем подняла сразу обе руки. Подумав, вскинул ладонь Отес. И я. Вернуться с рыцарями на одном дирижабле это именно то, чего я хочу. Убраться с земли Запретного города как можно скорее и еще раз увидеть Криса.

– Отлично, значит, возвращаемся к западной вышке. – Учитель оглядел пустынную улицу. – Упражнения для подавления стихии все помнят?

Не знаю, как остальные, а я кивнула.

– Если вдруг станет совсем неважно, если захочется придушить меня или сокурсника, сразу начинайте повторять. И еще... – Он снова посмотрел всю нашу группу в целом и каждого в отдельности и попросил: – Посмотрите на небо?

Мы послушно посмотрели. Я ничего крамольного, кроме висящего над горами солнца да низкой пелены свинцовых облаков не увидела. А ведь, где-то там Академикум – наш летающий остров.

– До заката еще несколько часов. – Улыбнулся магистр. – А до вышки час. Мы успеем.

– Ваши бы слова, да богиням в уши, – пожелал Коррин.

– Напоминаю, на западной вышке помимо нашего судна, пришвартованы еще два грузовых. Мы улетим, даже если мне придется взять в плен всю команду. А сейчас предлагаю не тратить время попусту, Оли вы со мной, Илу и Мэрдок вы замыкаете. Не мешаем, не отвлекаемся на местных и на вопросы. Если таковые возникнут, зададите по пути в Академикум. Все ясно? Тогда, за мной.

Обратный путь был совсем иным. Никаких разговоров, никаких шепотков и остановок. Мы почти бежали, не отводя глаз от дороги. Вода, продолжая журчать, скрылась под мостовой. Пустынные улицы идущие вдоль речных каналов снова сменились оживленными кварталами. Женщина развешивала белье, другая громко ругалась из открытого окна. Мужчина чинил крыльцо, девочка ревела, прижимая к себе тряпичную куклу...

Нас снова окружала жизнь, какая бы странная они не была.

Молодой человек, еще не выросший из подростковой неуклюжести подбежал к Мэри и протянул поникший цветок, который, наверняка, долго мял в руках. Девушка отшатнулась от него, как от больного коростой. Парень растеряно заморгал, на лице появились удивление и обида. С ним поравнялась Гэли. Подруга грустно улыбнулась пареньку и подняла цветок с земли. Мерьем испуганно охнула. Мальчишка заулыбался и, сдернув с головы кепку, помахал вслед.

– Ты не в себе, Миэр? – спросила герцогиня.

И эти слова стали единственными произнесенными вслух. Гэли не ответила, продолжая идти вперед и держа в руках цветок мальчишки.

То, что мы подошли вплотную к золотым кварталам, я поняла, когда подняла голову и увидела на массивных металлических воротах отлитый из бронзы знак. Наклонивший голову бык с блестящими, словно отполированными рогами. За качающимися ветками деревьев стоял дом, почти дворец с колоннами и балюстрадой. Он чем-то напоминал Первое гнездо змея, что я увидела на картине в кабинете отца. Старой и выцветшей, на которой дом казался покрытым трещинами, словно рассохшаяся краска с картины перенеслась на каменные стены.

Мы шли дальше. Еще одни ворота, еще один знак, пустынный волк, костлявый и горбатый. Мы шли в тишине, которая подобралась к нам исподволь, остались позади женские крики, детский плач, стук молотка и даже серые найки затихли.

– Осталось всего два квартала, – напряженно сказал учитель. Возможно, даже слишком напряженно. – Ориентируйтесь на вышку. – Он указал на показавшуюся над домами конструкцию. Мачту, к которой до сих пор были пришвартованы два судна. Их пузатые бока блестели от дождя.

– Дирижабли еще там! – закричала Мерьем, и в ее голосе прозвучало такое сильное облегчение, такая настоящая радость, что заулыбался даже Мэрдок. Скупое, но все же.

Мы даже прибавили шагу, желая как можно быстрее оказаться у пассажирской корзины. Мы почти бежали. Цель была так близка, и были бы у нас крылья, мы бы улетели. Но...

Вместо того чтобы обогнуть флигель с куполообразной крышей, магистр вдруг остановился и поднял руку. Герцогиня едва слышно застонала. Да что там, я сама едва не закричала, приказывая ему двигаться дальше! Вышка казалась такой близкой, осталось протянуть руки и взять, привязанный к ее макушке шар, словно игрушечный.

Коррин держался за бок, Гэли мяла в руках цветок того парня, Илу отряхивала грязь с плаща, Мэрдок поддерживал жрицу за руку. Я поняла, почему они остановились, как только подошла ближе. Услышала пока еще отдаленный звук, который ни с чем не спутаешь. Звук сражения.

Крики, ругань, отрывистые команды, звон железа и скрежет.

– Это их бой, – сказал учитель. – Их урок. Не вмешиваться!

– Мы и не собирались, – честно ответила Тара, прерывающимся голосом.

– Обойдем там. – Жрица указала рукой на улицу с другой стороны здания с куполом. – И выйдем к вышке правее, но все рано успеем первыми.

– Живо, – скомандовал учитель. – Обходим!

Да. Все правильно. Мы должны были обойти. Это не наш урок. Мы не лезем на плац рыцарей, а они в наши лаборатории. Мы не врываемся в аудитории и не прерываем уроки друг друга.

– Астер, я сказала, живо!

Я обернулась. Почти вся группа уже была на соседней улице, лишь, Гэли стояла рядом с задержавшимся учителем. И Мэрдок, который даже не сдвинулся с места. Он так же как и я смотрел туда где шел бой.

– Хоторн! Это приказ! Либо вы ты его исполняешь, либо вылетаешь из Магиуса. Астер, тебя тоже касается. – Учитель повысил голос, и парень уже сделал шаг к остальным, когда...

Из-за дома появился один из рыцарей. Он медленно пятился, все тело наряжено, словно пружина, в каждой руке по ножу, которыми он отмахивался от противника.

Это морок?

Рыцарь отступал от зверя, железные когти которого скребли по старой мостовой высекая искры. Не живая и не мертвая тварь похожая на росмаху, только выкованную из железа, с подвижными пластинами суставов и стоящими иглами вдоль хребта.

Я видела похожую тварь однажды, тогда она сидела в клетке. И тогда рядом был Крис.

Отступающий парень повернул голову, и я узнала его. Эмери. Он все еще носил меховой плащ, который сейчас отсырел и мешал двигаться.

Эмери заметил нас, и его глаза вспыхнули надеждой. Рыцари и маги всегда сражались вместе.

– Уходим! – снова скомандовал учитель, разбивая чаяния парня.

И глаза Эмери потухли.

Два года назад мы с матушкой были в порту, ждали судно до Сиоли, когда начался переполох. Кричали люди и указывали пальцами на женщину. Она бежала от пирсов, упавший с головы платок развевался за спиной. Широкоскулое лицо уроженки Верхних островов искажалось от страха. Ее преследовал мужчина, такой же смуглый и широколицый. Верхние острова не приносили клятву верности и не состояли в вассальном подчинении графа Астера. Их уроженцы не соблюдали наши законы, но обычно и не нарушали их, особенно на нашей земле. Женщина не добежала до нас несколько шагов, зацепилась за что-то ногой и повалилась на нагретые солнцем доски. Мужчина нагнал ее, схватил за волосы. Она закричала. До сих пор помню ее пронзительный визг.

– Что сделала эта женщина? – громко спросила матушка, глядя, как к нам сбегаются матросы.

– Не вмешивайтесь, Ыкыр

[6]

, – прорычал мужчина.

– Оны убить меня! – закричала женщина, вырываясь и снова падая на доски, – Убить, – она поползла вперед.

– Это правда? – требовательно спросила матушка, я видела, как напряглась наша охрана.

– Дья. Она нарушила закон! – ответил мужчина. – Наш закон, Ыкыр.

Женщина доползла до матушкиных ног и стала цепляться за подол ее юбки.

– Пощады!

Глаза женщины горели такой же надеждой. И точно так же потухли, когда графиня Астер промолчала. Обычно нас не интересовали чужие законы. И чужие преступники.

Мы не должны были вмешиваться. Но горничная, получившая в последствии имя Аньес, до сих пор работает в Кленовом саду и слышать не хочет о том, чтобы покинуть его стены.

Рыцарь продолжал отступать, тварь шла за ним, пригибая морду к земле и изготавливаясь для атаки. За ней вышла еще одна, с длинными тонкими, как у насекомого, ногами и вытянутой пастью. Вот только колени на ее суставчатых ногах сгибались в обратную сторону. Она задрала башку и повернулась к нам. Если бы не металл вместо кожи, я могла бы поклясться, что она принохивается.

Кто-то закричал, раздался свист и грохот выстрела, явно свинцового, магическое стекло бесшумно.

– Это морок, – прошептал учитель, и положил руки мне на плечи. Я не слышала, как он подошел. – Они должны понять это сейчас, – мягко проговорил магистр. – Или погибнут в первой же серьезной стычке.

– Да, вы говорили, – протянула я.

Нюхающий воздух зверь, снова посмотрел на отступающего от механической росوماхи Эмери и, решив, что там справятся и без него, сделал шаг по улице. К нам. Даже не шаг, а прыжок, словно выкованный из железа кузнечик вдруг увеличился в сотню раз. Мерьем вскрикнула.

– Спокойно, – сказал магистр, все еще держа меня за плечи и не давая шевельнуться, – Никаких эмоций. Это энергоподпитывающийся контур, он...

Тварь застрекотала и снова прыгнула, приземлившись всего в метре от нас. Не знаю, как насчет подпитки и энергией, но дома сквозь это железное насекомое не просвечивали. Мало того, я могла бы поклясться, что ощущаю запах перегретого металла и машинной смазки. Магистр Виттерн в последний момент тоже что-то почувствовал, потому что вышел вперед, оттесняя меня за спину.

– Что происходит? – только и успел непонятно у кого спросить он, когда насекомое прыгнуло в третий раз.

Оно должно было пройти сквозь него. Должно! Мало того, именно этого я желала всем сердцем. Хотела, чтобы учитель оказался прав, чтобы снова посмеялся над нашими страхами.

Сколько мы уже в Запретном городе? Около трех часов? Ходим туда сюда, а никто и не подумал откусывать нам головы. До этого самого момента.

Тварь с размаху ударила учителя в грудь, завалилась, перекувырнулась, скрежеща всеми конечностями. Но за миг до этого, как тварь сбила Йена Виттерна с ног, он успел поднять руки. На кончиках правой стали собираться первые зерна изменений, а левой...левой он оттолкнул меня в сторону.

Я упала в грязь, услышала визг кого-то из девушек, руки погрузились в холодную талую воду, юбка стала быстро намочить, к щеке прилипло что-то склизкое. Я подняла голову и тоже чуть не заорала. Казалось, что железное насекомое сейчас порвет учителя. Оно вцепилось ему в руку и трепало, как собака треплет брошенную кость. Брызнула кровь.

Первый железный зверь, что походил на росوماху, вдруг задрал голову и...закричал? Нет. Не знаю, что это был за звук, но я зажала уши руками, чувствуя, как от него внутри что-то начинает пульсировать.

Железная пасть с лязгом захлопнулась, звук оборвался. Но его услышали. И это не я, все еще копошащаяся в грязи, и не плачущая Гэли, не схватившаяся за рапиру Дженнет. Другие звери. Железная росوماха кричала отнюдь не для того, чтобы мы побились лбами о землю. Она звала своих. А «свои» для нее это такие же железные чудовища. Те, что сегодня развлекали рыцарей вместо мороков. Они появлялись на улице один за другим. Они выбегали, выпрыгивали, выползали. Металлические, стрекочущие, щелкающие зубами и конечностями. Одна изгибающаяся железка, похожая на гусеницу, взбежала на стену дома и повела вибрирующими усиками.

Их было больше десятка. Железных угрожающих, подвижных и...

Мимо меня пролетели зерна изменений, они осели на боку кузнечика, что прижимал учителя к земле. Я обернулась, к нам бежал размахивая руками Оли. Гэли бросила цветок в грязь и выставила руку, встречая ползущую к ней по стене сороконожку воздушной волной. Мерьем визжала. Росوماха издала еще один крик, на этот раз краткий, острый, как нож. Как призыв. Как команда! И подавая пример атаковала Эмери, врезавшись в него головой и отбросив к стене.

– Занять оборону! – рявкнул учитель, тварь что его атаковала, лежала в грязи и вяло шевелила конечностями, ее голову разьедала ускоренная в несколько раз ржа. Одна рука учителя висела плетью, по боку текла кровь. Магистр перетягивал ремнем надплечье.

Больше мне ничего не дали рассмотреть. Одна из этих железных игрушек, решила, что сидящая на земле девушка вполне подойдет в качестве раннего ужина. Она походила на цаплю со стальным клювом и двумя болтающимися лапами вместо крыльев. Я пыталась торопливо подняться на ноги, пыталась собрать в руки изменения, пыталась дотянуться до рукояти рапиры, пыталась сделать хоть что-нибудь, пока эта цапля не тюкнула меня в темечко. В одном из домов качался язычок пламени. Вода вокруг пальцев тут же нагрелась. Я подняла ладонь,

переноса огонь на железный клюв твари. Тот раскалился докрасна, но... Птица продолжала приближаться. Металл, который в первый миг изменений всегда стопорило в пространстве, продолжал двигаться. Тварь продолжала. От неожиданности я подтолкнула изменения глубже, ощущая железо обшивки, подвижные детали, масляную жидкость, вскипевшая от первого же зерна, а за ней...

Я вскрикнула, зерна изменений тут же ускользнули, даже огонь, который почти стал частью меня. Невозможно!

Тварь была всего лишь в шаге от меня и уже раскрыла клюв, из которого доносится механический клеток.

Механический?

– Ивидель! – закричал Мэрдок и врезался в бегущую тварь сбоку, сбивая с ног, – Во имя Дев, поднимайся!

Я смотрела, как он вгоняет клинок в бок железного монстра, слышала скрежет металла, видела, как тварь пыталась подняться и... Не двигалась с места. Не могла себя заставить.

Так близко к падению, я еще не была никогда. Зерна изменений проникали внутрь зверя все глубже и глубже, пока не коснулись... Я сжала кулаки. Что происходит? Что это такое? Почему у этих тварей под железной броней бьется что-то настоящее, что-то живое, словно... сердце? Это невозможно! Только если эти твари не пришли сюда напрямиком с Тиэры. Но массовый прорыв не пропустили бы магистры...

– Ивидель! – Мэрдок наваливался на тварь, но она все равно была сильнее, дернулась и, несмотря на рану в боку, почти сбросила парня. Хоторн выпустил рукоять шпаги, схватился за нож, стягивая зерна изменений во вторую руку. Сейчас он отпустит их, думая, что зверь замрет, как и любое другое железо. А может даже, рассчитывая изменить металл.

Мы маги, мы можем раскалить камень и бросить его в противника, можем поджечь одежду, можем заморозить лужу у него под ногами. Но не можем... Нет, не так. Нам нельзя изменять ни его кровь, ни его кожу. Ничего, что является живым. Запрет богинь. Наказание за нарушение – рабский ошейник и отрезание от магии.

Наконец, я поняла, что могу двигаться. Должна, иначе случится непоправимое.

– Мэрдок! – закричала я, вскакивая. – Только не магией!

И в этот момент зверь с клетком сбросил парня. Клацнул железный клюв и вонзился в ногу Хоторна. Запахло горелым, металл зверя все еще был раскален. Парень едва слышно вскрикнул. Зерна изменений скользнули по железной пластине и, оставляя за собой царапины, исчезли в земле. Мэрдок покачнулся, выхватил черный нож и с размаху ударил по клюву. Думаю, в лучшем случае, он бы заставил цаплю отпрянуть, в худшем только загнал клюв еще глубже в рану.

Но сегодня все шло не так. Вместо того, чтобы удариться о железо черный клинок вошел в него, как горячий нож в кусок масла. Могу поклясться, я даже услышала шипение. Железная птица дернулась, раз, другой и свалилась к ногам сокурсника дребезжа, как пустая бочка.

– Они боятся чирийского железа! – выкрикнул Мэрдок, прежде чем упасть следом.

Я сама не помню, как оказалась рядом, как коснулась раны, из которой текла кровь.

– Все-таки вам удачи избавиться от меня, графиня, – проговорил Мэрдок.

– 3-3-замолчите, граф.

Я попыталась отодрать оборку от юбки, но та оказалась пришита намертво. Выругалась, выхватила нож, вспорола ткань, дернула и, наконец, принялась обматывать ногу парня получившимся лоскутом. Вот только толку от этого не было никого, кровь уже почти остановилась. Раскаленный клюв птицы прижег все сосуды. Хоторн лежал на земле и часто дышал, словно после долгого бега.

Кричал, размахивая рапирой, Коррин, убегала вверх по улице Мерьем, желая как можно быстрее добраться до вышки, отдавал команды учитель. Команды, которые никто не слушал. Осыпалась стена соседнего дома, погребя под собой железную сороконожку, Гэли победно вскинула руки, потом обернулась, увидела нас с Мэрдоком, охнула и, подобрав юбки, кинулась вперед. Упала, держась за бок Рут, магистр швырнул в зверя с бочкообразным телом зерна изменений, воздух зазвенел от его силы, от чего-то тяжелого и подвижного. Башка монстра сплющилась. Учитель скомандовал Оли и тот помог ему взвалить девушку на плечо...

А железные твари все прибывали, словно кто-то там открыл двери зверинца и выпустил на волю всех своих питомцев.

– Отступаем к вышке, живо! – в очередной раз крикнул магистр.
Отес с Мэри повалили на землю железную собаку с рогами и бросились следом за Мерьем.
– Там Иви и Мэрдок! – услышала я отчаянный голос подруги, дорогу Гэли преграждала тварь похожая на льва со иглоподобной звякающей при каждом движении гривой.
– Отходим! – снова выкрикнул Йен Виттерн.
– Уходи, Иви, – прошептал, приподнимаясь Хоторн, впервые обращаясь ко мне на ты. Видимо, это твари из железа на него так действуют.
– Я попросила вас помолчать, Мэрдок, – я торопливо поднялась, ухватила парня за плечи и попыталась сдвинуть с места.
– Получи, безголовая курица, – выкрикнула где-то за спиной Дженнет.
Парень попытался приподняться, оттолкнулся одной ногой от земли. Я потянула и смогла сдвинуть его на целую ладонь. Чуть выше по улице из-за дома выскочил рыцарь, он отмахивался мечом от железного коня, из ноздрей которого шел дым. Клинок издавал ритмичное дзанг-дзанг соприкасаясь с мордой зверя. Металл лезвия был самым обычным, хотя, наверняка острым, оставляющим на броне «коня» царапины. Правда, не думаю, что железный зверь сильно волновался из-за внешности.
Слышались отрывистые команды, и еще несколько рыцарей появились из-за дома, они целенаправленно прижимали к полуразрушенному забору железного пса с бычьей головой и ветвистыми козлиными рогами. А ведь у них дела шли куда лучше, чем у нас. Рыцари действовали расчетливо и слажено, и вроде пока не собирались убегать сломя голову. Жаль только, что железных тварей все рано было больше.
Одна из этих зверюг заскучала и решила развлечься за наш с Хоторном счет. Косолапая, двигающаяся вперевалочку, напоминающая железным рылом свинью, она не торопясь, словно нехотя направилась к нам, почти мирно похрюкивая.
– Ивидель! – выкрикнул Мэрдок, голос парня, обычно такой холодный и размеренный, сорвался. Он собрал в руку зерна изменений. Лужа, через которую, разбрызгивая холодную грязь, бежала свинья, с легким потрескиванием замерзла. Но там было слишком мало воды, слишком мало изменяемого вещества, чтобы остановить тварь. Металлические конечности взломали тонкий лед.
Мэрдок перехватил черный нож, все еще пытаясь отползти. Я отпустила его плечо, выпрямилась и достала рапиру, не решаясь коснуться магии. Что внутри этого металлического панциря? Снова настоящее сердце? Или только шестеренки и вонючее масло?
Свинка приблизилась на расстояние удара, и я взмахнула рапирой. Острие соприкоснулось с ухом зверя, металл зашипел. Тварь остановилась, причем сделала это так резко, словно мобиль, у которого кончилось топливо. Тускло блестевшее на солнце рыло не шевелилось. Минута промедления... всего минута.
– Их металл не стопорит от изменений! – выкрикнул Коррин, – Осторожно!
И цветок изменений, так похожий на снежный вихрь, распустился где-то за моей спиной, повеяло холодом. Кто-то из наших ударил по зверям со всей силы.
Свинья наклонила вытянутую голову и ринулась на меня так же резко, как и остановилась. Я вогнула рапиру ей прямо в морду. Металл плавился, шипел и плевался раскаленными каплями. Свинья продолжала идти вперед, а лезвие все погружалось и погружалось в рыло, словно вертел. Еще шаг и тварь коснется эфеса, а ее железные зубы... Прежде чем она откусит мне пальцы, я успею рассмотреть их во всех подробностях.
И я не выдержала, сжала вторую руку, стягивая магию. Это что-то неконтролируемое. Когда на тебя нападают, ты защищаешься. Не можешь иначе.
Огонь или лед? Нет, нужно что-то другое, что не затронет живую плоть внутри железного панциря. А может, пусть наоборот затронет? Затронет, но не изменит. Какая-то волна... колебания...
– В сторону, Астер! – закричала герцогиня.
Что-то просвистело у моего уха. Я обернулась, рядом с Хоторном стояла герцогиня. Сейчас она совсем была не похожа на ту горячку, что мы видели каждый день. Она потеряла шляпку, светлые волосы растрепаны, губы кривились, ярко выделялось пятно грязи на щеке. Странно, но именно сейчас, она показалось мне восхитительно небрежной. И ослепительно красивой. Одна из склянок валялась у ее ног. А с ладони девушки разлетались в разные стороны сверкающие на солнце камешки. Алмазы. Самое прочное вещество. Степень изменяемости

четверка, на единицу меньше, чем у металлов. Но это не имело значения. Дженнет не носила драгоценные камни, не изменяла их, она сообщала им энергию. Заставляя разлетаться. Магия ее рода. Алмазы тверды, они куда тверже железа, которое камни пробивали навывлет. В одну секунду морда свиньи стала похожа на решето, и зверь рухнул на бок, истекая машинным маслом.

– Будешь много думать, быстро умрешь, – назидательно сказала Дженнет.

Я наклонилась и вытащила свой клинок из твари. Он вышел на удивление легко, не задев ни одну из зубчатых деталей.

– А если не буду, лучше бы мне и не жить, – вполголоса ответила я, и тут же спросила, – Почему при соприкосновении с зернами их металл не стопорит? Так же не бывает...

Но она меня уже не слушала. Никто сегодня здесь никого не слушал, не мог позволить себе такой роскоши. Рыцари уже повалили трех железных тварей на мостовую. Учитель передал Тару Оли, а сам кинулся помогать раненой Рут, которая швыряла изменениями в очередную ожившую железку, но пока без всякого толка.

Сразу тройка железных зверей развернулась к нам. Я даже не стала их разглядывать, опустила руку к поясу. Мэрдок приподнялся и застонал. Безрезультатно. Я кожей чувствовала его отчаянную беспомощность.

– Не спи, Астер, – вторая склянка лопнула в руке у герцогини, и в воздух поднялись белые перламутровые жемчужины. Магия драгоценностей, магия рода Трид.

Я положила руку на пояс, обхватила пузырек и надавила. На коже осели капли слюны тритона. Едкой, вонючей, разъедающей все, с чем соприкасается. Руку тут же обожгло, но я уже швырнула зерна изменений в тварей.

Одна из них замотала головой, врезалась в собрата и чуть замедлилась. Другая прыгнула на Хоторна. Парень выставил клинок, падая на спину, и чирийское лезвие вошло в металлическую грудь.

Третий продолжал бежать, не смотря на то, что в него врезались жемчужины.

– Получи, – закричала Дженнет, поднимая рапиру.

Железный зверь с проплешинами, оставленными на морде едкой слюной навалился на меня секундой позднее. Я закричала, делая выпад рапирой. Зубы щелкнули по черному железу и задымелись. Руки дрожали, я сделал шаг назад, отступила, не выдержав напора твари. Не смогла удержать равновесие и поняла, что падаю. И зверь падал вместе со мной. Падал на меня...

Иногда минуты растягиваются до бесконечности, словно сладкая патока из горячего чана. Мы падали. Я видела железные зубы. Видела так близко и так далеко. Знаете, они так же страшны, как и настоящие. Я даже успела представить, насколько зверь будет тяжел, и подумать, останется ли от меня хоть что-нибудь после падения. Девы, как же страшно. Ни одной дельной мысли. Ни одной достойной.

Но даже патока не может растягиваться до бесконечности, рано или поздно янтарная масса порвется, сколько не наматывай ее на палку. Моя минута закончилась двумя ударами. Я упала на землю, спину обожгло болью. А второй... Вторым, кто-то буквально смел с меня железную тварь вместе с комплектом острых зубов и моей рапирой. Сила удара была такой, что оружие вырвало из рук.

Железо загрело по мостовой. Я перевернулась, стараясь глотнуть хоть немного влажного и пахнущего горячим маслом воздуха.

– Кажется, я вам должен, графиня? – рыцарь, только что врезавшийся в железного зверя, стряхнувший его с меня, как стряхивает пыль с кофейного столика горничная, обернулся, – За тот инъектор, – Крис улыбнулся, словно мы стояли в бальном зале и речь шла о следующем танце. Всего лишь. – За противоядие от коросты.

Но мы находились в Запретном городе, посреди улицы, среди хаоса атакующих механических зверей...

– Крис! – выкрикнула я, когда железная тварь, которую он сбросил с меня, вскочила на ноги и бросилась на нового противника.

В руках Оуэна появился метатель, грохнул выстрел. Свинцовый шар смял морду железного зверя и тот осел на мостовую. Но за этим зверем следовал другой, он перепрыгнул металлическую грудь, изготавливаясь к атаке...

Рыцарь вернул разряженный метатель на пояс и взмахнул клинком. Металл столкнулся с металлом, звонкий удар, после которого зверь затряс головой. Будто живой?

– Ах ты! – Оуэн ударил зверя снова и добавил еще пару нелюбезных выражений, в которых детально расписал любовные пристрастия железного зверя. Тому видимо совсем не понравилось такая осведомленность, он поднял лапу, чиркнул по наплечнику парня и зарычал. Снова сверкнули когти. Крис блокировал удар, еще один.

Я коснулась еще одной склянки, выпуская наружу семена ржавчины, усиливая и ускоряя их. Бок зверя потускнел и стал осыпаться покореженными коричневыми хлопьями. Ржавчина разъедала его очень быстро.

Кто-то ругался, кто-то дрался, кто-то отступал. Грохнул еще один выстрел. Рядом с нами Этьен продырявил голову железной лошади и вогнал фамильный клинок в ее брюхо. Я узнала рыцаря по коротким светлым волосам, едва начавшим отрастать на неровном шишковатом черепе. Именно Крис когда-то обрил его. Когда-то? Неужели, это было всего лишь в прошлом полугодии? Казалось, что прошло несколько лет.

Металл шипел и плавился, соприкасаясь с черным клинком.

– Иви! – закричала Гэли, указывая на вышку, – Поторопись!

Почти вся группа была уже выше по улице, направляясь к мачте с дирижаблем. Все кроме Гэли, магистра Виттерна скручивающего магией железную змею или червяка, теперь уже не понять. Все кроме меня, раненого Мэрдока и герцогини, вогнавшей рапиру в глаз атаковавшего ее зверя. От группы нас отделяло с десяток железных монстров, и они все продолжали прибывать. А остальные уходили. Уходили очень быстро и самое интересное ни один их этих странных «не мороков» за сокурсниками не последовал. Хотя чего же проще, добыча напугана и убегает.

– Уходим! – скомандовал отступление учитель рыцарей, – Первый десяток, за ним дежурные, второй десяток прикрывает! Стройся!

Тварь похожая на жука зацепила плащ Криса, атаковал нового противника. Я коснулась пояса, перебирая склянки. Не свет, не тьма, не пустота, не... Третья зверюга спрыгнула с ближайшего дома. Крис просто не успевал к ней развернуться. Их было слишком много на этой улице, гораздо больше, чем людей.

– Нет! – прошептала я и еще тверже повторила: – Нет.

Огонь заколыхался, такой теплый и такой послушный. Огонь, который сам ластился к рукам. Все что мне нужно это взять его.

Крис блокировал очередной удар одного зверя, тогда как другой уже подступал со спины. Миг и он полоснет по фигуре рыцаря, перечеркнет ее, как перо перечеркивает лист бумаги. Я почувствовала, как разгорается злость.

– Нет, – в третий раз повторила я. – Пошли прочь. Слышите, вы...

Я понятия не имела, к кому обращалась.

Одна из лап «жука» оплавилась и потекла на землю. Степень изменчивости железа – пятерка, самая высокая из возможных. Но сейчас это не имело значения, так как я его не меняла. Я его плавил. Мелькнула и пропала мысль, о том, что под панцирем может быть настоящее живое сердце.

Послышался треск, и ветки ближайшего дерева вспыхнули.

– Астер! – заричала герцогиня.

Вода в лужах нагревалась и с шипением испарялась.

Ради чего ты готова рисковать свободой Иви? Или ради кого?

Я не хотела отвечать на эти вопросы. Не хотела даже думать об этом.

От жара лопнуло стекло ближайшего дома, краска на стене пошла пузырями. Лишившийся ноги «жук» завалился на бок.

– Что это за...? – закричал Этьен.

У наступавшей на Оуэна твари потекла морда, он опустил меч и обернулся. На этот раз застыло не время, на этот раз застыло все вокруг. Люди, звери, вода в лужах и ветер в голых ветках кустов. Застыл сам воздух.

– Пошли вон или я спалю весь Запретный город к чертям собачьим! – выкрикнула я и вдруг поняла, что это правда.

Что я действительно могу это сделать. Надо лишь разжать руки спустить огонь с поводка. Говорили, что на равнине Павших во время последнего сражения с демонами Первый змей выжег все вокруг, насколько хватало глаз. От своих ног и до самого горизонта.

Железные твари подняли морды, будто могли меня слышать, будто могли понимать. Смотрели слепыми, закрытыми пластинами, глазами. И, кажется, видели.

Видели стоящую посреди улицы девушку со сжатыми ладонями, прямой спиной. Девушку в грязной и мокрой юбке. Девушку от которой разве что не летят искры, как сказала однажды бабушка Астер.

– Уходим! – снова раздался далекий крик.

Я вздрогнула, огонь колыхнулся, он так хотел вырваться. А я так хотела его отпустить. Было слишком жарко и душно, совсем как в ванной, когда горничная переусердствует с горячей водой.

– Ивидель.

Я моргнула, оказалось Крис уже стоит передо мной.

– Ивидель, – повторил он, поднимая руку, и я увидела, как кольчужный рукав оставляет на коже запястья красные уродливые следы ожогов.

Посмотрела в синие глаза...

Совместимость веществ, зерна изменений гасящие и усиливающие друг друга. Единения и противоположности. Разные стороны подброшенной в воздух монетки вероятности.

Катализаторы и нейтрализаторы.

Девы! У огня нет разума, он уничтожает все. Даже рыцаря. Именно этого рыцаря!

Я продолжала смотреть в бездонную синеву. Катализатор и нейтрализатор. Пламя вокруг нас, пока еще невидимое, но уже осязаемое – одна сторона монетки. И ледяная синева чужих глаз.

Холод – вторая половика, обратная сторона магии Астеров. Аверс и реверс. Огонь и лед.

На миг монетка застыла на ребре... Я выдохнула, и воздух тут же остыл, словно на нас налетел морозный вихрь. Вода в лужах в мгновение ока замерзла. Пламя сменилось холодом, от которого дыхание сорвалось с губ туманным облачком.

– Вот за это магов и отрезают от силы! – взвизгнула герцогиня, – Вот за это и надевают рабский ошейник, Астер! Ты едва не совалась! Я подам официальную жалобу мисс Ильяне, поняла? Я...

Один из железных зверей, вдруг встряхнулся, как обычный дворовый пес, по мостовой застучали мелкие, слетающие с железного панциря, льдинки.

– Отлично, – заверил ее Этьен. – Обязательно подавай! Если красивую башку не снимут.

Причем прямо сейчас.

– Быстрее! – скомандовал Крис, подскочил к раненому Мэрдоку, схватил железную тварь, что лежала поперек сокурника, за лапу и стащил на мостовую. – Этьен взяли, – рявкнул барон.

Парни подхватили раненого под руки и потащили в сторону. Еще один зверь стряхнул с себя тонкий ледяной панцирь.

– Иви! – донесся до меня далекий крик. Гэли стояла выше по улице и никак не решалась уйти вслед за остальной группой. В паре метров ниже учитель стучал рапирой по голове железной твари, но той, похоже, нравилась такая ласка, ибо она и не думала отступить.

– Куда? – даже не зло, а скорее напугано спросила Дженнет, и рапира в ее руке впервые на моей памяти дрогнула. – Куда вы...

Парни тащили Хоторна дальше. Прочь от этого переулка, прочь от зверей, прочь от вышки дирижаблей. Еще одна из железных зверюг заскрежетала, словно еще не оттаяла до конца.

Нагнувшись, я вытащила рапиру из железной морды, слыша, как металл продолжает шипеть соприкасаясь с чирийским клинком, вложила в ножны и побежала за рыцарями.

– Нам надо на дирижабль! – герцогиня беспомощно оглядывалась.

Я швырнула через плечо зерно пустоты, и даже не стала оборачиваться, чтобы понять попала или нет. Одно зерно – это капля в море.

– Хочешь попробовать прорваться сквозь эти железки в одиночку? – не останавливаясь поинтересовалась я. К Дженнет уже приближалось создание похожее на быка, только чуть меньше ростом. Она взмахнула рапирой, и один из рогов оплавился. Тварь замотала головой. «Совсем как живая» – вернулась непрошенная мысль.

Нет, так думать нельзя. Во всяком случае не сейчас, не во время сражения.

Парни тащили Мэрдока под руки спиной вперед. Ноги парня оставляли в грязи извилистые следы.

– Будь все проклято! – Дженнет стиснула зубы и нагнала меня.

Хоторн раскрыл мутные глаза. Крис взмахнул рукой, указав на одну из боковых улиц золотого квартала. За спиной раздался механический рев. Ближе. Очень близко. И я не выдержала,

оглянулась. Железная собака рычала в пяти шагах от герцогини. А за ней еще одна. Нашей группы уже не было видно. Учитель уходил последним, но все же уходил. Как он сказал мне тогда на площади Льежа? Иногда надо уметь жертвовать меньшим ради большего! Он вывел из-под удара почти всю группу. Почти...

Как бы мне хотелось последовать за ним, оказаться не по эту сторону от железной стаи, что преграждала нам путь наверх. Звери шипели, рычали, скрипели, махали хвостами, ушами и еще Девы знают чем, щелкали челюстями и жвалами. То одна, то другая тварь поворачивала голову в нашу сторону. Ни одна не посмотрела и даже не рывкнула для оснастки в спины сокурсникам. А ведь их было куда больше.

Может, в этом все дело?

На мгновение, я вернулась в Кленовый сад в классную комнату. Скучный солнечный свет падал на стол, расчерчивая его на прямоугольники. Рин Филберт уже около часа рассказывал мне о флоре и фауне Чирийского хребта:

– К зиме, молодежь крепнет и начинает охотиться. У волков в стае существует четкая иерархическая структура, возможно на первый взгляд непонятная людям. Вожак, его самка, загонщики... – Я то проваливалась в легкую дрему, то поднимала голову. – Они отрезают от стада самых слабых особей и гонят их на...

– Быстрее – быстрее-быстрее, – скороговоркой проговорил Этьен.

Я отвернулась от теряющейся в облаках вышки, от преследовавших нас зверей.

– Демоны Разлома, Астер, – непонятно почему выкрикнула Дженнет.

– Вряд ли это они, – ответила я, стараясь не сбить дыхание.

«Отрезают от стада... Отрезают от стада» – звучал голос в голове, – «И гонят их...»

Куда? Куда нас гонят?

Мэрдок стиснул зубы, поднял руку, отправляя в полет зерна изменений. Земля под ногами вздрогнула, послышался звук падения и грохот, очень похожий на тот, с которым катится по мостовой железная бочка для дождевой воды.

– Бегите, – беззвучно прошептал Хоторн, и голова парня снова бессильно упала на грудь.

И парни продолжали бежать, мы не отставали. Я ощутила, как рядом снова собирается магия.

– Нет, – крикнула я Дженнет и бросила взгляд через плечо.

Один зверь лежал на обочине, придавленный гранитным булыжником, выломанным Мэрдоком из мостовой, и шевелил то ли хвостом, то ли плавником. Через павшего перепрыгивал следующий.

– Да, жажните же чем-нибудь! – выкрикнул Этьен, – Вы маги или кто?!

«Они гонят их на ту часть стаи, что ждет в засаде» – рассказал когда-то давно графской дочке Рин Филберт.

И в этот момент Этьен выстрелил прямо через плечо. Едва не уронив Мэрдока в лужу, он разрядил в морду железного кузнечика второй метатель. Уши заложило от грохота, зверь кувырнулся через голову.

Почему, я не захватила метатель? Почему не заготовила зарядов? Потому что собиралась на прогулку. На опасную и щекочущую нервы прогулку, а не на бой. Не на сражение с тварями, железо которых не подчиняется магическим законам и боится только черных клинков.

Нам нужно оружие. Не рапира. Если нам снова навяжут ближний бой, все будет кончено, задавят числом. Нужно ударить чем-то похожим на выстрел метателя. Чем-то похожим на то, как разлетались камни герцогини или булыжник Мэрдока. Чем-то таким же, но другим. Чем-то, что ударит не одну тварь, а сразу всех. Смести их с улицы, заставить отстать.

Но чем мы можем ударить? Камнями? Водой, что чавкает под ногами? Любым из ингредиентов на поясе? Нет, их слишком мало, хорошо для точечного удара, но не для массового. Воздух? Воздуха здесь больше всего!

– Воздушной ладонью, – выкрикнула я на бегу, – Давай! Вместе!

– Что? – Герцогиня почти задохнулась от возмущения или быстрого бега. – Забава, которой парни задирают подол селянкам? Ты спятила, Астер?

Она была права. Я спятила. Была напугана и мало что понимала в происходящем, кроме одного, нас сейчас догонят. И скорей всего сжуют, если этим зверям нужно питаться. Или мы все сторим, когда мой огонь вырвется на свободу. Очень плохие перспективы. Но бесконечно убегать нельзя. Нужно что-то сделать. Что-то изменить, что-то выпустить, что-то усилить... Что угодно. Пусть это всего лишь воздух.

– Воздушная ладонь! – повторила я, поднимая руки.

Удивление Дженнет можно было понять, «воздушная ладонь» – это легкое изменение, похожее на дуновение ветерка. Оли и Вьер опробовали его на паре девчонок из группы. Оно всего лишь поднимало подол, обнажая ноги до середины икр. Ужасная выходка на самом деле. Правда, у сокурсников хватало ума не оскорблять благородных. Но однажды парням не повезло, они решили опробовать его на Гэли Миэр, дочери купца, чья сила витает в воздухе. В буквальном смысле. Пусть подруга не очень усердна в учебе, но родную стихию почувствовала раньше, чем они ее применили. Так же, как я узнаю огонь, даже если он прячется в маленькой сфере. Вместо того чтобы с визгом схватиться за юбку, она вернула парням их волну, усилив в три раза. Как сказал потом Оли – это походило на удар кулаком в лицо.

– Готова? – спросила я, – На счет три, коэффициент – десятка.

– Сколько?

– Десять, – выкрикнула я не давая себе времени на раздумья. Усилить можно что угодно. И огонь, и ржавчину. И даже удар. Воздушный удар, – Не снизу вверх, а сверху вниз, – я указал ладонью направление, – Раз, два... Три!

Задрожали пальцы, словно в руках оказалась не магия, а кувалда кузнеца, которую я попыталась приподнять и ударить по наковальне. Заклинание с таким коэффициентом почти опрокинуло меня вперед. Говорят, у страха глаза велики. Десятикратное усиление – это много, а я хотела ударить наверх. Внутри все задрожало от напряжения. Воздух не моя стихия. Он не льнет к рукам, как огонь. И хотя обычные изменения воздуха даются легко, это едва не сломало все кости.

Ничего не получается из ничего. Всему есть причина. Воздушная ладонь заставила меня согнуться, но все же сорвалась с пальцев.

Дженнет, издав невнятный хрип, отпустила свою. Надо отдать герцогине должное, она пошла у меня на поводу, поддержав чужое сумасшествие.

Мы одновременно опустили руки и выпрямились. Кончики пальцев тут же онемели, словно я окунула их в ледяную вожу Зимнего моря.

Если бы я не была столь напугана, если бы мысли не скакали, как кролики, то, наверное, ужаснулась тому, что мы сделали.

Бежавшие первыми железные звери... Они... Они... На них будто упало что-то невидимое и очень тяжелое. Что-то похожее на потолочную балку бального зала в Кленовом саду. Упало и расплющило сразу несколько десятков тварей, смяв головы, лапы, хвосты, хребты, жала. Какая-то железка даже успела закричать, заскрежетать... Совсем, как живая.

Милорд Виттерн как-то сказал, что первокурсники не способны придумать ничего опасного. А что если нам и не надо? Что если так и устроена магия? Как вода, простая и безобидная в ручье, но убийственно-грозная в Зимнем море. Как удар молотком и удар кувалдой, такие одинаковые действия и такие разные последствия.

Те звери, что не попали под магию, врезались в упавших, но за ними бежали новые. Настоящая стая. Стая на охоте. Они скоро они переберутся через железные тела.

– Давай, Астер, – хрипло сказала герцогиня, – Уходим, еще на одну волну меня не хватит.

Я согласно кивнула, обернулась, рыцари уже сворачивали на очередную улицу. Правильно, на прямой нас догонят быстрее. Мы с Дженнет бросились следом, отставая всего на несколько шагов.

На этой улице мы не были. Не видели, как камень мостовой сменился мрамором. На поверхность снова вышла вода, плескаясь о каменные стены каналов. Она ниспадала из руки стоящей на круглой площади каменной женщины. Скульптуры с телом женщины и головой какого-то зверя. Кошки или собаки? А может рыси или лисицы? Сейчас уже не поймешь. Верхняя часть морды отсутствовала.

Вода с тихим шелестом падала из ладони женщины в каменную чашу небольшого бассейна, брызги разлетались в стороны, играя цветными бликами на гладкой поверхности.

Я подняла голову к небу, солнце уже сдвинулось к горам, скоро оно коснется далекого темного склона, и на Запретный город упадет тень. Как там рассказывала жрица? Когда это происходит? Эта странная перемена с людьми?

– Надо же, все еще работает, – едва слышно прошептал осунувшийся Мэрдок. Из носа парня капала кровь, он посмотрел на меня и отрывисто скомандовал: – В воду! Надо перейти воду, она... – он закашлялся, но я уже поняла, что он хотел сказать.

– Вода! – я указала на ближайший канал, – Самый лучший магический изолятор, две трети зерен изменений не могут преодолеть поток.

– А ты уверена что, эти железки – заклинания? – Оуэн обернулся.

– Какая разница, – Дженнет толкнула Этьена в спину. – Хоторн дело говорит, воду надо перейти, а если эти. – Она передернула плечами. – Домашние питомцы сунутся следом, мы вполне можем вскипятить канал. Или заморозить. Астер точно может. Не стойте столбом, дворцов и финтифлюшек не видели? Выберемся – приглашу в резиденцию Альвонов, смотрите хоть до пришествия Дев.

Она еще говорила, а Оуэн уже спрыгнул в воду и стащил Мэрдока. Я, наконец, увидела круглую площадь целиком, а не из-за мужских спин. Канал уходил дальше, плескаясь в мраморном русле. Каменная женщина оставалась равнодушной к появлению чужаков. Выщербленные стены домов, что стояли в глубине улицы, заросли диким кустарником, сухие ветки трещали на ветру. Высокие кованые заборы чередовались с воротами для выезда и калитками для прислуги. Флигели привратников чередовались с резиденциями знати.

Я видела перед собой только одну из них. Высокие стены из черного камня, гладкие, словно полированные они поднимались ввысь и терялись в низких облаках, флаги над башнями давно ислели, но над воротами все еще изгибалась приготовившаяся к броску змея. Она смотрела на меня сверкающими глазами из драгоценных камней, раздув капюшон и ее золотая чешуя блестела на солнце, как никогда напоминающая огонь. Вот они настоящие Золотые кварталы...

И снова это чувство, словно я уже здесь была. Кончики пальцев кольнуло знакомое тепло.

– Первое гнездо Астеров, – сказала герцогиня, спрыгивая в канал. – Впечатляет. Твои предки в отличие от потомков умели строить.

«Гнездом его назвали позднее» – подумала я, – «После смерти первого Змея, после постройки Кленового сада, ведь чтобы назвать что-то первым, нужно создать второе».

Этьен скользнул в воду и помог Крису перетащить Мэрдока на противоположную сторону канала. Я спрыгнула последней, рапира чиркнула о мраморную мостовую. Нас снова нагнал механический скрежет. Сразу с десятков железных зверей высыпало на круглую площадь с фонтаном. Краткая передышка, что дал нам воздушный удар, закончилась.

Вода была ледяной, ткань юбки тут же намочила, став в два раза тяжелее. Всего несколько шагов и герцогиня схватилась за противоположный борт. Этьен вытащил на мостовую Мэрдока, и выбрался сам, с одежды парня стекала вода. Я качнулась, едва не упав, течение почти сбило с ног. Это высокому Крису вода была чуть выше пояса, а мне доходила почти до груди. Дыхание срывалось с губ беловатым облачком. Дженнет выбралась на мостовую, белые волосы девушки потемнели от влаги. Барон обернулся и протянул мне руку...

За спиной что-то заклекотало, как перегревшийся мобиль. Дженнет побледнела. И я поняла, что сейчас произойдет, поняла и сжалась в ожидании удара, лишь продолжала тянуть руку к стоящему в воде Крису. Коснуться его, прежде чем, железная лапа перечеркнет спину. Вдох, за ним еще один, наверняка последний...

Наши ладони соприкоснулись. Ледяная вода и тепло кожи. Девы, я схожу с ума? Нет, давно сошла. Пальцы Оуэна обхватили мои, и рыцарь дернул меня к себе. В который раз поразив силой. Клекот за спиной стал громче.

На миг я прижалась щекой к мокрой ткани плаща, вдыхая запах воды, металла и пороха. Всего на мгновение...

Можно заморозить воду, можно вскипятить ее, но только не тогда, когда в ней стоим мы.

– Они боятся чирийского железа, – прошептала я.

– Я тоже его боюсь, – хохотнул Крис, пусть шутка и вышла невеселой.

Но я уже выскользнула из его рук, разворачивалась к железной твари.

Пусть думает что хочет, пусть негодует, на то, что прячется за чужой юбкой, или еще какую ерунду обычно очень значимую для мужчин. Он не мог взять в руки мой клинок, никто не мог, значит, придется сражаться самой.

Один из железных зверей вырвался вперед, опередив стаю и добежав до канала, замер на мраморном краю. Камень крошился под его железными лапами. Больше всего тварь напоминала взъерошенного петуха, особенно стальным гребнем и, состоящей из узких пластин, броней, так напоминающей перья. Эти пластины стояли дыбом на шее и груди железной птицы. Я взмахнула рапирой, словно надеялась отогнать зверя, как самого обычного петуха с птичьего двора. Магистр бы рассмеялся. Железная птица тоже заскрежетала.

А в следующий миг, что-то дернуло меня вниз. Кто-то дернул. Каменное дно ушло из-под ног. Я погрузилась с головой, едва не выронив клинок и целую секунду не понимая где верх, где низ. А потом, зацепилась носком сапога о дно, тут же обрела опору и выпрямилась. Часть перьев на шее птицы отсутствовала. Одна торчала из бортика, расколов мраморную плиту, другую, поминав чьих-то матерей, вытаскивал из предплечья Этьен, у Криса была залита кровью щека, герцогиня лежала на земле, закрыв голову руками. Мэрдок пытался собрать в руку зерна изменений, от которых плиты под ногами загудели, но все же остались на месте. Железный петух снова издал клекот и оставшиеся перья на его теле стали подниматься. Сейчас разлетятся и они, и как знать, где окажутся. Или в ком. Зверь не собирался прыгать за нами в воду, он собирался прикончить нас на расстоянии.

Я сделала шаг, преодолевая сопротивление воды. Почувствовала возвращение злости, а вместе с ней и огня, такого близкого, что казалось, протяни руку и зачерпнешь целую пригоршню. Течение снова ударило в бок, стараясь сбить меня с ног. Руки все еще дрожали, но я подняла показавшуюся неимоверно тяжелой рапиру.

И тут поверх моей ладони легла чужая. Теплая, знакомая и незнакомая одновременно. Пламя тут же отступило.

– Я не могу коснуться черного металла, но зато могу коснуться вас. Леди Астер... Ивидель, вы заставляете меня нарушить слово, – проговорил Крис, подаваясь вперед. – Снова.

Петух качнулась, уходя от укола рапиры, но барон тут же изменил траекторию удара, выкручивая мне руку. Я вскрикнула от боли, и заговоренный клинок точным движением вошел в бок петуха и вышел из спины. Барон отпустил мою кисть. Клекот оборвался, перья опали, и тварь повалилась назад на светлую мостовую. Я едва смогла удержать в ладони клинок, мышцы свело болью. А к каналу подбегали все новые железные твари, кажется, их стало только больше... Девы, да откуда же они берутся?

– Вытащи ее, – хрипло крикнул Мэрдок Оуэну и мрамор захрустел под нашими ногами. Крис подхватил меня под руки, поднял в воздух словно куклу и посадил на светлую мостовую рядом с Хоторном. Ухватился за край и одним рывком выбрался сам.

Железные звери одна за другой подбегали к наполненному водой каналу. Останавливались на самом краю, скрежетали, мотали башками, толкались, отгрызались, но...

– Давайте же, – подначила их Дженнет, девушка уже сидела и сжимала руки, готовясь отпустить зерна изменений, лишь только преследователи окажутся в воде.

...Но они не торопились, оставаясь на той стороне, словно нас разделяла не вода, а невидимая стена.

Одна железка, торопясь успеть к главному месту действия, врезалась в впереди стоящую тварь, та в следующую, а та, напоминающая барана, которому вдруг наскучило жевать траву, и он решил отрастить клыки, проехавшись металлическими копытами по камню, свалилась в канал, издав громкое плюх.

Мы с Дженнет вскочили, готовясь ударить, как только зверь покажется над водой. И он показался. Спустя одну бесконечную минуту.

Мэрдок закрыл глаза и что-то пробормотал, Дженнет разжала руку, отпуская силу. А я стояла и смотрела, как быстрое течение проносит мимо нас самого обычного барана, которому не повезло свалиться в реку. Он жалобно блеял и бестолково перебирал ногами. Никакой железной брони, заточенных клыков и шипованных копыт.

– В Запретном городе нет животных? – задумчиво спросил Этьен, провожая взглядом зверя.

– Может, поэтому и нет? – Крис вскочил на ноги и закинул руку Мэрдока себе на плечи, – Хочешь, сплавай следом, спроси...

Билет 3. Вассальная клятва, ее виды и последствия

О мостовую ударило очередное железное перо. Метрах в пяти ниже по течению вытягивал шею еще один железный петух, острые пластины брони поднимались одна за другой.

– Надо найти укрытие, – сказал Крис, разворачиваясь к домам за ажурными решетками.

– Надо убираться из города пока не стемнело, – ответила герцогиня.

– Согласен, – не стал спорить барон. – Но мы не можем бегать бесконечно. Нужно перевязать раны и решить, куда именно убираться. – Еще одно железное перо прошло правее, другое приземлилось в лужу. – Предлагаю обсудить это подальше от взбесившейся живности.

– На той стороне они могут бесноваться сколько им угодно, – махнул рукой Этьен, но все же направился к ближайшим кованым воротам. Воротам, с которых на нас скалилась змея. Я снова ощутила близость огня, хотя здесь давно никто не жил. Пламя Астеров все еще было здесь. Оно спало за коваными воротами, но было готово в любой момент проснуться. Звери продолжали прибывать. Но преодолеть канал пока не торопились.

– Надеюсь, мост далеко. – Герцогиня задумчиво оглядела улицу.

– Умеешь ты обнадежить, магесса, – снисходительно бросил через плечо южанин, поднимая руку к железным прутьям выезда.

Все повторялось. Я уже смотрела на него так, когда он собирался прикоснуться к железу. И тогда мне это понравилось. Понравится и сейчас, и возможно раз и навсегда отучит его пренебрежительно отзываться о магах. Возможно...

Еще одно перо высекло искру из мостовой, приводя меня в чувство. Девы, что я делаю. Мы что на балу? Этьен, что отдал мне ногу или наговорил скабрезностей? Мы в Запретном городе.

– Стой! – закричала я, за миг до того, как южанин взялся за решетку. Он обернулся, На лице раздражение и вопрос: Что еще?

Я остановилась рядом с поддерживающим Мэрдока бароном и отломилась с ближайшего куста черную ветку. За спиной зарычал один из зверей, заставив меня вздрогнуть. В лицо дохнуло огнем, так бывает, когда садишься близко к очагу. И было странно, что другие этого не ощущают и не отшатываются.

Не оставляя себе времени на раздумья, я швырнула ветку на ограду. Дерево соприкоснулось с металлом ворот, тот мгновенно раскалился, влага зашипела.

– Твою родню... аж пятого колена! – Этьен отступил. – Чуть не попался! Снова! – он сжал и разжал ладони, на которых давно не осталось следов ожога. – И каждый раз, когда эта девка рядом!

– Не забывайтесь, сквайр, – одернула его вместо меня Дженнет. – Змеиный род не прощает оскорблений. – Она внимательно осмотрела ограду. – А еще говорят, что золотые кварталы не опасны. Местные не так глупы, как кажутся на первый взгляд. Интересно, что бы нас ждало у Жемчужины Альвонов?

– Нас бы обсыпало жемчужной пылью или припорошило алмазной, – неожиданно для всех ответил Мэрдок и закашлялся, на одежду полетели капли крови.

Плохо, очень плохо. Видимо, та тварь, сломала ему ребра.

Я встала к воротам почти вплотную, подняла руку...

– Девка спяти... – начал Этьен, но герцогиня остановила его взмахом руки. Она знала о магии куда больше него.

Я коснулась металла и вдруг поняла, что за чувство владело мной с той самой минуты, как мы выбрались из канала. Нет даже еще раньше, когда я смотрела с холма на Золотые кварталы? Это было узнавание. Не только я узнала огонь Астеров, дом узнал меня, хотя никогда не была здесь прежде. Узнала черные стены, высокие деревья и даже кованый рисунок, что вился по верху ограды.

Этьен с шумом втянул воздух, я обхватила пальцами прутья и, закрыв глаза, прикоснулась лбом, к теплomu металлу, позволяя согреть себя. Я дома. Огонь Астеров никогда не обжигает Астеров.

Я посмотрела на руки, пальцы на правой руке покраснели и опухли. Наверняка растяжение, надеюсь, что растяжение, а не что похуже.

– Вы хотели найти укрытие? – спросила я, толкнув створку, и та без скрипа открылась, – Тогда прошу.

– Но... – начал Этьен.

– У тебя есть идея получше? – спросил Крис, первым минуя ворота, и помогая идти Мэрдоку. Идей не было. Лихорадка погони схлынула, оставив после себя растерянность. Мои спутники осторожно миновали калитку. Я отпустила прутья и шагнула следом за ними на землю предков. Сад давно зарос, тропинки засыпало листьям и прочим мусором, некоторые булыжники были выломаны из дороги, сквозь прорехи выросли кусты и даже маленькие деревья. Чувство узнавания усилилось.

Оуэн прислонил раненого Хоторна к стене дома привратника и дернул ручку дощатой двери, та оказалась заперта, хотя два окна на фасаде давно лишились стекол.

– Леди Астер, – позвал Крис, – Вы не против, если нанесу ущерб вашему имуществу?

– Чувствуйте себя, как дома, барон, – ответила я, разглядывая далекие окна черного дома. Там никого не могло быть, никто не мог смотреть оттуда, но все же, казалось, что смотрел.

Крис отступил на шаг и ударил по двери ногой, потом еще раз. От третьего дерева затрещало и надломилось. К барону подошел Этьен, они вместе расчистили проход и затащили Мэрдока внутрь. Герцогиня, сморщив нос, последовала за ними. Я вошла последней.

Пахло сыростью и плесенью, мебель едва угадывалась в разохшихся кучах трухи, или раздутых от влаги и обросших мхом предметах. Стул, покрытый черными пятнами, кушетка, больше похожая на дохлую и раздувшуюся рыбу. Дыра в кровле, в которую задувает ветер и капает дождь. Разбитые окна и россыпь стекол и черепица на полу. Краска на стенах облупилась, но над одной из них, каким-то чудом сохранилась картина. Рама разохлась, позолота осыпалась, дерево источили жучки, холст сперва выцвел, а потом потемнел от влаги, набряк, сморщился, потом высох и снова набряк... Зимой сменило лето, тепло обернулось лютыми морозами и так год за годом. Никто не узнает, что на ней было нарисовано. Не господский дом, всего лишь домик привратника.

Рыцари опустили Хоторна на раздувшуюся кушетку. Этьен развязал плащ и бросил на пол у окна, рукав южанина был залит кровью. Рыцарь потянулся к целительскому мешочку, что висел на поясе.

Крис развязал свой, высыпал на ладонь пригоршню листьев Коха, плеснул на них живой воды из пузырька и размял пальцами.

– Будет больно, – предупредил барон Мэрдока. – Постарайся не орать.

И, не дожидаясь, ответа приложил массу, к ране на ноге. Хоторн дернулся, ударился головой о грязную стену, здоровая нога согнулась и разогнулась. Но парень не закричал.

– Этьен, мне нужна твоя аптечка... эээ, целительский набор, – исправился Крис.

– Идите в Разлом, барон, – ответил южанин, вытаскивая из капюшона шнурок, – Он мне самому нужен. Если маги гуляют налегке, это их проблемы...

Я потянулась к поясу, открепила непромокаемый мешочек и протянула Оэну, заслужив два взгляда, один одобрительный Криса и второй полный благодарности Мэрдока.

– Нас обычно не режут на лоскутки, – ответила, вставшая напротив окна, герцогиня. Как я заметила, у нее на поясе висели только ингредиенты. И оружие. Как и у Мэрдока. – Особенно на прогулках, – она выделила последнее слово голосом.

– Слабое утешение, – хмыкнул южанин, а я впервые была готова с ним согласиться.

– Когда выберемся, – сказала Дженнет, постукивая пальцами по подоконнику, – Кое-то ответит за эту прогулку. Это меня точно утешит.

Крис протянул Хоторну маленькую травяную пластинку, так похожую на печенье, что подают у матушки в салоне к чаю. Как говорил отец: такие без лупы и на столе найдешь.

Кровоостанавливающий сбор, – вспомнила я, видя, как сокурсник, положил лекарство под язык и без сил облокотился на стену.

Я села на что-то отдаленно напоминающее стул, и тут же вскочила, когда одна из ножек почти рассыпалась. Весьма отдаленно.

– Давайте быстрее, – герцогиня обернулась, как раз в тот момент, когда Этьен попытался перетянуть руку чуть выше раны шнурком. – Нам еще надо успеть убраться из города.

– Куда? – спросил ее Крис.

Мэрдок закрыл глаза, на лбу выступила испарина, но дыхание выровнялось.

– В горы. – Девушка дернула плечом. – Неужели, вам надо объяснять очевидное, барон?

– Пока мы не придумаем, как избавиться от этого эскорта, – Он указал в окно, за которым все еще рычали звери. – Остается только отступать вглубь Золотых кварталов, все дальше и дальше к центру города.

– То есть загонять себя дальше и дальше в ловушку? – Дженнет яростно развернулась к Оуэну.

– Прекратите, – попросила я, баюкая кисть, – Крики ничего не решат.

Дженнет поджала губы и отошла к южанину, молча взяла у него шнурок и туго перетянула руку. Этьен подал ей склянку с живой водой.

Крис выдвинул на середину комнаты стул, на этот раз кованный и потому целый, лишь с давно сгнившей и осыпавшейся обивкой. Покрытые ржавчиной ножки неприятно проскрежетали по полу. Проверил его на прочность и, взяв меня за плечи, заставил сесть.

– Что с рукой? – отрывисто спросил барон, взял за запястье и внимательно осмотрел. Кисть уже успела опухнуть. – Мне снова нужно извиняться перед вами, графиня?

– Нет, – сказала я и закусила губу от боли, когда чужие пальцы стали разминать мышцы, и ответила еще раз: – Да.

Оуэн достал из целительского набора склянку, наполненную чем-то темным и маслянистым. Вытащил пробку. Запахло горелым.

– Кровь земли, – сказал Крис, капая темную жидкость мне на запястье.

Об этой жидкости рассказывали много всего, большей частью выдумки. Но я знала, что из нее делали, как топливо для мобилей, так и эссенцию для сведения веснушек, а еще....

– Так да или нет? – спросил рыцарь, втирая лекарство в кожу. Я замотала головой, стараясь отогнать наворачнувшиеся от боли слезы.

Дженнет капала живую воду в рану южанина, тот шипел сквозь зубы.

– Нет, вы не должны предо мной извиняться, – тихо ответила я, – Но я хочу услышать ваши извинения.

Получилось крайне беспорочно, но рыцарь понял, отпустил мою руку и серьезно произнес:

– Прошу простить меня, леди Астер. Так?

Я едва не рассмеялась. Смех сквозь слезы, больше походил бы на истерику.

– Так то лучше, – заметив мою жалкую улыбку, сказал он, а потом поинтересовался: – Вы на самом деле могли спалить весь город к чертям собачьим?

Дженнет взяла поданный Этьеном бинт двумя пальцами, словно пыльную тряпку, понятия не имея, что с ним делать.

Я нехотя кивнула. Признаться в том, что едва не утратила контроль над даром, не очень приятно. Но вместо того, чтобы ужаснуться, Оуэн вдруг улыбнулся.

– Напомните мне никогда не доводить вас до такого состояния, – сказал барон и повторил, – К чертям собачьим... Где вы нахватались таких выражений, графиня?

Я снова едва не рассмеялась и едва не расплакалась, хотя рука уже начала неметь. Этот рыцарь обладал интересной способностью выводить меня из себя, и одновременно заставлял радоваться этому, пробуждая странные и совершенно новые ощущения. Я была в Запретном городе, была до ужаса напугана, но, сидя напротив рыцаря, не могла представить себя ни в каком другом месте. И не хотела.

Я подняла взгляд, заметила запекшуюся на щеке рыцаря кровь и воскликнула:

– Вы ранены? – Протянула здоровую руку к щеке. – Нужно...

Но он перехватил мою ладонь, не дав до себя дотронуться. Совсем, как тогда в библиотеке. Но тогда я хотела дать ему пощечину, а сейчас...

– Не стоит, – совсем другим голосом проговорил Оуэн возвращая мне целительский набор.

Веселье ушло из его глаз, сменившись привычным холодом. На меня снова смотрел тот, кого называли жестоким бароном. И это причинило куда большую боль, чем все раны на свете.

– Итак, у кого есть идеи? – рыцарь поднялся.

– Нужно обойти этот зверинец, – сказала Дженнет, побарабанив пальцами по грязному выщербленному подоконнику.

– Только не по дороге. Переберемся в соседнюю резиденцию, а потом, в следующую? – предложил Этьен. – Обойдем по широкой дуге и окажемся у них в тылу.

– Можно попробовать. – Кивнул Крис. – Ждите здесь, – бросил парень, направляясь к выходу.

– А ты...

– Куда направился...

Сказали мы с Дженнет одновременно. Мэрдок попытался выпрямиться, он не преуспел и снова облокотился на стену.

– Проверить, насколько глупа ваша идея.

– Мы можем пойти все вместе, – предложил Этьен, поднимая плащ.

– И вместе будем таскать раненого от столба к столбу и прикидывать, где сподручнее перекинуть? – Крис остановился, проверил, как выходит меч их ножен, открепил разряженный метатель от пояса и отдал южанину. – Лучше не теряй времени, перезаряди.

– Я не твой оруженосец. – Этьен не прикоснулся к оружию.

– Тебе до Жоэла еще расти и расти, – Оуэн убрал оружие за пояс. – Свои перезаряди. Если не вернусь через полчаса, – синие глаза задержались на мне, – считайте, что я... – он нахмурился и недоговорив вышел из привратничкой. Звери за каналом заскрежетали, приветствуя добычу.

– Кто? – не поняла герцогиня, – считать что он, кто?

– Недоумок, – ответил Этьен вытащил из-за пояса мешочек и порохом и бросил на подоконник. Дженнет отошла от окна и со злостью пнула кучу тряпья в углу.

– Из-за которого мы здесь сдохнем, – оптимистично предрек южанин, и стал перезаряжать метатель.

– Вряд ли, – ответила я, и устало облокотилась на металлическую спинку стула. – Скорее вольемся в ряды местной аристократии, будем глазеть на приезжающих в Запретный город и шарахающихся от собственной тени посетителей.

Я обхватила плечи руками, холодная одежда липла к телу, руку дергало болью. Хотелось оказаться подальше отсюда, желательно там, где наливают теплый киниловый отвар, где трещит живой огонь, и никто не бросается на спину.

– Все плохо, да? – Герцогиня прислонилась к грязной стене.

– Да, – вместо меня ответил Хоторн.

Дженнет словно лишившись сил, опустилась, прямо на грязный пол, к мокрой ткани юбки прилип мусор и кусочки штукатурки.

– Девы, – пробормотала она, – почему мы?

– А почему нет? – прохрипел Мэрдок, – Каждый год в Запретном городе пропадает до двух десятков человек. В этот раз судьба кинула кости нам.

Парень закрыл глаза, продолжая что-то бормотать, но теперь уже неразборчиво.

– У меня было столько планов, – ни к кому не обращаясь сказала Дженнет.

– Каких? Сделать блестящую партию? – не удержалась от шпильки я.

– Хотя бы, – огрызнулась герцогиня. – Можно подумать, ты мечтаешь остаться старой девой.

Я не стала отвечать, чувствуя, как начинают стучать зубы от холода. Напротив окна на полу валялась груда трухи, наверняка раньше бывшая столом. Или стулом. Зерна изменений, казалось, только и ждали, когда мой взгляд остановится на чем-то подходящем... Почти неосознанно, я шевельнула пальцами. Легкие, как лепестки цветка всполохи огня затанцевали по останкам мебели. К потолку потянулась тонкая струйка дыма.

Я поднесла пальцы к пламени, пытаюсь согреться. За окном продолжало раздаваться железное ляганье. Надеюсь, твари там парад проводят, а не форсируют канал.

– Это не убежище, а один смех, – пробормотал Этьен, глядя в окно. – Надо было дойти до того черного дома.

– Не сгорим? – спросила герцогиня, глядя, как огонь быстро перемещается на ножку сломанного стула. Дым скопился под потолком.

– Нет, – я снова шевельнула пальцами здоровой руки, и пламя, вытянувшись вверх, качнулось из стороны в сторону, словно ярмарочная змея под звуки флейты, – Нет, пока я рядом.

– Так и хочется сказать тебе гадость, – Дженнет протянула ладони к маленькому костру, дым еще минуту закручивался среди почерневших потолочных балок, а потом стал исчезать сквозь дыру в кровле.

– Не объяснишь, почему?

Этьен посмотрел на нас исподлобья, убрал метатели за пояс, обнажил меч и, как несколькими минутами ранее Крис, вышел из привратничкой. Правда далеко не ушел, а остановился за порогом. Звери снова оживились.

– Посмотри на себя? – сокурсница окинула меня презрительным взглядом. Она сидела на полу в грязи и все-таки продолжала смотреть свысока. Как это у нее получалось, ума не приложу. – Мокрая, грязная, а держишься так, словно ты не в Запретном городе, а на балу. Холодная и отстраненная, среди надоедливых поклонников.

Я отвернулась к огню, не зная, что тут можно сказать, что тут можно ответить.

– Вот опять эта сдержанность, которая так редко слетает с тебя. Каждый такой срыв для меня, как праздник, как в том учебном бою...

– Хочешь услышать нечто странное? – Огонь танцевал на сломанной мебели, и внутри стало гораздо теплее. – Я думаю о тебе то же самое. Ты слишком герцогиня для меня.

– Неужели? – девушка натянуто рассмеялась и я поняла, что она не поверила.

– Что смешного?

Дженнет резко оборвал смех.

– Ничего. Просто вспомнила, что ты дружишь с Миэр. – Девушка отбросила назад мокрые волосы. – С купчихой!

– Ты говоришь так, словно быть купцом – это как болеть болотной лихорадкой.

– Купчиха с сомнительной репутацией. Ты знаешь, что ее маменька лет десять назад сбежала то ли с управляющим, то ли с охранником, а может и вовсе лакеем?

Герцогиня внимательно посмотрела на меня, ища малейшие признаки удивления или смущения.

Но я ее разочаровала, всего лишь пожав плечами.

Никогда не спрашивала подругу о матери, как раз потому, что сама Гэли избегала этой темы.

Даже их домоправительница ни разу не упомянула имени бывшей хозяйки. Мне же было достаточно раз увидеть лицо подруги, когда кто-то хвастался гостинцами от матушки или новым платьем. Лицо, на котором сменяли друг друга зависть и тоска. Не думала, что за ее молчанием скрывалась тайна, полагая, что там скрывается боль. Девы, я была почти уверена, что миссис Миэр мертва. Поэтому и не лезла с расспросами. Леди надлежит быть тактичной. Я не спросила ее о матери, она не спросила меня о женихе. Зачастую друзья не нуждаются в ответах.

– Ты не знала, – констатировала Дженнет. – Но даже сейчас тебе все равно. Ты бы продолжала с ней общаться и чужое неодобрение отскочило бы от тебя, как семена изменений от посвященного рыцаря. Ты уверена, что так и должно быть. И остальные волей неволей начинают думать так же. Вот за это я тебя и не люблю. За эту холодную уверенность.

– Тебе не нравится Гэли? – спросила я.

– Странно, что она нравится тебе.

– Если ты хочешь что-то сказать, говори, – я повернулась к сокурснице.

– Просто...

Этьен заглянул в комнату. Посмотрел на сидящего с закрытыми глазами Мэрдока, на замолчавшую Дженнет, меня, скривился и снова вышел на улицу.

Герцогиня молчала целую минуту, и я уже подумала, что продолжения не будет. В неправильном месте и в неправильное время мы начали этот разговор. Но, думаю, в другом у нас бы и не получилось.

– Я знаю, что ты не сжигала корпус магистра Маннока, – неожиданно произнесла девушка.

Пламя качнулась.

– Откуда? – Я снова повернулась к герцогине. – Если даже я этого не знаю? Я была последней, кто, кто уходил из лаборатории после занятий – это первое. Второе – в тот день я была единственной, кто работал с сухим огнем. Третье – я не обработала столешницу нейтрализующим раствором.

– Не спорю, – она скупо улыбнулась, разом становясь прежней леди Альвон Трид, – Но вот незадача, возвращаясь часом позже в тот день из библиотеки, я видела, как лабораторию покинул совсем другой человек.

– И причем здесь Гэли? Или она тоже его видела, но почему-то промолчала?

– Не надо, – Она покачала головой. – Ты ведь уже догадалась. Твоя подруга выскочила из корпуса сама не своя, растрепанная, в слезах, даже меня не заметила.

– Это ничего не меняет. – Я отвернулась. – С огнем работала я, а не она. Гэли могла просто не обратить внимания на...

– На начинающийся пожар? – скептически переспросила герцогиня, – Занялось через четверть часа, она должна быть слепой, чтобы не заметить, как вспыхнул стол.

Пламя выросло и лизнуло потолок привратницкой, выдавая мое волнение.

– Она могла не видеть огонь, только если его еще не было. Только если корпус сгорел не из-за твоей безалаберности.

– Если бы это было так, – привела последний аргумент я. – Ты бы давно рассказала об этом, хотя бы потому, что это бросит тень на Гэли. И на меня.

– Шутишь? – она встала и отряхнула юбку, – И сбросить с рук такой козырь? Видела бы ты, как ее перекосило, когда я всего лишь намекнула, что ее могли видеть в тот день. Думаю, она с кем-то встречалась. Жаль, что я не видела с кем.

– И этот кто-то тоже молчит? – я покачала головой, – Ты не можешь ничего доказать. В итоге все сведется к тому, что ее слова будут против твоих.

– Думаешь, вру? – почти весело переспросила герцогиня.

– Нет – немного подумав ответила я, – Ложь – это слишком грубо.

Нет, Дженнет не врала. Откровенная ложь – это скорее нонсенс, а вот исковеркать правду и вывернуть ее наизнанку вполне допустимо даже для аристократов. Вернее, это для них настолько привычно, что они и не замечают, когда такая однобокая правда срывается с губ. Как говорила гувернантка мисс Омули, мы должны уметь вовремя закрыть глаза, вовремя отвернуться и не заметить, как у графини Лорье оборвалась оборка на платье. Не заметить, как маркиз Туварин, напившись вина, свалился на пол, содрав со стены портьеру и укрывшись ею с головой. Он всего лишь споткнулся. Пусть останется в наших глазах неуклюжим, нежели пропойцей, хотя все знали, что он не поднимается с постели без глотка виски.

– Зачем тебе это все? – я подняла голову, рассматривая стоящую рядом Дженнет, – Шантажировать?

– О Девы, – вздохнула сокурсница с таким видом, словно, я сказала совершеннейшую глупость. – Шантаж – это так вульгарно. Что есть у этой лисы Миэр, чего я не могу купить? «Я» – промелькнул в голове ответ, – «У нее была моя дружба.»

Была? Или все еще есть?

– Мне было достаточно того, что она вертится, как устрица на сковороде.

– Тогда зачем ты рассказала мне? – я опустила голову. – Почему скинула козырь?

– Сколько осталось до заката? – спросила Дженнет с горечью, – Часа три? Вероятность спастись тает с каждой минутой, – она шагнула к окну, и пламя качнулось вслед за девушкой. Усилием воли, я заставила его вернуться обратно. – Эти часы ты будешь думать о ней. О том, как она стояла в толпе рядом со мной, когда тебя отправляли отбывать наказание, прилюдно объявив вину. Стояла и молчала, хотя знала, как тебе плохо и могла прекратить это одним словом. Я сжала ладони. Сейчас в комнате было тепло, но мне показалось, что внутри все покрылось инеем. Рука отозвалась болью, но я не обратила на эту боль внимания. Пламя тут же потухло, четное кострище покрылось былым морозным узором. Очередной переход от магии огня ко льду дался мне намного легче.

– Жаль, а я уже было подумала... – поднявшись вслед за девушкой, я прикрепила к поясу целительский мешочек.

– Что мы подружимся? – Дженнет обернулась, – Не смей меня, Астер. Ничего не изменилось. Альвонам не нужны друзья. Только слуги.

Я услышала торопливые шаги, и через несколько секунд в привратницкую вернулся Крис в сопровождении Этьена.

– Ну? – нетерпеливо потребовала от него ответа Дженнет.

– Не, нукайте, леди, не запрягали. – С плаща Оуэна капала вода, собираясь на полу в маленькие грязные лужицы.

– Сможем уйти? – спросил его Этьен.

– Теоретически, да. – Рыцарь отстегнул от пояса флягу и глотнул воды. – Ограждение идет по всему участку, и везде такое же гостеприимно – горячее, как и ворота. – Он поднял руку, и я увидела, что рукав куртки опален.

– Демоны разлома, – выругался Этьен. – И чего бы этой вашей магии за столько лет не выветриться? Что больше никаких вариантов?

– С восточной стороны, к ограде вплотную примыкают конюшни, в соседней резиденции, тоже стоит какая-то пристройка. Между ними канал с водой. Глубокий. – Крис посмотрел на свой мокрый плащ. – Расстояние между крышами два с половиной метра.

– Мы можем перепрыгнуть, – оживился южанин.

– Мы, – Крис выделил слово голосом, – Можем. А они?

Оуэн посмотрел на меня, на Дженнет...

– Не говорите за других, барон. – Вздернула подбородок герцогиня. – Альтернатива еще хуже. Надо, значит, будем прыгать.

Взгляд Оуэна остановился на Мэрдоке.

– Не с раненым на руках.

– И ты позволишь двум юбкам и недобитку загубить свою жизнь? – Этьен сплюнул.

– Нет, – спокойно ответил Крис и вернул флягу на пояс.

– То-то. Идем, – Этьен повернулся к двери.

– Вы это серьезно? – спросила я.

– Только не строй из себя святую деву Искупительницу. Жить ты хочешь не меньше нашего, – ответила Дженнет.

– Но какой ценой? – громко спросила я.

Громко, чтобы заглушить внутренний голос, который настойчиво твердил, что останься Мэрдок здесь и мне вряд ли придется исполнить данное богиням слово. Скорей всего он умрет. Когда мы уйдем, маг останется совсем один, неспособный даже передвигаться. Рана, наверняка загноится, если уже не начала, плюс сломанные ребра. Скоро сокурсник впадет в забытие и, наверное, просто уснет. Не самая плохая смерть, почти милосердная. А у нас появится шанс. У меня. И у Криса.

– Нам не привыкать платить по счетам! – Не выдержав моего взгляда, герцогиня отвернулась. – И пусть на этот раз цена высока...

– Ты сможешь оплатить это вексель? – перебила я. – Оплатить и называть себя магом, нет даже не магом, а хотя бы человеком?

– Только вот этого не надо, – зло ответила она.

– Пусть остаются если хотят, – бросил южанин через плечо.

– Может, я тоже хочу, – усмехнулся Оуэн, и я с облегчением выдохнула.

– Что?! – не понял Этьен, – Что ты несешь? Тот, кого называют «жестоким бароном», на деле оказался сентиментальным глупцом?

– Кто из нас глупец, еще вопрос, – спокойно ответил Кристофер, но это было спокойствие того рода, от которого хочется убежать без оглядки.

Пока мой папенька кричит и ругается неприличными словами, можно краснеть, бледнеть, расстраиваться, зная, что буря скоро стихнет. А вот когда он замолкает, когда цедит скупые слова едва слышным шепотом, тогда лучше убраться с глаз долой.

– Прорываться из Запретного города с двумя мечами и без магов? Тебя в детстве головой вниз не роняли? Нам нужны колдуны! Порознь у нас никаких шансов. Никаких сантиментов, голый расчет.

– И что ты предлагаешь? – выкрикнул покраснев южанин, – Выйти из ворот и снова пойти по дороге?

– Хотя бы.

– Мы дойдем до первого же моста, а потом нам оторвут ноги. И нечем больше будет ходить.

– Я все слышу, – отчетливо произнес в наступившей тишине Мэрдок и открыл глаза. – А вот вы, кажется, ничего уже не слышите.

Я повернулась к раненому сокурснику, чтобы попросить его помолчать, чтобы сказать, что надо беречь силы, что мы его не бросим... На самом деле, я сама не знала толком, что могла ему сказать. Повернулась и замерла. Хоторн оказался прав. Мы кричали и давно уже не слушали, не только себя, но и мир вокруг.

Кричали, не замечая, что железный лязг и грохот стихли, что звери больше не скрипят, не толкаются и не точат металлические когти о светлый камень мостовой.

Я посмотрела в окно, Дженнет охнула, Этьен что-то пробормотал, наверняка неприличное, Крис продолжал молчать.

Мостовая по ту сторону канала была пуста. Ни одой железной твари не было. Они все исчезли.

И в этой такой неожиданной пронзительной тишине мы услышали четкий монотонный звук.

Дзанг-дзанг, – так молот кузнеца ударяет по железу.

Дзанг-дзанг, – так подковы коней высекают искры из мостовой.

Дзанг-дзанг, – так железные набойки солдатских сапог отмеряют пройденный путь.

Эмери выхватил метатель, Оуэн обхватил рукоять клинка. Мы не отрывали взглядов от улицы за окном, желая поскорее увидеть источник звука и одновременно страшась этого.

Человек шел нарочито неторопливо, шел не скрываясь. Сапоги громко цокали, соприкасаясь со светлым мрамором мостовой. Черный плащ развевался за спиной, придавая незнакомцу сходство с гигантской птицей. Лицо мужчины оставалось в тени накинутаго на голову капюшона. Солнечный луч отразился от рукояти висящего на поясе массивного меча. Я такие только в оружейной Академикума видела. Тяжелые полуторники, которые рыцари давно сменили на облегченные клинки.

– Кто это? – спросила Дженнет, вглядываясь в темную фигуру.

– Хозяин железного зверинца? – предположил южанин.

Незнакомец остановился на той стороне канала и посмотрел прямо на меня. Его взгляд проник сквозь ограду, сквозь стены, сквозь отбрасываемую строением тень. Словно он знал, что я здесь. Судя по вскрику Дженнет и сиплому дыханию Мэрдока, не одна я ощутила силу чужого взгляда. Чувство узнавания накатило на меня с новой силой. Кто-то когда-то уже смотрел на меня так.

– Выходите, – раздался гулкий, будто из бочки, голос.

Мы услышали его так, будто незнакомец стоял рядом.

Я вспомнила весенний разлив Иллини. Тающие в чирийских горах снега напитывали ручьи, те жирели, бурлили, сливались в речки, пенились и грохотали в ущельях. Они наполняли Иллию и та, как норовистая лошадь бесновалась скованная низкими берегами, переворачивала плоты, захлестывала мосты и разрывала цепи переправ, которыми пытались пленить ее люди. И пока не налаживали новые, мы переправлялись на лодках. Паромщик всегда кричал и ругался на гребцов или рулевого, внося больше сумятицы, чем порядка. Обычно он оставался на берегу и сложив руки рупором отдавал команды. Меня всегда поражал его зычный голос и то, что кричал он там, а мы слышали его даже на середине реки. Звуки над водой разносились очень далеко. Иногда казалось, что паромщик стоит прямо за твоим плечом.

Этот незнакомец стоял там, за оградой, за дорогой, на другой стороне канала, а его слова мы слышали здесь.

– Выходите, у вас не времени.

Мы переглянулись, ища поддержки друг у друга, ища на лицах ответ, ища решение, которого по сути не было. Либо мы подчиняемся, либо остаемся. Либо возвращаемся к спорам, либо идем вперед.

Мэрдок оперся за стену, пытаюсь встать, и раза с третьего у него это получилось. Правда, его тут же повело в сторону. Я протянула руку, и парень чуть не опрокинул нас обоих. Опрокинул, если бы я не ухватила за железную спинку стула.

– Ждите здесь, – скомандовал Крис, делая шаг к двери.

– Ждать? – удивилась я. – Чего?

– Минуту назад ты ратовал за совместное пешее путешествие по памятным местам золотых кварталов, – высказался Этьен.

– Это было до того, как объявился кандидат в проводники.

– Собираетесь выйти? – спросила Дженнет.

– Собираюсь, – отрезал барон.

– А что, если это он управляет железными тварями? Если он призовет их снова? – нахмурилась герцогиня.

– Если это он, – Крис остановился напротив дверного проема. – Если призовет... Наше желание или нежелание выходить никак этого не изменит.

– До заката два часа, – известил нас незнакомец, – Я уйду через две минуты.

– Я хочу выйти, – через силу сказал Мэрдок.

– Тебе впору ползти, – Дженнет стиснула руки. – Пусть уходит, а потом мы попробуем сами.

– Оставив меня здесь? – уточнил Хоторн, – Тогда для меня нет никакой разницы.

– Он не выглядит опасным, – сказал Этьен. – Объективно опасным. Уж с одним то мечником, мы справимся.

– Объективно опасный – это когда из носа идет пар, на голове рога, а с губ капает ядовитая слона? – уточнила Дженнет, – А если он маг?

– Тогда эти стены нам точно не помогут, – пояснила я. – Скорее навредят, здесь слишком много изменяемых веществ, а труха на полу хорошо горит. Возможно, прозвучит глупо, но на мраморе мостовой, у нас больше шансов.

– Ты права, – кивнул Этьен. – Прозвучало глупо.

– Ждите здесь, – повторил Крис, – А я пока уточню, чего хочет столь любезный господин.

Может, карту города нам продать, а может, в кабаке приглашает.

Оуэн откинул полы плаща за спину и шагнул под лучи уходящего солнца.

– Опять этот баронишка на рожон лезет. И без меня, – все еще державший метатель южанин шагнул следом.

Мэрдок оперся на стену и двинулся к выходу. Но раненая нога подвела парня и он, зашипев, был вынужден снова схватиться за мое плечо.

Девы, я и не представляла, какие мужчины тяжелые. Помню, кормилица Туйма рассказывала, как третья леди Астер вытащила мужа из горящего сарая, да еще и лошадей выпустила. Я, тогда еще десятилетняя девчонка, восхищалась и гордилась прародительницей, не представляя, чего ей это стоило на самом деле. Не уверена, что могла бы повторить ее подвиг.

– Держись, – сказала я Мэрдоку и вместе с ним двинулась к выходу. Парень навалился на меня, но все же смог сделать шаг, а потом и второй...

– Астер, ты... – начала герцогиня, когда мы перешагнули порог и едва не свалились на заросшую сорняками дорогу.

Парни стояли у ограды, не решаясь прикоснуться к прутьям. Очень предусмотрительно. Они не могли выйти, а незнакомец не мог войти. Наверное, не мог.

– Где пятый? – спросил мужчина, все так же стоявший на той стороне канала. И все так же смотревший.

– Здесь, – догоняя меня, ответила герцогиня.

– Что непонятного во фразе: «ждите здесь»? – уточнил Крис, – Я что на другом языке изъясняюсь?

– Время уходит, как вода в песок, а вы препираетесь, – произнес незнакомец, правда довольно равнодушно.

– Какое тебе дело до нашего времени? – выкрикнул Крис.

Ему приходилось повышать голос, тогда как незнакомец, говорил едва шевеля губами. Мэрдок вдруг попытался выпрямиться, чтобы встать в полный рост, и я, конечно, не удержала сокурсника. Мы все-таки упали. Я на колени, а Хоторн почти плашмя.

– Меня попросили вывести из Запретного города студентов, а не задиристых дураков.

Я встала, юбка спереди была вся перепачкана землей и травой, хотя она и сзади была не чище.

Хоторн снова стал подниматься, опираясь на дрожащие руки, как новорожденный жеребенок.

Солнце уже коснулось пологого склона, луч, словно дразня нас, отразился от рукояти меча незнакомца. Почему меня не отпускает чувство, что я его уже видела? И кого меч или человека?

– Попросили? – уточнила герцогиня, ее голос сорвался, выдавая волнение.

– На коленях умоляли... если бы могли.

– Он... – прошептал Мэрдок, – Он... Меч!

Я поймала взгляд Хоторна. Что было в его глазах? Отчаяние? Решимость? Или стыд?

– И куда ты нас выведешь? – уточнила Дженнет. – В Разлом?

– Я отвечу только на один глупый вопрос, а потом уйду, – мужчина чуть повернул голову, кожа на щеке казалась темной, почти черной, словно он много времени проводил на солнце, или...

Или носил маску. – Вы уверены, что хотите знать именно это?

Меч! Рукоять, по которой скользят лучи уходящего солнца. Рукоять без знака рода, хотя я бы очень удивилась, оказалась незнакомец простолюдином. А с другой стороны, что я знаю о простолюдинах? А о мечах? Таких мечей много, они лежат запечатые в старых арсеналах, старые, неповоротливые, в большинстве своем приговоренные к переплавке. Но этот...

Я вспомнила, где видела похожий клинок, массивное перекрестье, отполированное бесчисленными касаниями. Я мысленно вернулась в теплый класс, где монотонный голос магистра Ансельма повторял бесчисленные уложения этикета, погружая учеников в уютную дрему. Шуршали пожелтевшие страницы книг, ровные строчки сменились рисунком, скупыми отрывистыми линиями. Рисунок, на котором глаза задержались на миг, но этого хватило, чтобы запомнить. Этот меч отличался от той тысячи, что была выкована в прошлую эпоху. Этот клинок был первым, что погрузился в Разлом на две трети и закалился в его тьме. Сверкающая рукоять и черное лезвие.

Если я права, этот меч в последний раз видели десять лет назад.

Что такое десятилетие для меня? Для Криса? Дженнет? Целая жизнь. Десять лет назад мне было восемь.

Что такое десять лет для рода? Всего лишь мгновение.

Что такое десять лет для родового меча? Ничто.

Но я могла и ошибаться. Могла выдать желаемое за действительное. Я не оружейник, не кузнец, не летописец. И все же... Я художник, и подчас замечала то, чего не видели другие.

– Что выгравировано на вашем клинке? – громко крикнула я.

Все посмотрели на меня. Герцогиня даже зубами скрипнула, а вот Мэрдок наоборот с облегчением закрыл глаза и снова попытался встать, но не в полный рост, а на одно колено.

– «По праву сильного», – произнес незнакомец, и я снова ощутила тяжесть его взгляда. Взгляда, который заставлял спины сгибаться, а головы кланяться.
Этьен тут же убрал метатель и опустился на одно колено. Крис замешкался, правда, всего на мгновение, а потом вогнал клинок в землю и, склонившись рядом с южанином, эхом повторял слова древней, как мир клятвы:

«Мой меч – твой меч,

Моя жизнь – твоя жизнь,

Твоя боль – моя боль.

Располагай мной, как своей рукой.

Рази врагов, ради жизни. Неси мир до самой смерти...»

Мы с герцогиней присели в придворном поклоне. На ее щеках горели два алых пятна. То ли от злости, то ли от смущения.

– Выходите, живо! Не заставляйте меня повторять, что у вас нет времени.

– Да, государь, – прошептала Дженнет, а парни торопливо поднимали Хоторна. Коснувшись прутьев решетки, я на миг ощутила знакомое тепло и распахнула калитку.

Уже не имело значения, появятся железные звери или нет. Потому что если появятся, наш долг охранять князя. Или умереть за него.

Это в идеале, конечно. Но такое случается только в балладах и легендах. Жизнь куда прозаичнее.

Наверное, со стороны мы напоминали ему мокрых потрепанных кутят, а не защитников. Мы торопливо перебирались через канал, разбрызгивая ледяную воду, стуча зубами от холода, цепляясь за камень и борясь с течением.

Крис выбрался первым, ухватил Мэрдока за руки и вытянул раненого, потом подал руку мне. В тот миг было ни до сантиментов и не до боли, что все еще терзала мое запястье. Этьен выбрался из канала и встряхнулся, как дворовый пес. Герцогиня вылезла, не дожидаясь помощи, и снова присела в реверансе перед темной фигурой в маске.

Если бы он носил золотой обруч...

Если бы мы встретили его в главном зале Эрнестальского дворца...

Если бы не оказались здесь...

Я посмотрела на высокую темную фигуру, на плащ, на край маски, что угадывался в отбрасываемой на лицо тени капюшона, и задалась вопросом: Неужели, человек – это то, что его окружает? Стул или трон, на котором он сидит? Меч, которым снимает головы? Забери все это, и что останется? Останется угрюмый незнакомец, которому не нашлось доли лучше, чем бродить по Запретному городу?

Мы даже не сразу его узнали. И даже не его, а меч.

– За мной, живо, – скомандовал князь и направился вниз по улице. Набойки каблуков издавали то самое «дзанг-дзагн».

Мы шли торопливо, иногда дико озираясь, оглядываясь на фасады домов, на кованые ограды, на потускневшие от времени флюгера. Мы даже не сразу заметили, что вместо того, чтобы удаляться, спускаемся к самому центру города, вглубь золотых кварталов.

– Милорд, – позвал Этьен и остановился, чтобы отдышаться, Мэрдок, кажется, снова потерял сознание. – Куда... Куда мы идем? В горы?

– В горы вы уже не успеете, – Затворник тоже остановился и пристально посмотрел на ближайший дом, со светлыми стенами и снова пошел вперед.
– А куда, государь? – Южанин пояснил: – Мы за вами хоть в Разлом прыгнем, но...
– Но хочется знать, где и когда это будет? – закончил за него Крис и с улыбкой добавил, – Государь.

Дженнет с тревогой смотрела, как алый диск солнца медленно опускается за склон горы.
– Извещу, когда сочту нужным, – отрывисто ответил правитель, – А пока заканчивайте дергаться. Со мной вам здесь ничего не грозит. Но если хотите освободить меня от своего утомительного присутствия и рвануть в горы, задерживать не буду. – Он обернулся как раз в тот момент, когда Дженнет вглядывалась в одну из уходящих вверх улочек, такую же пустынную и такую же тревожащую воображение, как и все остальные. – Эта выведет вас к восточным кварталам, там у местных рынок и несколько кузниц.
– Милорд, я не... – она не знала, что сказать и за неимением лучшего снова склонила голову. – Мы благодарны вам за спасение, и магистры непременно узнают...
И тут он расхохотался, от души, будто ничего смешнее в жизни не слушал. Мы с герцогиней переглянулись, девушка закусила губу, а мне впервые стало ее почти жалко.
Мы все выглядели жалко и, наверно, смешно.

– Мне нет дела до ваших магистров, мне даже до вас нет дела.
– Тогда почему, вы пришли за нами? – спросил Крис, на этот раз опустив даже насмешливое «государь», – Кто вас умолял нас вывести?
– Тихо! – скомандовал затворник, подняв руку, а вторую положил на рукоять меча, продолжая вглядываться в темные окна домов, словно в пустые глазницы, за которыми давно не было глаз. – Быстрее! – И почти вбежал в переулок.

Парни тяжело дыша потащили Хоторна следом, я путалась в мокрой и тяжелой юбке, герцогиня бежала за Князем почти по пятам, словно боясь отстать. Мы быстро миновали высокий дом из серого камня, затем, обогнули флигель для прислуги, выскочили, на очередную круглую площадь. И тут я услышала, отдаленный металлический лязг и в панике оглянулась. Звери были близко, я не видела их. Пока не видела, но этот звук... Крис выругался, Мэрдок застонал и открыл глаза.

– Сюда, – произнес затворник, пересек улочку и вывел нас...

Я много ожидала от жилища князя, не в тот миг, а вообще. Среди уходящих в небо шпилей замков и резиденций знати, среди пустынных, шепчущих ветром улиц, на которых вполне могли разойтись две конницы, я ожидала увидеть...

Ну не знаю, как минимум дворец, как тот, что разглядывали, стоя на холме. А увидела... Деревянный дом, показавшийся мне смутно знакомым. Потемневший от времени сруб, покатавшая крыша, распахнутые двери, рядом с которыми замерли вытянувшиеся лакеи. Двухэтажный бревенчатый коттедж рядом с дворцами знати дом смотрелся, как телега рядом с автомобилем. Но эта телега, казалась на удивление знакомой... Что же сегодня за день такой? Почему я узнаю эти места, дома, улицы, на которых никогда не бывала? И, кажется, не я одна, потому что очнувшийся Мэрдок поднял ладонь, собирая на кончиках пальцев зерна познания.
– Не смей! – рявкнул князь, и нас окружила его сила.

Она выплеснулась словно волна Зимнего моря, что неожиданно накатывает на берег раз за разом. Она оглушала, давила со всех сторон. Дженнет зажала уши руками, Крис пошатнулся и едва не уронил Мэрдока, а вот Этьен упал на одно колено, отпустив плечо раненого. Я пыталась вдохнуть, но это казалось невозможным, боль снова вгрызлась в руку, словно спущенный с цепи злой пес. И даже далекий железный лязг, словно нас преследовали старые рыцарские доспехи, захлебнулся.

«По праву сильного» – было выгравировано на мече Небесного война, что основал династию правителей Аэры. И это было правдой, князь всегда был сильнейшим. И даже если бы мы сомневались, кто перед нами, в этот миг сомнения рассеялись, смытые волной его магии, пока еще не оформленной в зерна, пока еще только готовой изменяться и изменять.

– Не стой! – тихо повторил затворник, и сила схлынула, осела на землю, просочилась между камнями мостовой и исчезла. Мы смотрели на князя, я в ошеломлении, Крис с недоверием, Дженнет восхищенно, Этьен с завистью и лишь Хоторн едва не задыхался от боли. – Не в этом доме, леди и джентльмены. Здесь вам ничего не грозит, поэтому прошу придержать магию. И добро пожаловать, в Первый форт.

Он приглашающе взмахнул рукой. И оказавшись внутри, я поняла, что мне напоминает этот бревенчатый дом, почему кажется знакомым. Он очень походил на Илестую нору – первый дом Змея. Те же бревна, то же потемневшее дерево, тот же запах смолы и трав, те же массивные двери захлопнулись за спиной.

– Запереть, – отдал приказ князь и два лакея с готовностью подняли деревянный брус и вложили в скобки затвора. – Приготовить гостевые покои, к раненому позвать Цисси. Ужин подать в комнаты...

– Милорд, неужели вы лишите нас радости видеть вас за ужином? – Дженнет страдальчески улынулась, я почти поверила, что она и вправду расстроена.

– Если это все, что вы хотели узнать, то да, лишу, – затворник развернулся, намереваясь уйти.

– Государь, – Этьен выпрямился, когда двое лакеев подхватили бессознательного Мэрдока. – Что с нами будет? Вдруг поутру мы не захотим покидать этот гостеприимный дом или город?

– Очень не хотелось бы. – Князь смерил взглядом южанина, так мой папенька на рынке скакунов осматривает на предмет приобретения. – Если вы про магию города, то в моем доме она бессильна, во всяком случае, слуги не жалуются, когда гуляют по Эрнестало, обычно назад недозовешься. – Один из лакеев позволил себе усмешку, впрочем, князь ее не видел, – Я очень рассчитываю, что поутру вы уберетесь отсюда. И мне больше никогда не придется никого спасать.

– Вы так и не ответили, милорд, – Крис оперся рукой о запирающий двери брус, провел пальцем по светлой, оставленной скобой на темном дереве, царапине и выпрямился. – Кто просил нас спасти?

Они смотрели друг другу в глаза. Черные сквозь прорези маски в синие. Оуэн был единственным, кому не нужно было заирать голову при разговоре с князем, единственным, кто был так же высок и мог смотреть глаза в глаза. И смотрел. В любом другом месте это сочли бы за вызов или тем паче оскорбление, за которым следовала опала. Здесь же...

– Хочу знать кому, кроме вас, обязан.

– Не любите быть в должниках, барон?

Лакеи потащили Мэрдока по лестнице на второй этаж, кто-то наверху принялся отдавать приказания.

– Ненавижу, – искренне ответил Крис и снова не добавил обязательное по этикету «государь» или на крайний случай «милорд».

– Считайте, что мне прислал весть один из ваших учителей.

– Один? – Оуэн поднял брови.

– Магистры заняты тем, – затворник усмехнулся, – Что орут друг на друга с тех пор, как две группы вернулись в Академикум в неполном составе. Виттерн устроил разнос, какая-то серая жрица его поддержала. Итог, они готовы за два часа до заката спуститься в Запретный город и попробовать найти пятерых учеников. Как говорил Йен, вы вряд ли уйдете далеко от вышки. Совет Академикума наложил на это вето, как и глава Магиуса, рисковать своей жизнью – одно дело, а рисковать пилотами дирижабля – другое. Кажется, Виттерн, как никогда пожалел, что не имеет крыльев. – На лице князя появилась улыбка, которая не затронула глаз. А может, так казалось из-за черной тканевой маски. – На этом бы все и закончилось. Но вмешался Миэр. Опять Миэр. – Улыбка стала злой. – Он готов срочно перегнать судно из Трейди и даже пилота нашел. Тот, как поговаривают, болен коростой, – затворник брезгливо отвернулся, – Но готов вести судно хоть в Разлом, если взамен ваши роды обеспечат его семью.

Фиолетово-алое закатное солнце легло на все еще укрытое тенью капюшона лицо затворника, уродуя его черты еще больше, чем это сделала авария, чем это делала маска. Солнце! Я резко повернулась к окну. Короткий день в горах заканчивался. Сердце хаотично забилося, что если вот прямо сейчас... Что именно должно случиться прямо сейчас, я представить не смогла, оттого испугалась еще больше.

– В этом месте вмешался я. Считайте это прихотью, или хитрым ходом с дальним расчетом, ведь когда-нибудь именно вы унаследуете немалые земли. А может, мне просто надоел балаган, что я видел. Считайте, как хотите...

– Где видели, милорд? – услышала я со стороны свой голос, но страх перед закатом вытеснил все, даже боль в руке, даже остатки воспитания, даже осознание того, что я хочу подловить своего сюзерена на лжи.

– В Оке Девы, – отрывисто бросил он.

И тут я отвела взгляд от окна и посмотрела на него. На черный плащ, на капюшон, на тень, в которой угадывались глаза. Две мысли, пронзили меня одновременно. Первая – артефакт! Он использовал для связи артефакт.

Я вспомнила об... артефакте. О своем артефакте, про который начисто забыла в этот день. Забыла именно тогда, когда он был так нужен.

А вторая мысль... Для нее не осталась места, она отступила полностью вытесненная первой и досадой. Она, конечно, вернется позже, а сейчас я потянулась к мешочку на поясе, где лежал камень рода Астеров. Камень, врученный мне отцом, как раз для таких вот случаев.

Дернула шнуровку мешочка, и почти коснулась его. В последний миг меня остановил ледяной голос, совсем, как несколько минут назад Мэрдока.

– Не стоит.

Я подняла голову. Все: князь, Дженнет, Крис и Этьен смотрели на меня. И их взгляды были разными. Герцогиня в нетерпении; южанин, как на досадную помеху, примерно, как Илберт на кухаркину дочку, что так старательно рассыпала поддон яблок на его пути; Крис пристально, словно надеясь разглядеть что-то новое, а Затворник... Он не то, чтобы злился, но чем-то я его раздражала. Его взгляд, был настолько тяжел, что хотелось присесть в реверансе и повторять: «Да, милорд», пока он не отвернется.

– Не стоит пугать родных больше, чем это необходимо, – произнес князь. – Коснетесь камня стихии, они всего лишь будут знать, что с вами беда. Всего лишь. – Он поднял затянутую в перчатку руку. – Но они не будут знать ни где вы, ни что с вами случилось. Они даже не будут знать, живы вы или мертвы. Так стоит ли пугать их сейчас, когда уже все закончилось?

Я заставила себя посмотреть ему в глаза, сжала пальцы, едва не плача от вспыхнувшей с новой силой боли. Князь прав. Он прав всегда, даже тогда, когда не прав.

Кольнули сожаление и досада, что не дала знать родным раньше. И одновременно с этим облегчение, что не придется делать этого и сейчас.

– Леди, – затворник едва заметно качнул головой, начав подниматься по лестнице, бросил через плечо: – Ради общего блага, я прошу вас не покидать Первый форт ночью, его защита... моя защита дальше этих стен не распространяется, – и с этим скрылся на площадке второго этажа.

– Разлом тебя побери, Астер, – прошипела Дженнет, бросаясь следом.

Этьен последовал за ней почти сразу. Крис еще раз провел пальцем по брусу и молча подал мне руку. А я молча вложила в его пальцы все еще подрагивающую ладонь. Мы поднялись тишине, полумраке и неровном свете масляных ламп, что горели вдоль лестницы, в коридоре второго этажа и даже где-то там за поворотом, от чего дом казался наполненным танцующими тенями. Солнце село, и улица погрузилась во тьму. Началась наша первая ночь в Запретном городе.

Дайте девы, чтобы последняя.

На втором этаже нас встретил невозмутимый дворецкий, чем-то неуловимо похожий на Мура, то ли выражением лица, то ли выправкой. В дальнем конце коридора мелькнула грязная юбка Дженнет. Ни князя, ни Этьена уже не было видно.

– Прошу, леди, – он указал рукой на стоящую в глубине коридора девушку в чепце, и та присела в неловком поклоне, – Леа покажет вам комнату, а вы, сэр, следуйте за мной...

За его спиной начинался коридор с одинаковыми деревянными дверьми. Одна из них вдруг открылась, и на пол лег колеблющийся прямоугольник света.

– Дидье, мне нужна помощь! – раздался незнакомый голос, а за ним вскрик и полный боли стон.

– Мэрдок? – прошептала я и, оставив присевшую в поклоне девушку, направилась к двери. – Что с ним?

– Леди, – крикнул в спину дворецкий, или как там его? Дидье? – С ним целитель. В конце-концов, это неприлично, хоть вы объясните ей, сэр, – продолжал говорить он мне в спину.

Но Крис молчал, а я уже заходила в комнату. Целитель был здесь, вернее целительница. Молодая женщина, с забранными в пучок гладкими черными волосами, отчего ее скулы казались острыми, словно вытесанными из камня. Смуглая кожа южанки, зеленые глаза и горькая складка у рта, которая делала ее старше.

Один из лакеев, прижимал выгибающегося Хоторна к кровати, а женщина пыталась, срезать с него залитые кровью штаны, рубаха уже валялась на полу рядом с раскрытым целительским саквояжем. Кто видел один, видел их все, пузатые, потертые, в которых вечно что-то зловеще громыхало.

Женщина едва не оцарапала обнаженное бедро Хоторна, и я в замешательстве отвернулась, чувствуя, как кровь приливает к щекам. Может и не зря меня не пускали в спальню к Илберту, а с другой стороны, брат никогда меня так не смущал.

Я моментально пожалела о своем порыве. Что со мной? Один день в Запретном превратил меня в любопытную горничную?

– Не стойте столбом, – выкрикнула женщина, – Держите его, иначе он сам себе навредит.

Крис обошел меня и направился к кровати. Я услышала треск ткани.

– Не смей! Отпустите! Ивидель! – неожиданно выкрикнул сокурсник. И я снова обернулась, не могла не обернуться, стараясь не смотреть на его тело, лучше уж разглядывать рану и подвижные руки целительницы. Она как раз набрала в инъектор прозрачную жидкость.

– Почему он так кричит? – спросил Оуэн.

– Уберите руки! Немедленно! Вы все не... – Мэрдок выгнулся, если бы я его не знала, то сказала бы, что парень напуган, сказала бы, что он в панике.

Целительница ввела иглу инъектора под кожу. Хоторн дернулся и тут же обмяк, бессильно вытянувшись поверх покрывала.

– Ох, – проговорила целительница. И я впервые уловила в ее голосе акцент, слабый, почти незаметный, и все же она чуть длиннее растягивала гласные, а согласные звучали мягче, приглушеннее. – Благодарю вас. Не знаю, что его так напугало, то ли пробуждение в незнакомом месте, то ли игла. Многие люди боятся уколов.

– Вы его исцелите? Или хотя бы... – я замаялась и все-таки повернулась, женщина прикладывала чистую ткань к ране на бедре. – Сделайте так, чтобы он дожил до утра, завтра мы переправим его в Академикум.

– Вам незачем просить, – не поднимая головы, сказала целительница, – Вы гости хозяина, А он отдал четкий приказ. Я сделаю все возможное.

– И невозможное? – спросил Крис.

– И невозможное. – Женщина поджала губы. – Спасибо за помощь, а сейчас если вы позволите... – Она красноречиво посмотрела на вытянувшегося у двери дворецкого.

– Сэр, леди, – склонил голову тот, – Ваши комнаты готовы.

Я бросила взгляд на целительницу, которая обрабатывала рану, чутко прислушиваясь к дыханию раненого, на хмурого Криса, и вышла из комнаты.

Да, комнаты были готовы. Уютно трещал разожженный камин, драпировки закрывали окна и одну из полных лун, что вошла на темном небосводе. Спальня очень напоминала ту, в которую поместили Мэрдока. Накрытая покрывалом кровать, стол, стул, две низких кушетки, полка с тремя сиротливо жмущимися друг к другу книгами в темных переплетах и пять подсвечников, в которых едва слышно потрескивали зажженные свечи. Но очарование этого дома рассеялось в тот миг, когда я увидела старающегося вырваться Хоторна. Оно слетело с темных бревенчатых стен, как старая портьера. И внутри снова поселилась тревога, пока еще отдаленная, пока я еще могла от нее отмахнуться. Это все, что я могла сделать.

В отличие от спальни Хоторна, в моей напротив кровати поставили ширму, за которой обнаружилась бадья с водой. Холодной.

– Сейчас принесут камней из очага, – засуетилась Леа.

Девушка быстро, но немного неловко стащила с меня платье. Я была уверена, что слышала треск ткани, но решила не обращать внимания на пустяки. Чистая вода и возможность согреться и отдохнуть волновали куда больше.

Я забралась в воду и закрыла глаза, наслаждаясь тем, как ловко горничная моет мне голову.

– Какие у вас красивые волосы, леди. Белые, таких сейчас уже не встретишь. – Я молчала, но горничная и не нуждалась в ответе. – Я точно не встречала. – В ее голосе слышалась улыбка.

А меня снова кольнуло странное чувство, то самое, что я ощутила, когда князь говорил об Оке Девы. словно что-то забыла, что-то важное, но это воспоминание, как жужжащее насекомое, все билось и билось о стекло памяти, но все еще оставалось снаружи, оставалось в тени.

– Леди, а почему вы не подогрели воду сами? – полюбопытствовала она. – Мне сказали, вы магесса?

– Кто сказал?

– Ну, все на кухне знают, что у хозяина в гостях маги.

– Ваш хозяин просил не применять силу в его доме, – ответила я, – Не я установила правила и не мне их нарушать.

Она говорила что-то еще, что-то еще спрашивала про платье, шляпки и кухню Энрестали. Иногда смеялась над моими ответами, и зачастую в них не нуждаясь, продолжая спрашивать дальше. Она хотела знать все, от модного в этом сезоне цвета чулок до вина, что подавали на приеме у первого советника.

Жаль, что ее голос несколько не заглушал тревогу, а казалось, усиливал ее. Словно сквозь болтовню я могла не услышать... Чего?

– А тот молодой человек, в спальню которому вы ворвались, – вдруг спросила она и я снова различила в интонации даже не улыбку, а насмешку. – Кто он вам? Друг? Жених? Любовник? – На последнем слове она понизила голос до шепота.

– Хватит, – сказала я, приподнимаясь.

– Простите, леди, – торопливо заговорила горничная. Но вот странность, пусть голос и звучал виновато, насмешливость никуда не исчезла. А может, я просто искала черную кошку в черной комнате и, кажется, находила, – Я просто хотела...

– Можешь быть свободна.

– Но я должна вам помочь, должна вычистить одежду, подать ужин...

– Поди прочь! – повысила голос я.

– Простите, леди, – тихо повторила она, и спустя несколько минут хлопнула дверь.

Прополоскав волосы, я торопливо выбралась из бадьи и завернулась в полотенце.

Что со мной? Это всего лишь горничная, не в меру любопытная, не очень опытная, таких полно в каждом отеле, и если вы остались без собственной, будьте готовы к беспардонному любопытству и сплетням, будьте готовы к их неумелым рукам и неосторожным словам. В каждом бульварном романе, в каждой пьесе есть нетактичная неумеха, что вечно все портит. Так почему сердце так колотится?

Я вышла из-за ширмы. Девушка ушла и унесла с собой мою одежду, разложив на кровати сорочку и домашнее платье, рядом стоял поднос с остывающим ужином.

Это заставило меня почти пожалеть о своей резкости. Девчонка живет в Запретном городе, откуда ей знать, что таких вопросов не задают. Вряд ли к князю часто заглядывают гости.

Пора пить успокоительные капли матушки.

Следующий час, я старательно отгоняла тревогу, пытаюсь понять, что же меня так беспокоит.

Или кто? Князь? Слуги? Или это место? Что если прямо сейчас взять и сбежать? Найти Крису, Этьена, Дженнет, постараться вытащить Мэрдока. Я представила, как появляюсь на порогах их спален и говорю, что надо бежать. Они же отправят меня в целительский дом Ионской Девы скорби, голову лечить.

Помню снежный буран, что раз в несколько лет обрушивается на провинцию Ильяс. Белая мгла, когда ты не понимаешь где небо, а где земля, когда тебя со всех сторон окружает снег, а ты с трудом можешь различить кончики пальцев. Помню, как в Илистой норе застрял на три дня бургомистр Вейланд с дочерьми, помню, как завывал дующий с чирийских гор Хиус

[7]

. Они тоже были вынужденными гостями Илистой норы, и тоже едва успели добраться до темноты. Но, просидев с нами под одной крышей трое суток, сбежать никуда не собирались, и не шарахались от горничных, хотя те тоже болтали без умолку. Слуги сами были готовы танцевать, когда семейство Вэйланд отбыло, и честно говоря, я присоединилась бы к этому танцу.

Так в чем разница? Пусть мы не Траварийской равнине, а в Запретном городе, но снежный буран не менее опасен для припозднившегося путника. Может, в том, что семейство Вэйланд чувствовало себя в безопасности за стенами Илистой норы, а у меня этой уверенности нет? Я не верю князю?

Ответа на этот вопрос не было.

Надевать одной рукой платье оказалось не легче, чем снимать его. Только-только притихшая боль в кисти, снова дала о себе знать. Платье оказалось велико, а про туфли горничная забыла, хотя забрала сапоги, и теперь я ходила босиком по пушистому ковру, и снова начинала злиться на эту Леа. Злиться было проще, чем бояться.

Аппетита не было, и ужин остался стоять почти нетронутым. Я в сотый раз отвела драпировку и в сотый раз посмотрела на белую Эо [8]

и пустынную улицу. Ничего не менялось. В конце концов, я достала книгу с полки, надеясь хоть немного отвлечься. На беду это оказался все тот же сборник уложений по этикету, только более старое издание. Стук в дверь раздался как раз в тот момент, когда я потянулась за второй книгой, и она полетел на пол.

Девы, я действительно напугана. Что угрожало мне в этой комнате?

Стук повторился, а потом дверь распахнулась. На пороге стояла простоволосая и босая герцогиня, в бледном домашнем платье. Совсем как я.

– Есть разговор, – она шагнула в комнату, закрыла дверь и прислонилась к ней спиной. На лице Дженнет был тот же страх, что и на моем, словно я смотрелась в зеркало. Не тот ужас, от которого бежишь сломя голову, а всего лишь испуг, сродни тому, что испытываешь, сворачивая в коридор и натываясь на темную фигуру, и в первый момент не можешь сообразить кто перед тобой: брат или призрак дедушки.

– Что... что случилось?

– Пока ничего. – Она выдохнула. – Свет в коридоре не горит, хотя слуги так и бегают. И как видят в такой темноте, не иначе как на ощупь ходят? Пока дошла, чуть не поседела. – Она натянуто рассмеялась. – Говорю, как моя бабка.

Я подняла книгу и положила на стол, около подноса с давно остывшим ужином. Присутствие герцогини в моей комнате странным образом успокоило, по крайней мере, бегать из угла в угол и каждую минуту выглядывать в окно больше не хотелось. То, что в одиночестве казалось едва ли не естественным, сейчас виделось совершенной глупостью.

– Что ты думаешь об этой Цисси? – вдруг спросила она.

– Ничего не думаю. – Я пожала плечами, вспоминая целительницу, но вместо этого пред глазами появился выгибающийся Мэрдок. – А почему я должна о ней думать?

– Потому что она любовница князя, – выпалила Дженнет и, надо отдать должное, покраснела, в первый раз на моей памяти.

– Даже если и так, что с того?

– Ты очень умело притворяешься дурочкой.

– Ты тоже, – парировала я.

Целую минуту мы смотрели друг другу в глаза, а потом она примирительно добавила:

– Мы не с того начали. Я знаю эту Цисси, – Дженнет скривилась, – Вернее не я, а маменька.

Десять лет назад о ней судачил весь двор. Цецилия Оройе, она не просто южанка, она родом из степи за Саламандской пустошью. Кажется одна из дочерей тамошнего князя или хана, не знаю, как они там местных царьков называют. Владений с ноготок, а в князи лезут.

– Тебе не нравится она сама или ее происхождение?

– Все в месте, в комплекте так сказать. Она совершенно не уважает наши законы, представь себе, приехала учиться на целителя, хотя зачем это ей, ума не приложу, каждый день копать в грязи, брррр. – Герцогиню передернуло.

А я снова вспомнила метавшегося по кровати Мэрдока, кровь на покрывале и искаженного от боли лицо. Грязь – это кровь, пот, слезы? Именно так. Что же меня задело? Выражение «копать в грязи» или тон, которым оно было сказано? Но ведь если бы целительница этого не делала, сокурник мог и не дожить до рассвета. До сих пор нет уверенности, что доживет. Интересно, а нас известят, если Мэрдок умрет? Надо было приказать информировать о любых изменениях. Или попросить.

Разве человек – это грязь? Я вспомнила оборванца, что украл у Гэли сверток. Он куда больше подходил под это определение. А Мэрдок? Не подходил? Говорят, что кровь у всех одинакового цвета...

Я вновь посмотрела на герцогиню, а ведь она даже не хотела никого оскорбить. Она на самом деле так думает. И самое неприятное, что до этого разговора я считала так же.

– Уж не знаю, где ее увидел князь и что разглядел, только он надумал, ни много – ни мало, жениться. Скандал был знатный, но остановить государя оказалось некому. Старый князь уже лежал в спальнице, к советникам молодой правитель, говорят, особо не прислушивался. И по всему выходило, быть бы чужестранке княгиней. Если бы не авария на дирижаблях, если бы не

изуродованное лицо князя. Ни один целитель не смог излечить такие ожоги. Ходили слухи, что молодой правитель расколотил все зеркала во дворце, прежде чем сбежать в Запретный город.

– Очень занимательно.

– Занимательное началось позднее. – Не поняла моего сарказма Дженнет. – Эта Цисси, взяла и бросилась вслед за женихом, хотя ей объяснили не раз и не два, про эту землю, про исход людей, пожалели дурочку. Про силу князя, наверняка, тоже проговорились. В нее она уверовала или свои чувства, неведомо, но не послушала никого. Уехала следом и не вернулась.

– История любви достойная баллады? – Я присела на низкую кушетку, положив опухшую кисть на колени. Одно хорошо, разговор с Джиннет придал мое тревоге совершенно определенное направление, теперь я боялась не за себя. Не только за себя, за Оуэна, а еще... за Мэрдока. Нет, я не испытывала того ужаса, что заставлял силу огня выплескиваться, как в тот момент, когда опасность угрожала Крису, но все же... Я испытывала нечто иное и пока не знала что.

– История для доверчивых дурочек, что верят мужчинам до принесения брачных обетов, – отрезала герцогиня, отходя от двери. – Посмотри на нее сейчас. Кто она здесь? Не жена, не вдова, постельная девка, не больше.

– Пусть так, какое мне должно быть до нее дело?

– Князю пора жениться, – высказалась сокурсница. – На него дают советники, Академиком и даже серые. Сильнейшему роду нужен наследник.

– Думаю, там и без нас разберутся.

– Хватит притворяться глупее, чем ты есть. Ты прекрасно поняла, к чему я клоню. Князю нужна родовитая невеста. Угадай, чье имя назовут первым?

– Твое.

– И твое, – не осталась она в долгу.

– А еще Алисии, Мерьем и десятка два дворянок.

– Они второй сорт, – скривилась герцогиня. – Мы первые, наши роды древнейшие, если бы род Муньер не выродился, и будь в нем брачного возраста дочь, она бы стояла рядом.

– Ты мне словно зачет по генеалогии сдаешь. Пожалуйста, скажи, зачем пришла?

– Князю пора жениться. И я... – она собралась духом и выпалила, – И я хочу стать княгиней.

– Девы в помощь.

– Ты не понимаешь! Как я могу что-то предпринять, зная, что у него сейчас эта девка? Это будет оскорбительно, словно я заняла очередь за какой-то... какой-то... – она не могла подобрать слово. – Хозяйкой этого дома должна стать я!

– Что? – я вскочила, – Ты собираешься остаться здесь? – Неужели магия этой проклятой земли уже начала действовать? Я была уверена, что если что-то и случится, то оно случится вдруг, по шелчку пальцев, а не так... так...

– Хватит говорить глупости, – отрезала она. – Я собираюсь стать княгиней и давать балы в Эрнестале. Поэтому повторяю свой вопрос, что ты думаешь об этой Цисси?

– Ничего, – снова ответила я. – Я о ней вообще не думаю.

– Понимаю, – задумчиво сказала Дженнет и вдруг села на соседнюю кушетку, – У меня к тебе предложение: заключаем мир, пока не избавимся от этой целительницы, а потом, как сам князь решит. Идет?

– Поправь меня, если я что не так поняла. – Здоровой я разгладила оборку платья. – Ты предлагаешь сообщать избавиться от целительницы, а потом предоставить князю выбор жены? И как ты представляешь это «избавление»? Убьем ее, а тело прикажем прикопать во дворе? Или утопить в реке? Что ты хочешь с ней сделать?

– Не знаю. – Она дернула плечом. – Может, ей денег дать?

– А у князя ты ничего спросить не забыла? – Дженнет уже открыла рот, но я остановила ее взмахом руки. – Ты хоть представляешь, во что собираешься впутаться? Ты собираешься оспорить волю князя, а эта Цисси, как ты говоришь, здесь именно по его воле. Целых десять лет, пусть не жена, не вдова, но она рядом с ним.

– И что ты предлагаешь? – она нахмурилась.

– Лечь спать, вот что. Вряд ли князь возьмет в жены девушку, которая сует нос в его дела.

– А ты язва, девка змеиного рода. – Она встала, скрестив руки на груди. – Хочешь отправить меня спать, чтобы самой...

– Договаривайте, леди Альвон. – Я выпрямилась. – Что я, по-вашему, намереваюсь сделать. Прогуляться до спальни князя? Вы это хотели узнать?

– Я этого не забуду, Астер, – зло сказала она, подходя к двери, – А когда стану княгиней... – Она не договорила, вышла в коридор и хлопнула дверью.

– Девы, – проговорила я в пустоту и потерла глаза руками, хотя горничная... Моя горничная Лиди категорически запретила это делать, чтобы не портилась кожа, да и кисть снова заболела. Какой странный день и не менее странная ночь, которая еще не закончилась. Как там рассказывала жрица? Забьются в какую-нибудь нору и дрожат от страха, под утро забудутся коротким сном, а просыпаются с четким желанием обосноваться в этом благословенном краю? Ну, в нору мы уже забились, от страха дрожим. Я, по крайней мере, дрожу. Что осталось? Осталось заснуть.

Я села к столу и открыла книгу. Нет, спать я не намерена. Даже если это очередное уложение этикета.

Но это оказалась книга о чирийском металле, сухие выдержки цифр, коэффициентов, года изобретения и портреты бородатых магов и оружейников.

«...иные свойства стали, названной впоследствии чирийской, по названию горного хребта, что проходит сквозь Разлом или „черной“, по цвету, что приобретает металл, отличаются от любых других, наносимых на оружие с помощью зерен изменений. Доподлинно известно, что к оным относится повышенная плотность структуры, металл становится практически неразрушимым (исключения см. таблицу температур плавления для доменной печи). Второй приобретаемой особенностью закаленного в Разломе металла становится способность узнавать „руку его держащую“ и оставаться неподвластным никакой иной силе...»

Я подняла голову от пожелтевших страниц. Показалось или по коридору только что кто-то прошел? Прислушалась. Вроде тихо. Даже если и прошел, что с того? Это не мой дом и его обитатели не обязаны отчитываться о каждом шаге. Мало ли чем заняты слуги, камин надо затопить, или золу прибрать.

«... впервые черный металл был взят на вооружение элитных войск при Симеоне третьем, а до того дня оставался привилегией знати...»

И до сих пор остается по большому счету. Элитные воска – это вам не набор рекрутов из деревень. Именно из этих элитных войск в последствии появился институт Серых псов.

«...после прорыва дюжины демонических созданий на Траварийскую равнину в тридцатом году от образования Разлома была отмечена исключительная разящая способность супротив созданий тьмы ...»

За дверью что-то тихо зашуршало, словно кто-то разворачивал покупки из новенькой хрустящей бумаги. Или провел когтями по деревянной створке. Я вскочила, выставив перед собой книгу, словно щит. Стул упал. Все звуки исчезли, осталось только мое дыхание, стук сердца и колебание пламени свечи. Огонь – мой друг, готовый в любой миг протянуть свою разрушающую руку помощи.

Минута уходила за минутой, тишина оставалась тишиной, больше никакого хруста, и я медленно опустила книгу, которую сжимала все это время.

– Нет, это совершенно невозможно. До утра я просто сойду с ума, – прошептала я, положила книгу на стол, взяла со стула пояс с рапирой и ингредиентами. Стараясь не думать о том, как это будет расценено слугами или князем, я с трудом одной рукой застегнула его поверх домашнего платья. Пора заканчивать с истерией.

Легко сказать «пора заканчивать», на деле же я несколько минут топталась перед дверью, прежде чем решилась потянуть за ручку и, затаив дыхание, выглянула в коридор. Там никого не было. Лишь колышущаяся за кругом света темнота. Значит, Дженнет не соврала, светильники уже погасили. Я вернулась в комнату и взяла подсвечник. Качнувшееся пламя вернуло мне уверенность.

Дерево пола оказалось на удивление теплым и приятным для босых ног. Я оставила дверь открытой, вышла в коридор и прислушалась. Поскрипывали половицы, трещал фитиль свечи, где-то за стенами завывал ветер. Я подняла свечку выше, но коридор оставался пуст.

Несколько метров, что отделяли эту часть дома от той, в которой поселили парней, я проделала на цыпочках, оглядываясь через каждый шаг. И лишь остановившись перед нужной дверью... Кажется нужной, в темноте они все казались одинаковыми. Оглянулась на все еще открытую дверь своей спальни. Эфес рапиры стукнулся о ручку. Звук показался мне оглушительным и вместе с ним немного знакомым, это царапающее касание. Неужели кто-то так же стоял перед моей дверью? Кто-то с оружием, которое скребло по дереву?

Я торопливо постучала. Никто не ответил. Постучала снова и потянула дверь за ручку...

А вы замечали, как нормы поведения, прививаемые с рождения, словно растворяются в темноте и тревоге?

В комнате горел свет. Мэрдок лежал на кровати до пояса укрытый одеялом, грудь перетягивали белые повязки. Целительница, еще минуту назад сидевшая в кресле у кровати, вскочила. И за миг до того, как она узнала меня, в ее глазах я увидела... Нет, даже не страх, я увидела готовность сражаться.

– Леди, – проговорила она едва слышно, убирая правую руку за спину.

– Простите за вторжение, – я подошла к постели сокурсника, в желтоватом свете его лицо казалось восковым. – Скажите, как он?

– Жив, – ответила она. – Рану на ноге я зашила, если не тревожить, быстро заживет, а там уж будет зависеть от него. Сможет разработать мышцу – будет ходить лучше прежнего, станет себя жалеть – останется колченогим. Сломано три ребра, но внутреннего кровотечения нет, просто разбит нос и выбито два зуба, отсюда кровь изо рта. Грудную клетку я перетянула, в ближайшее время будет больно дышать, но если не добьют, жить будет.

– К-к-кто добьет? – не поняла я.

– Это я образно. – Она натянуто улыбнулась и добавила: – Даю вам слово, я отсюда никуда не уйду и никого к нему не подпущу. Буду сидеть до утреннего дирижабля.

– Спасибо... Утреннего дирижабля?

– Дидье предупредил, что завтрак подадут раньше, потому что за вами прибудет дирижабль из Академикума. Разве вам не сказали?

– Нет. Еще раз спасибо, – я замялась, не зная, что еще спросить, вроде все узнала, оставалось только вернуться в спальню, но вопреки всему уходить не хотелось.

– Он вам дорог? – тихо спросила Цисси.

Тот же вопрос, что задавала мне горничная. Тот же и совершенно иной.

– Не хочу, чтобы он умер, – ответила я и тут же поняла, что сказала правду. Я не хочу, чтобы Мэрдок умер, потому что он не виноват. Не он принес клятву богиням, не он обменял свободу на жизнь отца и брата, он всего лишь оказался нехотелой с этим своим предложением, и даже сперва не он, а его опекун. Он предложил, а я согласилась. Отец и я, как бы не хотелось в этом признаваться.

И теперь я испытывала угрызения совести за то, что исподволь желала ему смерти, просто потому, что так было бы проще.

– Иногда это очень много, – ответила целительница, садясь обратно в кресло, – Не желать кому-либо смерти. Идите спать, леди, не стоит бродить по коридорам в одиночестве.

– Но разве в Первом форте небезопасно? Нам здесь что-то грозит? – спросила я.

– Не больше чем в остальном городе. – Она отвела взгляд от моего пояса с оружием. И это сказало мне больше любых слов. Ее взгляд, а еще скальпель, все еще зажатый в ее правой руке. – Но раз хозяин дал вам свою защиту, значит, он ее дал. Его приказы не обсуждают. Идите спать.

Она перевела взгляд на огонь в камине, а я несколько минут боролась с желанием попросить разрешения остаться. Даже мелькнула мысль попросить ее осмотреть мою руку, но... Что-то остановило меня. Не думаю, что с кистью, что-то серьезное, она почти не беспокоила меня, находясь в покое, боль возвращалась урывками, стоило, пошевелить пальцами или сжать эфес шпаги, как я сейчас.

И дело было не в Мэрдоке, а в том, что мне не хотелось оставаться в одиночестве. Не этой ночью, не в этом месте. В пустой комнате я была один на один со своими страхами, а выдуманскими или нет, сейчас не так важно.

Но я промолчала. Она тоже, так и не предложив мне остаться. Раз хозяин Первого форта дал нам защиту... А что он дал ей? Судя по блеску стали в руке, ничего.

Дверь закрылась за моей спиной. Коридор все так же тонул в темноте, и лишь пятно света в дальнем конце обозначало дверь, из которой я вышла.

– Глупость какая, – тихо проговорила я, – В доме настолько безопасно, что лучше носить оружие и не бродить по ночам, но с другой стороны, раз вам дал слово хозяин, можете лечь спать, а мы пока скальпели наточим.

И тут... кто-то захихикал. Именно так. Кто-то слышал мой тихий монолог и нашел его забавным. Только вот у меня от этого смеха чуть не остановилось сердце. Старая Грэ так же хихикала, когда играла ведьму на празднике в честь Посвящения Девам. Детишки «умирали» от ужаса.

Я вздрогнула, повернулась на звук. Увидела деревянный пол, стены и ручки дверей, что в темноте казались мне совершенно одинаковыми.

По голым ногам пробежался прохладный ветерок, словно где-то дальше открыли окно, и... И в этот миг дверь моей спальни захлопнулась, оставив меня в темноте. Пламя свечи заколыхалось, и я прикрыла его опухшей рукой, стараясь не обращать внимания на боль и на то, как заходится сердце.

– Эй, там кто-то есть? Прекратите немедленно, – потребовала я и едва не добавила: «князь дал нам защиту», прозвучало бы это примерно так же, как «папенька не велел озорничать».

Снова раздался смешок, и все смолкло. Я сделала несколько шагов по коридору в направлении своей спальни. Услышала тихий шорох, развернулась, поднимая свечу повыше, и поняла, если она сейчас потухнет, то я применю магию, пусть это будет и невежливо. Сегодня мне было наплевать на вежливость. Я устала быть вежливой. Устала от этого дома, от его обитателей, от тревожащей ночи за окном. Хочу назад в душные классы к пыльным библиотечными фолиантам и чернилам.

В дальнем конце коридора мелькнул огонек, словно кто-то, так же как и я, шел со свечой.

– Простите! – позвала я, – Эй! – и тут же узнала силуэт. – Этьен, подожди!

Парень повернул голову, и его свеча вдруг потухла так же неожиданно, как и зажглась.

– Этьен! – позвала я, сделал шаг, остановилась и вдруг ощутила чужое присутствие. За спиной кто-то стоял. Я видела его горбатую тень в трепыхающемся круге света, что ложился у босых ног. Почувствовала, как от чужого дыхания шевелятся волосы на затылке.

И поняла, что сейчас заору, совсем, как Аньес, которой в очередной раз показалось, что за окном кто-то есть. Заору, и пламя коснется деревянных стен, осветив коридор словно ясным днем.

И пусть сюда сбегутся слуги, пусть даже спустится сам затворник...

Пусть на меня посмотрят, как на скорбную умом...

Все равно. Сейчас я буду кричать, если смогу набрать в грудь воздуха, если только смогу...

Снова раздался смешок, и я не выдержала. Не смогла. Бросилась к ближайшей двери, ударила, рукой, взвизгнула от боли, пнула ногой. Вместо крика с губ сорвалось, что-то похожее на икоту. Через один бесконечный миг дверь распахнулась, в пламени свечи, я увидела лицо Криса и едва не расплакалась от облегчения. Бросилась ему на грудь, невпопад приговаривая:

– Слава Девам, это ты... Слава Девам...

Воск из наклонившейся свечи закапал рыцарю на рукав рубашки. Эх, видела бы меня сейчас, маменька! Да, даже если бы видела, ничего бы не изменилось. Наверное, у каждого наступает момент, когда условности и нормы, что казались такими правильными, видятся полной нелепостью. Возможно, так на самом деле выглядит взросление. Или сумасшествие. Хотя мне всегда казалось, что первое, мало чем отличается от второго.

– Что ты здесь... – начал он, но я перебила:

– Там кто-то стоял! Кто-то... – Я обернулась.

Коридор за спиной был пуст. Никаких смешков, ветра и горбатых теней. Обычные стены, пол и потолок укутанные темнотой.

– Там кто-то был, – выкрикнула, словно этот кто-то немедленно должен был устыдиться и выйти на свет.

– Тихо! – скомандовал барон, схватил за руку и втащил в комнату.

Дверь захлопнулась. Парень поднял руку и потушил мою свечу, оставляя нас в полной темноте.

– Там и в самом деле кто-то был, – прошептала я.

– И ты решила его развлечь своим обществом?

– Нет, я...

– Разве тебя не учили, не бродить по ночам в чужих домах?

– Нет, я...

– Я так и понял, что нет.

– Кто-то царапал мою дверь, – наябедничала я.

Глаза постепенно привыкали к темноте, я и разглядела едва тлеющие угли в камине, стул, стол, на котором тоже стоял поднос с ужином, кровать со смятым бельем.

– В мою тоже, но вместо того, чтобы открыть этому «кому-то» я придвинул к входу сундук, пусть скребется на здоровье, если когтей не жалко. – Крис отступил, оглядывая меня с головы до ног, с растрепанных волос, до босых ступней.

Я опустила взгляд и увидела, что он тоже без обуви.

– Хотела проведать Мэрдока, – оправдывалась я, хотя прозвучало так себе.

Страхи снова отступили, словно напуганные чужим присутствием. Нет, не отступили, а притаились, чтобы наброситься с новой силой, как только я останусь в одиночестве. Может, и в самом деле в дом целителей заглянуть, микстуру от лишних мыслей выпросить, говорят, есть такие.

– Проведала?

– Да, я...

– Рад за тебя, ну и за него само собой. – Он отошел к окну.

– Крис, ты невозможен, – наконец высказалась я и даже топнула от избытка эмоций.

– Точно, поэтому самое время вернуться к себе и выспаться, завтра нам понадобятся силы, чтобы выбраться отсюда.

– Завтра за нами придет дирижабль Академикума.

– Я тоже надеюсь на это, но...

– Да, нет же. – Я поставила подсвечник на сундук рядом с дверью и обхватила здоровой рукой больную. – Целительница сказала, что точно придет, поэтому завтрак распорядились подать раньше.

Оуэн развернулся и несколько секунд пристально смотрел на меня.

– То есть даже слуги в курсе, что нас отсюда заберут?

– Да, – я переступила с ноги на ногу, как-то неуютно мне было под его взглядом.

– Очень интересно. А к какой вышке он придет, слуги не сообщили?

– Не знаю. Что тебе не нравится? По-моему надо радоваться.

– Давай, начинай. – Он взмахнул рукой, посмотрел в окно, а потом попросил: – Только сперва подойди.

– Крис, я...

– Ивидель, прошу тебя, подойди ко мне.

Вот чего-чего, а этого я точно не ожидала. И даже отсоветовала себе радоваться раньше времени, уж больно хмуро он смотрел. Первый шаг, второй... Я обошла кровать и остановилась напротив рыцаря. Эо, самая маленькая из лун, почти не видная из этого окна, лишь слегка разгоняла ночную тьму, делая наши лица похожими на кукольные.

– Что ты...

Но он снова не дал мне договорить, лишь молча отступил на шаг и, указав рукой на окно, спросил:

– Что ты видишь?

«Тебя» – хотела ответить я, так как взгляд упорно возвращался к рыцарю. Что там могло быть нового за окном, если я выглядывала в него пол ночи? Ничего.

– Наводит на раздумья, – между тем сказал Оуэн и я, наконец, сосредоточилась на ночной улице.

В отличие от моего окна Криса выходило на другую сторону дома. Здесь был разбит небольшой садик, причем разбит не в прошлом веке, а как минимум одну зиму назад. Клумбы обнесены гранитными камнями, черная земля завалена прошлогодними листьями, кусты укрыты мешковиной, лавочку тоже красили, пусть и давненько, а вот засохшее дерево не мешало бы спилить...

Это было похоже на падение, когда долго бежишь в гору, а потом падаешь и никак не можешь отдышаться. Воздух со свистом проходит в легкие, кажется, его так мало, кажется, его нет совсем.

Дерево... Высохший до белизны ствол, корявые торчащие к небу ветки, так похожие на спицы или когти какого-нибудь механического чудовища. Я уже все это видела, как и Первый форт. Как Илистую нору, на белом камне которой стояла такая же коряга. И пусть ее сучки были иными, путь два или три склонялись до земли, тогда, как здесь все ветви смотрели в небо. Они были слишком похожи, чтобы отмахнуться от этого сходства.

– Меня не оставляет мысль, – продолжал говорить Крис. – А что если, дирижабль с этим вашим Виттерном все же спускался в Запретный город? Но мы ушли. Нас увели.

– Что? – не поняла я, – О чем ты говоришь?

И тут поняла, куда указывал рыцарь. На что. Ему не было дело до старого выбеленного временем ствола, и он никогда не был в Илистой норе и не мог отметить сходства. Рыцарь указывал на стоящую чуть дальше за оградой вышка для швартовки дирижаблей.

– Да я и сам не знаю, о чем. – Он опустил руку и потер глаза. – Глупо звучит, да? Ну, есть у князя есть вышка, больше бы удивило, если бы ее у него не было. Просто рассуждаю, брус еще этот... Почему, мне кажется, что князь не сказал нам всей правды по поводу путаницы в Академикуме?

Знаете, когда кто-то другой озвучивает твои тайные сомнения, это заставляет радоваться. Хотя бы тому, что ты не одинок в своем сумасшествии. Он тоже сомневался, но в отличие от меня, не боялся сказать вслух.

Что нам сказал затворник? На что я обратила внимание, но потом позабыла? Что видел государь в «оке девы»... Но ведь.

– Князь соврал, – выпалила я и даже зажмурилась от собственной смелости.

– Поясни, – потребовал рыцарь.

– Око девы слепнет, если направить его туда, где есть другое «око». А в Академикуме оно есть. У Мизров тоже. Князь никак не мог узнать, что отец Гэли предоставил дирижабль.

– Значит, князь соврал, – констатировал рыцарь. – Не даром чертов брус не выходит у меня из головы.

– Что за брус и что с ним не так?

– Брус, которым заперли двери Первого форта. С ним все так. – Оуэн рассеянно запустил руку в волосы. – Старый, добротный, тяжелый, как демон знает что. Вот только на двери одна скоба чуть выступает, то ли у кузнеца рука дрогнула, то ли приладили не так. Она царапает брус.

– И что? – не поняла я.

– А то, что царапина там только одна и оставили ее сегодня на моих глазах. Это значит, что Первый форт никогда до этого не запирали. Это сделали впервые и, кажется, специально для нас, иначе дерево давно бы стерлось. А теперь прибавь к этому, завтрашний дирижабль, и если ты все еще будешь сомневаться, что нам врут, то я просто не знаю что и сказать. – Он развел руками. – Разве что позавидовать. У меня от мыслей голова пухнет.

– У меня тоже. – Я даже пощупала затылок здоровой рукой, но ничего кроме распушенных волос не нащупала.

О девы, я стою в мужской спальне, простоволосая и босиком и кажется, рассуждаю, врал ли нам Князь!

– Все решится утром, – вздохнул Крис. – Когда мы увидим, куда именно пришвартуется дирижабль Академикума. Буду очень удивлен, если на ту же вышку, что и раньше, скорее бросит швартовы здесь. – Он снова посмотрел в окно.

– Почему он не может пришвартоваться здесь? Мэрдока не придется через пол города тащить.

– Может, еще как может. Но тогда вырисовывается странная картина. Сперва князь узнал, что в Запретном городе остались с ночевкой студенты, потом магистры узнали, что мы заночевали в Первом форте, куда и пришлют поутру дирижабль. Все вокруг все знают. Только нам не говорят. У князя есть канал связи с Академикумом? Ты же не веришь в таких быстрых почтовых голубей? Скорее уж ястребов. Телеграфа здесь нет...

– К-какого графа? Я не знаю рода Теле.

– Не важно.

– Раз это важно для тебя, значит важно и для меня...

– Ивидель, прекрати, – попросил он.

– Что?

– Прекрати смотреть на меня так, словно я только что убил дракона и бросил голову к твоим ногам.

А я продолжала смотреть. На простую, кажущуюся серой в лунном свете рубаху, рукав которой был заляпан воском, на растрепанные волосы, на упрямо сжатые губы.

– Не могу, – прошептала я и тут же испугалась этого шепота, потому что он был слишком правдив, потому что это совсем не то, что надлежит говорить джентльмену. Но, как я уже говорила, в ту ночь, все мои принципы трещали по швам, не скажу, что летели в бездну, но вплотную к ней приблизились.

– Этому взгляду очень трудно сопротивляться, – Крис сделал шаг вперед, становясь почти вплотную ко мне. Синие глаза в темноте казались черными. – Но, Ивидель, я не герой баллад. – Губы скривила горькая усмешка. – Я даже не особо хороший человек, скорее уж наоборот, нехороший. И если все вскроется, если люди узнают, вряд ли отделаюсь виселицей. – Я отступила и замотала головой, он говорил какие-то невозможные глупости, которые я не хотела слушать. – Скорее мне грозит четвертование. Одно радует к моменту приведения приговора в исполнение, жрицы уже вывернут меня наизнанку. И я уже буду не я.

– Это неправда, – упрямо сказала я, делая очередной шаг назад, – Ты говоришь это специально, чтобы я...

– Что бы ты что? – с любопытством спросил рыцарь.

Я сделала еще шаг назад и поняла, что отступить больше некуда. Прижалась спиной к стене рядом с окном и смотрела Крису в лицо. Рыцарь поднял руку, его ладонь замерла напротив моего лица, а потом уперлась в стену над головой.

– Что бы я...

Какого ответа он ждет? Не важно у меня нет никакого.

– Я дал слово не касаться тебя, – непонятно кому напомнил он и уперся второй ладонью в стену.

Целую вечность мы смотрели друг на друга, как герои в каком-то дешевом водевиле, которым нужно сыграть любовь. Правда зритель все равно им не верит. Он видит жеманные жесты актрисы, неловкие движения героя, видит пот, от которого начинает блестеть театральный грим, видит, как «влюбленный» неосознанно морщится за миг до того, как накрашенные губы актрисы коснутся его кожи... Наверное, это и правильно. Потому что нельзя сыграть бесконечность взгляда, что длится лишь миг. Взгляда, от которого внутри становится жарко, хотя ты никогда и никому в этом не признаешься. И пусть такой огонь не способен поджечь даже листа бумаги, но я сама могу сгореть в нем без остатка. И весь вопрос в том, сгорю я одна, или рядом будет он.

– Зато я такого слова не давала, – едва слышно прошептала я, встала на цыпочки и прижалась губами к его рту.

Всего лишь прикоснулась. Неуверенно. Легко. Сладко. Всего лишь мгновение, за которым могло ничего не последовать. Не должно было ничего последовать, но... Его губы шевельнулись, раскрываясь навстречу моим, и легкость обернулась чем-то иным, чем-то обжигающе-горячим, чем-то притягательным настолько, что остановиться было невыносимо. Его губы звали за собой, а я следовала. Подняла руку, провела по затылку, плечам, ощущая, как под пальцами напрягаются мышцы, как он едва сдерживается. Есть в этом что-то невыносимо притягательное. Власть, пусть кажущаяся эфемерной, власть над мужчиной, которую я ощутила впервые. Любая власть сладка, а та, что имеет привкус запрета, та, что в любой момент может ускользнуть из рук, слаще вдвойне.

Я забыла про воспитание, про Запретный город, про Мэрдока, князя, Дженнет с ее планами, даже про боль, которая вгрызалась в ладонь.

Крис завладел моими губами, заставляя их раскрыться, касаясь каждой языком, проникая все глубже. Я не могла шевельнуться, не могла даже глотнуть воздуха. Сейчас такая мелочь как дыхание казалась совсем неважной.

Важным был мужчина, его губы, заставляющие меня испытывать что-то невообразимое, заставляя чувствовать покалывание во всем теле. Оно зарождалось где-то в затылке, бархатом касалось кожи. Ткань платья сразу показалась мне грубой и неуместной.

Невзирая на боль в руке, я провела ладонями по плечам, спине Оуэна. Зарылась пальцами в волосы на затылке. Его кожа была горячей, мышцы твердыми. Рыцарь был словно отлит из металла...

В какой момент все изменилось? В какой момент запретная игра вдруг перестала быть игрою, а обернулась чем-то опасным? Когда наши языки сплелись? Или когда Крис вдруг зарычал, словно дикий зверь, и навалился на меня всем телом, еще больше прижимая к стене? Или когда я оторвалась от его губ и стала хватать ртом воздух, будто не могла надыхаться?

В любой из них. Это просто перестало быть игрой и все. А возможно, никогда ею и не было. Я ощущала прикосновение его тела: ног, бедер, живота, груди... И вдруг поняла, как мало на нас одежды. И как приятно мне это ощущение. Я была в ужасе, но не могла его оттолкнуть. И не хотела.

Крис все сразу понял, прочел это в моих глазах и, склонившись к самому уху, прошептал: – Трусиха.

Вопреки всему его голос оставался ласковым. Он искушал, провоцировал. Меня так и подмывало возразить. Вот только если я скажу «нет», скажу, что не трусиха... Потом мне придется все время говорить «да». Я просто не смогу сказать ничего иного.

Я боялась не Криса, а себя. Боялась того, что сама не хочу останавливаться. Должна, но не хочу. Я желала прыгнуть в бездну, держа за руку этого мужчину.

Как там сказала Дженнет? История для доверчивых дурочек, что верят мужчинам до принесения брачных обетов? Очень похоже на то, что происходило сейчас со мной.

– Тебе лучше вернуться к себе в комнату, – прошептал он, отстраняясь, – Для тебя лучше.

Рыцарь опустил руки и несколько раз вдохнул – выдохнул.

– Идем, я провожу, а то опять куда-нибудь забредешь. – Крис подошел к двери.

– Но я не хочу... – начала я.

– Зато хочу я, – отрезал он и попросил: – Не испытывай меня больше, не уверен, что выдержи испытание.

«Я точно не выдержу», – мысленно добавила я.

На этот раз темнота в коридоре не показалась мне страшной. Темнота – это всего лишь отсутствие света, вопрос наличия или отсутствия ингредиентов. И не более.

И никакие хихикающие и горбатые тени нас не беспокоили.

– Эта? – спросил Оуэн, указав на дверь.

Я пожалала плечами, свеча осталась в его комнате, а в темноте все двери выглядели одинаковыми.

Крис толкнул сворку, и я увидела лежащий на полу стул, поднос с ужином, все еще горящие свечи и раскрытую книгу.

– Да, – призналась я.

– Ложись спать, – он развернулся, чтобы уйти.

– А если кто-то снова будет скрестить? Или хихикать? – спросила я. – Вряд ли мне по силам придвинуть комод.

– Поставь стол или стул, – предложил парень. – В любом случае, если весельчак решит заглянуть на огонек, проснешься.

– Хорошо, – я подошла к кровати, не зная, что еще сказать. Губы все еще покалывало, щеки горели, а в теле появилась странная истома.

– Иви, – позвал рыцарь, и я обернулась. – Не делай так больше. Никогда.

– С тобой? Или с кем-то другим?

– Ни с кем.

Мы снова смотрели друг на друга, совсем как еще несколько минут назад. Оуэн перекатился с носков на пятки, словно не мог решить шагнуть вперед или отступить. Как же я хотела снова прикоснуться к нему...

Видела бы меня матушка, не то, что в Кленовом саду запела, она бы меня в обитель жриц отправила, и хорошо, если не навсегда.

Крис молча вышел из комнаты, аккуратно прикрыв за собой дверь. Я не стала подвигать ни стол, ни стул, а просто забралась на кровать с ногами, стараясь согреть замерзшие ступни.

Никто больше не скребся в дверь, никто не хихикал в темноте, даже после того, как прогорели свечи. Я смотрела на деревянные стены, на лунный свет, что падал сквозь окно на пол. Мысли смешались.

После того, что произошло в комнате Оуэна, после всего что было, приличный джентльмен просто обязан попросить у леди руку и сердце. Всегда думала, что так и будет, хотя

сцена в спальне не фигурировала даже в самых смелых моих фантазиях. Жаль только, что Крис не джентльмен, он говорил это неоднократно. Никакого предложения руки и сердца не будет. Лучше всего мне забыть о рыцаре и выйти замуж за Мэрдока, выполнив тем самым обещание, данное богиням. Я подняла опухшую руку и едва не вскрикнула. На покрасневшей ладони ярко горели три точки. словно кто-то тыкал в руку раскаленной спицей. Богини напомнили о данном слове. И сдается мне, напомнили давно. Но я слишком привыкла к боли за этот день, чтобы обращать внимание на еще одну.

Вот и ответ, как бы он мне не нравился. Как бы мне не хотелось плакать. Как бы не хотелось представлять совсем иную жизнь, ту, в которой я выхожу замуж за Криса, заказываю свадебное платье. Я впервые задумалась, что будет, если не сдержу слова? Если нарушу данный богиням обет? Кого они накажут? Меня? Или родных, за жизнь которых заплачено этой клятвой? Видение белоснежного шелка сменилось падающими камнями.

Несправедливо! Ни отец, ни брат, ни Мэрдок ничего богиням не обещали, так почему должны расплачиваться за меня? Значит ли это, что жизнь кончилась и все решено? Значит ли это, что я больше никогда не смогу коснуться Криса, зарыться руками в его волосы? Руку снова обожгло болью. Я закрыла глаза и представила на месте барона Оуэна графа Хоторна. Представила как ледяной Мэрдок сжимает мою талию, как склоняется к лицу... И расхохоталась. Смеялась пока не потекли слезы. Кажется, матушка называла это истерикой. Что ж закономерное окончание этого дня. И этой ночи.

Я просидела на кровати до утра, когда первые лучи солнца показались над Запретным городом, когда дверь тихо открылась и вошла Леа с моей одеждой.

– Вас ждут в главном зале, леди, – проговорила она, глядя в пол. – Сейчас подадут завтрак. Помочь вам одеться или уйти?

– Умеешь укладывать волосы без шпилек? – спросила я.

– Умею вплетать ленты, – сказала девушка и улыбнулась.

В главный зал я пришла последней, если не считать Мэрдока, который не мог ходить и, видимо, остался в своей комнате. Я ожидала увидеть что-то похожее на гостиную Илестой норы с большим камином и дубовым столом, за которым охотникам обычно подавали горячий грог. Но чего не ожидала, так это того, что главным залом на первом этаже форты окажется... В первый момент я подумала, что попала в гигантскую примерочную, подобную той, что была в ателье у мадам Кьет, а потом поймала в одной из стен движение Криса, Этьена, что стоял и тыкал пальцем в стену, князя, который показывал что-то Дженнет...

Это была, вне всякого сомнения, гостиная. Столики у стены, слуги, сервирующие завтрак, белоснежный ковер на полу. Правда, в этой «гостиной» не было окон, и не горело ни одной свечи. В комнате светились зеркала... Нет, стены. Мы словно оказались в пещере из полупрозрачного камня, который едва заметно светился. Но здесь потрудились не бригада рабочих, а какой-то безумный каменотес. Местами отполировал так, что минерал стал походить на зеркало, а местами безжалостно стесал кайлом целые куски. Стекло чередовалось с выщерблинами. Гостиная походила на драгоценный камень, внутри которого мы оказались. Внутри сверкающего десятигранника.

– Мисс Астер, – Услышала я голос князя. – Подойдите. – Мужчина небрежным кивком отослал герцогиню.

– Милорд, – я склонилась, из-под полу прикрытых век наблюдая, как Крис берет чашку со столика. Он даже не обернулся, когда я вошла. И кажется специально.

– Посмотрите сюда, леди Астер. – Затворник указал на одну из стен сколотую лишь по краю.

Нет, этот минерал не был ни стеклом, ни зеркалом, отражаясь в нем, люди становились похожими на привидения, блеклые, слегка размазанные, с искаженными вытянутыми лицами, словно Ивидель Астер, что была по ту сторону, сейчас заплачет или закричит. Стоящий за моей спиной князь походил на статую, на отлитую из черного металла фигуру воина. Слишком неподвижен, слишком высок, слишком темен. Не смотря на маску, я могла видеть резкую линию скул, полные губы, глаза, что смотрели слишком пристально. Длинные светлые волосы были забраны в хвост, как принято у южан.

– Что вы видите?

– Себя, государь. И вас.

– Разве? Неужели, мы такие страшные?

– Вы смеетесь, милорд? – я наблюдала, как в отражении Этьен что-то показывал Дженнет и опять тыкал пальцем стену.

– Пожалуй, – не стал отрицать князь, хотя вряд ли его сжатых губ касалась улыбка. – Вы знаете, где мы?

– Нет, милорд.

– Какие же вы все скучные, – заявил он, и я в замешательстве подняла голову, – Нет, милорд. Да, милорд. Что одна, что вторая, аристократки... Другие слова знаете?

– Да, милорд, как вам будет угодно, мило...

– Поднимите руку, Астер.

Я в замешательстве подняла ладонь, ожидая, что он сейчас, скажет что-нибудь об опухшей кисти, но вместо этого, мужчина обхватил мое запястье и заставил коснуться стены.

И мир вспыхнул! Мы словно оказались внутри гигантского костра. Алые всполохи расцвели в полупрозрачных стенах огненными лепестками. Этьен с криком отшатнулся, Дженнет вздрогнула, Крис уронил чашку и впервые посмотрел на меня, всего лишь бросил взгляд. Дворецкий Дидье что-то в полголоса сказал Этьену. Герцогиня передернула плечами и села в кресло. Крис встретился взглядом с князем в отражении и... остался на месте. Стены продолжали гореть, а все вели себя так, будто ничего особенного не происходило.

– Это... это... – пробормотала я, глядя, как взметнувшееся внутри стен пламя медленно исчезает.

– Да, это зал стихий, – подтвердил князь.

– Девы! Но я думала... Мне говорили, что он... Он похож на... – я не могла объяснить. Зал стихий – это легенда, а не гостиная в бревенчатом форте.

– На что? На тронный зал? – иронично уточнил государь. – Когда десять магов перед лицом богинь приносили здесь первую вассальную клятву князю, они не думали ни об обстановке, ни о том, что случится с этим залом позднее. Что сделают с ним потомки...

– А что они... мы сделали, милорд? – спросила я, глядя, как в отражении слуги убирают осколки чашки.

– А вы не видите, леди Астер? – он обвел рукой комнату. – Не видите, что стены зала стихий разрушены? Вернее, их разрушили.

– Кто осмелится? – пламя уже исчезло, но стены больше напоминали прозрачный горный хрусталь, теперь они походили на рубины. Коснувшись, я своей силой окрасила их в алый.

– Например, вы.

– Но милорд...

– Дайте мне ваш камень рода, леди, – потребовал князь, отпуская мою руку.

– Камень, с помощью которого вы вчера пытались связаться родными. Так понятнее? Живо! Его голос снова наполнился силой, которая заставляла склоняться головы. Я отстегнула мешок, едва не уронила его на пол, в последний момент успела подхватить опухшей рукой, и протянула князю.

– Крупный, – развязав тесемки, констатировал государь и достал алый кристалл. Ничего не произошло. Камень не откликнулся на его прикосновение. Князь поднес к одной из выбоин на стене мой кристалл, что-то хрупнуло и... Там где еще минуту назад зияла дыра, теперь был ровный отполированный участок. – Вы, и все те, кто узнал о силе минералов, что впитали первую клятву, первую магию, первое обещание прийти на помощь. Вы выламывали камни из этих стен столетиями... А ведь это ваше прошлое. Наше. Посмотрите наверх, – скомандовал мужчина, и я подняла голову.

Там, где стена встречалась с побеленным известкой потолком, на алом минерале выступала рельефная надпись:

«Я умею предавать».

Надпись на языке единой Эры, что так похож на наш, но так отличается. Мы давно не говорим на нем. Давно не пишем. Я бы не смогла прочитать ни одной старой книги, но знала, как выглядят на нем слова моего рода. Как сказал только что князь, это наше прошлое.

– Вы сами ломаете реликвии рода.

– Но, – я осмелилась перебить и даже не поняла этого. – Я никогда...

– Вам, леди, совсем не обязательно самой махать кайлом, достаточно потрясти мешочком золота. Этот мир стал прост, все решают деньги. Если не верите мне, спросите у Миэра.

– Да, милорд, – Я снова опустила глаза.

– Именно для этого я привел вас сюда, молодые люди. – Князь повернулся к остальным и повысил голос: – Я хочу восстановить стены зала стихий, и каждый, у кого в семье хранится такой осколок, каждый, вернувший его мне, получит награду. Запомните сами и расскажите остальным.

Ему бы с папенькой познакомиться. Глядишь, нашли бы общий язык, – подумала я.

– А если граф Астер поинтересуется, куда вы дели семейную реликвию, пошлите его ко мне. У него есть как минимум еще один такой камешек. – Словно прочитал мои мысли затворник.

– Одна стена уже восстановлена, – сказал Этьен.

– Да, род Муньер мертв, и мне удалось собрать его камни. – Князь шагнул к единственной целой стене- грани в комнате и провел по ней рукой.

Там тоже была надпись. Буквы старого языка насакивали друг на друга, иногда даже сливаясь.

Если бы я не знала, что там могло быть начертано, то вряд ли бы прочитала.

«Я не хочу быть собой».

Хотя некоторые историки ратовали за иную трактовку, например: «Не могу быть собой».

Жрицы предлагали еще как минимум три варианта перевода. Правду знали Муньеры. Но они все мертвы.

Я вертела головой, рассматривая сливающиеся слова. На каждой стене были вытесаны, а может и выплавлены краткие надписи. Всегда разные и всегда одинаковые. Девизы родов, которые уже мало кто читает и мало кто произносит вслух.

Вот тот, наверняка, принадлежит Альвонам, не зря герцогиня не сводит с него глаз, а ее губы шевелятся, едва слышно произнося:

– Я буду блистать.

– Смелее, молодой человек, – обратился государь к Крису.

Оуэн замер напротив одной из стен с поднятой рукой, словно никак не мог решиться.

– Даже если у вашего отца есть осколок, он ничего не узнает. Одна из особенностей этого места. Все что происходит в зале стихий – остается в зале стихий.

– Благодарю, милорд, – Крис опустил руку, так и не коснувшись минерала.

– Милорд, а правду говорят, что находиться в этом зле можно лишь в вашем присутствии, иначе сила вырвется из-под контроля и убьет носителя? – спросила Дженнет.

– Хотите, я выйду, и мы проверим это утверждение? – князь впервые рассмеялся. – Нет? Жаль, хоть что-то интересное за все утро.

– Ну что вы тушуетесь, барон? – спросил Этьен, на скулах Оуэна заходили желваки. – Или боитесь, что дорогая мамочка бегала из супружеской постели на сеновал к конюху, и зал стихий останется равнодушным к вашему прикосновению? Происхождением надо гордиться. – И с этими словами южанин сильно хлопнул барона по плечу, по сути толкнул, вынуждая того, опереться на стену, чтобы сохранить равновесие.

Стены снова вспыхнули ослепительно белым молочным туманом, Белый – цвет песка, что лежит на пляжах, западных провинций, белый – цвет тумана, что укрывает виноградники в низинах, белый – цвет оперения ночной охотницы совы.

Нас ослепило белое сияние. Что бы там не говорил Этьен, в Кресе текла кровь Оуэнов.

Спустя миг режущая глаза белизна отступила, перекусив гостиную в цвет молака. Эти стены, как и выломанные из них камни, откликались на силу крови. Силу крови десятерых, что когда-то принесли здесь вассальную клятву. Откликался весь зал, каждая из стен, как часть единого целого. Белый – цвет Оуэнов, алый – цвет Астеров.

Над головой барона тоже была надпись:

«Я вижу в темноте»

Во всяком случае, это должна быть она, потому что витиеватые буквы старого языка были знакомы мне весьма смутно.

– Вы забываетесь, мистер Корт, – процедил Крис, хватаясь за рапиру и... встретившись взглядом с князем, нехотя разжал руку.

– Правильное решение, молодой человек. Род Оуэнов меня не разочаровал, – сказал государь.

Южанин оскалился, но промолчал. Оскорбление было тонким, и его нанес человек, которого вряд ли можно вызвать на дуэль, или подкараулить за замком Ордена.

Дверь в зал открылась, и один из лакеев церемонно поклонившись, объявил:

– Солнце встало двадцать три минуты назад, дирижабль Академикума заходит на посадку.

Мы переглянулись. Не знаю, как остальные, а я почувствовала, облегчение.

– Ну что, кто-то хочет остаться в Запретном городе? – в голосе князя слышалась ирония.

– Милорду стоит только приказать, – склонила голову герцогиня.

Я могла бы поклясться, что затворник закатил глаза, хотя из-за маски не была в этом уверена.

Слишком уж неподобающе это государю.

– Убирайтесь отсюда, – скомандовал он.

И мы убралась. Этьен выскочил из дверей первым, за ним вышел Крис. Герцогиня, сделав еще пару приседаний, исчезла в коридоре. Я уже переступила порог, когда меня догнал тихий но отчетливый приказ:

– Задержитесь, леди Астер.

Всего три слова, чья тяжесть легла мне на плечи. Я обернулась. Дворецкий стоял у кофейного столика и демонстративно смотрел в сторону, лакей невозмутимо держал дверь открытой, а ко мне направлялся князь.

– Покажите руку, – потребовал он. Насмешливость еще минуту назад присутствовавшая в его голосе исчезла.

Я подняла ладонь, молясь богиням, чтобы она не дрожала. Но девы остались глухи, кисть ходила ходуном, совсем тот раз, когда я впервые осознанно собрала зерна изменений. Государь коснулся моих пальцев, заставляя разжать кулак. Боль легкой птицей пробежалась по суставам и свила гнездо в центре ладони.

– Хм... – он дотронулся до припухшей кожи, и на ней тот час проступили три яркие точки. – Значит, мне не показалось. Обещание богиням? Когда вы успели?

– Сразу после праздника Рождения Дев.

– И чего наобещали?

– Милорд, я не думаю... не могу...

– Не хотите говорить, не говорите. Вы собираетесь выполнить обет? – он посмотрел мне в лицо, а я поразились, какими светлыми стали его глаза, почти прозрачными.

– А как иначе? Все будет, как прикажут Девы, – я опустила взгляд.

– Что-то не слышу в вашем голосе энтузиазма. – Он накрыл мою руку своей.

Интимный жест, неприличный. На воспаленную кожу тут же опустилась прохлада, и я выдохнула от облегчения. А потом едва не закричала, судорожно вырвав ладонь из его руки.

– Милорд, что вы делаете? Так нельзя, эта магия запрещена! За это отлучают от силы и надевают рабский ошейник! – я попятилась, с ужасом глядя на затворника. Князь нарушил завет богинь? Невозможно! Может, я еще сплю, и это кошмар?

– Кому? Вам? Или мне? – Кажется, вопрос его даже развеселил. – Не переживайте, леди Астер, все, что происходит в зале стихий – остается в зале стихий. Если конечно вы не сдадите меня совету Академикума?

– Не... Нет.

– Жаль, – снова разочарование в голосе, – Это было бы забавно.

– Я могу идти, ми... милорд?

– Я знал того, кто нарушил данную богиням клятву – произнес он, заставляя меня замереть в замешательстве.

– Вы шутите, милорд? – спросила я и вдруг поняла, что очень хочу зажать уши и убежать. Не слышать того, что он сейчас скажет. Не знать, как можно нарушить обет. Потому что если я это узнаю... Не удержусь на краю, точно шагну в бездну. И хорошо если одна, а не потяну за собой отца и брата, за жизнь которых расплатилась.

– Отнюдь. Самое интересное, что вы тоже его знаете. Того, кто перед лицом богинь поклялся хранить эти земли, а потом предал своего сюзерена. Первый змей – ваш предок. Предал и даже смог заплатить назначенную цену.

Князь не сказал ничего нового, о предательстве Змея знали все. Но никто никогда не рассказывал мне эту историю так... Так странно и неправильно. Он говорил очевидные вещи, но в его устах они обретали совсем иной смысл.

Государь просто поставил мне поступок первого змея в пример.

Захотелось убежать. Захотелось остаться и послушать дальше.

– Идите, леди Астер, – произнес он. – Вы еще не готовы. Ни задавать вопросы, ни слышать ответы.

И я не просто пошла, а выбежала из зала стихий, а потом и из первого форта. Едва не сбила с ног целительницу, которая следила, чтобы тащившие Мэрдока лакеи не растревожили раны. И,

наверное, на моем лице было написано что-то тревожное, заставившее Цисси оглянуться на форт, на темную фигуру, что стояла в проеме. И лицо девушки изменилось. Не было ни восхищения, ни тепла, ничего, что присуще влюбленным. На ее лице не осталось ничего кроме ярости. Яркой, как огонь Астеров.

Где-то ты ошиблась герцогиня. Потому что, глядя на князя, Цецилия Оройе не испытывали ничего кроме ненависти.

– Дирижабль! – закричала Дженнет, едва не подпрыгивая на месте, когда воздушное судно пришвартовалось к мачте за первым фортом. К мачте князя. Крис обернулся и посмотрел на темную фигуру в проеме.

Я попыталась улыбнуться, попыталась радоваться вместе со всеми, но в голове повторялась одна фраза. Она прокручивалась раз за разом, словно записанная на валик шарманки:

«Я умею предавать. Я умею предавать. Я умею?»

Билет 4. Позорные столбы. История появления, виды и применение

– ... изначально летающий остров был задуман, как эвакуационное судно, если Тиэра преодолет Разлом и раздавит магическую Аэру. Структура нечерийской стали настолько плотна, что практически не поддается разрушению... – стоя около учительского стола Гэли зачитывала эссе.

– А с чего вдруг Тиэра должна раздавить Аэру, если обе половинки Эры одинаковые и раньше вполне мирно существовали, как единое целое? – шепотом спросил Оли, перегнувшись через пустой стол Мэрдока.

Хоторн до сих пор находился в доме целителей в Трейди. Я пару раз даже подумывала справиться о его здоровье, но в последний момент всегда малодушничала, хотя и задавалась вопросом: «Почему? Это всего лишь вежливость» И все равно пасовала, утешаясь тем, что, случись непоправимое, нас бы давно известили. Раньше было проще. Раньше – это до заключения брачного контракта. Раньше – это до обета богиням. Но, наверное, я лукавила. Раньше я бы тоже не пошла. Леди, навещающая молодого человека в доме целителей, неизменно вызвала бы вопросы. Как и невеста не навещающая раненого жениха. Не уверена, что хочу отвечать на них. Сейчас, я была благодарна нормам этикета. Никто не знал, что мы с Мэрдоком помолвлены. Никто не требовал от меня поездки в Трейди, никто не ждал, что я буду дежурить у палаты больного. Никто не ждал, что я буду переживать, как тогда в Запретном городе... Запретный город странное место, он толкает нас на странные поступки.

– Не знаю, – отозвался Коррин. – Может, потому что на ней много железа?

– Так не из воздуха же они его взяли. Залежи железной руды были всегд... ай! – Оли получил подзатыльник от проходившего между рядами магистра Ансельма и снова повернулся к Гэли, делая вид, что внимательно слушает.

– ...Но в последствии острову придумали иное применение. Например, в пятьсот пятьдесят первом году от образования Разлома временным советом магов... – Гэли подняла голову от листка и спросила: – Про временный совет магов рассказывать?

– Обойдуся, – буркнул магистр.

– Так вот, – Гэли перевернула страницу, на которой, рассказывалось о временном магическом правительстве времен первой смуты, а потом еще одну и еще. Смута на Аэре длилась несколько десятилетий. – В пятьсот пятьдесят первом году была предпринята первая попытка преодолеть Разлом...

– Как? – привстала Рут, – Мы предприняли попытку проникнуть на Тиэру?

– Мы – нет, – отрезал магистр. – А вот предки были не в пример смелее.

– Но на Тиэре остались враги! Враги богинь! – выкрикнула Алисия Эсток.

– Может быть и так, – пожал плечами милорд Ансельм.

– Но тогда зачем... – Мерьем не договорила, Дженнет очень выразительно фыркнула.

– А кто говорит о врагах богинь? – удивился магистр. – Вы, чем слушаете? Была предпринята попытка преодолеть Разлом. Разлом, леди Эсток. А не высадиться на Тиэре. Продолжайте, мисс Миэр.

– Но эта попытка закончилась неудачей, – снова зашелестела бумагами Гэли, – Остров вернулся к Вратам демонов [9]

в целлгости и сохранности спустя два дня. В живых из первой экспедиции осталось лишь девять человек, из них: пятеро магов, четыре рыцаря и ни одной жрицы.

– Не так уж плохо, – пробормотала Мэри.

– Не так, – согласился Ансельм Игри. – А намного хуже.

– Через некоторое время после возвращения маги утратили способность управлять изменениями и сошли с ума. Рыцари остались рыцарями, но сошли с ума, также как и колдуны. Тел остальных участников экспедиции обнаружено не было. После первой неудачи остров оставался пустынным около ста лет. Многие надеялись, что у него кончится горячее, или что нечирийскую сталь съест ржавчина, многие предрекали, что он в один из дней он свалится на головы честным гражданам Эрнесталю, но...

– Как я понимаю, не свалился? – ухмыльнулся Оли.

– Нет. Вторая попытка преодолеть Разлом была осуществлена через сто пять лет. На этот раз неудача была... абсолютной. И сорока членов экспедиции выжили двое. Анализ следов и исследование территории острова позволили сделать вывод, что отряд по какой-то неведомой причине разделся. Одна часть напала на вторую. – Гэли вздохнула и посмотрела на меня, Я перевела взгляд на исчерканный листок, не содержащий ничего вразумительного. За исключением спиралей, так похожих на барельефы главного корпуса Академикума, то есть кучу завитушек, без особого смысла. – В итоге сражения экспедиция понесла невосполнимые потери и вынуждена была вернуться. Двоим выжившим магам сила перестала подчиняться через две недели, и они полностью утратили способности к колдовству. Был сделан вывод о способности Разлома сводить людей с ума, а также поглощать магию... Нет, даже не магию, а саму возможность управлять зернами изменений, что было подтверждено четвертой и пятой экспедициями.

– Предки были не смелее, они были твердолюбее, – шепнул Коррин.

– Этому явлению посвящены труды одной из верховных жриц Гвиневер, до посвящения богиням леди Муньер. Она предложила несколько теорий согласно которым, попавшие в Разлом маги...

– Отставить магические теории, – прервал ее Ансельм Игри. – Рассказывайте об Академикуме.

– Да, хорошо, – Гэли зашуршала страницами. – Через тридцать три года после пятой экспедиции на княжеском совете было предложено создать на летающем острове что-то вроде летучего отряда на случай беспорядков или восстания на рудниках. Аэродинамические показатели острова таковы, что он без труда может развить скорость равную скорости дирижабля, превосходя грузоподъемностью самый большой носорог в несколько тысяч раз.

– И как же летучая казарма превратилась в учебное заведение? – спросила Рут.

– Были учрежден совет, в который вошли ...

– Маги, жрицы и рыцари, – в полголоса проговорила я, но Гэли услышала и даже ответила:

– Нет. Только рыцари, но жрицы обеспокоенные, растущим влиянием воинов, и тем, что под их контролем откажется военная сила, подали петицию князю. А вслед за ним и маги, хотя их всерьез никто не воспринимал. Когда государь удовлетворил обе, все были, мягко говоря, удивлены. Колдуны возвращались из полувековой опалы медленно, но верно.

– Еще бы, – фыркнула Алисия.

– Решения правящего рода не оспаривают. И три стороны сели за стол переговоров.

Поругались, даже подрались, потом снова стали разговаривать. На то чтобы организовать что-то более или менее стоящее, у них ушло около пяти лет. К тому времени выяснилось, для того чтобы иметь в своем распоряжении маленькую армию, нужно эту армию набрать и обучить. Так и вышло, что на летающем острове стали сперва тренировать наемников, потом добровольцев, которых становилось все больше и больше. Авторитет острова рос, в него стали съезжаться отпрыски родовитых и богатых семей, которые в состоянии не только оплатить обучение, но и достойны принести вассальную клятву князю. Официально Академикум получил статус учебного заведения в семьсот третьем году от образования Разлома, то есть всего триста двадцать два года назад. – Она закрыла папку с листами и выжидательно уставилась на магистра.

– Хорошо, ставлю зачет, – сказал магистр Игри. Гэли улыбнулась. – Хотя, слово аэродинамический вы употребили всего пару раз и ни разу не дали ему определения, не говоря уже об описания технической части.

– Тогда почему «зачет»? – удивилась Дженнет.

– Обратите внимание, не отлично, а лишь зачет, леди Альвон. Никто из вас не знает ни устройства, ни основ воздушной механики. – Учитель кивнул Гэли, и та вернулась на место. – Мисс Миэр не стала углубляться в сведения, в которых ничего не смыслит. Но я это исправлю. – Ансельм Игри достал с полки самый толстый том, со стуком опустил на стол и открыл на первой странице. – И прямо сейчас. Записываем первое определение. Механика – это искусство построения машин, наука о движении и силах, вызывающих движение; в узком смысле – техническая наука. Одним из направлений механики является небесная механика, механика движения небесных тел...

Оли свел глаза у переносицы, Рут хихикнула, но взялась за перо. Я сжала и разжала руку, что было скорее данью привычке, которая появилась у меня за эти несколько дней. Кисть не болела, но я знала, боль может вернуться в любой момент. Боль не от вывиха, а как напоминание о данном богиням слове.

– Иви, подожди! – услышала я голос Гэли за спиной, но вопреки просьбе продолжала идти дальше. – Ну, пожалуйста, Иви.

Свернула с главной площади, ступила на тщательно расчищенную от подтаявшего снега дорожку Ордена. Где-то впереди слышался шум толпы, отдельные выкрики и ропот. Видимо у рыцарей на ристалище снова учебные поединки, которые сбежалась посмотреть большая часть Академикума. Женская часть.

– Иви! – не сдавалась Гэли, и я прибавила шаг, пусть думает, что мне тоже не терпится посмотреть, как полуголые рыцари махают железом. – Ты, конечно, упрямая, но я не меньше. Тебе придется меня выслушать, а иначе буду бегать за тобой везде и кричать... уф, как сейчас! И пусть смотрят.

Я остановилась, не дойдя до окруженной учениками арены всего с десятков метров. На нас и в самом деле стали оглядываться.

– Иви, – выдохнула Гэли, стараясь выровнять дыхание.

– Тебе нужно усилить физические нагрузки. Хотя бы тренируйся с рапирой, а то бегаешь, как моя старая нянька.

– Ага. И как моя, – не стала отрицать подруга и тут же серьезно спросила: – Она сказала тебе? Герцогиня? Точно сказала. Поэтому ты не разговариваешь со мной и даже не смотришь, совсем как в первый день в Академикуме.

– Ты что-то хотела?

– Вот снова, – она улыбнулась, – И аристократический лед в голосе, о который так просто порезаться. Позволь, мне хотя бы объяснить, – попросила она.

Девчонки у ристалища вдруг заверещали, но испуг в их голосах быстро сменился восхищением. Наверняка кто-то из бойцов снял рубашку, хотя в такой холод, это верная дорога в гости к целителям.

– Говори, – я посмотрела вверх зрителей, где-то там посреди ристалища установили столб, к верхушке которого крепилась массивная цепь.

– Иви, в тот день я была в корпусе магистра Маннока после занятий. Я... – Она вздохнула. – У меня была назначена встреча. Но все пошло не так. Совсем не так.

– Это все?

Цепочка, что крепилась к высокому столбу, вдруг дернулась и натянулась, словно, кто-то на земле, как посаженный на цепь пес, рванул в сторону. Девушки снова закричали и отпрянули, на миг приоткрывая моему взгляду часть ристалища.

На цепь рыцари посадили отнюдь не пса и даже не дикого аванийского волка. Они посадили на цепь железную тварь, так похожую на тех, что преследовали нас в Запретном городе. Похожую, но совсем иную. Треугольная башка, торчащие уши, алые глаза и лапа с четырьмя длинными лезвиями – когтями, чиркнувшими по ограде ристалища. В воздухе свистнул кнут и ударил механического зверя. Плеть соприкоснулась с железным боком, между ними проскочила голубоватая искра. Значит, в рукоять вставлена «звезда». Звезда – это на самом деле зерно чистой энергии, и если его оболочку разрушить, получится примерно то же самое, что выходит

у горных инженеров, когда они взрывают породу, чтобы проложить дороги. Бумкнет так, что мало не покажется, и все в радиусе метра разлетится на кусочки. Очень опасное зерно, мы с такими не работали и не знаю, будем ли.

Маги могут не только ускорять процессы, но и замедлять их. Если замедлить разрушение оболочки «звезды»... Конечно, замедлить в два раза труднее, чем ускорить. Ускорить – это как кинуть камушек и спровоцировать обвал, замедлить – это как, стоя внизу, остановить мчащуюся на тебя породу. Но если все же удастся, то вы получите колоссальное количество энергии.

Поэтому этот кнут будет жалить долго, до тех пор, пока звезда мучительно – медленно разрушающаяся в его сердечнике, не иссякнет. Такие предметы, где встречались вещество и энергия называли «новыми» артефактами, чтобы отличать от старых. Тех, что создавали, когда еще Эра была едина, когда люди еще не предали богинь. Тех, в которых магия жила вечно, а не умирала годами.

Честно говоря, новых артефактов с начинкой из энергетических зерен многие побаивались, но уже велись разговоры о том, что скоро разработают двигатель, способный тащить повозку, как раз на распаде зерна, а не на пару или сгорании черной, как ночь, крови земли.

Зверь упал на присыпанную песком землю и тут же вскочил на ноги, наклонив лобастую башку. – Иви, ну, пожалуйста, поверь мне, – снова заговорила Гэли, а зрители снова заслонили от меня ристалище.

– Верю. – Я снова повернулась к подруге.

– Но это ничего не меняет, да? – убито спросила она.

Послышались подбадривающие и провоцирующие выкрики. Кто-то требовал «показать этой железке, где демоны зимуют». Железке? А ведь я уже видела эту «железку». Не похожую, а именно эту. В накрытой тканью клетке на паровой телеге, что стояла посреди двора.

Я вспомнила, как эти самые когти разорвали мне юбки. Мое наказание у рыцарей. Крис, Жоэл, книга и зверь в клетке.

– Гэли, мне нужно идти.

– Нет, Иви, послушай. – Она схватила меня за руку. – Ну, хорошо. Не встреча, а свидание с молодым человеком, – торопливо проговорила она и тут же зажала себе рот руками, а потом почти шепотом продолжила: – Я написала ему письмо... Сама... Не знаю, что на меня нашло, но я подумала... Впрочем, неважно, считай, я лишилась ума. Написала письмо и назначила встречу в корпусе Маннока, если бы кто-то нас увидел, всегда можно было сказать, что мы занимались.

– И вы так увлеклись, что сожгли корпус?

– Перестань. – Гэли поморщилась. – Он не пришел. Кажется, он вообще не получил моего письма. Его получил... Перехватил другой. Тот «другой» и пришел. Он смеялся, угрожал, что расскажет о моих чувствах всем, – она говорила торопливо, словно боясь остановиться и передумать. – Я так разозлилась, так... – Она сжала кулаки. – Отшвырнула его воздушной волной. Девы! Применила магию против ученика! За одно это меня бы исключили. – Подруга почти плакала. – Выхватила письмо, разорвала, бросила обрывки в чашу и насыпала сухого огня. Бумага вспыхнула и я убежала.

Ее голос то и дело заглушали щелчки хлыста и рев толпы.

– А когда занялся корпус, испугалась. И не того, что подумают на меня, а того, что...

– Что тебе придется объяснять, что ты там делала. И с кем.

– А это хуже отчисления. – Она опустила голову. – Куда хуже.

– Что ж я тебя выслушала, увидимся на занятии по этикету через...

– Ты все еще злишься? – убито спросила Гэли, – Знаю, я перед тобой виновата. Позволила обвинить, позволила тебе платить, но я возмest...

– Если ты начнешь говорить про деньги, то я не только перестану с тобой разговаривать, перестану смотреть в твою сторону. Я не из-за денег злюсь и не из-за ложного обвинения.

– А из-за чего? – тихо спросила подруга.

– Из-за того, что ты не призналась. Не им. – Я посмотрела на толпу учеников. – Почему ты не рассказала мне? Пусть и не сразу... Почему ты позволила это сделать герцогине? Позволила вбить клин между нами?

– Потому... потому... – Она закусила губу и вдруг в замешательстве отвернулась. – Потому что не могла. Я и сейчас не могу, иначе... – прошептала она и вдруг развернувшись, пошла обратно

к Магиусу. Побрела, ссутулившись, словно старуха лавочница, что привыкла таскать на спине тюки.

Я смотрела ей вслед и ощущала... Нет не злость, впервые, с того момента, как вернулась из Запретного города, я чувствовала растерянность. Не одну меня окружают случайности и проблемы, не одну меня терзают чувства и неопределенность, не одна я совершаю глупости, которые трудно объяснить другим.

– Гэли... – едва слышно позвала я, но подруга не услышала.

Наверное, я бы все же догнала ее в тот день, и все могло бы пойти иначе. Не хорошо, не плохо, а по-другому. Как много значит вовремя сказанное слово. Или несказанное.

Кто-то легонько тронул меня за плечо.

– Мисс Астер?

Я повернулась. Передо мной стоял молодой человек в черном плаще. На ристалище снова раздался крики, цепь повело в сторону, радостные возгласы сменились испуганными.

Показалось, или от очередного рывка железной кошки столб чуть наклонился?

– Вас ждет магистр Йен Виттерн.

– Да, конечно, подойду через минуту, – я даже сделал шаг следом за подругой.

– Немедленно, – отрезал парень, по всему выходило кто-то из старшекурсников, – Милорд приказал привести вас немедленно. Следуйте за мной.

Зрители продолжали кричать, хотя часть отпрянула, когда тварь с треугольной башкой бросилась на ограду. Прежде чем уйти, я успела заметить одного из магистров, держащего в руках хлыст, а так же тройку учеников, готовящихся выйти против металлической зверюги. Третьим был Крис.

Административный корпус Магиуса почти вплотную примыкал к библиотечным башням. Смотрелся он рядом с ними нелепо, как детские салазки среди каретного двора. Невысокий, всего в два этажа, зато вытянутый, словно казарма при адмиралтействе. Насколько я знала в этом здании располагались личные кабинеты магистров, секретариат, архив, поговаривали, даже казна, но, глядя на деревянные двери без единого запора, окна без ставень и облупившийся от времени фасад, в это верилось с трудом. Я была там три раза. Первый, заносила бумаги о поступлении и отцовский вексель. Во второй, расписывалась за материальные ценности, вроде особо ценной перины и подушки, а так же за невосполнимую растрату дров для камина, и снова занесла вексель. В третий, когда спалила корпус Маннока... Поправка, кажется, когда кто-то другой спалил корпус Маннока. И да, опять рассталась с векселем. Так что сами понимаете, ходить в администрацию у учеников особого желания не возникало. Деньги можно потратить и с большей пользой.

Мы миновали расчищенное от снега крыльцо, длинный изгибающийся коридор. Голоса я услышала поднимаясь по лестнице на второй этаж. Разговор на повышенных тонах, явно не предназначенный для чужих ушей.

– Думаешь, я не знаю, почему она поддержала тебя? Почему встала за твоей спиной? Почему была готова на любое безумие?

– Безумие? Спасение учеников – это безумие? Пусть так...

Остановившись на площадке второго этажа, я увидела милорда Виттерна. Он возвышался над мисс Ильяной Кэррок, казавшейся по сравнению с ним маленькой и хрупкой. Как обманчива порой внешность. Глава Магиуса какая угодно, но только не хрупкая.

– А я хочу знать, не почему меня поддержала Аннаби, а почему меня не поддержала ты? – он схватил ее за плечи, словно собираясь встряхнуть.

– Ты назвал ее Аннаби? – не поверила Мисс Ильяна.

– Кхм, – деликатно кашлянул мой сопровождающий, и они замерли, а потом медленно отступили друг от друга. Неловкость повисла в воздухе, как навязчивый запах прогорклого масла, от ржаных лепешек, что пекут на дни сбора урожая. Все его чувствуют, но остаются отстраненно невозмутимыми. – Леди Астер, – отрапортовал старшекурсник, стараясь не смотреть на растрепанные волосы и на расстегнутый ворот рубашки магистра.

– Что ж... – магесса пригладила волосы, – Договорим позже. Лекр, леди Астер, – кивнула она, проходя мимо.

– Идемте, Астер, – отрывисто бросил милорд Виттерн, распахивая передо мной дверь. – Можешь быть свободен. – отпустил он молодого человека.

Странно, но неловкость сохранилась и в кабинете. Она проникла и сюда, как проникает всюду дым от литейных заводов по переплавке руды. Я остановилась посреди комнаты, не зная, что делать, даже не зная куда смотреть, на стеллажи с книгами, на украшенный резьбой стол, на знаки отличия или на награды, что вручали учителю чуть ли не каждый год. И пусть это не допросная комната Академиума, но чувствовала я себя не лучше, чем в тот раз. Неловкость и неизвестность часто ходят рука об руку.

– Присаживайтесь, Астер, – сказал магистр, останавливаясь напротив окна.

– Простите, милорд, но...

– Я сказал, сядьте, Ивидель, – в раздражении обернулся он, – И перестаньте так мученически смотреть на меня. Ничего страшного не произошло. Обычная ссора.

– Это не мое дело, – я присела в кресло для посетителей.

– Вот именно. Не ваше. – Он стоял в пологорота, та половина лица, которую пересекал шрам, казалась гротескно неподвижной. – Поэтому перестаньте изображать скорбь. – Он выдохнул, несколько минут молчал, разглядывая стены кабинета, наградные листы. Фотографий на стенах не было, лишь две рамки стояли на столе, но разглядеть, что на них запечатлено, у меня так не получилось. – У меня к вам просьба.

Если бы он сказал, что я должна забраться на библиотечную башню и помахать княжеским стягом, я бы меньше удивилась. Магистры редко просят. Обычно они отдают распоряжения, и им подчиняются даже графини, и герцогини.

– Я хочу, чтобы вы поговорили с братом.

– О чем? – удивилась я, – Илберт не маг и...

– Не с этим братом, – милорд обернулся, а я отвела взгляд.

– Другого у меня нет, – нехотя ответила я, вспомнив железнорукого, вспомнив, как он прижимал руку к моему боку и говорил: «Ты можешь выпустить свой огонь, девка змеиного рода, а я выпущу лезвия. И мы посоревнуемся, у кого быстрее получится».

– Нет? – милорд повернулся, склонился над столом, отодвинул одну бумагу, отбросил вторую, вытащил из кипы третью и протянул мне, – Смелее, леди Астер, – сказал он, глядя, что я не тороплюсь взять предложенное, – Она не кусается, она слишком стара для этого.

Я взяла листок. Бумага и в самом деле была старой и шероховатой. Ее несколько раз складывали и раскладывали. Настала моя очередь. Я развернула лист и увидела... Заверенное нотариусом признание Альберта Астера сыном и наследником графа Витольда Астера...

– Не пугайтесь, леди Астер. Отсутствуют подписи свидетелей. – Магистр сел за стол. – А без них бумага недействительна. Как нам удалось выяснить, в тот день нотариус Роук, мистер Грэн Роук отпустил всех своих помощников на праздник в честь рождения Дев. И некому было засвидетельствовать, добровольное желание графа Астера признать бастарда. Думаю, они условились, что продолжат оформление после праздника. После прогулки на дирижаблях, но ваш дядя не вернулся.

– Как и многие другие жители Эрнесталя, – прошептала я.

– Я хочу, чтобы вы поговорили с ним, – повторил магистр, забирая у меня бумагу. – С Альбертом.

– О чем? – не поняла я. – О чем мне с ним говорить?

– О том, что произошло в Льеже. О коросте, о «золотом дожде» о том, что, Разлом возьми, это значит? – в раздражении прорычал он.

– Но разве...

– Разве мы все не выяснили? – Он откинулся на стуле. – Да, мы так считали. Я считал. Пока не начал думать и задавать вопросы, на которые ни у кого не было ответов. Массовое заражение, мнимые виновники, народные волнения, которые будет сложно подавить. Очень трудно стрелять по безоружной толпе, не важно магией или свинцом. – Он потер переносицу. – Но в этой истории столько белых пятен. Иногда у меня создается впечатление, что мы увидели ровно столько, сколько нам позволили увидеть. Кроме этого железнорукого мы больше никого не поймали, мы не знаем где были правы в своих предположениях, а где ошиблись. Мы выкопали кучу трупов, но те, как водится молчат. И, между прочим, выкопали их с вашей подачи. Барон Стентон, слава девам, так и покоится в склепе. А вот его адъютанта Арирха Торира на месте не оказалось.

– Но это значит...

– Это ничего не значит, – перебил меня милорд, в раздражении взмахнул рукой. Одна из стоящих на столе рамок упала. Это оказалась вовсе не новомодная фотография, а масляная миниатюра, на которой изображены мужчина и женщина. Уверена, если бы я могла рассмотреть поближе, то назвала бы имя художника. Магистр поставил рамку обратно. – Два года назад на западное кладбище Эрнесталиа затопило, почву размыло и... – Он покачал головой. – Столько гробов вымыло, и они всплыли. Крику было, на Проклятых островах наверняка слышали. В общем, судя по реестрам, там половины усопших не хватает, а другая половина лежит теперь под чужими именами. А поскольку слуга быть чести погребенным в склепе не удостоился... Не вскрывать же теперь все захоронения? Да и как отличить одни кости от других, десять лет прошло? – учитель сцепил пальцы и положил руки на стол. – Поговорите с пленником, Астер, если он расскажет...

– Но разве жрицы еще не...

– Нет, – покачал головой Йен Виттерн. – Прямой запрет князя на чтение жрицами разума и даже на пытки. Сегодня вечером пленника отправят на допрос к князю, а потом им займется серые. До заката его должны успеть переправить в Чирийский острог, если будет на то воля государя, а вот если не будет, если Альберта оставят в Запретном городе на ночь... Тот станет домом и ему. – Милорд криво улыбнулся, хотя здоровый глаз оставался настроженным. – Он знает об этом и совершенно не беспокоится. Единственное, что вызвало хоть какие-то эмоции, это предложение ампутировать железную руку. Правда целитель констатировал, что с вероятностью в девяносто процентов это приведет к смерти пленника, так плотно сращены нервные окончания и так глубоко вросло в плоть железо. Итог, мы до сих пор топчемся на месте. Все что нам стало известно, он болел коростой.

– Коростой? – я даже приподнялась.

– Да, он тоже был отравлен и в свое время получил противоядие. И еще его имя – Альберт. Но он назвал его не нам, а вам.

Учитель продолжал смотреть на меня, чем порядком нервировал.

– Если бы мы не стали перебирать все мало-мальски известных Альбертов в вашем окружении, до сих пор не знали бы его настоящего имени. Поговорите с ним, убедите сотрудничать, обещайте...

– Что? – Я все-таки встала. – Что я могу пообещать обвиняемому в измене? Смягчение приговора? Я ученица Академикума, а не член совета.

– У Альберта есть причина опасаться вашего отца? – вдруг спросил учитель. – Граф Астер желает смерти бастарда?

– Желать этого нужно было раньше. Сейчас уже поздно, и даже явись Альберт к отцу...

– Что? Получил бы свое имя и состояние?

– Мой отец увеличил состояние Астеров в пять раз, а может, и больше. Думаю, Альберт получил бы содержание и букву «Б» к фамилии. Официально стал бы Б'Астером

[10]

. Но мне сложно говорить за отца.

– И тем не менее, вы говорите. – Магистр задумался. – Тогда скажите вашему брату... Не морщите нос, Астер, он ваш брат, и даже Девы не могут этого изменить. Скажите, что приговор может быть разным. В лучшем случае, ему грозит рабский ошейник и рудники, но это могут быть и рудники Астеров. А в провинции Ильяс один правитель – ваш отец, и вряд ли кто-то будет возражать, если одного из каторжников заберут из шахты.

– А если он... Альберт, как раз этого и опасается?

– Тогда скажите, что я устрою так, что он попадет на любые другие рудники кроме ваших. Ивидель, нужно, чтобы он заговорил.

– Он что совсем ничего не сказал? Вообще? – пробормотала я.

– Почему? Он не отвечает на вопросы и не реагирует на угрозы. А, например, поболтать о погоде только рад. Как-то раз пожаловался на скуку, просил принести книгу. Мы принесли житие святой Гвиневер Муньер, тягомотина жуткая, но кажется, ему понравилось, тюремщики слышали смех. Леди Астер, сделайте одолжение, просто попробуйте, никто не будет вас винить, если ничего не выйдет.

– Хорошо, – согласилась я. – Готова сделать вам одолжение, милорд Виттерн. Но и вы окажете мне ответное.

– Серьезно? – Кажется, он удивился. – Даже интересно о чем вы попросите.

– Я хочу знать, кто виновен в том, что произошло с нами и рыцарями в Запретном городе.

– Хм... – Йен Виттерн задумался. – Думал, вы попросите зачет по фехтованию поставить.

– А вы бы поставили?

– Не знаю, Фехтуете вы из рук вон плохо.

– Я стараюсь.

– Только это и утешает. Что вы хотите знать, Астер? Кто изменил расписание? Или кто натравил на нас тех зверей?

– Все.

– Ну, леди Астер, всего не знаю даже я. Да, сядьте вы, – учитель с минуту молчал, глядя, как я присаживаюсь обратно, как ерзаю, как разглаживаю юбку. – Да, уж, вы не продешевили. Что вы будете делать с этим знанием? Отпишитесь отцу, чтобы он подал жалобу в совет?

– Нет, то есть если он спросит, врать не буду, но специально просить его подать жалобу... – Я вспомнила страх и неизвестность там внизу, и вдруг поняла, что слова учителя не лишены смысла. Виновный должен быть наказан, хотя бы за ранение Хоторна. Хотя бы для того, чтобы подобное не повторилось.

– И чего я раздумываю? – спросил он вроде как у самого себя. – Жалобой больше, жалобой меньше, герцог Трид уже нелицеприятно высказался об учителях в общем, и обо мне в частности. Отчасти он прав. Я вел эту группу. – Магистр вздохнул и стал рассказывать: – Кто-то подменил расписание, но вы это уже поняли.

– То есть это не ошибка?

– Ни в коей мере. Злой умысел. После утверждения расписания и очередности спуска, данные были занесены в бланк секретарем совета Академикума миссис Вилмер. Ее, кстати, едва к целителям не отправили, когда вы пропали. Еле успокоили, да и то только после того, как пришла весть, что вы в Первом форте. Кто-то запасся типографическим бланком, кто-то скрупулезно скопировал почерк секретаря, проник в приемную совета и подменил бланки.

– Кто?

– А вот этого я тебе не скажу.

– Но...

– Мы не знаем. Пока. Все точка. Подозревают пятерых человек, один из подозреваемых я.

– И наверняка миссис Вилмер. А кто еще? Это все что вы знаете? – разочарованно спросила я.

– Это все что я скажу. Как вы минуту назад верно заметили, мисс Астер – студентка Академикума, а не член совета.

– А те железные твари, что напали на нас, вместо мороков, о них, что-нибудь известно? И куда подевались мороки?

– Мороки, а вернее маги, что должны были их создавать, сидели здесь, ибо были уверены, что «развлечение» запланировано на следующий день. Им расписание подменить не удалось. А звери... – Он встал из-за стола. – Судя по всему, звери сбежали с торжища у северных ворот. Все разом: козы, куры, лошади, бараны, из леса вышли рысь, волки, вараны. Помните, я рассказывал о селе, что торгует с Запретным городом, вот они в тот день как раз привезли товар, а тот возьми, да и взбесись. Теперь, месяц к городу не приблизятся. Осталось всего ничего – понять, отчего живность вдруг потянуло на запретную территорию и найти мага, которому подчиняются металлы настолько сильного, что он смог «одеть» всю эту свору... Я подняла голову и посмотрела на магистра. Он ответил мне таким же мрачным взглядом. Есть род, который папенька всегда называл кузнецами и ковалями, к вящему беспокойству маменьки. Род, изменяющий такое тяжелое вещество, как металл. Самый могущественный род Аэры.

– Не вздумайте сказать это вслух, Астер. – Магистр снова стал перебирать бумаги на столе, – Потому что причины, по которой князь мог натравить на вас железную стаю... Хотя, понятия не имею, как бы ему это удалось. Он умеет управлять металлами, а не домашней и не очень живностью. Так вот, причины сперва загонять вас в угол, а потом спасать, я решительно не вижу. Вот возьмите, – он протянул мне очередной листок. – Вам это о чем-нибудь говорит? Я развернула бумагу, пробежала глазами по скупым строчкам и ответила:

– Нет.

– Совсем? – он позволил себе улыбку, от чего стал напоминать людоеда из сказки, которую читала нам с братом старая Туйма.

– Альвон, Астер, Оуэн, Хоторн, Корт, – прочитала я, – Это наши роды.

– То есть вы не знаете, что может объединять эти фамилии?

– Кроме династических браков почти в каждом поколении, состояний и родословной длиной с главный тракт между Льежем и Эрнсталеом? Нет, не знаю.

– Жаль. – Он забрал у меня листок и сам прочитал, но совсем по-другому, он произносил не фамилии, а... – Лиса, змея, сова, орел... У Этьена ведь нет родового зверя? – спросил он и сам же себе ответил: – Нет, его семья получила дворянство лет двести назад, он не из старых аристократов. Завтра поговорю с библиотекарем мистером Коном, возможно, ваши фамилии встречались ему в книгах. Нет, я уверен, что встречались, но поодиночке, а вот все вместе. Должна же быть причина тому, что вас отбили от группы и погнали вглубь золотых кварталов.

– Но милорд...

– Все, леди Астер, я рассказал больше чем достаточно. Теперь ваша очередь. Идемте со мной.

– Сейчас? – удивилась я, следуя за учителем..

– А когда? Пленника скоро отправят в Запретный город. – Магистр открыл передо мной дверь. – Ну же, Астер, не тушуйтесь. Это всего лишь бастард, тем более запертый в клетке.

Мы спустились на первый этаж, вышли на улицу...

Это случилось, когда мы пересекли двор ордена. Казалось, народу около ристалища только прибавилось. Железная тварь рвала цепь, парни свистели, кто-то махал рубахой, словно флагом. Я увидела, как припавший на одно колено Крис вытирает лицо пригоршней снега, и белая масса окрашивается в алый цвет, значит, он уже выходил против металлического зверя на ученический поединок. Тварь протяжно взывала, словно дал гудок отплывающий пароход. Я слышала смех, увидела Этьена с родовым клинком. Рыцарь готовился шагнуть в центр ристалища и лихо улыбался двум девочкам с параллельного потока.

– Он в темнице у рыцарей, – пояснил учитель, отворачиваясь от арены.

А потом произошло сразу две вещи. Первую заметили все, вторую только трое. Мне сложно сказать какая из них оказалась важнее.

Земля под ногами завибрировала и вдруг провалилась вниз, словно корзина дирижабля, попавшая в воздушную яму.

Завизжали девочки, я, не удержав равновесия, упала в снег. Знаете, когда у вас внезапно пропадает опора, это пугает. Это длилось всего несколько секунд. Несколько ударов сердца наполненных паникой и холодом нехорошего предчувствия, а потом Академикум выровнялся, и вибрация исчезла.

– Спокойно! – закричал магистр рыцарей. – Отставить панику! Не в первый раз и не в последний. Ганс, Пьер помогите упавшим. Льюис возьми...

Звякнула цепь, почувствовавшую вместе со всеми опору под ногами железную тварь не интересовало состояние врагов, что приковали ее к позорному столбу и жалили металлическими лезвиями. Она пригнула голову и ринулась к ближайшему ученику. К Этьену. К счастью тот уже стоял на ногах и успел выставить вперед клинок из чирийского железа. Он успел сардонически улыбнуться, предвкушая, как вгонит лезвие в треугольную морду.

– Вставайте, Астер. – Магистр подал мне руку.

Тварь атаковала Этьена. В воздух взвилась сразу кнут магистра и клинок ученика. Я еще успела подумать, почему не слышно скрежета, что издавали звери в Запретном городе. Они скрипела, как паровые телеги, с плохо подогнанными деталями и месяц простоявшие под дождем, а эта... Эта была почти бесшумна.

Этьен ударил зверя клинком. Черное железо столкнулось со светлым, и... ничего не произошло. Морда твари не расплавилась. Лезвие с громким «дзанг» отскочило. Зверь мотнул головой, раскрыл пасть полную острых зубов. Я успела заметить, как оскалился в ответ южанин, словно собираясь броситься на зверя, словно они сравнивали у кого острее зубы. Щелкнул кнут, вспыхнула на его конце искра. Зверя отбросило на снег. Магистр опустил плеть.

– Идемте, Астер, – поторопил меня учитель.

Я увидела Крису, который, только что помог подняться двум жрицам в алых плащах. Он повернулся. Лицо Оуэна было мрачным. Три взгляда: мой, Этьена и Крису, встретились, словно мы были заговорщиками, словно мы одни знали что-то недоступное другим. В первый раз Оуэн не отвел взгляда. В первый раз южанин не скорчил брезгливую гримасу.

Крики стали утихать, некоторые даже сменились нервными смешками. Ученики недоуменно озирались, словно спрашивая друг друга: «Что это было?»

– Но...

– Нас трясет с первого дня здесь, пора бы уж привыкнуть. Времени нет, Астер, пленника скоро увезут, – перебил меня магистр.

Он крепко взял меня за руку и почти потащил к зданию ордена, к его арочным проходам и уводящим вниз ступеням. Я успела обернуться всего раз. Крис и Этьен все еще смотрели мне вслед. Барон задумчиво, словно решал сложную задачу, а вот Этьен зло.

Мы спустились вниз по каменной лестнице.

– Приветствую, смотритель подвалов Райнер, – поздоровался со смотрителем учитель.

– Доброго дня, милорд Виттерн. – Мужчина с колочими серыми глазами, поднялся из-за стоящего в каменном мешке стола. – Что там? – Он поднял глаза к потолку. – Насколько плохо? Есть раненые? Нужна моя помощь?

– Благодарю, все уже под контролем. Как всегда больше шума, чем урона.

– Тогда чем могу помочь? – Рыцарь оглядел меня с ног до головы, задержался на поясе с ингредиентами, на руке учителя, сжимающей мой локоть, и спросил: – Вы снова к нам в гости, Астер?

– Не... нет, – пискнула я.

– Мы хотим поговорить с пленником.

– А совет Академикума в курсе, чего вы хотите? – уточнил смотритель подвалов.

– Нет, – честно ответил учитель.

– Хм... Возможно вам стоит получить разрешение и прийти в более подходящее время.

– Не будет никакого другого времени, его сегодня заберут. Несколько минут. Под мою ответственность, Райнер, – сказал Йен Виттерн, но, видя, что старый рыцарь колеблется, добавил: – Буду должен. И мы даже не подойдем к решетке.

– Хорошо. Несколько минут, но не проси сохранить меня это в тайне. Если будут спрашивать, я все расскажу.

– Договорились.

Потом была еще одна лестница, и колеблющийся свет фонаря. Мы спустились гораздо ниже того уровня, на котором держали меня. Девы, а я еще думала, что оказалась в темнице. Да, это были апартаменты для учеников, просто оборудованные для удобства решетками. Темница начиналась много ниже. Там, где стены сочились влагой, где гуляли по коридорам сквозняки, от которых колебался свет в магических светильниках. Хотя их было всего два. Первый в руках у смотрителя подвала, а второй... Сперва мне показалось, что он висит за углом очередного узкого коридора, но когда мы свернули, я увидела, накрытое магическим стеклом пламя, закрепленное под потолком устланной соломой камеры. Увидела решетку. И пленника. Железнодорожник сидел прямо на полу, его левая рука... Настоящая человеческая, была закована в кандалы, тогда, как железная лежала на коленях. С момента нашей последней встречи, мужчина осунулся, светлая кожа казалась серой, волосы грязными и будто седыми, вот только глаза оставались такими же безумными. Рядом с ним прямо на соломе лежала потрепанная книга и стояла плоска с мутной водой. Я сморщила нос, пахло хуже чем в неубранном стойле на конюшне у папеньки.

– Несколько минут, – сказал смотритель подвалов и, кивнув магистру, скрылся за углом, эхо его шагов отскочило от стен и стихло.

– У тебя несколько минут, – переадресовал чужие слова учитель, и, посмотрев на пленника, тоже скрылся за поворотом, создавая иллюзию уединенности. И он и я знали, что стоя в двух шагах, магистр услышит каждое слово.

Альберт рассматривал меня с насмешкой.

– Давно гадал, кого они пошлют, чтобы разговорить меня, – произнес он через несколько минут. – Но не думал, что это будешь ты, девка змеиного рода.

– А почему нет, парень змеиного рода? – ответила я, а он вдруг расхохотался.

– У тебя прорезались зубки. Так и до яда дорастешь, если не прибьют. – Смех оборвался так же резко, как и начался. – Я все равно ничего не скажу. Не трать время. Слышите, вы там? – Он повысил голос. – Чтобы ты не хотела узнать по их наущению.

– Почему ты не пришел к нам? Почему не пришел к отцу? – спросила я совсем не то, что интересовало учителя. – Он бы помог тебе.

– Уверена? – парень шевельнулся, и я увидела, как он похудел, одежда висела на Альберте, как на голодающем бродяге.

– Нет. Но ты даже не попытался. – Я подошла ближе. – Неужели заражать людей коростой лучше, чем попробовать договориться?

– Да, лучше. – Он встал.

– Ты хотел убить людей! Много людей!

– Я хотел их спасти! Ты все еще не понимаешь. – Он покачал головой. – И, наверное, не поймешь. Так будет даже лучше.

Он говорил сам собой, а я вдруг задумалась, а не сошел ли он с ума. Или я? Или все мы?

– Так объясни... Альберт, – я едва заметно запнулась на его имени, за спиной раздался какой-то шум, но не стала оборачиваться. – Тебя сегодня отправят к князю, и если тот будет милостив...

– Он не знает даже такого слова. – Железнодорожник грустно улыбнулся. – Возвращайтесь к учебникам, леди Астер. – С этими словами он наклонился, поднял растрепанный фолиант, вытянул железную руку насколько позволяла цепь и подал книгу мне. – Почитайте на досуге, леди. Уверяю, узнаете много нового.

Цепь звякнула, книга чуть не упала, ударившись о решетку, но я придержала ее рукой, снова раздался шум, потом негромкие голоса. Я услышала смотрителя подвала, потом милорда Виттерна, а затем к решетке вышел рыцарь в сером плаще.

– Мы пришли за пленником, приказ князя, – произнес он. – Отойдите леди, и вы милорд.

– Но... – начала я, понятия не имея, что хочу сказать, понятия не имея, что вообще нужно говорить в такой ситуации. Что нужно чувствовать...

– Открывайте! – скомандовал серый, и Райнер загремел ключами.

– Все нормально, – сказал вдруг мне Альберт и снова улыбнулся, той безумной улыбкой, что напугала меня еще тогда, в первую нашу встречу. – Не переживайте, леди. Есть вещи, которые просто надо сделать.

– Вот именно, – буркнул рыцарь, заходя в камеру, и указал смотрителю на кандалы. Райнер тут же достал очередной ключ и освободил Альберта от оков. – И чем быстрее, тем лучше.

Цепь упала на пол и задела плоскую, солома потемнела от выплеснувшейся воды.

– Пойдешь сам или тебя вынести? – спросил серый.

– Меня так и тянет согласиться на последнее, – издевательски ответил Альберт. – Но боюсь, ваша репутация будет загублена на веки.

Рыцарь замахнулся, я охнула, Альберт блокировал удар железной рукой, а магистр Виттерн произнес:

– А как же приказ князя? Доставить целым и невредимым?

Не знаю почему, но я почувствовала благодарность к учителю за эти слова. Правда он тут же добавил:

– Или что-то уже изменилось, и мы вполне можем допросить его по правилам?

И благодарность улетучилась. Ее вытеснил стыд за собственные мысли. Когда Крис бил того старика в лавке, мне это не нравилось, но я не остановила рыцаря. Сейчас же когда подняли руку на пленника, который кстати и со мной обошелся более чем жестко, который, как и тот ювелир заражал людей смертельной болезнью... У старика хотя бы было оправдание, плохое, неправильное, но было. Он спасал дочь. А кого спасал Альберт? Он преступник, который тащил меня через всю круглую площадь и требовал, чтобы я нарушила запрет богинь! Железнодорожник – предатель, волею случая оказавшийся моим братом. И, тем не менее, я не хотела видеть, как его бьют, будь он тысячу раз виновен. Пусть он тысячу раз заслужил это. Считайте это женским капризом.

– Нет, – сожалением ответил серый, – Ничего не изменилось. Доставить без единой царапины.

– Князь милостив, – кивнул Райнер, поднимая фонарь.

– Князь предусмотрителен и не более, – хмыкнул Альберт, выходя из камеры вслед за конвоиром. – Он просто боится того, что я могу вам рассказать.

– Так расскажи? – предложил магистр.

– Чтоб вы отправили меня к целителям, голову подлечить? Нет, уж, предпочитаю Запретный город.

– Все, отставить разговорчики. У вас было время. А сейчас у нас приказ. Пошел и без глупостей. Я всегда могу сказать, что ты сопротивлялся, – он толкнул железного в спину, но Альберт всего лишь улыбнулся и пошел вперед.

И почему мне так не нравилась эта улыбка? Почему казалось все это неправильным? Словно солдаты не вели Альберта вслед за Райнером по темным коридорам, он шел сам, а они всего лишь сопровождали. Шел куда хотел, а не куда его вели.

– Прошу прощения, милорд, – пробормотала я в спину шедшего впереди магистра, – У меня не получилось...

– Не извиняйтесь, Астер. Дело не в вас, – раздражено ответил он, выходя наружу.

Я поняла, что снова стою посреди двора Ордена, прижимая к груди эту нелепую книгу в обтрепанном переплете. Толпа учащих у ристалища поредела, хотя тварь все еще рвала цепь столба и шипела, как паровая машина. Вьер, размахивая мечом, как дрыном, что-то показывал магистру с кнутом, Крис и Жоэл стояли за ристалищем, Этьена нигде не было видно.

– Я сказал, вперед! – в раздражении рявкнул серый на Альберта, который запрокинув голову смотрел в затянутое облаками небо. Сколько пленник сидел в подвале ордена? Два месяца? Больше? – Ну, чертов белобры...

Наверное, он все же ударил бы железнорукого, возможно даже не очень сильно. Но Девы распорядились по иному.

Земля пришла в движение, дернулась, словно полено под ногами приговоренного к виселице, задрожала, отдаваясь гулом в костях, наклонилась... Я упала, вцепившись ногтями в снег. Кто-то кричал, но уже совсем не так, как несколько минут назад. Тогда все закончилось за один удар сердца. А сейчас крики переходили в визг и захлебывались.

Земля вдруг решила сбросить с себя людей, словно норовистая необъезженная лошадь. Мы настолько привыкли к незыблемости Академикума, что происходящее здорово напоминало судный день, которым нас пугали жрицы.

Кто-то упал, кто-то попытался убежать, причем прямо по чужим головам. Одной девушке отдавили ладонь, на парня свалился рыцарь, ударив рукоятью меча по скуле, снег окрасился алым. Земля вибрировала, словно заведенный двигатель мобиля. Что-то заскрежетало в брюхе острова. Кто-то продолжать кричать, кто-то причитал, или молился Девам, сляясь докричаться до богинь.

А потом что-то с громким хрустом сломалось. И Академикум ухнул вниз. Краткий миг полета и задранный край острова выровнялся, скрежет сменился равномерным гулом. Земля снова была на положенном месте. Но я еще минуту не решалась подняться, слушая, как быстро бьется сердце.

– С-смотрите! – закричал кто-то, и я подняла голову. – Девы...

Пал столб. Ствол установленный посреди ристалища рыцарей заваливался в сторону, издавая громкий треск. Он падал мучительно медленно, словно нехотя, сантиметр за сантиметром. Цепь взлетела, железная кошка перемахнула через ограждение и рванула вперед, прямо на сидящую на земле девушку, что баюкала раненую руку. Магесса со второго потока, чуть старше меня, не смогла даже закричать, не то, что применить магию. Я ощутила, как вокруг собирается сила, все от учителя до учеников инстинктивно потянулись к зернам изменений, кто-то к земле, кто-то к снегу, а кто-то к воздуху. Один из рыцарей даже успел вытащить хлыст, кнутовище взлетело в воздух.

Столб рухнул, проломив ограждение, кошка прыгнула на девушку, выпуская когти, цепь звенела.

Никто не успел. Почти никто. Воздушная волна рванулась навстречу железному зверю, сбивая его с магессы. Я обернулась, на другой стороне дворе стояла с поднятыми руками Гэли. Она управляла воздухом так же искусно, как опытный возница управляет четверкой лошадей. Кошку скрутило и отбросило обратно на ристалище, цепь натянулась, но теперь уже в обратную сторону, зверь покатился по истоптанному снегу.

– Bravo, Мизр, – сказал стоявший на одном колене учитель.

А вот магистр рыцарей выругался. Воздушной волной снесло не только зверя, но и его с кнутом. Мужчину бросило на ограду ристалища, хлыст остался лежать на снегу. К кошке подскочило сразу несколько воинов, один из них ухватился за цепь, зверь пятясь зашипел, как масло на сковородке...

Именно этот момент выбрал белобрысый, чтобы ударить серого конвоира железной рукой в лицо. Мужчина издал сдавленный звук и осел на снег. Милорд Йен рывком поднялся. В одной ладони блеснуло лезвие ножа, на кончиках пальцев второй замерла, готовая соваться в полет магия. Только вот Альберт не собирался ни с кем сражаться. Смотритель подвалов Райнер еще

только разворачивался, а железнорукий налетел на него, толкнул в раскисший снег и побежал. Все были слишком увлечены укрощением железной кошки, чтобы сразу обратить внимание на бегущего через двор мужчину в рваном пальто. Кто-то помогал раненым, кто-то просто кричал и махал руками, Крис поднял упавший хлыст...

Не знаю, на что надеялся Альберт. Академиком – это остров, висящий в воздухе. Хочешь сбежать? Двигайся к воздушному пирсу и, угрожая, как когда-то мне ножом, заставь пилота спустить тебя на землю. Только вот почему железнорукий попытался бежать именно здесь и сейчас? А не дождался, когда серый сам приведет его к воздушной гондole?

Девы, почему я взвешиваю шансы, железнорукого благополучно скрыться? И почему мне не нравится, что эти шансы равны нулю?

Магистр Виттерн швырнул магию, превращая снег у Альберта под ногами в лед, явно намереваясь поймать его в ту же ловушку, что когда-то и я у дома целителей. Только на один удар сердца раньше наперерез беглецу с пальцев Гэли совалась еще одна воздушная волна. Магия столкнулась магией, сила осыпалась на землю блестящими льдинками. «Пересечение зерен изменений и частичное поглощение» – вспомнила я строки из учебника.

– Миэр, – совсем другим тоном прорычал учитель и бросился следом за пленником.

А Альберт бежал. Но отнюдь не к воздушной гавани и не вглубь острова, надеясь затеряться. Он бежал напрямик к железной кошке, к удерживающим ее рыцарям, бежал на их мечи и, кажется, смеялся.

Крис взмахнул рукой, кнутовище взвилось воздух и хлыстик ударил по перекладине ограждения, закрутившись вокруг нее. Рукоять вырвало из рук Оуэна как раз в тот момент, когда Альберт оказался на ристалище, вскочил на упавший столб, словно канатоходец в цирке и... Его с разбегу сбил на землю Вьер.

– Держу! – закричал худой невысокий и такой непохожий на рыцарей парень, наваливаясь всем телом на железную руку беглеца, – Не уйдешь!

И Альберт не ушел, через несколько его, все еще смеющегося, подняли рыцари, а тот серый, что конвоировал пленника, не отказал себе в удовольствии съездить пленнику по лицу. Хрустнул нос, потекла кровь. Только вот железнорукий продолжал смеяться, чем, похоже, испугал рыцарей куда сильнее чем, неудачной попыткой побега. Побег был объясним, а вот этот смех нет.

– Идите к себе, леди, – хмуро проговорил смотритель подвалов Райнер, подавая мне руку, – Видите, не до вас сейчас.

Я поднялась, кивнула, расправила платье, продолжая смотреть на ристалище, правда не на Альберта, которому сковывали ноги, не на железную тварь, которую уже обездвигили рыцари, не на столб, что лежал поперек арены, не на сломанную изгородь. Я смотрела на барона Оуэна, которого отчитывал магистр рыцарей, разматывая с жерди кнутовище. Смотрела и чувствовала, как сердце все быстрее и быстрее бьется в груди, будто остров снова ухнул вниз, потеряв воздушную опору. Смотрела и улыбалась.

Я не знала, что произошло в Совином лабиринте, но сегодня поняла одно, не Крис заперол любовницу отца кнутом. Для этого требуется сноровка и хотя бы минимальное владение плетью, иначе можно и без ушей остаться, особенно когда бьешь с оттяжкой и не контролируешь хлыстик. А Оуэн его не контролировал, оттого и лишился оружия, совсем как я в первый раз. Тот, кого обвиняли в убийстве женщины кнутом, держал его сегодня в первые в жизни.

– Ты чего улыбаешься, Астер?

Я повернулась и увидела хмурую Дженнет.

– Что здесь произошло? Что вообще происходит с Академиком?

Интересный вопрос.

Билет 5. Летописцы Аэры и их житие

«... верховная Гвиневер стала автором нескольких трудов об изменениях разума в Разломе. Она предполагала, что сознание человеческое не в силах выдержать картины расколотого

мира. Ее исследования были дополнены теологическими постулатами о каре тех, кто пытался снять с мира наложенное Девами наказание раньше срока. За это богини лишали разума.

Теория получила большое распространение, была благосклонно принята магистрами и рыцарями. Она была подтверждена исследованиями магистра...»

Я быстро перевернула несколько страниц, читать про исследования совершенно не хотелось. Хватило и прошлой главы, где в подробностях расписывали, какими методами жрица выводила свои теории, и что делала с теми, кому «повезло» вернуться из Разлома живыми. Или не повезло. Предки не стеснялись в методах добывания информации, хотя в этом вопросе мало что изменилось. Интересно, что показалось Альберту в этой книге смешным?

«Даже магия рода Муньер оказалась бессильна против изменений, что провоцировал Разлом...»

Я нахмурилась, пытаюсь вспомнить родовую магию полуночных волков, но безуспешно. Сокурсники тихо переговаривались, Оли сложил из бумаги фигурку дирижабля и теперь пытался заставить ее спланировать на пол. Бумажный дирижабль планировать отказывался, предпочитая просто падать. Парни давали ему советы. Рут накручивала на палец черный локон, Мэри листала тетрадь с записями. Гэли сидела, сложив руки на столе, и смотрела прямо перед собой. Она больше не искала со мной встречи и не пыталась что-то объяснить или доказать. В классе тихо переговаривались Дженнет и Мерьем. С тех пор, как два дня назад Академиком покинул воздушное пространство Запретного города и завис на Трейди, его совершенно перестало трясти.

Мы ждали начала лекции по этикету. Но нанятый и, по слухам уже прибывший на остров преподаватель задерживался.

Я опустила взгляд в книгу.

«Вторая теория, выведенная святой Гвиневер на склоне лет вызвала гораздо больше толков и пересудов. Поговаривали, что старая верховная повредила в уме. Советом жриц ей было вынесена рекомендация: оставить пост и уйти на покой, которую Гвиневер категорически отвергла. И, тем не менее, через год после этого и за шесть месяцев до смерти верховная под давлением совета была вынуждена подать в отставку. Похоронена в поместье Золотой лог на юге Винии. Канонизирована спустя триста лет...»

Так, а где сама теория, что сыграла значительную роль в карьере верховной жрицы полувековой давности? И причем тут магия Муньеров?

Я зашуршала страницами старого тома и поймала на себе взгляд Гэли. Подняла голову и одними губами спросила: «Что?». Но подруга отвернулась, не ответив. Еще одна проблема. Я понятия не имела, что делать с Гэли. А она, похоже, понятия не имела, что делать со мной. Я долистала книгу почти до середины, когда снова наткнулась на упоминание этой опальной теории Святой Гвиневер. Чего же в ней такого, что вызвало недовольство совета?

«...человеческий разум разрушался не от воздействия Разлома, хотя кое-кто может обозначить их вторжение именно так, разум разрушался вследствие вселения в него демонической сущности, что обитает в черном „ничто“ расколовшем наш мир...»

Я заморгала, словно надеясь, что строчки исчезнут со страницы.

«Именно этим объясняла верховная жрица резню, устроенную на Академикуме, когда одна часть экспедиции обернулась против другой. В то время, как в пятой книге „Об исходе Великих Дев“ прямо говорится о защите данной богинями от сущностей Разлома, а именно: „ни один люд, ни одна баба, али дитя не станут супротив демонов розлому, ибо ми наделили силой умы годных“...»

По-простому, это то, что мы все знали с малых лет. Уходя, богини наградили защитой от тварей Разлома разумы достойных. Разумы жителей Аэры, что никогда их не предавали заветы богинь. А если еще проще – демоны просто не могли вселяться в нас. Будь это иначе, создания тьмы бы давно заполнили это мир, ибо разумов много, один другого краше, как говорил папенька. Правда, вспомнив об отце, я вспомнила, и о лезвии, что танцевало в пальцах старого Мура, как живое, а стоящие вокруг люди повторяли: «Тень демона! Тень демона!»

«Ни одно исследование разумов людских ни до ни после не дало оснований для подтверждения этой теории. Она была приравнена к ереси, но памятуя о былых заслугах верховной...»

– Как вы приветствуете учителя? – раздался до боли знакомый голос, который словно вернул меня в Иллистую нору на несколько лет назад. Только тогда этот голос еще прибавлял:

«Ивидель».

«Как вы приветствуете учителя, леди Ивидель? Хорошо, что ваша матушка не видит» – качала головой гувернантка Кларисса Омули.

– Хорошо, что ваши родители этого не видят.

Я торопливо вскочила, тогда, как сокурсники с удивлением рассматривали невысокую хрупкую брюнетку, только что вошедшую в аудиторию и поставившую саквояж на стул. Мисс Омули поправила шляпку, которая, на мой взгляд, и так сидела безукоризненно.

– Позвольте представиться, леди и джентльмены, я ваш преподаватель по этикету миссис Кларисса Омули Тилон. И не смотрите на меня так, Ивидель, это невежливо. За прошедшие с момента нашего расставания годы я вышла замуж. – покачала головой моя бывшая гувернантка, а сокурсники переводили растерянные взгляды с нее на меня.

– Присаживайтесь! – тоном папенькиного десятника скомандовала эта хрупкая женщина. И все сели. Еще немного растерянные, любопытные, но уже почувствовавшие чужую силу воли. – Как ужасно вы это сделали, – попеняла наша новая учительница и пообещала: – Ничего, мы это исправим и сделаем из вас настоящих лордов и леди.

– А если я не лорд, можно не ходить? – спросил Коррин.

– Вы меня перебили, молодой человек, – миссис Тилон разгладила несуществующие складки на платье. – На первый раз пусть будет плюс один. И отвечая на ваш вопрос: нет, не ходить нельзя. Теперь вы маг, а не сын мельника, поэтому не позорьте остальных.

– Мельников? – уточнил Оли.

– И их тоже. Вам плюс один за выкрик с места. Итак, мы начинаем изучать этикет: деловой, личный и боевой.

– А что такой бывает? – уточнила Рут, – Думаете, стоит в бою расшаркиваться или интересоваться, не угодно ли противнику перезарядить метатель? Ну что вы, что вы, я подожду, не торопитесь...

Все засмеялись. Все, кроме Клариссы Омули Тилон. И меня.

– Бывает, – с улыбкой ответила учительница, но от этой улыбки, у меня по спине мурашки побежали. Она никогда не кричала на нас с Илбертом, никогда не била, не щипала, не оставляла без еды, она всего лишь... – Особенно когда лучший друг в приступе гнева вызвал вас на дуэль, и теперь вам очень не хочется убивать друг друга. Боевой, он же дуэльный этикет основан главой Ордена в шестисотом году от образования Разлома. Вам, леди...

– Рут Ильсеннинг, – представилась смуглянка. – И я не леди.

– Что ж, как я говорила, мы это исправим, хотите вы того или нет. Вам мисс Ильсеннинг плюс две. А теперь продолжим...

– Что еще за «плюс одна», «плюс две»? – едва слышно спросила Мэри и посмотрела на меня. Они все посмотрели.

Детей графа Астера не били, их наказывали иначе. Плюс одна и плюс две – это всего лишь минуты, которые надо простоять с книгой на голове или с вытянутыми параллельно полу руками. Со стороны это кажется простым, а вы возьмите и попробуйте, каждую секунду считать будете, а потом сведет шею, задрожат руки... Один раз я пожаловалась на Клариссу маменьке и получила вместо одной книги на голову сразу две. А Илберт, помню, упал на пол после часового повторения придворного поклона по старым правилам. Спасите нас Девы.

Сокурсники все еще смотрели, а я поняла, что сижу прямо, насколько позволяет тугой воротник платья и спинка стула. Сижу, как не сидела со дня отъезда мисс Омули из Кленового сада.

Зима уже шла на убыль, но на улице снова похолодало, подтаявший снег тут же замерз.

– Правее бери! Правее, я ить, кому сказал? Чтоб тебя демоны разлома сожрали!

Гудела тягловая лапа, трещали на морозе канаты. Ругательства и команды срывались губ рабочих вместе с беловатыми облаками пара. Тросы натянулись, в небо поднимался дым двигателя разгрузочного механизма. Я невольно, замедлила шаг, шедший рядом со мной Отес тоже задрал голову. Солнце казалось тусклой золотой монеткой, подброшенной в небо богинями, да так там и замершей. Чуть в стороне висела «монета» поменьше – белая Эо, уже заняла свое почетное место на грядущем параде лун, скоро ее догонят младшие сестры оранжевая Кэро и красная Ио, чтобы простоять так одну ночь. Постоять и снова разойтись на пятьсот лет. Говорят, это сами богини смотрят на неразумных детей своих. Надо сказать, что девы не очень строгие родители, смотреть смотрят, а хворостину в руки не берут.

– Епить тебя в разлом! – закричал рабочий, когда груз чуть не снес ему голову. – Нет, ну что ты творишь? Чтоб я хоть раз еще пустил тебя за рычаги, да не будь, я Ганькой Косым, не пушу!

Тягловая лапа ухнула, совсем как живая, и на землю, наконец, опустился груз. На платформе стоял опутанный тросами мобиль. Ярко-желтый, как весенние цветы, вызывающий восхищение у всех, кто оказался в эту минуту на воздушном пирсе.

– Говорят, рыцарей будут обучать управлять мобиллями, – с плохо скрываемой завистью сказал Отес, – Можно сказать, Вьеру повезло. Интересно, чем мы хуже?

Лапа тем временем зафырчала и снова поднялась вверх, к грузовой корзине дирижабля. Еще два судна заходили на посадку, а третье готовилось отчалить от каменного пирса Академикума.

– Вряд ли тебе стоит переживать об этом, раз твой отец владеет акциями завода по производству мобилей.

– Ага, он так и сказал: Отес, ты будешь магом, хватит и того, что я всю жизнь с железками вожусь.

Я переложила запечатанный конверт из одной руки в другую. Обещанное письмо папеньке, где с должным восторгом поведала о знакомстве с князем и с прискорбием рассказала об утрате камня рода. Не знаю, что там папенька думал, получая, мои послания, больше похожие на страницы летописи. Точно житие Святой Ивидель Непослушной. Жаль, отец пока еще ни разу не ответил, хотя, я отправляла вести в Кленовый сад регулярно, стараясь писать обо всем, что происходило вокруг. Обо всем кроме...

Гигантский дирижабль – носорог уперся боком в камни пирса, издавая шуршащий звук.

Стюарды, отдавали команды. Один пассажир не стал дожидаться, когда закрепят швартовы и прыгнул на камни. За ним второй ростом пониже и с ярко рыжими волосами. Крис и Жоэл, судя по рыцарским плащам, только что вернулись с патрулирования Трейди.

Я писала обо всем кроме Кристофера Оуэна. Потому что нечего было писать.

– Отес, ты не мог бы... – я протянула сокурснику письмо.

– Отправить? Конечно, – он взял у меня конверт, посмотрел на пришвартованный дирижабль, но от вопросов воздержался. Не зря его зовут умником.

Я направилась к сходням, стараясь не обращать внимания на то, как стучит сердце. Давала же себе слово, больше никаких встреч с Крисом. Поправка, намеренных встреч, тем более после случившегося в Запретном городе... Давала? Причем не в первый раз, а теперь собиралась его нарушить. Видимо, моя судьба переступать через клятвы, беря пример с предка.

Мы с бароном поравнялись, на краткий миг, встретившись глазами. И так же молча разминулись. Так будет правильно во всех отношениях. А перед глазами все расплывалось совсем не от слез, а от ледяного ветра. Вот же упрямец, вот же... И что я расскажу нашим внукам? Что опоила его и затащила в храм богинь? Девы, я думаю о наших внуках, как о чем-то само собой разумеющемся? Помогите!

И словно в ответ на мой мысленный крик руку кольнуло. Можно было не смотреть на ладонь, я и так знала, что на коже проступили три точки. Не будет никакой свадьбы с Оуэном.

Пассажиры продолжали покидать воздушное судно. Еще один мужчина ступил на каменную пристань. В его движениях не было легкости, наоборот он был скован, двигался тяжело и неловко держал явно непривычную руке трость.

– Доброго дня, граф Хоторн, – поздоровалась я.

– Леди Астер? Что-то случилось? – с тревогой спросил Мэрдок. Везет мне сегодня на джентльменов.

– Я ить башку тебе оторву, если поцарапашь! – снова закричал рабочий, когда погрузочная лапа опустила на пристань второй мобиль, на этот раз красный, как бургундское папеньки.

– Нет, благодарю. Хотела справиться, как ваша нога?

Он подал мне руку, я коснулась пальцами его локтя и оглянулась. Крис и Жоэл все еще стояли на пирсе. И барон все еще смотрел на меня. Я бы порадовалась, не будь его лицо настолько хмурым. Папенька так же смотрел на рабочих, умудрившихся потерять вагонетку с рудой, хотя, как потом оказалось, они просто ошиблись в подсчетах. Не сильны наши рабочие в математике.

– Собираетесь на праздник в Трейди? – спросила, пробегая мимо, Тара. – Давайте быстрее, дирижабль сейчас отчалит.

– Думаю, леди Астер достойна лучшего партнера, – Мэрдок оперся на трость, лицо парня оставалось непроницаемым.

Я увидела Отеса, сокурсник помахал мне рукой, показывая, что письмо отправлено, и взошел на борт гондолы. Мэри стояла рядом с высоким молодым человеком, кажется братом, который что-то ей объяснял. Дирижабли разгружались и готовились отчалить. А Трейди начиналась ярмарка в честь парада лун, который состоится в конце месяца. Большая часть учеников получила разрешения посетить праздник. Я, к слову, даже не подавала прошение. Что мне там делать? Плясать на площади? Ходить по деревенским лавкам? Без Гэли это занятие теряет всякий смысл.

– Вы так и не ответили, – повторил Хоторн, – Что-то произошло? Что-то заслуживающее моего внимания?

– Не... нет, – я покачала головой, – Почему вы так решили?

– Вы пришли меня встречать. С чего бы подобная милость?

Как я уже говорила, он имел право злиться, поэтому я оставила эту нарочитую грубость без ответа.

Еще три пассажира спустились на пирс. Высокий мужчина огляделся, запахнул плащ и поправил капюшон. Его сопровождали две фигуры поменьше в серых пальто.

Серые псы, личная гвардия князя. Мужчина и женщина. Серая не скрывала своего лица. Она ничуть не изменилась с того дня в Льеже. Те же высокие скулы, те же стянутые в пучок волосы. Аннабель Криэ, жрица Дев, снова ступила на землю Академикума, но на этот раз в качестве сопровождающей. А вот мужчина был мне незнаком, лет тридцати, плотного телосложения, с круглым и добродушным лицом. Правда, оружие у пояса и перчатки мечника показывали, насколько ошибочным может быть это впечатление.

Мэрдок узнал идущего первым на секунду раньше, чем я.

– Если вы сейчас присядете в реверансе, леди Астер, я вас казню. – Князь остановился и натянул перчатки. – Берите пример с графа Хоторна, он, может, и хочет согнуться, да нога не позволяет. А это идея, – сказал правитель самому себе. – Издать указ, который обяжет всех мужчин охрометь, тогда передо мной не будут всякий раз бухаться на колени и бубнить тарабарщину? Со временем это, знаете, надоедает.

– Как прикажете, милорд. – Я едва заметно склонила голову, не могла не склонить.

Князь прошел мимо. Серая жрица и рыцарь молчаливыми тенями последовали за ним.

Сколько раз я встречала таких мужчин? Высоких с военной выправкой, закутанных в плащи от непогоды, так что даже невозможно разглядеть лицо? Множество. Вон взять хотя бы того, что стоял в пяти метрах от дирижабля, с тревогой ожидая груза и поглядывая на управляющего фыркающей лапой «умелца».

– Ну, епить-колотить, – простонал рабочий, – Правее, правее забирай, косорукий! Вы, мастер Тилон, не беспокойтесь, спустим в лучшем виде! А не спустим, я ему руки оборву и в жо...

Тут он заметил прислушивающихся к столь интересной беседе девушек и замолчал. Массивный ящик угрожающе качнулся. Хозяин груза страдальчески закрыл глаза.

Как его назвал рабочий? Мастер Тилон? Где я слышала это имя? Разве не так представилась нашей группе Кларисса Омули? Или где-то еще?

Один из дирижаблей отдал швартовы и стал медленно отходить от воздушного пирса, разворачиваясь на лету. Стюард убрал сходни второго пришвартованного дирижабля и подал сигнал пилоту, что пассажиры уже на борту.

Остаток дня мы могли быть свободны. Нет, не так. Остаток дня надлежало потратить, зарывшись в учебники и выучить, например, пять принципов воздушной механики и сто пять династических браков заключенных с правящим родом. Кстати, о князе...

– Мэрдок, скажите мне, что произошло в первом форте? Почему вы так... – я проглотила слово «испугались» и вовремя заменила на другое, – беспокоились?

– Я полагал, что леди Ивидель Астер будет последней, кто укорит меня в этом. – Взгляд серых глаз стал ледяным. Он тоже понял, какое слово я опустила. – Последней, кто вспомнит. Что ж, я ошибся.

– Вы... Ты все неправильно понял, – торопливо объяснила я. Ну почему, мужчины такие странные? Почему любой намек на их, даже не трусость, а слабость, вызывает возмущение и отторжение? Только женщине позволено быть слабой? Мужчинам недоступна такая роскошь? – Возможно... думаю... думаю, у тебя могли быть на то основания, – закончила я.

– Какие? – Он повернулся ко мне. – Все, что я помню – это мешанину лиц, слов, образов, чьи-то слова, запах дерева и лекарства. Помню, как сильно колотилось сердце, помню боль, но и только. Что-то произошло? – В его глазах появилась искорка беспокойства. Появилась и исчезла, так что вполне возможно, мне просто почудилось.

– Нет...

О чем я могла ему рассказать? О том, что кто-то скребся в дверь? О скальпеле в руках целительницы? Или о смехе в темном коридоре? О бруссе? Или о вышке дирижаблей? О чем? Если сейчас в Академикуме при свете дня все это кажется полной глупостью.

Второй дирижабль уже отдавал швартовы, слышался смех сокурсников, Крис и Жоэл уже скрылись за ближайшим зданием. Паровала лапа почти опустила на мостовую груз мастера Тилона, а я почти придумала, как ответить Хоторну, когда Академикум сделал это за меня. На этот раз обошлось без натужного скрежета и гула. Обошлось без толчков и рывков – без всего обошлось. Остров едва заметно задрожал, как деревянный настил под ногами, когда тебя обгоняет всадник. Задрожал и вдруг стал смещаться. Солнце ушло в сторону, ветер ударил в лицо.

Мы даже не испугались, во всяком случае, не сразу. Кто-то вскрикнул от испуга, когда один из отчаливших дирижаблей закрутило воздушной волной. Правда, судно тут же выпрямилось. Для кого-то вся странность произошедшего заключалась в ругани рабочего, в свисте тросов, когда груз мастера Тилона все же грохнулся на землю, каким-то чудом никого не придавив. Ящик треснул, и черные чирийские клинки раскатились по камням, бряцая и ловя агатовыми лезвиями тусклый свет солнца.

А для кого-то странности начались, когда шар все еще пришвартованного к пирсу судна соприкоснулся с каменной пристанью с отвратительным шуршащим звуком. Стюард махал флажками и что-то кричал, но из-за движения острова дирижабль едва не бросило на здание почтовой станции Академикума, лопнул один швартовочный трос, потом второй, фыркающая лапа, вдруг резко выпрямилась и с размаху опустилась на мостовую, выбив каменную крошку. – Да, я ить... тебя... ты ж... – второй работник, стоявший в шаге от места ее приземления, путался в словах и никак не мог выразить обуревавшие чувства. Стюард все еще махал флажками, когда порвался третий трос, и судно, на прощанье проскрежетав по каменной стене, осталось висеть в воздухе, едва заметно покачиваясь из стороны в сторону, как лодка в беспокойном Зимнем море.

К пирсу Академикума остался пришвартован только почтовый дирижабль и то, только потому, что был закреплен на совесть и еще не закончил разгрузку.

– Магистры уводят Академикум, – пораженно проговорила я, глядя вместе с двумя молоденькими жрицами на линию горизонта.

– Магистры? – переспросил Хоторн, – Не дождавшись окончания разгрузки и посадки? Увоят, не закрепив суда? Когда большая часть наставников и учеников на земле?

– А может, это очередное испытание? – спросила я, но прозвучало это неубедительно.

– Экзамен на тему: догони Академикум? Кто не сможет, будет отчислен? – иронично спросил Хоторн и, глядя, как рабочие суетливо собирают груз мастера Тилона, а тот кричит, чтобы надели перчатки. – Идемте, леди, мы узнаем все еще до заката.

Но он ошибся, мы узнали все только на следующее утро, хотя конец этого дня многие встретили около атриума, любуясь на голубые струи магического огня, на стремительно

меняющийся пейзаж: равнина, горы, замерзшие реки, снова горы, бескрайняя гладь Зимнего моря. На этот раз восторгов было куда меньше.

Утром первым предметом стояла «Магия механизмов», на лекцию явились шестеро из двенадцати учеников – половина группы, а вот преподаватель задерживался.

Аудитория была непривычно тиха и пустынна, мы разглядывали лица друг друга с некоторым удивлением и недоумением. Я, Гэли, Дженнет, Алисия, Мэри и Мэрдок – единственный из парней, что не поддался искушению и не пошел на праздник. А еще говорят девушки сами не свои до танцев.

– Ну, и что это значит? – спросила Дженнет, глядя при этом почему-то на меня.

– Мне забыли доложить, – ответила я.

– Думаю, что-то произошло, – тихо сказала Мэри. – Что-то неправильное и...

– Bravo! – Герцогиня картинно похлопала в ладоши. – А то мы сами не догадались, когда остров сорвался от Трейди.

– Возможно, кому-то понадобилась помощь, – сказала Гэли, – Кому-то вроде князя.

Мы с Мэрдоком переглянулись. Вряд ли за те несколько минут, что прошли после того, как князь сошел с дирижабля, он успел добраться до совета Академикума. И вряд ли успел отдать приказ, сняться со стоянку в Трейди.

– А тебе, Миэр, значит, доложили, – резюмировала, не скрывая сарказма, Дженнет.

– Да, Альвон, мне доложили линия горизонта и положение солнца. Академикум идет на северо-восток к Запретному городу, ибо больше там ничего нет. Что? – спросила она в ответ на мой вопросительный взгляд. – Меня отец учил ориентироваться по солнцу, когда мы на дирижабле путешествовали, не думала, что пригодится, а вот... – Она развела руками.

– Ну, если это приказ князя, – протянула Алисия с сомнением.

– Если это так, то никто, включая магистров, ничего поделать не сможет. Поэтому предлагаю насладиться отменой занятий. – Дженнет пожала плечами. – А то у меня от бывшей гувернантки Астеров озноб пробивает.

Дверь в аудиторию открылась, внутрь заглянул лохматый лопухий мальчишка и крикнул:

– Всем приказано собраться в главном зале. – Он шмыгнул носом и веско добавил: – Прямо сейчас.

Только в главном зале Академикума, я смогла оценить последствия спешного отлета острова, по зияющим пустотой местам, по тишине, нарушаемой лишь редкими перешептываниями. Никто не смеялся, никто не порывался пролезть ближе, согнать первогодок и занять их места. Да и некому было сгонять. Старшекурсников осталось не больше сотни, учеников первого потока, как я, Крис, Гэли или Дженнет, чуть больше, многие завалили зачеты или схлопотали порицания и были вынуждены остаться без прогулки.

– Только деревенских танцулек мне и не хватало, – излишне громко ответила герцогиня на вопрос Алисии, и несколько сидящих в соседнем ряду жриц повернули головы.

Судя по плащам, девушки из Посвящения теперь самый многочисленный факультет, все остальные понесли невосполнимые потери, как среди учеников, так и среди учителей. Я искала среди топившихся на возвышении магистров Йена Виттерна, но не находила, хотя заметила Родрига Немилосердного – главу Ордена, и мисс Ильяну.

– Тихо, – scomандовал зычным голосом Ансельм Игри. – Раскудахтались, как курицы. – Мужчина отступил на шаг, и его место заняла глава Маггуса.

– Ученики Академикума, все вы заметили, что остров был вынужден сменить курс...

– Еще бы не заметили, – пробормотала сидящая рядом со мной Гэли и передразнила: – «Сменить курс» – это так теперь называется?

А я поняла, что против воли улыбаюсь, она заметила эту улыбку, повернулась и..

– Иви...

– Не сейчас, – попросила я, все еще продолжая улыбаться. Возможно, не все еще потеряно и нам с Гэли все-таки удастся что-то вернуть.

– Но мы спешим успокоить вас. Все под контролем, как только миссия Академикума будет выполнена, мы вернемся в Трейди за вашими сокурсниками, а пока...

– Что это за миссия такая, ради которой остров несется, теряя по дороге дирижабли? – выкрикнул кто-то с первого ряда.

– Не вашего ума дело, Коэн, – отрезала мисс Ильяна, а я вытянула шею, чтобы рассмотреть брата Мэри, которого когда-то забраквала в качестве жениха Гэли.

– Повторяю, вам совершенно не о чем беспокоиться...

– Когда она говорит, что нам не о чем беспокоиться, я как раз и начинаю волноваться, – услышала я голос Дженнет, что сидела впереди вместе с Алисией и Хоторном.

– Так вот, в связи с этими обстоятельствами, расписание было изменено, некоторые группы за малочисленностью объединены. Новое расписание каждая группа получит сразу после собрания в секретариате и...

– То есть те, кто остались в Трейди могут праздновать дальше, а мы должны учиться? – не поверил кто-то с факультета жриц. – А можно я тогда, тоже сойду, вон хоть на почтовом дирижабле, а как завершите совою очень-важную-миссию, так и вернусь вместе со всеми?

– Нет, нельзя мисс Абье, хотя бы потому, что этой ночью почтовый дирижабль отчалил от острова.

– Это значит, что у Академикума не осталось ни одного транспортного судна даже на самый крайний случай? И мы заперты здесь, как мыши в амбаре? – тихо проговорила я, и Дженнет посмотрела на меня, вопросительно выгнув бровь.

– Итак, повторяю, новое расписание, вы можете получить...

– Эй, – услышала я голос, от которого по коже поползли мурашки. Через Гэли прямо ко мне склонилась знакомая фигура. – Ты ведь маг земли?

Увы, не ко мне. Хотя сердце все равно на миг замерло, когда я увидела, как Крис коснулся плеча Мэрдока.

– Да, – спокойно ответил Хоторн.

– Выйди на минуту, есть разговор. – Оуэн выпрямился, на миг наши глаза встретились. На очень краткий миг. На очень длинный миг... И барон зашагал к выходу из зала, рядом с которым топтался рыжеволосы Жоэл.

Ненавижу эту игру в гляделки. И что хорошего находят в этом менестрели и сказители?

– Прощу прощения, леди, – Мэрдок пусть и не столь элегантно последовал за ним.

– Что они... – начала Дженнет и не договорила, так как ее голос заглушил поднявшийся в зале ропот. Видимо ученикам не понравилось новое расписание.

Демон бы побрал эти правила приличия! Так и хотелось вскочить, последовать за ними и подслушать... Нет, узнать, леди не подслушивают, что у них там еще произошло.

– Иви, ты сейчас оторвешь оборку с юбки, – информировала меня Гэли, а Дженнет скривившись отвернулась, снова что-то зашептав Алисии.

Я заставила себя разжать руки.

– Хм, – Гэли задумчиво посмотрела вслед парням и вдруг встала, – Мне это не нравится.

– Что? – не поняла я.

– Не обижайся Иви, но я тебя знаю, будешь сидеть тут и вздыхать в меру своего хорошего воспитания. А у меня, увы, этого нет, папенька сильно баловал в отсутствие маменьки. – Она развела руками, подхватила юбки и пошла к дверям.

– Гэли? – зашипела я, бросаясь следом.

Девушка обернулась, и вместе с озорной улыбкой на ее лице отчетливо проступили страдание и вина. Вина горела так ярко, словно Гэли переусердствовала с румянами.

– Все узнаю и расскажу тебе, – пообещала она и выскочила наружу.

Я едва подавила желание выругаться, словно конюх. Ох, чтобы сказала маменька? А ведь, она это делает для меня, потому что я так и не удосужилась поговорить с подругой и лишь сейчас дала надежду. Надежду, ради которой она готова...

Додумать на что готова подруга, я не успела, выскочила из зала следом, миновала коридор, распахнула дверь и в недоумении остановилась. Рядом вертела головой Гэли.

– Куда они подевались? – спросила она.

Но никто ей не ответил, ни две жрицы, что прогуливались вдоль здания, а не сидели внутри, ни молодой человек из рыцарей, что лопатой счищал снег, ни торопливо удаляющийся магистр Дронне, которого редко можно увидеть под светом дня, так как он предпочитал общество звезд любому иному.

Я с сожалением была вынуждена признать, что парни, либо очень быстро ходят, либо, что вероятнее, направились не на улицу, а, к примеру, на второй этаж, к кабинетам магистров или к

секретариату. Или к главному зданию Ордена, что почти примыкает к административному корпусу Академикума. Да мало ли куда...

– Вот ведь, – пришла к тем же выводам, что и я Гэли. – Возвращаемся? Там, поди, опять говорят про спокойствие и расписание. Зубы сводит. И от того и от другого.

– Пожалуй... – я задумалась, – нет. Хочу проверить, как там мое письмо. – Я спрятала замерзающие пальцы в муфту и спустилась с крыльца.

– Оно конечно, – Гэли пристроилась рядом и тут же спросила так, словно не было этих долгих недель отчужденного молчания: – Что за письмо? Кому? Думаешь, с ним плохо обращаются? Я едва сдержала смех. Но все-таки сдержала, придав лицу максимально строгий вид, как у матушки, когда она находит на ковре пятна сажи, которые не успели убрать.

– Ага, понятно, – протянула Гэли. – Огненная Иви ушла, вернулась ледяная княжна. Ну, накричи на меня, если хочешь!

– Леди не пристало...

– Да, к леди ничего не пристает. – Подруга тряхнула головой и решительно выпалила: – Завтра пойду к мисс Ильяне и во всем признаюсь.

– А почему не сегодня? – поинтересовалась я.

– Потому что сегодня ей не до меня, и потому что мне нужно время смириться с неизбежным.

– Желаю удачи, – с чувством проговорила я, огибая казарму рыцарей, оружейную, столовый комплекс и выходя, наконец, к воздушной гавани.

– Вредина, – фыркнула Гэли.

– Леди не может быть врединной.

– Меня, скорей всего, отчислят, а это верное отрезание от силы. – Не оценила шутку подруга. – И дело не в том, что по моей вине сгорел корпус, а в том, что я промолчала.

– Хочешь получить мое разрешение не признаваться? – рассеяно спросила я, оглядывая воздушную гавань и пустой пирс, к которому еще вчера был пришвартован почтовый дирижабль.

– Очень, – не стала кривить душой Гэли.

– Тогда можешь не признаваться, – я подошла к разгрузочной площадке.

– Правда? – подруга забежала вперед и заглянула в глаза. – Ты больше не злишься?

– Правда. Не злюсь. Можешь молчать, если тебя это устраивает.

– Ура! – Она едва не приплясывала на месте. – Я так рада, что ты меня простила, так рада, что... Иви? А почему ты сказала: «если меня все устраивает»?

– Потому, – я пожала плечами, – Пока ты будешь молчать, тот, кто украл твое письмо и пытался им воспользоваться, останется безнаказанным. И если тебя это устраивает... – не договорив, я отвернулась и снова стала разглядывать почтовый двор.

Ничего не напоминало о вчерашнем происшествии.

– Я не понимаю, – едва слышно прошептала подруга.

– Вот когда поймешь, тогда и поговорим. А пока попробуй вспомнить, к какому кнехту [11]

был пришвартован почтовый дирижабль? К этому? – Я вытащила руку из муфты и стала расчищать двойной металлический столбик от снега. – Или к тому? – указала на соседний.

– Не знаю, – ответила подруга. – А это важно?

Честно говоря, я и сама не знала. Не знала, зачем отряхивая выкрашенный черной краской металл, зачем рассматриваю со всех сторон. И почему мне не дает покоя мысль, что отпустить с острова единственный оставшийся волею случая дирижабль и тем самым, лишит себя и всех остальных способа спуститься на землю, не просто глупо, а отдаст сумасшествием. А магистры не такие. Во всяком случае, хотелось бы надеяться.

– Кажется, да. – Я закончила счищать снег и теперь задумчиво водила пальцами по трем параллельным царапинам. Как жаль, что определение времени изменений и возраста вещи мы начнем изучать только на втором потоке. Любого изменения, будь то магические семена, или инструмент в руке мастера. Кто-то содрал с металла краску. И судя по тому, что он еще не успел заржаветь, это случилось точно не в прошлом году.

Кто-то три раза провел чем-то острым по кнехту, возможно перерезая швартовы, хотя это и глупо. Канаты не перерезают. Или не три, а один раз, но тремя ножами одновременно. Или когтями...

– И что это значит? – спросила подруга, она подошла к соседнему кнехту и стала очищать от снега.

– Возможно, что и ничего. – Я спрятала в муфту онемевшие пальцы. – Возможно, кто-то просто...

– И здесь тоже самое, – прервала меня Гэли указывая на очень похожие вертикальные полосы на втором столбике. – Знаешь, когда папенька сливовой наливки переберет, отмечая с партнерами удачную сделку, то домой обычно возвращается с черного хода, чтобы дворецкого и Милу не тревожить, а то ведь на утро она его достанет нравоучениями. – Гэли отошла от столбика и отряхнула снег с юбки. – Так вот, он запасную дверь своим ключом открывает. Только раза с десятого в замочную скважину попадет, ругается. – Она улыбнулась. – Весь дом знает, что хозяин из номеров ресторации вернулся. – Подруга задумалась. – К чему это я? К тому, что у нас вся личина исцарапана, да и часть двери тоже. Серые псы говорили, будто вскрыть кто-то пытался. А папенька пыхтел, как паровой котел.

– Думаешь, стюарды тоже наливки перебрали и никак не могли отчалить? – уточнила я, а сама вдруг подумала, что это вполне может быть правдой.

Каждой странности можно найти самое простое объяснение, только я ищу сложности там, где их нет. Так почему я не могу поверить в эту простоту? Что не дает мне поверить? Что не позволяет, пожать плечами, как Гэли, и отойти в сторону?

– Идем, – я развернулась, направляясь к почтовой станции Академикума, – Узнаем какую наливку тут наливают перед отправлением.

– А если серьезно? – спросила подруга догоняя.

– А если серьезно, хочу узнать, как там мое письмо. Каковы условия хранения? Не просрочен ли сургуч? Нет ли ущемления конверта?

– Иви, – хихикнула девушка, распахивая дверь почтовой станции.

Я даже хотела сказать ей что-то еще, не менее веселое, потому что вдруг поняла, насколько мне ее не хватало все эти дни. Не хватало легкости в общении, капельки сумасбродства, впрочем, последнего у меня и самой через край. Но оказавшись внутри станции, окунувшись в ароматы, дерева, смолы и хрустящей бумаги, увидев сложенные вдоль стеллажа пакеты, свертки, коробки, письма рассыпью на столе, я замерла прямо на пороге. А Гэли совершенно не элегантно присвистнула.

– Закрыто. У нас закрыто, – замахала на нас руками миссис Улен, – Леди, прошу вас, мы не работаем.

– Да мы видим, – Гэли задумчиво обвела взглядом обычно просторный зал. – А что случилось? Это мы так по дому соскучились или наши родители с гостинцами перестарались?

– А ведь один дирижабль уже отчалил? – делано удивилась я и сама едва не поморщилась, как фальшиво это прозвучало.

Но женщине было не до подобных нюансов, она сжала кулаки и воинственно потрясла ими перед горой посылок:

– Я бы тому... этому... тому, кто отправил дирижабль... Ух! Глупость какая! Где это видано, отправлять грузовое судно пустым, когда тут у нас к отгрузке все приготовлено было... – она говорила что-то еще, беспомощно разглядывая стопки писем и призывая кары Дев на головы неведомого «отправителя дирижабля».

А я, кивнув подруге, вышла обратно на улицу, чувствуя, как внутри шевелиться что-то неприятно холодное, как на приеме у Бернимаров, когда улиток попробовала.

– Иви, зачем отправлять дирижабль пустым, когда все было готово к отгрузке?

– Откуда ты знаешь, что он отчалил пустым? – спросила я, поворачиваясь к главному корпусу Ордена, что виднелся прямо за вытянутым зданием столовой, какая-то неприятная мысль, скользкой улиткой продолжала копошиться на краю сознания.

– То есть ты думаешь, на нем повезли что-то другое? – распахнула глаза подруга.

– Нет, не думаю. – Я обогнула здание почтовой станции, оставляя за спиной воздушную гавань такую непривычно безлюдную в это время дня.

– Тогда я ничего не понимаю. – Гэли посмотрела на приземистое здание казармы, на тренировочную площадку, к которой мы вышли, и спросила: – Мы ищем рыцарей?

– Нет. – Я подошла к ограждению ристалища, а сама подумала, что было бы неплохо, если бы они сами нашли нас. – Меня не покидает чувство, что эти царапины я уже видела, и даже когти, что их оставили.

Я смахнула снег с изгороди и замолчала, глядя на три вертикальные отметины. Здесь железная кошка зацепилась за ограду в то день, когда пытался бежать железнорукый.

– Точно такие же кто-то оставил на перилах лестницы в Ордене, – услышала я голос и подняла голову, с той стороны изгороди стоял Этьен, и для разнообразия не кривил губы в презрительной усмешке. – А еще на потолочных балках перехода к рубке управления островом. – Но там же дежурные? – спросила Гэли, когда он замолчал. – Вряд ли они стали бы спокойно смотреть, как кто-то портит казенное имущество.

– Не стали бы, – пожал плечами Этьен. – Но они не прикованы там цепями, иногда отлучаются, а иногда на свиданки бегают. Это вам не княжеский орден Серых псов, это всего лишь Академикум. Ничего секретного. В основном гоняют первокурсников вроде нас, да и просто любопытных. Кстати десять минут назад, я видел там баронишку в компании со своим рыжим прихвостнем и колченогим магом. Не знаете, зачем их туда понесло?

– Нет, – ответила Гэли.

– А, вы, почему не с ними? – спросила я.

– Сказали, чтобы занялся чем-нибудь полезным для общества и желательно подальше от них, – лениво ответил парень и что характерно без капли гнева. – Но следы от когтей рассмотреть успел, явно та ржавая кошка постаралась.

– Возможно, когда магистры выводили ее во двор... – начала Гэли.

– Интересно куда они еще ее выводили? – перебил рыцарь подругу. – В кабину управления островом? Экскурсию устаивали?

– Или к воздушной гавани? – задумчиво проговорила я.

– Вот и я о том же. Магистры не дураки, чтобы водить эту тварь на поводке. Помните, сколько их было, когда она чуть не сорвала цепь со столба? И то, еле уgomонили.

– Но зачем-то она выходит? – удивилась подруга.

– Самый главный вопрос, как? И почему потом спокойно возвращает в клетку. – Этьен облокотился о забор и добавил: – Я бы на месте этого зверя не пошел.

– Вы хотите сказать... – я выпрямилась, – Что ей кто-то приказывает?

– А что там в гавани? – уточнил он, прищурился глазами.

– Ничего, – фыркнула подруга, – Абсолютно ничего.

– Вы действительно считаете, что зверем может кто-то управлять? – допытывалась я. – Под самым носом у магистров?

– Другого объяснения у меня нет, – он оттолкнулся от забора. – Леди, посмотрите что происходит вокруг, если это не диверсия, значит я не Этьен Корт.

– Кто-нибудь бы видел, – не согласилась Гэли, – Так всегда, думаешь, что никто и ничего не знает, а потом находится, какая-нибудь глазастая герцогиня оказавшаяся не в то время и не в том месте. – Я вспомнила случай с корпусом Маннока, а потом перевела взгляд на Этьена, которому казалось не было ни малейшего дела до волнения подруги, парень поднял голову к небу, с которого падали редкие снежинки, а Гэли тем временем закончила: – Это вам не домашний котенок, которого можно спрятать в муфту.

– Откуда вам знать, куда его можно спрятать, – рыцарь перевел взгляд на горизонт, – Покуда магистры не разобрали эту кошку, они и десятой доли ее возможностей не знают.

– Значит, они разберут ее в самое ближайшее время. – Топнула ногой Гэли. – Завтра остров дойдет до Запретного города, маги узнают, что случилось у князя и все вернется на свои места.

– А вот леди Астер в это не верит, – вдруг сказал он, я и посмотрела на сквайра, светлые волосы парня уже стали отрастать, хотя до прежнего богатства было пока далеко.

– А вы стали куда более вежливым, чем раньше, – заметила я, но он проигнорировал мое замечание, продолжая обращаться к Гэли:

– Да и по поводу курса этой каменной глыбы, должен разочаровать вас, Мизэр. Мы слишком смещаемся к северу.

– В том направлении только Запретный город, больше нам лететь просто некуда, – фыркнула подруга, беря меня под руку.

– Так или иначе, завтра мы это узнаем, – не стал спорить Этьен.

– Эй, – услышали мы и повернулись, к нам в незастегнутом пальто бежала Мэри Коэн, – Получили расписание, через десять минут у нас снадобья, так что давайте быстрее.

– Желаю удачи... на кухне, – все-таки не удержался от шпильки Этьен.

– Спасибо, мистер, – тихо ответила дочь аптекаря и, покраснев, а может, просто разумянившись от бега на морозе, добавила, – К вам это тоже относится. Из-за малой численности группу рыцарей и группу магов первого потока временно решили объединить по общим дисциплинам, часть будут читать в Магнусе, часть в Ордене.

– Нет, магистры точно выжили из ума, – Этьен закатил глаза, а Гэли хихикнула.

До учебного корпуса мы добрались за пять минут.

И пусть подруга снова стала улыбаться, рассказывая Мэри о горе посылок на почтовой станции, а Этьен, не переставая, бурчал себе под нос что-то неллицеприятное о том, кто составлял расписание...

И пусть в аудитории я увидела Мэрдока, а так же, устроившегося за самым последним столом, Криса, увидела Жоэла, что стоял рядом с картой Аэры...

И пусть на этот раз занятие состоялось, когда магистр Болеин начал зачитывать нам свойства порошков...

И пусть все делали вид, что ничего не случилось...

Одна мысль не давал мне покоя. Глупая, но настырная, словно мул, которому не задали корму. Впервые я увидела железную кошку в начале зимы, незадолго до Дня Рождения Дев. Мы вместе с Крисом увидели ее во дворе Ордена, увидели глаза, и когти, что прошлись тогда по моей юбке.

А если на миг допустить, что Этьен прав? Представить, что кто-то мог отдавать приказы железному зверю с Тиэры? Кто мог управлять тварью с другой стороны мира? Только тот, кто сам родился там. Тот, кого учили это делать. Посланец из нижнего мира. И он сейчас здесь. В Академикуме! И если кошка была здесь с начала зимы, а может и раньше, то значит и он. Если этот «он» вообще существует. С самого начала зимы, если не с начала учебного года...

Это значит, что пророчество богинь начало сбываться и скоро Разлом хлопнется, Аэра будет разрушена, прольются реки крови, и сами демоны будут танцевать на руинах нашего мира.

– Скорее я поверю, что кто-то ходил и нарочно оставлял эти царапки ножом, чтобы девчонок поугаать. – Я подняла голову и поняла, что произнесла последнюю фразу вслух.

И если учитель смотрел раздраженно, а герцогиня с презрением, то обычно отстраненный и холодный взгляд Мэрдока был полон тревоги. Как и Криса, хоть самого рыцаря я не видела, но чувствовала, как синие глаза буравят мне спину.

Билет 6. Основы воздушной механики

– Кто знает, откуда у старых родов появились девизы? – спросила Кларисса Омули Тилон. Ответом ей было дружное молчание. И дело было не в том, что мы не знали, а в том, что... Академикум продолжал лететь на север. В том, что учителя хмурились и меняли местами изменяемость и измеримость. В том, что магистр Дронне перепутал Иро с Эо, и даже не заметил этого. А может, в том, что мисс Ильяна появилась в аудитории на несколько минут, дала задание и исчезла, забыв его даже проверить. И только моя бывшая гувернантка, казалось, не видела в происходящем ничего странного. Она деловито прошла мимо. Продолжая рассказывать:

– Девиз – слово или короткая фраза, определяющая поведение и устремления личности, семьи, группы или организации. Также девизом может быть воинский клич или правило, по которому кто-то живёт...

Алисия фыркнула и зябко повела плечами.

– Можете привести примеры, мисс Эсток? – тут же повернулась к ней миссис Тилон.

– А может, они сами за свои семьи скажут, – высказался Этьен.

– Может, – сказала женщина, что удивительно, не прибавив обычное «плюс один, плюс два». – Давайте начнем с вас, мистер Хоторн? – Она и повернулась к Мэрдоку. – Девиз рода Орлов?

– Я буду молчать, – произнес граф, поправляя шарф на шее.

– Это заметно, – хихикнул сидящий в куртке Вьер.

Ночью температура упала сразу на пятнадцать градусов, и, проснувшись в холодной постели, я долго дрожала, пытаясь расшевелить почти потухшие угли в камине.

– Еще одна реплика с места, мистер Гилон, – Учительница этикета посмотрела на нашего бывшего сокурсника и закуталась в шаль. – И я назначу вам индивидуальное занятие.

Парень тут же уткнулся в раскрытую книгу.

– Мисс Альвон?

– Я буду блистать, – герцогиня спрятала кисти в широкие рукава мехового манто.

– Мистер Оуэн?

Я обернулась на сидящего за крайним столом Криси, не могла не обернуться. Его теплая куртка на меху была расстегнута, руки в перчатках и неизменное оружие у пояса. Как и почти у каждого ученика в этой комнате. Сегодня мы все, не сговариваясь, пришли на занятия вооруженными. Даже у Гэли к поясу были прикреплены ингредиенты и рапира. А я помимо склянок с веществами и оружия еще и целительский мешочек прихватила, словно нам снова отдали команду: «Полное боевое снаряжение». И ни один магистр не выразил удивления. Хотя никто не мог объяснить, зачем нам железо, раз фехтования не было в расписании.

– Я вижу в темноте, – ответил Крис.

– Ну и, наконец, вы, мисс Астер. – Бывшая гувернантка склонила голову набок. Девы, сколько раз, она так на меня смотрела.

– Я умею предавать, – я растерла покрасневшие от холода пальцы. В Магиусе сегодня затопили все каминные, но они не успели прогреть просторные классные комнаты с высокими потолками. Сидя на холодном стуле, я с тоской вспоминала папенькино кресло, обитое бархатом и со всех сторон закрывающее от сквозняков, развернула бы к огню и забралась с ногами. Такой холод я помню лишь однажды, когда на Кленовый сад обрушился снежный буран, что зародился в черных чирийских горах.

– На самом деле девизов больше, как и старых семей. Вы можете вспомнить магистра Виттерна, род Грейвзов, род Муньер...

– Разрешите вопрос? – будто нехотя подняла руку герцогиня и, дождавшись поощрительного кивка миссис Тилон, продолжила: – Я слышала, что род Муньер Сьерра был истреблен жрицами? Это правда?

– Я не жрица, – невозмутимо ответила моя бывшая гувернантка.

– И все же? – не сдавалась Дженнет.

– Вам ли не знать леди Альвон Трид, как губительны для репутации слухи, особенно если они основаны хоть на капле правды.

– То есть у жриц был повод ненавидеть герцогов Сьерра? – подался вперед любопытный Жоэл.

– Что у вас по истории и геральдике, мистер Рит? – в свою очередь спросила его Кларисса Тилон.

– Ну... – рыцарь красноречиво покраснел.

– Ясно, – ответила гувернантка таким тоном, что даже я поняла, что в жизни рыжего парня грядут испытания. – У жриц были основания не доверять роду Муньер Сьерра.

– Но почему? – не выдержала Мэри и тут же извинилась: – Прошу прощения миссис Тилон. Удивительно, но моя бывшая гувернантка не стала наказывать дочь аптекаря.

– Из-за их магии. И из-за того, что род получил одну привилегию еще от первого князя, – женщина многозначительно замолчала.

Я подняла руку и, дождавшись разрешающего взмаха рукой, спросила:

– Какую?

– Их разум и память стали неподвластны жрицам.

– Серьезно? – спросил Этьен, и парни переглянулись. – Совсем? То есть он запретил их читать и все послушались?

– Не знаю, – грустно ответила Кларисса Тилон. – Не думаю, что именно я должна вам это рассказывать, уверена, магистр Кэррок объяснит не в пример лучше... А то и опровергнет эти старые байки. В любом случае род прекратил свое существование много веков назад. Еще одна реплика без разрешения, мистер Корт, и я оставлю вас на час после занятий.

– А вы уверены, что весь род истреблен? – спросил вдруг Мэрдок и словно спохватившись добавил: – Миссис Тилон.

– Я уверена, – Гэли подняла руку с покрасневшими пальцами.

– Когда же мы изживем эту несносную привычку выкрикивать с места и перебивать друг друга? – непонятно у кого спросила моя бывшая гувернантка и кивнула девушке: – Говорите, мисс Миэр.

– Я уверена, потому что все состояние рода Муньер Сьерра до сих пор лежит в банках. Все их активы, акции, векселя, драгоценности – в камерах хранения. Дома опечатаны, земли сданы в аренду. Капитал работает на капитал, проценты и прибыль начисляются в срок, увеличивая состояние мертвого рода.

– Откуда ты... – начала герцогиня.

– Мне отец рассказывал, – перебила ее подруга, совершенно не боясь наказания от учителя. Но Кларисса Тилон промолчала. – Он подавал заявку на управление частью их активов. Век за веком состояние преумножалось, а тратить было некому. А теперь представьте, что будет, если в один прекрасный день в Эрнестальский Золотой банк войдет потомок Муьнеров? Он возьмет вексельную книжку, коснется листа, и тот позеленеет, признав его хозяином? Да, он в один миг станет богатейшим человеком Аэры.

– Демоны разлома! – выпалил Вьер, так похожий на нахохлившегося от холода воробья.

– Наказание, – сказала миссис Тилон и спрятала пальцы в теплой шали.

– Да ради Дев, – отмахнулся рыцарь, – В один миг стать богачом!

– Между прочим Эльза Муьнер в триста пятом году от образования Разлома вышла замуж за герцога Альвон Трида, – вставила Дженнет, – А я ее прямой потомок.

– Вот-вот, я бы тоже попробовал, чем демоны не шутят, мало ли кого из прародительниц валял на сеновале один из этих полуночных волков...

– Так многие думали, и сначала у клерков отбоя не было от желающих пощупать лист с гербовой печатью, – продолжила рассказывать Гэли. – А потом руководству банка это надоело, и они ввели одно обязательное условие для искателей богатства. Залог. Перед тем как пройти испытание, претендент отдавал банку в залог свою жизнь. Если вексель ответит – ты будешь баснословно богат, если останется равнодушен к твоим прикосновениям – станешь собственностью банка и наденешь рабский ошейник. Удивительно, но количество соискателей сразу уменьшилось, а потом они и вовсе перестали испытывать свою удачу.

– Как не посочувствовать бедолагам, – с неожиданной злостью сказа Мэрдок и в классе на несколько минут воцарилась полная тишина. Наверняка, все взвешивали свои шансы оказаться тем самым Муньером, благо старые роды давно состояли в родстве. Взвешивали и сожалением отказывались от этой идеи, рабский ошейник мало кого красит.

– Значит, у жриц была причина уничтожить род, – вернулась к прежней теме герцогиня. Она не стала поднимать руку и с вызовом посмотрела на мою бывшую гувернантку, та ответила ей ослепительной улыбкой. – По сути, Муньеры могли творить все что угодно: баловаться запретной магией или устроить заговор против Князя, никто бы не узнал.

– Вы преувеличиваете, леди Альвон Трид. Муньеров никогда не было много, а заговоры – вещь масштабная. И, напомните мне, наложить на вас наказание за вызывающее поведение, как только Академиком вернется на прежний курс.

– Напомню, – процедила Дженнет, поправляя капор.

– Вас это тоже коснется, мистер Гилон, – женщина посмотрела на Вьера и резюмировала: – Будем считать, что ваше любопытство удовлетворено, и с Муньерами на сегодня закончили. Давайте вернемся к девизам.

Мэри дисциплинированно подняла руку в варежке, чем вызвала на скупом лице миссис Тилон улыбку и, получив поощрительный кивок, спросила:

– А как вообще это происходит? То есть, я хотела узнать... – она вдруг замялась, – Глава рода сам выбирает девиз, или князь...

– Точно, князь, – рассмеялся Вьер, который видимо решил не стесняться, раз наказание и так и так будет наложено. – Так и вижу, как он говорит Первому змею: «Ты предашь меня с восьмой на девятый день после зимнего солнцестояния».

– А приказ князя – это закон, – добавил вдруг Крис, Гэли прыснула в кулак.

– Вы почти угадали, мистер Оуэн. – Миссис Тилон прошла к своему столу. – Но меня никогда не устраивало «почти». Поэтому к следующему занятию вы подготовите доклад о том, как обзавелся девизом... Нет, не совиный род, это было бы слишком просто. Род Орла, – Мэрдок посмотрел на Крису, а Жоэл закашлялся. – Все свободны, кроме вас, мистер Гилон, как и

обещала, я дам вам индивидуальное занятие и объясню, почему не стоит перебивать кого бы то ни было. – Вьер не просто уткнулся в книгу, он со стоном упал на нее.

Я вышла на улицу, на ходу застегивая куртку, и остановилась в ожидании Гэли. Снегопад прекратился, зато поднялся резкий пронизывающий ветер, который иногда завывал в пустых арочных проходах и гремел флюгерами на крышах зданий.

– Мисс, – поприветствовал меня незнакомый рыцарь и, спустившись с крыльца, поднял воротник.

Перед учебными башнями Магиуса было на удивление пустынно, слушать, как воет ветер предпочтительнее в тепле спален и гостиных.

– Леди Астер, – снова услышала я и даже посторонилась, желая пропустить очередного ученика, как вдруг, чья-то рука сомкнулась на моем запястье. – Можно вас на два слова.

– Что вы... – начала я, встречаясь взглядом с синими глазами.

– На два слова, – повторил Крис, помог мне спуститься с крыльца и остановился прямо посреди двора, на дорожке, что с утра расчистили, но сейчас снежное крошево стелилось поземкой под ногами. Академикум продолжал двигаться.

– Сколько ты можешь поддерживать огонь? – спросил вдруг Оуэн.

– Смотря на чем, – осторожно ответила я.

– Сколько?

– Один раз я держала огонь в камине около суток.

– Всего? – кажется, он был разочарован.

– А этого мало? – слова белым облаком слетели с губ, я посмотрела на барона, на воротнике куртки оседал иней. – Тогда надобности не было, а сейчас... Смогу и дольше, но зачем?

– Мы идем на север полным ходом, – пояснил он, – Скоро станет еще холоднее, вряд ли запасы угля на острове столь велики. Я бы на месте магистров закрыл половину учебных комнат и спален. В идеале, разместив учеников в одном здании, да и то думаю, скоро будем топить мебелью...

– Девы, это же глупость, – раздался голос Гэли, подруга успела спуститься с крыльца и услышала последние слова Оуэна. За девушкой шел, опираясь на трость, Мэрдок. – Какой мебелью? Скоро мы остановимся над Запретным городом...

– Мы не остановимся, – без эмоций перебил ее Крис, дверь снова открылась, к нам подошел Жоэл, демонстративно не замечающий идущего следом Этьена. – Если бы мы хотели остановиться, остров давно бы уже начал сбрасывать скорость.

– Но мне кажется, он ее только наращивает, – вставил рыжий.

– Но если не князь отдал приказ... – начала подруга.

– Не князь, – тихо сказал Мэрдок. – Он не вызывал Академикум, по той простой причине, что государь сейчас сам здесь. И вряд ли использует остров вместо наемного экипажа.

– Это неправда!

– Вы так старательно отрицаете очевидное, мисс Мизр. – Покачал головой Крис, – Оглянитесь, что вы видите сегодня? Что вы видели вчера, глядя в атриум?

– Лед, – тихо ответила подруга и вдруг схватила меня за руку. На крыльцо, переговариваясь вышли Алисия и Дженнет.

– А разве Запретный город не окружен горами? Мы давно должны были достигнуть чирийского хребта. А под нами только Зимнее море.

– Но... – она беспомощно посмотрела на меня. – Тогда куда же идет Академикум? На севере ничего нет, кроме... – она замолчала, вытаращив глаза, словно селянка при виде мобилия.

– Ничего кроме Разлома, – закончил за нее Оуэн.

– Хотите нас напугать? – уточнила вдруг Дженнет, подходя ближе.

– Отнюдь. Пугаться уже поздно. Если Академикум не сменит курс, к исходу недели мы окажемся напрямиком в Разломе.

– Значит, они сменяют курс, – герцогиня прищурилась и, развернувшись, зашагала через двор к главному зданию Академикума, ветер тут же набросился на новую жертву, так и норовя сдуть с девушки капор.

– Леди... – обернулся ей вслед Жоэл.

– Пусть идет. Может, у нее получится, – махнул рукой Крис. – А ты пока... – Он наклонился к уху Жоэла и что-то прошептал.

– Мы ходили вчера к мисс Ильяне и к магистру Родригу, – тихо произнес Мэрдок, покачивая тростью.

– И что? – спросила вдруг Мэри. Хоторн обернулся, мы даже не заметили, как она подошла.

– Ничего. Нас даже не стали слушать.

– А было что слушать? – уточнил Этьен.

– Шелест что ты задумал? – удивился Жоэл, выслушав Криса. – Не собираешься же...

– Мне самому сходить? – поднял бровь Оуэн.

– Неет... – Жоэл тряхнул головой и уже уверенней ответил: – Нет. Я сейчас.

– К магистрам нас даже не пустили, – ответил вместо Хоторна Крис, глядя в спину удаляющемуся рыжему. – И очень просили заниматься своими делами и не путаться под ногами.

– Даже после того, как мы сказали, что кабина управления островом пуста. – Хоторн посмотрел на горизонт.

– Как пуста? – не выдержала я, чувствуя, как мороз щиплет щеки и покалывает губы.

– Так, – развел руками Крис.

– Откуда вы знаете? – я сама не заметила, как схватила его за руку, словно нуждалась в опоре. Слава Девам, всем остальным тоже было не до этого.

– Вчера проверили.

– Так вас туда и пустили, – не поверил Этьен.

– Маг земли проверил, – ответил Оуэн, и все посмотрели на Хоторна.

– Порода острова, хоть и твердая, спрессована искусственно, несколько сотен метров земля потом подушка из гравия и песка, под ними железо. Много железа и похоже чирийского, поэтому проникнуть в механизмы не удалось, – стал безучастно перечислять сокурсник. – Зато я наткнулся на пустую полость, похожую на пузырек в бокале с игристым. Рубка управления. Зерна познания прошли ее насквозь, не коснувшись ничего живого и ничего мертвого. Одно железо.

– То есть островом сейчас никто не управляет? – тихо спросила Гэли, пряча руки в муфту.

– Не совсем. – Крис проследил за взглядом Мэрдока. – Курс острову задан. Осталось узнать, почему магистры не могут его сменить? Почему они еще не в кабине.

– До Разлома еще как минимум два дня, – прищурился Этьен, его светлые волосы, припорошил снег. – Или даже больше.

– Да, и станет еще холоднее. Поэтому, я и поинтересовался у мисс Астер, сколько она сможет поддерживать огонь на одном единственном полене.

– Мой брат Тьерри тоже маг огня, – испугано сказала Мэри.

– А вы, мисс... – Оуэн посмотрел на девушку, порыв ледяного ветра растрепал его волосы, бросив в лицо ледяную крупу.

– Коэн. Мэри Коэн.

– Ваша стихия, мисс Коэн, тоже огонь, как у брата? – Крис набросил на голову капюшон.

– Нет. – Девушка закусила губу, ее щеки на морозе алели. – Все стихии даются мне одинаково. Но я могу ускорить любое изменение.

– Тоже мне достижение, – скривила губы Алисия, которая почему-то предпочла остаться с нами, а не побежать за герцогиней. – Это и я могу, хоть в десять раз.

– А я в тысячу и без малейший усилий, – глядя ей в глаза, сказала дочь столичного аптекаря.

– Часовщик Коэн, – вдруг выкрикнул Этьен, хлопнув себя по лбу. – Он служил при дворе прадеда нынешнего князя, говорили, что он мог останавливать время, или заставлять его мчаться вперед как поезд.

– Это мой прадед, – девушка опустила глаза. – Но замедление мне пока не по силам, только ускорение.

– Подтолкнуть всегда проще, чем задержать, – сказал Мэрдок, опираясь на трость.

– Задержать Академикум можешь? – спросил Этьен.

– Что? Нет, я... магия действует не так, – она смешалась.

– Так что нам делать? – спросила Гэли. – Тоже пойти к магистрам? Может, если мы придем все вместе, они нас выслушают?

– У меня есть идея получше. – С этими словами Оуэн развернулся, моя рука соскользнула с его локтя, и рыцарь зашагал к атриуму.

Мы с Гэли переглянулись и заспешили следом, слыша, как за спиной чертыхается Этьен, как стучит трость Мэрдока, как жалуется на что-то Алисия. Наверное, впервые на моей памяти площадь, на которую выходили фасады главных зданий трех факультетов Академикума, была пуста. Сегодня по ней не сновали студенты, не бегали с поручениями старшекурсники, не смеялись девушки, не назначали встречи молодые люди. Сегодня на ней властвовал лишь ветер, наметая сугроб легкого, как пух снега, с правой стороны атриума. На белое крошево ложился теплый желтый свет из окон. Он, казался, таким близким и таким далеким, таким правильным, что мне нестерпимо захотелось оказаться в теплой комнате, у горящего камина и протянуть замерзшие руки к огню.

– Неужели станет еще холоднее? – словно подслушав мои мысли, спросила подруга.

В ответ ветер швырнул в лицо новую порцию ледяного воздуха, от которого перехватило дыхание. Очень хотелось замотать лицо в матушкину шаль. А еще выпить горячего кинилового отвара. Или даже глоток бренди и папенькиных запасов.

Крис дошел до перил, смахнул с них с нег и, перегнувшись через перила, посмотрел вниз, совсем, как я когда-то. И совсем как тогда, внизу яркими всполохами расцветали голубые струи огня. Но сейчас земля внизу была покрыта сплошным снежным ковром. Зимнее море, такое обманчивое в своем спокойствии...

– Видите вот тот блик? – барон указал рукой куда-то вправо.

– Нет, – честно ответила я, и Гэли тоже помотала головой.

– Неважно. Там кабина управления Академикумом.

– Уверен? – спросил Этьен, перегибаясь через перила следом за бароном, – Я ничего не вижу.

– Уверен, к тому же маг подтвердил.

Хоторн хмурился, так же как и все старясь разглядеть тот «пузырек воздуха», о котором говорил ранее.

– Допустим, – не стал спорить Этьен. – Что за идея?

– Я хочу заглянуть в кабину, – Крис выпрямился, а я в первый момент даже не поняла, отчего побледнела Гэли. – Спуститься вниз и посмотреть, почему магистры не могут повернуть эту махину на сто восемьдесят градусов.

– Сколько градусов? – переспросила я и тут же разозлилась: – При чем тут температура, барон? Какое отношение она имеет к тому... к тому... – Я снова заглянула в окошко атриума, и, наверное, впервые от вида Зимнего моря у меня закружилась голова. – Скажите, что вы шутите, что вовсе не собираетесь спускаться туда? – попросила я.

– Увы, – ответил без всякого сожаления Крис, рассматривая отвесную стену острова, – Правда боковой ветер может стать проблемой.

– Ветер я могу взять на себя, – произнесла вдруг Гэли. Я с возмущением обернулась к подруге, а та несмело улыбнувшись, спросила: – А что будет лучше, если он сорвется?

– Будет лучше, если он не ползет, – отрезала я и посмотрела на сокурсников. На лице Мэри было смущение, на лице Алисии – скука, Этьен ухмылялся, Гэли с интересом смотрела вниз. Кажется, они не видели ничего страшного в том, чтобы спуститься сквозь атриум под брюхо острова, пройти по кромке опоясывающего днища карниза, а затем и вовсе повиснуть на нем, чтобы заглянуть сквозь стекло кабины, которую мы даже не видели. И все это на скорости, что развил за последние сутки Академикум. Я посмотрела на Мэрдока, – Хоть вы ему скажите, граф. Скажите, что это самоубийство.

– Самоубийство, – вдруг поддержал меня Хоторн, но не успела я порадоваться, как он добавил, – идти в одиночку, без партнера и страховки. Поэтому я иду с вами.

– Что? – спросили мы Крисом одновременно.

– Мне совестно напоминать, но у тебя одной ноге чуть длины недостает, – добавил барон.

– Так я и не на бал вызывался вас, барон, сопровождать и не па на паркете собрался выписывать. А земле абсолютно все равно какой длинный у меня ноги. Если вы сорветесь, то вы сорветесь. Если я, то моя магия удержит нас обоих. Земля острова удержит Ее щебень и песок. К тому же, это я сказал, что кабина управления пуста. А за свои слова я привык отвечать. – Голос Хоторна сровнялся со льдом, что продолжал проплывать внизу.

– Девы, – едва слышно простонала я.

– Когда, вы успели стать столь благоразумной, леди Ивидель? – насмешливо спросил Оуэн, больше не пытаясь отговорить графа.

«Никогда» – хотелось ответить мне. Я не была благоразумной, как не старалась, не когда оставалась с ним наедине, не когда ехала за ним в острог, не когда... Да, какой смысл вспоминать все мои выходки. Мои поступки были вызывающими, сумасбродными, но они не были смертельными. Ведь стоит Крису оступиться, это будет очень долгий полет. И очень короткий.

Наверное, он прочел что-то в моих глазах, потому что голос барона смягчился:

– Через пару дней мы будем в Разломе, так стоит ли осторожничать?

– Не знаю, – ответила я, даже два дня, казались мне очень длинным промежутком времени, за эти два дня могло произойти все что угодно.

– К тому же без вас, леди Астер, ничего не получится. Наш путь пересекается с пламенем вот из того сопла. – Барон указал на крайний левый раструб, из которого как раз вырвалась и тут же погасла, растворяясь в морозном воздухе, струя голубоватого пламени. – Один, два, три, – начал отсчет Крис, – четыре, – И струя пламени снова вспорола воздух. – Четыре с половиной секунды. Это много. И этого может не хватить, особенно если пойдем вдвоем. Нам нужен маг огня, леди. Маг, который погасит это пламя, если оно вознамерится поджарить кого-то из нас. Вы поможете?

Я молчала, смотря на очередной выплеск пламени и пытаюсь ответить на этот вопрос хотя бы для себя. Я чувствовала огонь, чувствовала, как он зарождается в утробе острова, как разрастается, в его каналах и как рвется освободиться. Это пламя было заковано в броню, оно было со всех сторон зажато металлом, словно дикий зверь, запертый в рытвине. И эту рытвину можно было попробовать перекрыть.

Но, как сказал Хоторн, разогнать всегда проще, чем остановить. Я бы попробовала, если бы от этого не зависела жизнь Криса. Я бы это сделала, если бы она зависела. Девы, я никогда раньше не пыталась вмешаться в работу огнедышащих механизмов, никогда не пыталась ее нарушить. У каждого спущенного в полет зерна изменений есть последствия, как каждого у каждого незатянутого ремешка или не завязанной ленты.

– А если она вместо того, чтобы остановить пламя сожжет весь остров, как корпус Маннока? – спросила Алисия, видимо мысли наши двигались в одном направлении.

– Хватит уже вспоминать про этот корпус! – развернулась к ней Гэли.

– Крис, я нашел только пятьдесят ме... – мы увидели приближающегося к атриуму со стороны Ордена Жоэла с бухтой веревки на плече. Не договорив парень вдруг остановился, глядя куда-то нам за спины.

– Что здесь происходит? – раздался требовательный голос, и мы обернулись.

На нас смотрели мисс Ильяна и глава Ордена Родриг Немилосердный. И если в глазах рыцаря был интерес, то глава Магиуса просто пылала от гнева. За их спинами стояла Дженнет.

– Отвечать! – скомандовал верховный рыцарь вытянувшимся Оуэну, Корту и даже Жоэлу Риту, что замер, так и не дойдя до атриума.

– Ничего не происходит, – тут же отчеканил Крис.

– А если бы мы пришли на полчаса позднее? – уточнил магистр, стаскивая варежки.

– Если бы вы пришли на полчаса позднее, вы бы здесь их не застали, – ответила ему Алисия, пытаясь укрыть лицо от ветра капюшоном. – Они бы спустились в атриум и попробовали забраться в кабину управления островом.

– Так... – протянула мисс Ильяна, придерживая полы пальто, что так и норовил приподнять ветер. Старший рыцарь перегнулся через перила, и совсем как недавно мы стал вглядываться в далекие механизмы. – И веревку смотрю уже притащили, смельчаки демоновы. Что вам в корпусе не сидится? Мало нагружают учителя? Так я добавлю.

– Ну, они хотя бы только собой рискуют. А жрицы пятого потока отловили одного из механиков, забрались ему в голову, а когда поняли, что мы не можем... – глава Ордена запнулся, – Что у нас проблемы, заложили в него команду провести их к кабине управления. Благо мы их там и приняли. А бедняга механик теперь заикается и боится женщин.

– Твои рыцари тоже хороши. Те, четвертого потока не зря отираются возле перехода, уж больно много их там для дежурства скопилось, тоже скоро полезут.

– Ну, хоть не сидят по углам и не клацают зубами от страха. – Развел руками Родриг Немилосердный, снова вгляделся в атриум и вдруг сказал: – Если спускаться здесь ветер может стать проблемой.

– Сэр? – Крис и Этьен переглянулись, рыжий Жоэл смахнул с ресниц снег.

– Говори уж. Придумали, как нейтрализовать?
– Маг воздуха, – парни посмотрели на Гэли, и та присела в реверансе перед магистром.
– Среди учителей есть маги воздуха? – поинтересовался тот у главы Магиуса.
– Есть, – нехотя ответила та, пряча руки в карманы пальто. – Но они оба остались в Трейди на ярмарке.
Старый рыцарь хекнул и поддел пальцами застегнутый вокруг горла меховой воротник куртки, словно тот был ему тесен.
– А сопло как обойти хотели?
– Маг огня, – ответил Крис.
– Хм, рискованно. Очень рискованно. – Магистр потер пальцами подбородок. – Попробовать перекрыть сопло, это как забить дуло метателя ветошью для чистки, вставить заряд и нажать на спусковой крючок. Почти безумно, – он говорил одно, но в его тоне не слышалось ни возмущения ни страха.
– Вот именно! – сказала мисс Ильяна, – А время безумств еще не пришло.
– Не пришло, – согласился старый рыцарь, – Хотя идея интересная, да и справиться со стеклом кабины будет куда проще, чем с дверью из нечирийского металла...
– Родриг, – возмущенно прервала мисс Ильяна магистра Ордена, – Надеюсь, ты отобьешь охоту у своих рыцарей лезть, куда не просят.
– Разберусь, – ответил пожилой мужчина, выпрямляясь. – Как ты заметила, это мои рыцари. – Он скомандовал: – За мной шагом марш.
И парни последовали за ним, печатая шаг. Ни один из них не оглянулся.
– Что касается вас, – мисс Ильяна посмотрела по очереди на каждого. – Я ожидала большего благоразумия. Хотя бы от вас, мистер Хоторн, и от вас, мисс Коэн. Чтобы через пять минут были в корпусе. И если еще раз замечу вашу компанию в неподобающем месте, запру в подвале и активирую магические круги. Вам ясно? Не слышу?
– Да, мисс Ильяна, – нестройно ответили мы, отводя глаза.
– И не думайте, что мы ничего не делаем. К вам это тоже относится, мисс Альвон. Так или иначе Академиком сменит курс, – пообещала глава Магиуса. – А на вас после этого будет наложено взыскание. Бегом в корпус, я сказала.
– Ага, если будет с кого взыскивать, – неожиданно ответила Мэри.
И пусть она сделала это, когда мисс Ильяна уже не могла слышать, пусть это был всего лишь шепот. Но он был. Впервые на моей памяти дочь аптекаря отважилась хотя бы на словесное противостояние кому бы то ни было.

На следующий день я проснулась за три часа до рассвета. Согласно бегущим стрелкам часов за три часа. А если судить по серому светлому сумраку, что сгустился за окном, солнце и не садилось вовсе. Я проснулась от холода, оттого, что руки дрожали, а зубы выбивали дробь. Подышала на ладони и увидела беловатый пар, что сорвался с губ вместе с дыханием. За ночь температура упала еще сильнее. Теперь даже стены жилого корпуса не способны были удержать ускользающее тепло.

К утру магистры поняли, что делать вид, будто с островом все в порядке, глупо. Обстановка напоминала затишье перед снежной бурей. Воздух пронизывали нити тревожного ожидания. В аудитории то один, то другой студент поднимал голову и с тоской смотрел в окно. И видел лишь снежную наледь, которой покрылись все стекла.

Как и предсказывал Крис к обеду, мы увидели коменданта корпуса, который, взяв помощники несколько старшекурсников, запирает спальни и классные комнаты. Кого-то переселяли, кого-то переводили в другое здание. Никто не возмущался, никто не кричал о нарушении прав, даже герцогиня молча смотрела, как часть ее вещей переносят в общую спальню для девочек, в которой нам предстояло ютиться в ближайшее время. Но страшным было не это. Страшным было то, что комендант составлял опись мебели, пересчитывал столы, стулья, сундуки, скамейки для ног и даже учительскую кафедру и книжные полки. Топить мебелью? Сегодня эта перспектива уже не казалась столь невероятной.

На морозе трескались губы, а ресницы и брови покрывались инеем, стоило выйти на улицу. Веки почти сразу начинали болеть и слезиться. Солнечный день сменился яркой белой монотонностью. Руки и ноги не сгибались от надетых друг на друга кофт, ноги в сапогах мерзли и не завали стоять на месте.

Магистр Игри не пришел на занятие. Вообще никто из учителей не пришел. Мы даже не особо удивились, преподаватель по воздушной механике сейчас наверняка нужнее где-то там. Странно, но никто не обрадовался отмене урока, как в любое другое время. Все остались сидеть на своих местах. Пролети в аудитории муха, мы услышали жужжание ее крыльев. Но мухи были в дефиците, думаю, они все давно замерзли. А следом замерзнем и мы, даже не долетев до Разлома.

– И что теперь? – с какой-то тоской спросила Алисия. – Будем готовить домашнее задание?

– Ага, – скептически отозвался Вьер. – Кому оно нужно? Ну, разве что гувернантке Астеров. – Он поежился, вспомнив, видимо свое индивидуальное занятие. – Не баба, а дворецкий в юбке. Хоторн, – позвал он Мэрдока. – Давай ты нам сразу расскажешь, почему у твоего рода такой странный девиз, а Оуэн запишет.

Граф промолчал, впрочем, Крис тоже не отреагировал на слова рыцаря, продолжая смотреть на стену, словно видел на ней что-то интересное.

– Он не расскажет. Это не та история, которой стоит гордиться, – ответила ему герцогиня.

Мэрдок посмотрел на Дженнет, я видела, как ходят его желваки на его скулах, видела, как ему хочется ответить. Но он по обыкновению не стал.

– Это такая страшная история? – удивилась Гэли.

– Нет, – сказал вдруг Хоторн. – Она страшнее, чем вы можете себе представить. Но я горжусь своим предком. – Он пристально посмотрел на герцогиню, и та отвернулась.

Честно говоря, сокурснику даже удалось отвлечь меня на некоторое время от гадания, что убьет обитателей острова быстрее холод или Разлом? Что за история с предком Хоторна, о которой я даже не слышала? История похожа столь же неоднозначная, как и легенда о Первом Змее. С той лишь разницей, что о предательстве моего предка известно почти всем и каждому, а вот об истории Первого Орла слышу впервые. Хотя бы то, что такая история есть.

Размышления прервал звук открывающейся двери. В аудиторию стремительным шагом вошла мисс Ильяна, подол ее юбки был мокрым от налипшего снега, лицо почти до носа замотано платком, на руках толстые варежки. Небывалое дело для мага, закрывать руки и ставить между своей волей и зернами изменения искажающие препятствия. Вот только морозу нет дела до магических констант и переменных.

– Мисс Миэр, – голос главы Магиуса из-под платка раздавался глухо и казался простуженным.

Гэли вскочила и тут же присела в реверансе. – Следуйте за мной.

Подруга бросила на меня обеспокоенный взгляд. Первое о чем мы обе подумали, это то, что правда, как на самом деле сгорел корпус Маннока, вышла наружу.

– Если уж признаваться, то сейчас, самое время, – тихо, чтобы слышала только я, прошептала Гэли и вышла вслед за магессой.

Да уж, лучшего времени не придумать. Сейчас всем все равно по какой причине и чей корпус сгорел. Мне так точно.

– Остальные на остаток дня свободны. Буду признательна, если вы проведете его в своих спальнях, – проговорила напоследок мисс Ильяна и вышла из аудитории.

После их ухода с минуту царила тишина, все забыли и об уроках и о девизах и о страшной истории Хоторна.

– Буду признательна, если вы проведете его в своих спальнях, – противным голосом передразнил Вьер, а потом спросил: – И чего мы ждем?

И его слова оказались подобно нажатию на спусковой крючок метателя. Все повскакивали с мест и бросились к двери, Этьен даже столкнулся с Мэри... Крис встал последним, когда большая часть сокурсников, уже была в коридоре, а я, следуя сразу за Дженнет и Хоторном, обернулась. Наши глаза встретились, но так и не было произнесено ни слова, словно мы предчувствовали, что произойдет.

На улице стало еще холоднее. Пронзительная морозная ясность дня резала глаза, пришлось несколько раз моргнуть, чтобы привыкнуть. Дым из труб устремлялся вертикально вверх, и лишь там смещался в сторону, отставая от движущегося на север острова.

– Что они будут делать? – услышала звонкий женский голос.

– Кажется, хотя спуститься в атриум? – ответил на вопрос низкий мужской.

– Зачем?

– По-другому нынче в кабину управления не попасть.

Я повернулась, пряча руки в муфту. Сегодня главная площадь Академикума снова была полна студентов, пусть подпрыгивающих на месте, пусть и хлопающих себя руками по бокам, как торговцы на базаре, которые намерзлись за целый день, да так и не распродали товар. Только вместо торжища, студенты скапливались у атриума. Кто-то даже невесело рассмеялся.

– Слышала, что дверь в рубку замагичена? – сказала высокая девушка с третьего потока Магиуса, и шмыгнула покрасневшим носом.

– Была бы замагичена, давно бы размагичили, – не согласилась с ней жрица. – Все намного хуже, кто-то испортил рулевое колесо и запер дверь.

– Не смейся, Яве, – перебил ее парень в длинном плаще и рабочих рукавицах. – У магистров есть ключи от любого замка на острове.

– А если не от любого?

– Жрицы, пятый поток, вас ждут в третьем лекториуме! Вас ждут в третьем лекториуме! – выкрикнул молодой человек, по виду сам вчерашний ученик. И девушки, обсуждавшие дверь в кабину управления и ее непослушный замок, заторопились к высокому со шпилем замку.

– А для вас особое приглашение нужно! – рявкнул на стоящих в стороне рыцарей смотритель подвалов Райнер. – Бегом в пятый корпус, мебель сама из комнат не выйдет.

Я прошла мимо торопившихся жриц, мимо угрюмо молчащих рыцарей. Увидела перила атриума, увидела стоявшего рядом главу Ордена, что-то объяснявшего смутно знакомому мужчине лет тридцати, меховой плащ, которого был заколот знаком серых, поймала на себе внимательный взгляд Аннабэль Криэ и...

– Кого-то ищите, мисс Астер? – услышала я голос за спиной, развернулась и оказалась прямо напротив главы Магиуса.

– Нет, – ответила я, посмотрев при этом на казавшуюся неуклюжей фигурку Гэли.

Родриг Немилосердный, как раз ей что-то показывал внизу. Значит, другого мага воздуха на острове в данный момент нет, а вот маг огня есть. Я перевела взгляд на крепкого юношу, что видела мельком на дирижабле. Тьерри Коэн, пятый поток.

– Отрадно слышать. Постарайтесь и дальше здесь никого не искать, – посоветовала магесса. – Не заставляйте меня жалеть, что я освободила первый поток на остаток дня.

– Да, леди. – Я присела в реверансе, подняла голову и увидела подпирающие небо башни. В голову пришла неожиданная идея. – Я иду в библиотеку.

– Не буду задерживать. – Кивнула мисс Ильяна и направилась к группке перешептывающихся второкурсников. – Вам где велели быть?

Я выдохнула и увидела стоящего у атриума Вьера, парень по обыкновению улыбался. Ну, хоть кого-то это все забавляет. Повернулась и едва не столкнулась с Ансельмом Игри. Даже в первый момент не узнала его. Лицо и руки магистра были перепачканы копотью, лишь вокруг глаз светлели белые круги чистой кожи, окуляры были сдвинуты на лоб, куртка расстегнута, словно он натянул ее впопыхах.

– Вы что задумали? – рявкнул он так, что подпрыгнули все: и я и мисс Ильяна и второкурсники. – Перекрывать выхлопной канал – самоубийство. Огонь не исчезнет, он пойдет в обратную сторону нагреет маховик, и это в лучшем случае, в худшем...

– Успокойтесь магистр. – Глава Магиуса повернулась к мужчине. Студенты, пользуясь моментом, стали отходить в сторону, продолжая вытягивать шеи и стараясь рассмотреть, что происходит у атриума. – Мы все это слышали от вас сегодня утром.

– А раз слышали, то какого... – он прибавил несколько выражений, которые свойственны скорее извозчикам.

– А такого, – терпеливо ответила магесса. – Я сама не восторге от этой идеи. Но других нет, а нам нужно проникнуть в рубку. И мы проникнем. Совсем не обязательно перекрывать сопло, мы прибегнем к этому, только если Лео ошибется с расчетами и ему будет угрожать гибель. – Она посмотрела на серого рыцаря, что готовился спуститься в атриум, и я тут же вспомнила, где видела его раньше. Именно он сопровождал князя, когда тот сошел с дирижабля в воздушной гавани Академикума.

– Если вы перекроете, нам всем будет угрожать гибель. Я же сказал, что открою эту демонову дверь еще до заката.

– Отлично. Открывайте. Мы же пока попробуем осуществить альтернативный план. Стекло вряд ли обладает той же прочностью, что и нечирийская сталь...

– Альтернативный план? Так вы называете это?

Я снова поймала на себе взгляд серой жрицы и поняла, что стою на месте и продолжаю слушать. Даже не так, продолжаю подслушивать чужой разговор. Я выпрямилась и все-таки зашагала к библиотеке. Мысль, пришедшая в голову, когда я увидела каменные башни, была проста. И что немаловажно, осуществима. Странно, что никто другой до этого не додумался. Я заглянула в фойе библиотеки, и не найдя на привычном месте мистера Кона прошла в пустой зал первой башни. Ничего удивительного, сегодня большинство учеников проявляют интерес к чему угодно, но только не к знаниям. И я не исключение.

Покрутившись на месте, пытаюсь сориентироваться, я коснулась крайней правой лестницы. Металл тут же ожег холодом руки. В библиотеке было немногим теплее, чем на улице. Я посмотрела на меховую муфту, которую всегда предпочитала варежкам, натянула рукава кофты на ладони и полезла наверх.

Металлические перекладки звякали, соприкасаясь с подошвами сапог. Эфес рапиры на поясе мелодично постукивал в такт шагам. Звуки отскакивали от каменных стен, дробясь и изменяя тональность. Я даже остановилась, когда из-за эха показалось, что кто-то взбирается по лестнице следом.

Но главная башня была пуста, как и залы на втором и третьем этажах. Я спрыгнула со ступеней, еще раз огляделась. Половина магических светильников не горела, по углам, между стеллажами и за дальними столами собирались подвижные тени. Зябко поежившись, я направилась к нужному столу. Он был пуст и ничем по виду не отличался от соседнего. Кроме того, что стоял у окна. На всякий случай вытащила с полки первую попавшуюся книгу, раскрыла и положила на стол. Вдруг мистер Кон все же решит поинтересоваться, кого принесло в библиотеку и по какой нужде. Подумала, открепила с пояса рапиру и положила рядом с книгой. Студентка пришла заниматься. Ни больше, ни меньше.

Решив, что в иных декорациях моя затея не нуждается, я подышала на ладони и прислонила их к замерзшему стеклу.

Девы, как же холодно!

Убрала руки, пряча их в муфту и пытаюсь разглядеть хоть что-то сквозь участок оттаявшего стекла размером с монету. Увидела расплывающиеся очертания далекого атриума. Отлично, значит со стороны, не ошиблась, осталось только расчистить участок побольше. Я поскребла наледь на стекле, вновь подышала на пальцы, задумчиво глядя на пламя в магическом светильнике, и с сожалением отказалась от идеи, выпустить его среди бумажных фолиантов. Подняла голову и...

И едва не закричала, увидев по другую сторону стола темную фигуру. Пальцы сомкнулись на поясе с ингредиентами.

Один наполненный паникой миг, когда все, что ты хочешь... Все на что ты способна это закричать, набираешь воздуха и... Приходит узнавание, заглядывает, как долгожданный гость, который опоздал всего на мгновение.

– Барон, – выдохнула я, глядя на держащего в руках книгу Криса, – Что вы... Что ты здесь делаешь?

– Тоже что и ты. – Он продемонстрировал мне растрепанный том. – Домашнее задание, полагаю. И ради успеха сего предприятия, предлагаю подогреть стекло, а не ковырять наледь.

– Что? – смешалась я, с одной стороны, казалось неправильно то, что он застал меня за таким занятием, как подглядывание. А с другой, я была рада, что застал. Ведь не в чужую же спальню сую нос. Возможно, я не совсем правильная леди, но вот как раз перед Крисом притворяться кем-то иным совсем не хотелось. – В библиотеке запрещено использовать магию. Под угрозой исключения.

– А кто узнает? – он демонстративно огляделся, но зал на третьем этаже казался пустым. Лишь мы с бароном, да бесконечные ряды книг. – Да и потом, в ближайшее время из Академикума чисто технически никого исключить не смогут. Просто подогрей стекло, и наледь сама растает. Я повернулась к окну, нерешительно стягивая в руку зерна изменений, и тут же одернула себя, рассеивая их в пространстве. Крис усмехнулся, словно заранее знал, что так и будет. А я невольно вспомнила зал стихий и слова князя: «Все, что происходит в зале стихий, остается в зале стихий». Такое ощущение, что все вокруг только и делают, что нарушают правила.

– Какое задание у вас, барон? – я снова подышала на ладонь и прислонила ее к стеклу.

– Происхождение девиза рода Хоторнов. – Он показал мне обложку книги, которая оказалась «Жизнеописанием выдающихся дворян от разделения Эры и до пятисот второго года». –

Предпочитаю сделать и умереть в Разломе, чем не сделать и выжить, чтобы эта маленькая похожая на капрала женщина битых два часа делала замечания по поводу того, что джентльмен должен всегда держать данное слово, а еще по поводу осанки. А у тебя что? – он посмотрел на лежащий на столе том, а потом поднял взгляд на меня, – Помимо изучения процесса таяния льда в закрытом помещении.

– У меня? – Я убрала руки от стекла, сама с любопытством покосилась на книгу и решила не лукавить, – Понятия не имею.

Уголки губ Оуэна дрогнули. Я прижалась к стеклу, на этот раз удалось рассмотреть чуть больше. Например, как серый рыцарь обвязывается веревкой, а стоящий рядом с ним глава Ордена размахивает руками.

Несколько минут мы молчали. Я, согревая пальцы, а он перелистывая страницы. Крис стоял рядом и пробега глазами строчку за строчкой. Правда с таким же успехом он мог находиться и в классной комнате, и даже в Льеже или Эрнестале, мысли барона Оуэна были очень далеки. Может, поэтому он и не уходил, просто не замечал меня.

Девы, вот ведь пакость, как попадется такое бревно бесчувственное, не знаешь, что и делать. – И как успехи? – не выдержав спросила я, в третий раз согревая стекло теплом рук и желая расширить лунку.

Нет, он не вздрогнул, лишь посмотрел так, словно недоумевая, откуда я взялась, потом потер рукой в перчатке висок и признался:

– Никак. Чем бы предок Хоторна ни отличился, заработав такой девиз, в книге об этом ни слова. Хотя даже вымершие три века назад Муньеры есть с их изречением: «Я не хочу быть собой». Хотя я бы сказал, что перевод весьма вольный. На языке единой Эры, этот девиз вполне мог звучать немного иначе, например, «я выхожу из себя». Много рассуждают о связи девиза и магии рода Сьерра, но как-то невнятно. Ходят вокруг да около, а прямо не говорят. Видимо, какая-то неприличная у них был магия. Тут даже приведены воспоминания одного из современников герцога Муньера Доброго. – Он перевернул несколько страниц. – «Когда один из полуночного рода выходит из себя, остальным остается только прятаться и молиться, чтобы не попасться на глаза».

– Это можно сказать и о моем папеньке, – тихо рассмеялась я. – Ну, раз даже Муньеры есть, то Хоторны тоже должны быть. А почему ты не спросишь у Мэрдока?

– А зачем? – Пожал плечами Оуэн. – Он прекрасно знает, какое задание мне дали, и если бы хотел, давно бы рассказал. Не в моих правилах лезть в душу. – Он бросил книгу на стол и та с тихим хлопком закрылась.

Я только кивнула, рассматривая сквозь стекло, как несколько рыцарей удерживают перекинутую через перила атриума веревку, серый, что решил добраться до кабины, уже начал свой спуск. Я вновь приложила руку к стеклу и вздрогнула, когда рядом, на стекло легла широкая мужская ладонь. Крис стоял позади, стоял наклонившись к окну, почти касаясь моей спины. Я вдруг ощутила его присутствие всем телом, каждой клеточкой, каждым сантиметром кожи...

– Глупая идея, – вдруг сказал барон, взглядываясь в мутное стекло, сквозь которое, я даже смогла разглядеть Гэли, что стояла почти вплотную к перилам.

– Она же твоя! – Я повернула голову и едва не уткнулась носом ему в щеку. Ладонь обожгло, словно три иглы загнали под кожу, правда, из-за льда на окне, я почти не почувствовала боли. Я знала, что это. Знала, что если сейчас уберу руку от стекла, то увижу три точки. Девы снова напомнили мне об обещании.

– Именно поэтому я и говорю, что она глупая, кому знать, как не мне. – Барон убрал руку и посмотрел сквозь стекло.

– Тогда почему ты сам хотел спуститься?

– Потому что эта глупость предпочтительнее Разлома. Даже сорваться и умереть не так страшно, как окунуться во тьму, поверь мне.

– Ты говоришь так, словно....

– Мистер Кон с минуты на минуту вернется, и если не хотите скомпрометировать леди, советую отойти на предписанные этикетом два шага, – раздался полный сдержанного веселья голос.

Крис развернулся и увидел... Мы увидели, сидящего в кресле мужчину, хотя минуту назад там никого не было. Никого и ничего. Даже этого кресла. Мужчина щелкнул пальцами, с них сорвались зерна изменений, вспыхнул еще один светильник на стене. Кого-то совсем не

волновала перспектива быть отчисленным из Академикума. Свет лег на черную маску, и я поняла, кто перед нами.

– Государь. – Склонил голову Крис. Склонил, а вот от меня не отодвинулся ни на миллиметр, так что пришлось лишь обозначить книксен, едва не задев лежащую на столе рапиру.

– Учителя всегда говорили, что любые знания я могу найти в библиотеке, – произнес Князь не шевелясь. – До сего дня я им не особо верил. – С минуту он молчал, разглядывая нас, а потом спросил: – Ну, что спустился там Лео в под брюхо этой глыбы железа?

– Спускается, милорд, – покосившись в окно, ответила я. – Разрешите спросить о глыбе железа, милорд?

– Вот поэтому и сижу здесь, окружив себя зернами преломления. Все хотят задавать мне вопросы и совершенно не хотят отвечать на мои. Вернее, не могут. Чужие желания мало что значат для меня. Но так и быть, леди Астер, спрашивайте. – Он разрешающе взмахнул рукой.

– Ваша магия... Ваша специализация металл, – торопливо проговорила я, князь разглядывал меня сквозь прорези маски. – Почему вы не остановите Академикум? Не разберете его двигатель на винтики?

– Разобрать двигатель на винтики? – удивился он, и я снова услышала в его голосе веселое раздражение. – Пусть вам скажет барон, вижу, по его лицу, что ответ ему известен.

– Потому что мы над Зимним морем. И если Академикум «разобрать», он рухнет прямоиком на лед и затонет в течение десяти-двадцати минут. Шансов спастись не будет ни у кого, – тут же ответил Крис.

– А если... – под пристальным взглядом князя я замаялась, – А если не разламывать, а выкрутить один винтик, чтобы остров просто остановился?

– Какая умная леди, – попенял мне государь и снова посмотрел на рыцаря, – Как думаешь, Оуэн?

– Точно так же, государь. Графиня Астер вне всякого сомнения прекрасная девушка. Но вы не ответили на вопрос, – неожиданно поддержал меня Крис, – Почему не выкрутить винтик, государь, если вы простите мне такую вольность и такие вопросы?

– Прощу. И даже отвечу. Потому, молодой человек, что нечирийские металлы мне не подчиняются. – Издевку в голосе сменила злость, мужчина сжал кулак, зерна изменений разлетелись в разные стороны. Ближайшая лестница вдруг огрызнулась на его магию россыпью голубых искр. Я даже подпрыгнула на месте. – Иначе давно бы разобрал эту глыбу не то что на винтики, разобрал бы ее на частицы, в пыль бы растер. И плевать на все остальное. Как сказал барон Оуэн, Разлом прескверное место.

Внизу хлопнула дверь Лестница вздрогнула и завибрировала под чьими-то тяжелыми шагами... А я продолжала в изумлении смотреть на уходящую вверх лестницу. Пыталась осознать чему стала свидетелем.

Металлов много. Медь, свинец, олово, железо... А сплавов еще больше. Но любой металл можно закалить в Разломе, можно изменить и заставить слушаться лишь одну руку. Эти металлы темны, как ночь, и их называют чирийскими. Остальные же... Это просто металлы. Можно ли говорить о них, как о «нечирийских»? Можно, наверное. Но почему тогда я второй раз слышу это название в каком-то странном значении? Почему эта лестница совсем не черная, но отзывается на магию князя, как моя рапира?

– Нечирийский металл? – спросила я, – О нем говорил магистр Игри. Но мы не изучали такого. Что это металл, который обладает всеми свойствами чирийского, но им не является?

– Очень занятный вопрос, предлагаю вам самим на него ответить. – Князь отвернулся и стал смотреть куда-то в бок, на один из магических светильников.

Девы, сколько раз я бегала туда сюда, лазала по переходам и касалась металла руками, а надо было всего лишь попробовать коснуться зернами изменений. Но магия в библиотеке запрещена. А не в этом ли причина запрета?

Шаги приближались, и вот на уровне пола показалась голова библиотекаря. Мистер Марселон Кон, торопливо забрался на площадку третьего этажа, покосился на нас с Оуэном, но от комментариев воздержался, лишь протянул князю свиток и, склонив голову, произнес:

– То, что вы искали, государь. Копия той самой сотого года от образования Разлома.

Князь взял свиток и взмахом руки отпустил библиотекаря. Мистер Конт бросил на нас еще один полный сомнений взгляд, но поскольку никаких иных приказов не последовало, стал спускаться вниз.

Князь поднялся, подошел к столу, небрежно отодвинул наши книги и развернул ломкий лист бумаги, оказавшийся картой.

– Мы сейчас примерно здесь, – он опустил палец в опасной близости от Разлома. От черной полосы с иззубренными краями, шрама на теле мира, по другую сторону которого все так же продолжались горы, вот только вряд ли кому-то из нас суждено их увидеть. Карта единой Эры. Вернее, судя по бумаге, копия.

– Если скорость острова не изменится, мы окажемся в Разломе завтра к вечеру. – Он провел рукой по шершавой бумаге. – А через три дня, те, кто выживет, поздороваются с механиками Тиэры. Нужно заставить эту глыбу нечирийского железа сменить курс.

– Нечирийского? – повторил Крис и его палец уткнулся в горы, по другую сторону Разлома. – А как называется этот хребет, государь?

– Как он назывался до образования Разлома? Или как его зовут наши исследователи?

– Наши, милорд.

– Быстро догадались, барон. А вот леди Астер, еще не поняла, как и все на этом острове.

– Это легко, когда перед глазами карта. Сообразить в учебном классе куда сложнее, я бы скорее стал искать определение «нечирийского» на староэрском наречии. Значит эти горы....

– Нечирийские, – с горькой усмешкой закончил за него князь.

Я облокотилась на стол, отводя взгляд от карты на окно. Лунка на стекле почти вся обледенела, но я этого даже не замечала. Смотрела на фигуры, что сустились атриума, махали руками и наверняка что-то кричали. Но ветер уносил их слова не давая долететь до спускавшегося вниз серого.

Металл обладающий свойствами чирийского, но не являющийся чирийским. Не хочет же Крис сказать, что он был закален по ту сторону Разлома, возможно, закален как-то иначе, раз не почернел? Но это значило...

– Но раз нечирийский металл закаляют на Тиэре, то откуда у нас взялся остров из этого металла? – спросила я.

А князь рассмеялся.

– Вы уже знаете ответ, просто не решается озвучить его, леди Астер. Смелее, ну же!

– Это не мы, это механики Тиэры предприняли попытку преодолеть Разлом, они построили летающий остров, – ответил за меня Крис.

– Конечно не мы. Нам-то это зачем? В наших предках тяга к исследованию Разлома проснулась много позднее, – констатировал князь и грустно добавил: – Вот так двое учеников и стали обладателями одного из самых тщательно оберегаемых секретов Аэры. Впрочем, скоро все это не будет иметь никакого значения. Разлому все едино, ученый муж ты или вышивальщица.

– Государь, кто-нибудь из членов той самой первой экспедиции с Тиэры выжил? – спросил Оуэн, глядя на карту.

– В отчетах Серых псов и Жриц говорится что нет, но... – Мужчина рывком смахнул карту на пол, та упала, свернулась в рулон и откатилась к ножке стола. – Но думаю, их удавили по-тихому и вся недолга.

– Значит, выходцы с Тиэры преодолевали Разлом и раньше? – от чего-то шепотом спросила я.

– Мне нравится ваше «и раньше». – Князь отошел от стола и устало опустился в кресло. – Увы, преодолевали, доказательство у нас под ногами, – он топнул.

– Но Девы же предрекли... – я растерялась.

– Что выходец из Нижнего мира разрушит Аэру, прольет реки крови, и сами демоны Разлома будут танцевать на его пути? – с чувством продекларировал князь. Честно говоря, мой папенька так же себя вел в тот единственный раз когда сливянки перебрал. То есть много говорил и громко и неуместно смеялся. А мы все делали вид, что ничего необычного не происходит. Совсем, как мы с Крисом сейчас. – Не забивали бы вы себе голову стародавней чушью, леди Астер. Ученые мужи до сих пор о девизах родов спорят, куда им теологические труды трактовать. Но даже если и так, если Аэре грозит гибель, радуйтесь, мы этого уже не увидим. Остров взял курс Тиэру и нас там быстро удавят по-тихому. Ну тех, кому посчастливится выжить в Разломе.

– Так это все правда, – я снова посмотрела в окно, – Значит, выходец с Тиэры действительно здесь, и он управляет и железной кошкой и островом, он знает, как это делать. Только тот, кто родился на Тиэре, может это знать. Тот, кого послали сюда намеренно. У него есть ключи от замков, которые теперь не может открыть магистр Игри. Он выпустил зверя и тот отрубил

швартовые тросы последнего дирижабля, отрезав нас от мира. – Я сцепила руки, чтоб они не дрожали. – Надо же что-то делать! Надо обыскать Академикум! Надо сказать магистрам! Государь, пожалуйста, вас они послушают, прикажите.....

– Они все знают, – тихо ответил князь, странное иррациональное возбуждение покидало его. – С начала года остров обыскивали раз десять, личные комнаты студентов, магистров, обслуги, кладовые, технические помещения... – он снова махнул рукой. – Впустую, ничего необычного. – Сначала года? – удивился Крис.

А я почувствовала, как щеки заливают румянец. Значит кто-то был в моей комнате и не раз и рылся в вещах, в белье, чулках, корсетах в... Нет, этого я представлять решительно не хочу. – Эту железную кошку отловили как раз за две недели до начала отбора в Академикум. Кое-что насторожило рыцарей и они послали за серыми. Не буду вдаваться в подробности, но через неделю мне на стол лег отчет, из которого следовало, что зверь на этот раз прибыл не один, а с всадником. И мои псы даже смогли взять след, который оборвался у Академикума. Остров как раз завис над Эльмерой. Но на этом все. – Князь развел руками. – Как мы не бились найти механика не удалось. Проверили всех от поваров до конюхов, всех учителей, всех учеников... Ну, кроме магов.

– Потому что прошедшие сквозь Разлом колдуны теряли свою силу? – спросила я, совершенно забыв прибавить положенное по этикету государь или милорд. Я даже забыла про тех, кто сейчас спускался в атриум и про Гэли.

– Именно. Отступник не маг, не важно был он им или нет. Больше не маг. Но мы его не нашли. Я возлагал надежды на бастарда вашего дяди, на того, кто мог притворяться им, но пусть ваш Альберт и связан с отступниками Нижнего мира, но родился явно здесь.

– Даже если и так, государь, он в любом случае должен был вывести на тех, с кем контактировал здесь. А те бы, в свою очередь, вывели вас на оператора зверя. Он не один все это устроил. – Крис нахмурился. – Сомневаюсь, что серые псы не умеют спрашивать.

– Вывел бы, если бы не сбежал. – Князь прищурился, глядя на нас сквозь прорези в черной маске. – Настоящий Астер. Заразил охранника коростой... И откуда только взял яд? И взамен на противоядие получил свободу. Мои псы его в итоге найдут, Запретный город не так велик, но... Я поняла, что он хотел сказать. Везде это «но», каждый разговор можно закончить им. Какие бы планы мы не строили, это уже не имело значения. Для нас не имело.

А возможно и для Альберта. Если ему удалось уйти с земли Запретного города до заката, то дела у железнорукого обстояли лучше, чем у нас. А если нет, то да, его найдут, но значения это иметь не будет.

Интересно «другие» сохраняют воспоминания о своих поступках или они исчезают вместе с привязанностями и прошлой жизнью? Не стал ли Альберт бесполезен для серых псов?

– Я прибыл сюда, чтобы устроить разнос Виттерну, а тот спустился в Трейди... – Князь развел руками и вдруг спросил: – Я удовлетворил ваше любопытство, барон? – Крис склонил голову, но я увидела, как напряглись его плечи. – А теперь вы удовлетворите мое. Что значит «оператор»? Вы ведь сейчас не о певце из оперы говорите?

– Это слово из южного диалекта, государь. Я иногда перехожу на язык детства, прошу прощения. – Оуэн не поднимал головы.

– И все же?

– Оператор – это тот, кто управляет. К примеру, мобилем, или тягловой лапой или...

– Железным зверем, – закончил за него князь и кивнул каким-то своим мыслям. – Знаете, барон, на карту сейчас поставлено очень много, именно поэтому мои серые там...

Он указал рукой на окно, и я машинально повернула голову, стараясь разглядеть что-то сквозь мутный слой льда, который делал фигуры людей внизу расплывчатыми. Кажется, это Тьерри Коэн стоял у перил атриума, вытянув руки перед собой. Выходило, серый сейчас пытался обойти изрыгающее голубой огонь сопло, и маг огня готовился его прикрыть.

– ... Претворяют в жизнь ваш план, – продолжал тем временем князь. – Каким бы бредовым он всем, включая вас и меня, не казался. Поэтому я спрошу еще раз. Что такое «оператор»? Откуда вы знаете, насколько плох Разлом? И прежде чем вы начнете врать, поясню, дабы сэкономить нам время. – Он выпрямился в кресле, вся его расслабленность, разговорчивость и смешливость исчезли. – Я не такой затворник, каким меня мнят. Просто стараюсь не афишировать свои передвижения. Я провел в южных провинциях два года и знаю их диалект. Мало того восемь лет назад я гостил у барона Оуэна и прекрасно тебя помню.

– Тогда к чему все эти вопросы, государь? – удивился Крис.
– К тому, что ты не помнишь меня. К тому, что я хочу знать, как из того глупого, напыщенного и переполненного собственной значимостью мальчишки, который брезговал разговаривать с кем-то ниже себя по рождению и в жизни не прочитал ни одной книги, выросло то, что я вижу перед собой? И имей в виду, я не столь легковерен, как эта юная леди.
– Крис, что происходит? – в панике спросила я, но мужчины на меня даже не взглянули.
– Я же был в вашем зале стихий, коснулся стены...
– Именно поэтому я с тобой разговариваю, а не убиваю сразу. – Князь встал.
Оуэн отупил еще на шаг, рука легла на рукоять ножа у пояса, лезвие успело показаться из ножен на одну треть, прежде чем...
– А вот это уже лишнее, – князь шевельнул пальцами, и клинок осыпался на пол металлической стружкой.
«За угрозу оружием представителю первого рода – двадцать лет каторги» – вдруг вспомнила я строчку из судебного уложения, что как-то зачитывал папеньке Рин Филберт. – «Отказ повиноваться – еще десять». А папенька еще смеялся, говоря, что мало у кого хватит ума поднять оружие на князя.
А моя рапира, все еще лежала на столе. Да и слава Девам! Неужели князь думает, что Оуэн с Тиэры? А если это правда? Нет... я почти уверена. Этого просто не могло быть. И тут я вспомнила все оговорки Криса, все непонятные слова, вызывающее поведение, никак не присущее дворянину. Я зажмурилась, отгоняя эти воспоминания прочь. Он же коснулся стены в зале стихий. Коснулся! Точка. Кровь подделать нельзя.
– Кристофер Оуэн, – размеренно проговорил князь, – А на самом ли деле ты Кристофер Оуэн?
– Вы же видели меня? Ваши слуги видели меня, отец видел меня каждый день... Неужели, есть сомнения? – Кристофер продолжал отступать к лестнице.
– Почти нет, – сказал вдруг князь и не менее загадочно добавил: – Это-то и пугает.
Князь шевельнул пальцами, и с его руки сорвались зерна познания. И я едва сдержала крик. Потому что зерна были неправильными. Они казались вывернутыми наизнанку, они казались знакомыми. Я видела такую магию раньше. Видела на главной площади Льежа, когда старый гвардеец швырнул изменения в Альберта. И тут же поняла, что это такое, ощутила их изломанную структуру и то, чем они были раньше. Обычные зерна познания похожи на монетки, что падают сквозь щели старого пола, и ты по звуку можешь определить, как сильно рассохлось дерево, широки ли крысиные ходы и не пора ли перестилать доски, ибо этих монет там скопилось уже преизрядное количество.
А те, что сорвались с пальцев князя, походили не на монеты, а на звезды или на снежинки с острыми краями. На заточенные обрезки жести, которых можно найти в изобилии в каждой мастерской. И эти края были предназначены лишь для одного. Они готовились проткнуть в кожу, впитаться в плоть, познать ее. Это была запрещенная, отвергнутая богинями магия, что могла изменять человека, что могла понять его изнутри.
Но испугало меня даже не это. Больше всего испугало понимание, что я могу повторить их, надо всего лишь сместить центр зерен, вытащить его извне, вывернуть. Запрещенная магия оказалась слишком проста. Настолько простой, что даже недоучки вроде меня могли повторить это заклинание.
Крис скользнул за пролет винтовой лестницы. И нечирийский металл тут же огрызнулся голубыми искрами неприятия чужой магии.
– Умный мальчик, а тот, которого я знал раньше, не мог отличить гончую от горничной.
– Вы преувеличиваете, князь, мне было десять лет и горничные меня еще не интересовали.
Мужчины стояли друг напротив друга, словно изготовившиеся к драке дуэлянты, вот только нож одного разлетелся в труху, а оружием второго была магия.
– А вот мы сейчас и узнаем, – новые зерна сорвались с его пальцев, и обогнули лестницу, – преувеличиваю я или нет.
Резкий порыв ветра отбросил изломанную магию на стеллаж с книгами. И за миг до того, как князь повернулся, я осознала, что стою с поднятой рукой, а пальцы покалывает сила.
«Рабский ошейник, конфискация, бессрочная каторга за применение магии против правящего рода» – похоронным голосом закончил Рин Филберт в моих воспоминаниях. А отец назидательно заметил: «Никогда не применяй магию против князя, Иви, поняла?» Тогда я кивнула, а сейчас... Девы, это всего лишь ветер!

И Девы сжалились над нами. Или разозлились. Стоило мне поднять испуганный взгляд на князя, как раздался нарастающий гул, и остров вздрогнул. Совсем не так, как раньше. Не так, как над Запретным городом. Попробуйте в полете сбить прикладом серую найку, ударить по ней словно по мячу для игры. Вам, возможно, понравится, а вот птице вряд ли. Сейчас, мы были такой птицей, которую ударили в полете чем-то тяжелым, сбивая с курса.

Меня отбросило к окну, в бок врезался стол, рапира упала и покатилась по плиткам пола. Крис схватился за перекладины лестницы, Князь упал в кресло, и его вместе с ним стукнуло о полки, посыпались книги. Остров мотнуло в другую сторону. Гул перешел в оглушающий рев, в котором утонул мой испуганный крик. Все в библиотеке пришло в движение: лестницы, стеллажи, пол, потолок, стены, рельсы подъемника. Нечирийское железо сминалось, как картон в кукольном домике, что подарил мне отец лет десять назад.

Лестница лязгнула, изогнулась и упала прямо на Крису. Князь пытался выбраться из-под сломанного стеллажа, когда на него сверху, рухнула часть потолка.

Я упала, во все стороны брызнули осколки разбитого стекла. А потом пол под ногами разошелся в стороны...

Трещина, так похожая на изогнутую линию, поползла по залу. Она проглатывала все, до чего могла дотянуться. Книги, столы, магические светильники, сломанные стеллажи – все исчезало в голодном брюхе Академикума.

Я попыталась подняться на ноги, все еще ощущая, как дрожит остров, как эта дрожь передается мне. Чувствуя, как где-то там, в глубине, разгорается пламя. Злое, скованное со всех сторон металлом, не нашедшее выхода...

Зацепилась ногой за ножку перевернутого стола, упала и поползла. Совсем неэлегантно и недостойно леди. Вот только металлический скрежет за спиной совсем не располагал к соблюдению правил этикета. Он подгонял, почище хлыста с защитой в рукоять звездой. У тех, кто его слышал в голове оставалась лишь одна мысль: «бежать прочь».

И все-таки я не успела. Темная пропасть догнала меня. Один удар сердца и нога провалилась в пустоту, руки соскальзывали со ставшего вдруг теплым пола. Соскальзывали и соскальзывали, ногти ломались, с губ срывались вскрипы. Срывались и падали. И я упала вместе с ними.

Полетела вниз под недовольное металлическое ворчание острова. Полетела навстречу огненной буре, что зародилась у него внутри. И все что я успела – это собрать в ладони зерна изменений, призвать свой огонь. Не осмысленно, а инстинктивно. Когда я пугаюсь, пламя само прыгает в руки. И чем больше страх, тем сильнее пламя.

Но моя последняя мысль была не об огне. И не о Кресе. Не о родителях и не о том, как обидно умереть вот так, в библиотеке. Последняя мысль была о Тьерри Коэне, о старшекурснике, который, чтобы спасти серого рыцаря от струи голубого огня, рискнул перекрыть сопло Академикума. Нажал на спусковой крючок метателя, предварительно забив дуло ветошью. И эта мысль принесла облегчение оттого, что это сделала не я. Неправильная мысль, трусливая. Но она была. А потом мой огонь встретился с огнем острова, и все вокруг стало алым.

Билет 7. Личный этикет. Дозволенное и недозволенное

Что-то шипело. Монотонно, на одной ноте, словно котел парового мобиля на холостом ходу. Этот тихий шуршащий звук не давал мне окончательно соскользнуть в уютную темноту. И еще запах. Пахло сажей, горячим металлом, горелой тканью, приторным соком дерева Ро, опилками и еще Девы знают чем. Отвратительно пахло.

Я шевельнулась и едва не вскрикнула от боли в спине и почему-то в ладонях. Память вернулась рывком, только что меня окружал запах гари, а через миг я распахнула глаза, всматриваясь в нагромождение железных балок, каменных плит, бывших когда-то первой библиотечной башней.

Что-то продолжало шипеть, словно чайник в очаге. Я села, посыпались мелкие камешки, стена не просто рухнула, она разлетелась.

Схватившись за спину, я застонала от боли. Поясница ныла, как после сильного ушиба, а ладони горели огнем, словно я окунула их в пламя. Собственно, так и случилось.

Свет был неровным, пляшущим, словно язычок пламени на кончике свечи. Два магических светильника еще горели. Один лежал на остовах стеллажа, сдерживающий пламя плафон раскололся. Огонь аккуратно лизал стекло, словно никак не решаясь выбраться наружу и потанцевать на изодранных корешках книг. Второй, то вспыхивал, то затухал где-то над головой. Навязчивое шипение стало громче.

Я подняла исцарапанные ладони. Кожа была красной, словно обгоревшей на солнце, пройдет пара дней, и она облезет белыми хлопьями. Я едва не рассмеялась, сижу среди обломков и представляю, что будет завтра, хотя само по себе это «завтра» явно под вопросом.

Это не ожог. Вернее, ненастоящий ожог. Я помню то лето, когда во мне проснулась сила. Не зная ее пределов, я быстро поняла, что собственный огонь не может причинить вреда. Ключевое слово «собственный», но это стало очевидным только после того, как я сунула ладони в очаг. Как кричала Гуйма. Странно, ее причитания, я помню лучше, чем пламя на пальцах. Когда оно лизнуло ладони, я испугалась. А когда я пугаюсь, что-нибудь обязательно загорается. Огонь в очаге столкнулся с огнем магическим. Именно поэтому мои руки еще при мне. Мой огонь смешался с настоящим, он стал способен обжигать, но не способен сжечь свою неосторожную хозяйку. Ничего не получается из ничего, ничего не исчезает в никуда.

Я жала и разжала пальцы. Больно, но терпимо. Когда я падала...

Я задрала голову, каменная плита с выступающими прутьями арматуры одним концом опиралась часть стены, которая похоже спасла мне жизнь, не дав раздавить, как букашку. Второй край плиты терялся, где-то в темноте по ту сторону от трещины.

Пол разошелся и здесь, хотя я понятия не имела где это «здесь». Он казался вскрытым, как бочонок с вином у неумелого выпивохи, который вместо того, чтобы выбить пробку, сломал дно.

Я снова потеряла поясницу и неловко сползла с кучи обломков, бывших раньше частью стены. Вскрикнула, когда одна из металлических пластин разломанной лестницы задела предплечье. Металл был горячим. Как и воздух вокруг. Я заглянула в дыру. Казалось, остров треснул пополам. Там далеко внизу все еще плыл лед Зимнего моря. Академиком не рухнул. Спасибо Девам за маленькие радости.

Лица коснулся ледяной воздух и тут же сменился обжигающим ветром. Что-то утробно загудело, а спустя секунду, трещину заполнил голубой огонь. Я едва успела отпрянуть, закрыв лицо руками. Гул сменился тихим шипением, и пламя исчезло. Вот где огонь нашел выход из сопла. Магистр Игри был прав, пламя никуда не исчезло, если перекрыть сопло, оно найдет другое место, чтобы выйти наружу.

– Ивидель... – услышала я и подняла голову.

По другую сторону от трещины сидел Крис. Бледное лицо выделялось в полумраке. Он судорожно дышал, словно после быстрого бега.

Я даже не успела рассмотреть его как следует, через секунду нас разделил очередной столб гудящего пламени. Оно осветило нишу, в которую мы провалились, словно в колодец. Только его создали не люди, его стены сложились сами, по нелепому капризу богинь образовав пустую полость в брюхе Академикума. Мы были окружены обломками каменных плит, изогнутым железом, сломанной, почти перемолотой в труху мебелью, присыпанными каменным крошевом книгами.

Голубое пламя отступило, я снова услышала шипение и увидела рыцаря. Лицо словно белый лист в окружающем полумраке. Он держался рукой за бок. Ткань куртки темнела. Может, кто-то пролил ему сок на одежду, а может, всему виной изогнутый лист железа, что торчал между его пальцами...

– Нет! – я вскочила на ноги, но мой крик заглушило взметнувшееся между нами пламя.

Девы, пожалуйста, чтобы вы мне уготовили мне, не отнимайте жизнь у Оуэна. Да, я не хотела выходить замуж за Мэрдока, но я полагала такой итог... Нет, не закономерным, я полагала его возможным. Но чего не предполагала, так это того, что Крис может умереть. А то, что рана серьезная, было видно даже не целителю.

– Нет, – повторила я оглядываясь.

– Ивидель, – едва слышно простонал рыцарь.

Я бросилась вправо, но там трещина в полу становилась только шире, уходя под завал, из которого торчала ножка кресла. Возможно, именно на нем сидел князь, и мы остались без правителя. Странно, но эта мысль совсем меня не взволновала.

– Прекрати метаться, – проговорил Крис, и его снова опять от меня пламя.

Я кинулась в противоположную сторону, чувствуя, как от жара трещат волосы, как воздух становится сухим и горячим настолько, что невозможно дышать. Огонь схлынул, и я увидела, что здесь трещина сужается до двух метров. Двух шагов, что заполняются голубым огнем. Я невольно вспомнила серого рыцаря Лео, что спускался в атриум. Цена его жизни тоже измерялась несколькими секундами огня.

– Не смей, Ивидель!

Несколькими – это сколькими? Один, два, три, четыре, пя... Пламя снова вырвалось из трещины, раскаляя обломки лестницы, рядом с которыми сидел Крис.

Четыре секунды с четвертью.

– Стой там, – еще один предостерегающий шепот.

Пламя погасло, и я прыгнула не раздумывая. Не позволяя себе раздумывать. В любой другой ситуации прыжок не выглядел бы столь впечатляющим. Хотя, матушку он бы впечатлил, особенно неприличность, с которой я приподняла юбки, явив миру щиколотки.

А вот Крису и пламени, не было дела до моих щиколоток. Я приземлилась на край трещины, и часть пола под сапогом обвалилась. Долю секунды балансировала на краю, а потом взметнувшееся пламя толкнуло горячей волной в спину, и я упала вперед под аккомпанемент тихих ругательств рыцаря.

Но это тоже уже не имело значения. Ничего не имело, кроме крови, что продолжала пропитывать куртку барона.

– Ну, какая же ты, – прошептал он, когда я опустилась рядом и коснулась руки, что зажимала рану, – Неужели смотреть на смерть здесь интереснее, чем на той стороне?

– Не говори так, – ткань куртки была отвратительно влажной.

Девы, если бы вы меня слышите... Хотя нет, вы не услышите, я уже клялась вам всем, чем можно, а потом думала, как избежать выполнения клятвы. Вы не услышите. Я бы на вашем месте не услышала.

Одна мысль сменяла другую, одна страшнее другой, пока не пришла та, что едва не ввергла в панику. А если богини тут ни при чем? Если просить о снисхождении некого? Если есть только мы и наши поступки?

– Молчи, – прошептала я Крису. – Все будет хорошо.

Он хохотнул, но тут уже скривился от боли. За моей спиной загудело пламя.

– Наконец-то мне удалось тебя напугать, – прошептал Крис. – Жаль только, что боишься ты не меня, а этой железки.

– Тебе бы тоже следовало. – Я осторожно отвела полу куртки и стала расстегивать рубашку.

Оуэн тихонько охнул, когда я коснулась кожи рядом с раной.

– Всегда думал, что умру на плахе. Под бой барабанов и крики толпы.

Его слова заглушило пламя. Четыре с четвертью секунды монотонного гуда.

– Молчи, – повторила я, торопливо снимая с пояса целительский набор и высыпая на руку листья Коха. Всего пять штук. Мало. Я взялась за металлическую штуку, что так напоминала костяную пластинку веера.

– Не стой, – прохрипел Оуэн, накрывая мою руку своей.

Какой же ледяной показалась мне его ладонь.

– Но...

– Ранение печени, стоит шевельнуть, и заденешь печеночную вену. Сейчас у меня есть час, может два. Эта хреновина не даст мне истечь кровью. Вынешь, я не проживу и минуты.

– Что же делать? Что я могу... – листья Коха, которые сами стояли как небольшое состояние, разлетелись по полу.

– Ты плачешь? – спросил Крис, поднял руку и стер слезинку с моей щеки. – Было бы из-за чего.

– Ты самый непонятный, невозможный, невоспитанный... – от избытка чувств я снова всхлипнула.

– Сколько комплиментов, – попенял барон, коснулся моего подбородка, заставляя поднять голову. – Ну вот, опять ты смотришь на меня так, словно я предлагаю тебе корону и полцарства в придачу. И это несмотря на то, что сказал князь... – наверное, что-то изменилось в моем лице, потому что, Крис едва заметно улыбнулся и добавил: – А вот теперь появился страх. Ты боишься меня, Ивидель?

– Нет, – ответила я чистую правду. – Я боюсь того, кем ты можешь оказаться. Если ты с Тиэры, скажи об этом сейчас, прошу.

– И что тогда будет?

За спиной загудело пламя.

– Не знаю.

Крис замолчал, разглядывая мое лицо, потом рука его упала, а сам он откинулся на изогнутый остров лестницы, что торчал из стены, дыхание снова стало хриплым.

– Крис? – с беспокойством спросила я, собирая листья Коха. Надо все равно приложить. На всякий случай. А еще потому, что ничего другого просто не остается, а бездействие заставляет чувствовать себя бесполезной и ненужной. Отвратительное чувство.

– Я никогда не был на Тиэре, – сказал вдруг рыцарь.

– Но ты говорил о Разломе так, словно... – сняла и отбросила, усыпанную осколками муфту, сунула смятые листья обратно в мешочек и достала кровоостанавливающий порошок. Мысль сидеть и ждать когда он умрет, была невыносимой.

– Я там был, – он снова посмотрел на меня, ждал какой-то реакции, но оказалось предел есть всему, даже страху. И сейчас, в эту минуту, испугаться сильнее просто не получалось. – В Разломе, а не на Тиэре.

– Расскажи, – просила я, склоняясь над раной.

– Почему нет? – спросил он сам себя. – Вряд ли теперь это имеет какое-либо значение. – Он вздрогнул, когда я осторожно стерла кровь с края раны платком, правда она тут же выступила вновь. «Все равно, что мертвому припарка» – вспомнила я слова бабушки Астер, когда целитель давал ей от коросты настойку первоцвета. Вспомнила и почувствовала отчаяние. – Однажды всеблагодой барон Оуэн решил, что в его сына и наследника вселился демон.

Я подняла глаза, Крис смотрел куда-то за мою спину и не на голубое пламя снова коснувшееся пролома в стене, а куда-то в пространство, куда-то далеко, возможно, в прошлое.

– Это было после того, как тебя обвинили избивении той женщины? Или после того, как собаки напали на твоего младшего брата?

– Ты слишком хорошего мнения и обо мне и о моем отце. Ту женщину избил я.

– Нет, – я насыпала порошка в рану, и тот тут же набух от крови. Это собственно и вся реакция.

– Упрямая, – в голосе рыцаря слышалось горькое веселье. – Независимо от твоей веры или неверия тому есть дюжина свидетелей, начиная с управляющего Совиным лабиринтом и заканчивая всеблагим бароном Оуэном.

– Ты не умеешь обращаться с хлыстом. Там на ристалище, когда железная кошка почти выбралась, ты даже не смог правильно замахнуться.

Его бок задрожал, кровь тут же потекла снова. Я в панике подняла голову, готовая увидеть конвульсии, но... Кристофер смеялся. Ему было больно, а он все равно продолжал хохотать.

– Ивидель, – простонал он, спустя несколько секунд, хватая ртом горячий воздух, – Не зря говорят, дьявол в деталях.

– Кто в деталях?

– Не важно, – он взмахнул рукой. – Барон решил, что сын одержим вовсе не потому, что он кого-то там убил. А потому что спас. Сумел оттащить собак от брата в последний момент, да еще и послал за целителем. Правда, послал я за ним потому, что один из кобелей порвал мне руку. – Рыцарь поднял ладонь, и я увидела тонкие нити шрамов, что расчерчивали тыльную сторону ладони у самого запястья и уходили под манжету. Старые, едва заметные, не будешь знать, что они есть, не разглядишь. – А кобелей оттащил потому, что у меня голова от криков мелкого трещала, мне ее в каком-то кабаке накануне бутылкой разбили.

– И что дальше? – спросила я, когда он замолчал.

– То есть ты все еще хочешь услышать историю? Уверяю, остальное намного хуже.

– Вряд ли у меня будет другой случай ее услышать. – Я прижала руку к его ране, остро сожалела, что не могу унять боль.

– Это точно, – кивнул он и на миг замер, сцепив зубы, словно был не в силах сделать вдох. – Время у нас на исходе.

Я думала о том, что Крис никогда не был разговорчив и вряд ли будет впредь. Просто здесь и сейчас все изменилось. Торчащее из живота железо часто все меняет. Оно, а еще пламя за спиной, а еще летевший демон знает куда Академиком.

– Всеблагой барон пришел в ярость. Он и раньше-то не особенно жаловал Аарона, а теперь, когда тот даже не мог подняться... – Рыцарь махнул рукой и с усмешкой добавил: – Он разозлился, что я не закончил дело и велел пристрелить пацана.

– И ты? – я испытывающе посмотрела на Оуэна. Честно говоря, не знала, что почувствую, если он скажет, что поднял метатель и нажал на спуск. Иногда мерзостей оказывается слишком много. Но когда это «много» наступит для меня?

– И я поднял метатель. – Крис говорил сухо, как казначей, зачитывающий опись имущества. – Знаешь, что запомнилось сильнее всего? Не приказ барона и не хохот дворни. Запомнилось, как шевелились губы пацана, как он лежал на земле залитый кровью и пытался сказать «Крис». Самое поганое, что он хотел не остановить меня, он просил нажать на спусковой крючок. Я тогда впервые... словно впервые услышал свое имя.

Я поежилась, внезапно ощутив в этой удушающей жаре холод. Холод, что шел от его слов. Попыталась представить себя и Илберта на месте Кристофера и его брата, но у меня не получалось. Девы, он же сейчас рассказывал не о беглом каторжнике, не о Гаронском душителе, что отправил к богиням два десятка жителей Гаронны, у которого, кстати тоже была семья, он говорил о бароне Оуэне, о поставщике вин Первого советника князя.

– И тогда я сдвинул метатель и взял на прицел всеблагого барона. Вот тут дворянка перестала смеяться, – Крис улыбнулся. – Вот об этом я жалею. На самом деле жалею. Мне даже снится, что я нажала на спуск. Но... – он устало закрыл глаза и тихо продолжил: – Не нажал. Меня скрутили и кинули в холодное. Сперва, барон объявил, что я тяжело болен, потом, что одержим демоном. Если бы я не был единственным законным наследником, меня бы, как выразился наш государь, удавили по-тихому. Но поскольку Аарон был бастардом, да еще и остался калекой, мне сохранили жизнь. Держали в дальнем поместье, изредка разрешая покидать комнату. Его прервало синее пламя, и после того как оно схлынуло, воцарилась тишина.

– Сколько? – едва слышно спросила я.

– Один год три месяца четырнадцать дней и шесть часов. – Я охнула, а рыцарь, все также глядя куда-то мимо меня, продолжил, – Барон приезжал раз в неделю. И поначалу даже обещал, что стоит мне только попросить у него прощения. На коленях попросить, и он меня выпустит.

– Ты же не...

– Я встал на колени через три месяца, – так же безэмоционально продолжал рассказывать рыцарь, – Что не похож я на героев баллад? – Я не ответила, боялась, что если открою рот, то разрежусь, или еще хуже, скажу какую-нибудь глупость, а парень продолжал, – Только к тому времени барон, кажется, поверил в мою одержимость. И теперь ко мне приходили заклинатели, гадалки, экзорцисты, какие-то монахи какого-то ордена, название которого настолько тайное, что нельзя произносить вслух. Надо мной читали молитвы, жгли травы, топили в святой воде и даже прижигали чирийским железом. Но демон отказывался являть барону свой страшный лик.

– А жрицы?

– А вот жриц не было, ни одной. Странно, да?

Пламя гудело и замолкало. Гудело и снова исчезало. Кристофер продолжал говорить, а я слушать.

– И вот однажды кто-то подал ему новую идею. Раз демоны попадают в наш мир из Разлома, нужно свозить туда больного сыночка. Авось почуяв родную помойку демон обрадуется и сгинет. Вот так я и оказался в Чирийских горах. Меня посадили в клетку, куда обычно кладут клинки, прежде чем закалить металл во тьме и опустили в пропасть.

– И что там?

– Похоже на то, как если бы тебя запыкали в колокол и долго по нему били. Кишки меняются местами с мозгами и наоборот. Эй, я рассказал тебе это, не для того чтобы ты редела, – без перехода сказал Крис приподнимаясь, теперь на его лице была злость. – Так и знал, что лучше молчать.

– А для че-че-чего то-о-о-гда? – всхлинула я.

– Демоны Разлома, прекрати реветь, Иви. – Он вдруг привлек меня к себе. – Между прочим, это стандартная процедура изгнания. Там таких одержимых бедолаг было штук десять. Нашла из-за чего расстраиваться, подумаешь, посидел в клетке.

– И-и-и ка-а-ак ты выбрался?

– Когда я вдоволь побесновался, разбивая голову о прутья, меня вытащили. Барон решил, что это демон изгнан.

– Я-я-я не... не об этом. О том, как ты выбрался вообще? Как ты оказался здесь? – я не делала попытки отстраниться, прижиматься к его плечу было приятно, если бы еще только не кусок металла и не противно липнущая к коже одежда, если бы не кровь...

– Сбежал следующей ночью. Они ослабили контроль, решив, что я снова стал человеком. Убил троих охранников. Первого задушил шнурком от плаща, второму разбил голову камнем, третьего зарезал ножом, снятым с трупа второго. Ничего героического, напал со спины и убил. Если хочешь кого-то пожалеть, пожалей их. С одной стороны, простые вояки, что исполняют приказы, а с другой, избалованный хозяйский сынок, больной на всю голову и не понимающий, что все это для его же блага. – Я не стала возражать. – Позволь не рассказывать, как я добирался до Эльмеры. На отбор в Академикум пришел скорее от безнадеги, но неожиданно прошел. Потом написал барону, надежды было мало, но... Рассказал где я и потребовал оплатить обучение. А если всеблагой барон захочет объявить о моей одержимости, я, как послушный сын, отправлюсь прямиком в Посвящение к жрицам и пусть они сколько угодно ищут в моей башке демонов.

– И что барон?

– Деньги перевели через две седмицы. Ты ведь знаешь, как читают людей жрицы? Они видят все, а на бароне грехов не меньше чем на мне, и вряд ли он заинтересован в огласке. Поэтому никогда не даст разрешение на чтение меня жрицами.

– Ты все время говоришь о нем, как о «бароне». Только как о бароне. И ни разу не назвал отцом, – проговорила я, прислушиваясь к гулу пламени.

Парень не ответил. Я подняла голову, и сердце пропустило удар, на лице Криса застыла мучительная гримаса, а рука сама потянулась к боку.

– Как же больно умирать, – прохрипел Оуэн. – Знал бы, раньше озаботился вместо того, чтобы языком молоть.

Снова загудело пламя, гудело, уже не переставая. Я ощутила, как дрожит пол.

– Академикум, – выдохнул Крис. – Они что-то делают с островом.

Гул перешел в скрежет, и пол под нами вдруг стал выгибаться, как выгибается пастила, если ее слишком сильно сжать пальцами. Раздался резкий хлопок, и трещина закрылась, словно пасть чудовища, о котором мне рассказывала в детстве нянька Туйма. А миг спустя в пол ударило загудевшее пламя, мгновенно раскаляя камень и железо. Вверху что-то хрупнуло, брызнула каменная крошка.

– На ту сторону! Живо! – рявкнул Крис, невозможная боль.

Я вскочила на ноги, на головы продолжал сыпаться какой-то мусор, схватила Оуэна за руку, потянула... И мне даже удалось приподнять его на несколько сантиметров, а потом рыцарь грузно осел обратно, хватаясь рукой за бок.

Но пламя продолжало гудеть. Оно гудело и гудело без перерыва, словно кто-то снова перекрыл сопло. Одна трещина хлопнулась, зато вторая поползла по стене за спиной рыцаря.

– Крис! – выкрикнула я, а он вместо того, чтобы ухватиться за протянутую ладонь, оттолкнул мою руку.

Ну, сколько же можно? Сколько еще ты будешь отталкивать меня? Ведь это больно, Это как удар стилетом. Мгновенный, быстрый, пронзающий. И каждый раз как первый... Сколько я еще смогу терпеть это? И надо ли? Давно пора развернуться и уйти. И пусть я теперь понимаю его гораздо лучше, но разве своя боль дает право причинять боль другим? Может, лучше вытерпеть одну большую, чтобы прекратить бесконечное множество малых?

Я не знаю, что он увидел в моих глазах. Возможно вопрос, что я задавала сама себе, а возможно, ответ, который еще не успела осознать, но на этот раз Крис ухватился за протянутую руку и пробормотал:

– Упрямая.

Правда, в его голосе было больше восхищения, чем досады. На этот раз он не просто ухватился за мою ладонь, он попытался подняться. Скрипя зубами и не сдержав стоны. Он так и не сумел выпрямиться, лишь, привстал, пошатываясь. Стон сменился хрипом. Первый шаг через трещину он сделал сам, второй помогла я, едва не упав под тяжестью рыцаря. Но все же не упала. Соприкоснувшись с раскаленным камнем, подошвы сапог вдруг зашипели, прикипая к полу. В этот момент остров снова вздрогнул. Крис чуть не повалил нас обоих. Лучше бы повалил. Но ноги вдруг стали тяжелыми... Нет, не тяжелыми, просто начавшая плавиться подошва помогла мне устоять, прилипнув к камню.

А потом часть стены в той стороне ниши, где мы только что сидели, обрушилась, словно состояла не из каменных перекрытий, а из песка. Сомкнувшийся пол, стал расходиться вновь, будто остров сглотнул, и теперь снова намеревался раскрыть рот и высунуть огненный язык. Язык, который ни на миг не прекращал лизать камень и железо у нас под ногами. Вот только я все еще стояла одной ногой на той стороне, а другой на этой.

Подо мной разверзлась бездна. Огонь коснулся подошв, которые просто вскипели, отставая от камня. Пламя взметнулось вверх. Закричал Крис...

И тогда, балансируя на самом краю, я призвала магию. Как некоторые войны при любом удобном или неудобном случае хватаются за рукоять меча, так и я хватаюсь за огонь. Но теперь уже понимаю это и могу контролировать. Могу изменять пламя. Могу дать обратный ход. Зерна изменений встретились с голубым огнем, в один удар сердца обратив его в лед, который тут же осыпался вниз белым крошевом. Руки снова кольнула боль, но уже не так сильно. Крис дернул меня на себя. И мы упали. Он на бок, а я на него. Звякнуло о камни железо. И если сперва, это был всего лишь звук, то когда я неловко поднялась, когда собралась спросить у Криса, что они делали с островом и кто эти «они»...

Взглянула на его лицо, и слова замерли на губах.

– Вы... выгаци, – даже не прошептал, а выдохнул рыцарь, цепляясь руками за бок. Если раньше железка торчала из раны на ладонь, то сейчас почти полностью вошла в тело.

Я упала на колени, отвела полу куртки, что уже промокла насквозь, коснулась края металлической пластины. Пальцы соскользнули, но я схватила снова и потянула. Крис заорал, у меня от его крика чуть волосы дыбом не встали. Я разжала руки, чувствуя, как на глазах вскипают беспомощные слезы.

– Выгаци, – прохрипел он.

Я всхлипнула, в третий раз ухватила за край металлической пластины, потянула, чувствуя, как металл едва заметно вибрирует от сумасшедшего биения сердца рыцаря, чувствуя, как течет кровь и поддается плоть. А потом не выдержала и на выдохе дернула, как больной зуб. Кровь веером осела на моей груди и руках. Она казалась обжигающей даже в горячем от пламенем воздухе. Она казалась живой.

Я посмотрела на Криса. Зрачки рыцаря казались неестественно большими, заполнившими всю радужку. Он даже попытался улыбнуться, а может, хотел что-то сказать, но не смог. Губы чуть дрогнули, пальцы сжались, и лишь кровь продолжала течь.

В тот день я узнала цену одной минуты.

Минута – это бесконечно мало, чтобы жить.

Минута – это бесконечно много, чтобы умереть.

В минуту можно уложить всю жизнь, но очень трудно смерть.

Цена минуты...

Цена последнего взгляда...

Цена последнего вдоха...

Тот миг, когда ты готова заплатить любую цену, не торгуясь.

Металлическая пластинка вывалилась из моих рук. Зерна изменения такие послушные и такие привычные кольнули пальцы. Я вспомнила, как Альберт требовал закрыть кожаные бурдюки с вином. И вспомнила, как отказалась. Магам запрещено изменять живое, даже если это живое давно мертво, как тот бурдюк с водой. А вот Крис был еще жив. Пока жив. И это «пока» не оставляло мне выбора.

Я шевельнула пальцами, вынося сердцевину зерен наружу, выворачивая их наизнанку. Они поддались неожиданно легко, словно я делала это не раз, словно они только и ждали, чтобы кто-то провел подобную экзекуцию, чтобы кто-то изменил их самих, как они меняют окружающий мир.

Сомнений не было. Был страх. Страх неудачи. И понимание, что последний взгляд Криса, я не забуду никогда, даже если захочу. Ужас оттого, что мне придется жить без этого рыцаря. Это было страшное откровение, я вдруг осознала, что могу жить вот так, даже без его любви. Жить и знать, что он где-то рядом или где-то далеко, лишь бы он был. Лишь бы ходил по этой земле. Мне давно пора перестать тешить себя надеждой, данное богиням слово не нарушают.

Я не была целителем. О внутреннем устройстве человека знала не больше, чем об устройстве мобилия.

Зерна изменений так похожие на кусачих насекомых устремились к ране, тут же впиваясь в кожу, вгрызаясь в ткани и напиваясь чужой кровью.

Я действовала наобум, я действовала так же, как если бы закрывала прорезу в кожаном бурдюке. В многослойном бурдюке, что не только обшит мехом, но еще и оплетен бечевкой. Я просто соединяла подобное с подобным. Не зная ни названия тканей ни их структуры, я просто заставляла эту изломанную магию находить одинаковые края, впиваться в них и соединять с такими же. Самая простая магия, восстановить структуру вещества... только никто мне не говорил, что это «вещество» может быть живым. Такие разговоры под запретом, как и магия. Крис захрипел и выгнулся, закатывая глаза, ноги застучали по каменному полу... От неожиданности я упустила эти похожие на маленьких ежиков зерна изменений и они вместо того, чтобы рассеяться в пространстве, исчезнуть, как любые другие, не сдерживаемые больше моей силой, эти вдруг ринулись куда-то внутрь парня.

Рыцарь вскрикнул и обмяк.

– Крис, – позвала я. – Кри-и-ис!

Коснулась бледного лица, потом волос, чувствуя, как по лицу катятся беспомощные злые слезы, как сердце едва ли не колотится о ребра, как ужас от сделанного, накрывает ледяной волной...

– Крис, пожалуйста, скажи что-нибудь. Кри-и-ис!

Я вцепилась в плечи рыцаря, тряхнула, вернее попыталась, но он казался таким тяжелым, таким... мертвым. Глотая соленые слезы, я приложила ухо к груди Оуэна. На один оглушающий миг, я слышала только тишину, а потом... Грудь едва заметно приподнялась и опустилась. Сердце билось.

Я вознесла мысленную благодарность Девам. А потом бросилась осматривать рану. Одежда промокла насквозь, даже брюки были залиты кровью, а вот раны не было. Нет, неправильно. Рана была, только выглядела она так, будто парня ножичком поцарапали, а не железку длинной с ладонь в бок воткнули. Небольшой порез, который едва-едва сочился кровью, да и та уже останавливалась.

Торопливо вытряхнув мятые листья Коха на ладонь, я стала по одному прикладывать их к ране. Хуже точно не будет, ибо хуже уже просто некуда. Листья никак не хотели лежать ровно и отслаивались друг от друга... И тут мою руку накрыла ладонь рыцаря, останавливая суетливые движения.

– Что? – Его голос звучал хрипло. – Я уже умер?

– Ага, и попал в ад, – попыталась я пошутить, но вместо смеха, уткнулась лбом в его плечо, стараясь снова не разреветься.

– Нет, это не ад, – хрипло констатировал он, – Раз ты все еще рядом, – и попробовал приподняться.

– Не шевелись, – испуганно попросила я, поднимая голову. – Не знаю, что я сделала, не знаю, как там у тебя внутри... Я... я не целитель. Я даже не маг, я просто...

– Шшшш, – он вдруг обхватил руками мое лицо и вопреки предупреждению сел. Я с шумом втянула воздух, но так же прислушивающийся к себе Крис вроде бы не спешил падать и умирать в конвульсиях, – Чтобы ты не сделала, это лучше, чем ничего, – прошептал барон разглядывая мое лицо, палец вдруг скользнул по щеке стирая слезинку. Девы, я едва подавила желание прижаться к теплой ладони и закрыть глаза. Он разглядывал меня с каким-то болезненным интересом. Вряд ли я сейчас была красива, а он все равно продолжал смотреть. В замешательстве Крис опустил руки, распахнул куртку, отодрал от кожи листья Коха и, как я несколькими минутами ранее, осмотрел рану. Очень выразительно присвистнул, а потом напряг мышцы живота... Девы, куда я смотрю? На рану, конечно, только на рану, на ее неровные уже схватившиеся края...

– Это ведь была магия? – спросил барон, прикладывая целебные листья обратно, – Только она может сращивать ткани. Но изменять живые ткани запрещено! И богини карают за это. Или что вероятнее вы караете себя сами...

Я отвернулась. Просто не знала, что ответить. Не хотела врать и не хотела говорить правду.

Пусть думает и говорит, что хочет, главное есть, кому думать.

– Ивидель, – позвал Оуэн, и я подняла голову. – Ну вот опять, покачал головой рыцарь, – Опять в твоих глазах это...

– Что «это»?

– Сам гадаю. – Он неловко приподнялся. Вернее, попытался, охнул и осел обратно, держась рукой за бок.

– Гадать лучше сидя, – сказала я. Он рассмеялся, а потом, вдруг став серьезным, спросил:

– Чем я заслужил такое?

Взгляд синих глаз, разом отбил желание глупо шутить и переспрашивать. Мы оба знали, что он имел в виду. Только вот мне и в страшном сне не могло присниться, что я буду объясняться с бароном, сидя на развалинах библиотеки.

– Не знаю, – ответила я. – Разве дело в заслугах?

– Магесса рискует жизнью, свободой, своей душой, если угодно, чтобы спасти... Нет, даже не спасти, а хотя бы попытаться спасти одного никчемного барона. Не знаю, как ты, а я напуган до смерти. – Он наклонился к моему лицу. – Я же никогда с тобой не расплачусь.

Знаете, это больно. Иногда словами можно ранить куда сильнее, чем стилетом. Иногда словами можно убить куда вернее, чем выстрелом. Слезы высохли, даже замерзли, царапая льдинками веки.

– С вас никто не требует никакой платы, барон. – Я выпрямилась так, что даже моя гувернантка не смогла бы придаться. – Вы ничего мне не должны, и если я невольно ввела вас в заблуждение...

– Вспыхиваешь, как порох, – искренне восхитился он. – О заблуждениях, если не возражаешь, поговорим чуть позже, а пока... – не договорив, он бросил взгляд поверх моего плеча и вдруг спросил: – А где пламя?

Я обернулась, мы уже давно не слышали гула пламени, но в какой момент он исчез? Когда Оуэн умирал? Или когда я его «лечила»? Воздух, поначалу казавшийся горячим, успел остыть.

Крис все-таки встал, сцепил зубы, но поднялся и, держась рукой за бок, неловко поковылял к трещине в полу. Я молчала, хотя больше всего хотелось закричать, чтобы он сел. Сказать, что понятия не имею, что у него там внутри. Не знаю, что стало с зернами изменений, над которыми утрачен контроль, а посему они могут делать все что угодно, например, взять и перемолоть его внутренности в труху.

– Кажется, все вернулось обратно, – с сомнением протянул Оуэн, заглядывая в трещину. – Интересно, они смогли вскрыть кабину и перехватить управление островом или мы все еще движемся к Разлому?

Честно говоря, в тот момент мне было все равно.

Крис продолжал смотреть вниз и хмуриться. Девы, почему у кого-то все происходит правильно, а у меня вот так? Да, я понимаю, что спрашивать совета у богинь то же самое, что спрашивать у винодела, почему тебе плохо после честно украденной и выпитой бочки вина. И, тем не менее, я спрашивала. И очень боялась услышать ответ. Глотала горечь невысказанных слов, чувствуя, как внутри все сжимается и вибрирует, словно натянутая струна. Захотелось вскочить и убежать, только чтобы не...

– Что это? – прошептала я, сердце забилось быстрее, в груди что-то сжалось так, что невозможно стало сделать вдох.

Все-таки Девы сжалились надо мной. Они в жестокой милости своей сделали так, чтобы я, не зная, куда деться от собственных мыслей и чужих слов, смогла выпрямиться перед новой опасностью, смогла задвинуть мысли о «заблуждениях» о том неловком объяснении, что так и не состоялось в дальний угол. Это как удариться пальцем, а потом сломать ногу. Уверяю, про палец вы забудете сразу же.

– Крис, что это?

Я не хотела спрашивать, не хотела произносить его имя враз пересохшими губами, но...

– Это Разлом, – спустя несколько томительных минут ответил рыцарь.

– Что?

Одна из струн внутри вдруг оборвалась, издав короткий, но такой пронзительный звук. Звук, который никто не слышал. Я невольно охнула.

– Это разрыв мира. И он приближается. Мы приближаемся к нему. Значит, у них не получилось. – Оуэн тяжело осел на пол прямо у трещины.

Подхватив юбки, я в один шаг оказалась рядом, чтобы... Нет, не для того, чтобы заглянуть в лицо рыцарю, хотя и очень хотелось, а чтобы заглянуть в трещину.

Лед зимнего моря продолжал двигаться, казалось, ничего не изменилось, лишь ветер поднял в воздух снежную крупу. Ничего не изменилось, кроме поселившегося внутри чувства бесконечной тревоги, чувства опасности, что нарастало с каждой секундой.

Струя голубого пламени лениво лизнула подбрюшье острова и исчезла, даже не заглянув в трещину.

– И что делать? Почему мы здесь, а остальные там? Почему мы... – я развернулась, пламя легко и естественно легло в руки. Нет, не пламя. Лучше применить зерна пустоты, что способны раскрошить даже камень. Я выберусь отсюда, я смогу, мне хватит силы, чтобы разнести весь это завал, должно хватить...

– Жили они недолго и несчастливо, но умерли в один день, – продекламировал вдруг Крис. На голову посыпался песок. Я вдохнула и выдохнула, стараясь избавиться от засевшего внутри напряжения. Получалось не очень, но, во всяком случае, так и неиспользованная магия отступила.

– Вы смеетесь надо мной, барон? – спросила я.

– Если это удержит вас, графиня, от опрометчивых поступков, то да, – в тон мне ответил Оуэн. – Вспомните, сколько над нами камня и железа.

– Я справлюсь!

– Вспомните, что железо этого острова нечирийское! Вы просто устройте нам одну могилу на двоих. Если это ваша цель – то вперед, не смею останавливать.

– Но я... я должна попытаться, понимаешь? Должна. Не могу сидеть здесь и ждать... ждать... – Слезы снова потели по щекам, закрыла лицо ладонями, а через минуту меня обняли теплые и показавшиеся такими надежными руки. И это вопреки всякой логике вызвало новый поток слез.

– Это все Разлом, Ивидель. От него хочется лезть на стенку, хочется убежать, даже если для этого придется разбить голову в кровь. – Он вдруг прижал меня к себе. – Поверь, я там был и помню. И дальше станет только хуже. Ты должна взять себя в руки.

– Мы... мы умрем? – спросила между всхлипываниями я.

– Скорей всего, – не стал врать Оуэн. – Но вряд ли стоит об этом беспокоиться, так как сперва сойдем с ума.

– Гэли рассказывала, что не все сходят с ума в Разломе. – Я позволила себе прижаться к нему.

– Значит, сойдет кто-то один, и мы поубиваем друг друга, чем не счастливый финал? – спросил Крис и едва заметно покачнулся.

– Девы, – Я вспомнила про его ранение. – Тебе надо сесть, а лучше лечь.

– Если только с тобой, так что, не искушай, – пробормотал он.

– Значит, со мной, – ответила я тоном, маменьки, когда она уговаривала Илберта выпить лекарство.

– Ты ведь понятия не имеешь, о чем я говорю, – хрипло сказал он, опускаясь на каменную плиту с неровным иззубренным краем.

– Почему? – Я пожалала плечами. Тревога, что грызла меня изнутри чуть отступила. – Примерно представляю.

– Примерно, – передразнил он.

– Только какое тебе до этого дело? – я села рядом, стараясь выглядеть обеспокоено-равнодушной. Обеспокоенной его состоянием и равнодушной к его словам. Видимо, получилось не очень.

– Вот только не надо говорить за меня, Иви. – Он поднял синие глаза, – Сам в состоянии.

– Ты уже сказал. – Сердце скакнуло к горлу и забило часто-часто.

Это всего лишь Разлом. Это его отравляющее влияние. Только он. Именно из-за него хочется убежать и больше никогда не видеть синих глаз. Не исключено, что в самое ближайшее время мое желание сбудется.

– А ты запомнила, – покачал он головой.

– Я всего лишь ответила, что ты ничего мне не должен.

– Слышал, не повторяйся. О своих долгах я знаю куда лучше тебя, – сказал Крис, а потом вдруг попросил: – Ивидель, хватит прятаться за словами и этикетом. Скоро мы окажемся в Разломе. Вряд ли на демонов произведут впечатление ваши манеры. – Он хохотнул, только в его смехе было больше горечи, чем веселья.

Я посмотрела на рыцаря. Одной рукой он держался за бок, словно после долгого бега.

– Хреновое место этот Разлом, – Вторую руку Оуэн протянул мне. – Скоро ты захочешь выцарапать мне глаза.

– Хоть какое-то разнообразие, – прошептала я, и наши пальцы переплелись.

– О да, тьма разнообразна, это понимаешь только попадая в нее. Она меняет тебя, вибрирует, шепчет. От нее ты узнаешь много способов закончить все это для себя и для друга.

– Это сумасшествие.

– Оно самое. – Он посмотрел в потолок, на то, что было для нас потолком, сомкнутые, обкрошившиеся плиты, с которых то и дело сыпались камешки. – Можно ли винить демонов за то, что ни всеми правдами и неправдами стараются выбраться оттуда?

– Винить демонов? – воскликнула я. – Ты никогда не видел, что может сотворить демон? Никогда не видел, как человека одним движением выворачивают наизнанку?

«А ты?» – увидела я в его синих глазах немой вопрос. И если бы он спросил вслух, пришлось бы признаться, что я не видела ни одного демона, только слушала сказки старой Туймы. Если бы он спросил... Но вместо этого Крис сказал нечто совсем другое. И это другое, произнесенное сухим тоном банковского клерка отказывающегося в кредите, напугало меня куда больше.

– Или засекают кнутом женщину. А может, спускают собак на надоедливую мальчишку? Я окаменела не в силах поднять на рыцаря глаз. Замерла, чувствуя, как его пальцы сжимают мои. Замерла, испугавшись не его слов, хотя и их тоже. Я боялась того, что может последовать за ними.

– Посмотри на меня, Иви. – Он поднял мою руку к губам, поцеловал костяшки пальцев и еще раз попросил: – Пожалуйста, посмотри. Хочу заглянуть в твои глаза. Хочу увидеть в них правду. Хочу...

И в этот момент я подняла голову.

– Господи боже, – прохрипел Крис.

Я не стала спрашивать, к какому богу он обращается. Впервые, это не имело значения, нам, скорее всего, скоро предстояло познакомиться с богами или богинями лично.

– Ты до ужаса боишься, что я окажусь демоном. Я вижу огонек этого страха в твоих глазах, Разлом раздует из него пламя ярости.

– А во что он превратит твои чувства? – спросила я, не отводя взгляда, – Во что можно превратить равнодушие?

– Не знаю. И ты не знаешь.

Я судорожно выдохнула.

– Ты никогда не говорил...

– Не говорить – не значит не чувствовать, – он выпрямился и снова потер бок свободной рукой. – Ты никогда не задавалась вопросом, что сделают с той, что будет рядом с демоном, если все вскроется? Ведь ножик у горла той, на которую боишься даже смотреть – самый лучший способ заставить открыть рот того, кто не хочет говорить...

– Крис, ты демон? – теперь уже я сжала пальцы, желая почувствовать тепло его тела. Он продолжал смотреть на меня. Я мысленно просила его ответить. Хоть как-нибудь. Любой ответ лучше тишины. Неизвестность пугала меня до дрожи, она накатывала волнами, от которых хотелось кричать...

Нет. Тихо, Иви, тихо. Это все Разлом.

– Нет, Ивидель, я не демон. Во всяком случае, никогда не называл себя так. И никто иной не называл.

– Шелест, – произнесла я слово, не раз слышанное от Жоэла. – Тебя называют Шелест?

– Иногда. Это прозвище, мне его дали в трактире Льежа. Я там частенько назначал встречи. Чего я только не делал, чтобы заработать, был вышибалой, возницей, сопровождал состоятельных вдовушек...

– Ты работал охранником?

– Почти, – он нехорошо усмехнулся, – Охранник, что остается на ночь.

– Ну, охрана, как раз и нужна ночью.

– В спальне, – добавил он, – Хорош демон, правда?

– Ты специально рассказываешь это так... – вдруг поняла я. – И тогда об отце, и сейчас преподносишь так... Чтобы мне стало противно?

– А ты вместо этого, меня жалеешь. – Не стал отрицать рыцарь. – Все у нас с тобой не по правилам. – Он посмотрел на обвалившуюся стену и вдруг продолжил: – Но когда я пришел туда в самый первый раз, безрукая девка, что разносит всякое пойло, оступилась и выплеснула пиво на мой плащ, тогда единственный. Ну, я и выругался от полноты чувств на родном языке. Девка в слезы, хозяин в крик, а один из вышибал подивился, мол, что я за «шелест» такой... Ты слышала, как шелестят слова моего языка.

– Ты с Тиэ...

– Нет. Я уже говорил, что не с Тиэры. Зачем ты заставляешь меня повторять? Я не врал. Но я и не с Аэры. – он снова посмотрел на меня, – Насколько сильно это все меняет? Тебе все еще страшно?

– Да, мне страшно, – ответила я. – Но это ничего не меняет.

И сказала правду. Уже поздно что-то менять, кем бы он не был. Это могло повлиять на меня, на мой разум, на поступки. Я могла попробовать построить жизнь вдали от барона Оуэна. Но моих чувств это не изменит.

– Вы ненормальная, Ивидель Астер. – Услышала я и вся сжалась, словно в ожидании удара, а он добавил: – Но другой такой нет. Ты – единственная.

А потом отвел волосы с моей шеи. Я едва заметно вздрогнула от мимолетного прикосновения мужских пальцев.

– И мне это настолько нравится, что я готов нарушить все правила и собственное обещание. Господи, не было ни дня, чтобы я не сожалел, что дал слово, не касаться тебя.

Он говорил, одновременно склоняясь к моему лицу, и когда между нами осталось всего несколько сантиметров, я ощутила на коже тепло его дыхания. У меня была тысяча вопросов, которые хотелось задать, но вместо этого я прошептала:

– Барон, я освобождаю вас от обещания, никогда меня не касаться.

– Зря. – Он улыбнулся. – Потому что я собираюсь этим воспользоваться.

И коснулся моих губ. Резко, почти грубо. Это было невероятно. Его губы смяли мои в один миг, язык скользнул в рот...

Девы, дайте силы это остановить. Дайте смелости, чтобы не останавливать. Это было так сладко, так сильно, что простелившая руку боль показалась чем-то далеким и незначительным.

Ладони горели от ожогов давно, но это не заставит меня отказаться от того, что Крис предлагал мне здесь и сейчас. На краю мира за несколько часов до смерти.

Не хочу сожалеть о несделанном. Я неправильная леди. Потому, что леди никогда не ведут себя так, не обхватывают голову мужчины руками, не запускают пальцы в волосы и не прижимаются всем телом, как это сделала я.

С губ сорвался едва слышный стон, и Крис напрягся, словно этот звук, как магия, прошел сквозь тело. Он пробрался под кожу и освободил нас обоих. От условностей. От разума.

Я прижалась к губам рыцаря, прижалась к его телу. Очень неумело, но очень старательно. Он отстранился и едва слышно рассмеялся.

– Какая ты... – прошептал, он, касаясь волос, – нетерпеливая.

Я провела пальцами по его лицу, будто слепая. По глазам носу, скулам, губам...

– Хочу запомнить тебя, – пробормотала я и тут же испугалась своих слов, такой тоской и безнадежностью от них веяло.

Он накрыл мою ладонь своей и поцеловал запястье. Сердце билось как сумасшедшее. Крис посмотрел на меня. Очень серьезно посмотрел, будто что-то решая, а потом... Я оказалась в его объятиях, в его сильных руках. Оказалась там, где и хотела.

Я чувствовала его везде, ощущала его тело, грудь, к которой так хотелось прижиматься бесконечно. Оуэн прошептал что-то на незнакомом языке, что-то шелестящее, как обертка от пастилы, что варит мистер Обюрн в кондитерской на Медовой улице в Сиоли.

Шепот рыцаря, тепло прикосновений, его руки на талии, животе, груди, плечах. Сначала прямо сквозь ткань платья, а потом... Все смешалось, все изменилось. Игра переросла во что-то большее, как тогда в первом форте.

С треском разошлась шнуровка платья. Одна из пуговиц покатила по куче камней. Мужские пальцы отвели полы тонкой нижней сорочки и коснулись груди. Я охнула, инстинктивно поднимая руки чтобы закрыть грудь.

Я вдруг обнаружила, что лежу на куче обломков, а Крис нависает сверху. Увидела в его синих глазах пламя и испугалась его жара. Этот огонь мог спалить меня без остатка.

Мои пальцы, что придерживали сорочку, дрожали. Внутри словно взлетали и лопались пузырьки игристого вина, что производят в Хампфере.

И я поняла, что видел в моих глазах Крис. Сейчас я видела в его глазах то же самое. То, чему просто невозможно сопротивляться. И оно не... нет, не обязывает, не требует, оно просто знает. Мы знаем.

Оуэн знал, что я опущу руки, еще до того, как я это сделала.

Было страшно, и я не понимала, откуда шел этот страх. Из Разлома? Или от того, что ждало меня на его краю.

Крис, словно поняв это, склонился ко мне и поцеловал. Он улыбался. Я чувствовала его улыбку губами, чувствовала, как его язык снова касается моего. Это как танец пришло вдруг сравнение. Партнёр и партнёрша, одно па за другим, разворот, наклон, взгляд. Только мы танцевали иной танец. Древний, как и мир и не подчиняющийся никаким правилам. Я хотела его целовать. Хотела быть с Крисом. И до ужаса страшилась этого.

Оуэн оторвался от моих губ и поцеловал шею, ключицу, спустился ниже. Я вздохнула. Он снова отвёл полы рубашки и посмотрел. Просто посмотрел туда, куда не смотрел ещё ни один мужчина. А Крис он...

Он не только посмотрел, он прикоснулся. Провёл пальцем по груди, сверху вниз до самого соска, вдруг ставшего слишком чувствительным. Кажется я, что-то пискнула. Его рука замерла, а мне захотелось шевельнуться, и подтереться о его палец...

Богини, что со мной происходит?

Крис наклонился и вместо пальца груди коснулись губы. Девы! Я и не знала, что так можно. Я и не знала, что могу так чувствовать.

С губ сорвался стон, я запустила пальцы в его волосы. Рыцарь отпустил сосок, уткнулся лбом мне в грудь и заговорил. Слова звучали странно, торопливо, шуршащее, они сливались, расслаивались и больше походили на... шелест палой листвы, что скапливается по осени у обочин дорог. А потом он произнёс слово. Громко и четко. Сперва на незнакомом языке, а затем перевёл. Но ещё до того, как он это сделал, я поняла его значение.

– Нет, – сказал Оуэн, выпрямился и твёрже добавил. – Я не могу поступить с тобой так.

Меня словно холодной водой окатили. Набрали ведро из Зимнего моря, где на поверхности плавают льдинки, и выплеснули в лицо. Холод, от которого словно уменьшаешься.

Уменьшаешься, пока не исчезнешь.

Я села и схватила полы рубашки, прикрывая грудь. Только бы не расплакаться. Только бы не...

– Ты... ты... – попыталась спросить я. – Зачем ты...

– Я сказал не «не хочу», а «не могу», Ивидель, – произнёс Крис, но я не слушала, пытаюсь зашнуровать корсет. Судорожно и бестолково. Он перехватил мои руки. Я не выдержала и всхлипнула, по щекам потекли слёзы.

– Мог бы просто...

– Ивидель, – рыцарь повысил голос.

Девы, он же ранен, но все равно слишком силён. Он отпустил мои ладони и прижал меня к себе. Я ощутила, как грудь трётся о жёсткие складки его одежды.

– Больше всего на свете я хочу закончить то, что мы начали. И прошу, не заставляй меня доказывать это. Я смог остановиться один раз, второй – не смогу.

– Тогда почему... – Я перестала вырываться, уткнулась лицом в его плечо, щеки горели. Сейчас я стыдилась сама себя.

– Я остановился потому, что больше всего хотел продолжить.

– Странная логика.

– Я слишком много всего разрушил своими желаниями. Теперь... – Он шевельнулся, садясь поудобнее. – Ты знаешь, что это неправильно, знаешь, что по закону Аэры сперва нас должны соединить жрицы в храме Дев. На это должны дать разрешение наши родители, и лишь после этого в первую Брачную ночь, ты должна ждать в спальне, натянув простыню до самого носа, читая молитвы и страшась неизбежного, – назидательно проговорил Оуэн и тут же со смешком добавил: – Не могу поверить, что говорю все это.

Моё лицо из красного стало малиновым, ибо я тоже не могла. А ведь он не сказал ни слова неправды.

– Мы все равно умрём, – прошептала я, – Так какая разница?

– Большая, – ответил Крис. – Все когда-нибудь умрут. Сегодня, завтра, через годы. Разве это повод творить глупости?

Не отвечая, я снова стала ввозиться со шнуровкой корсета.

– Помочь?

– Ты умеешь зашнуровывать корсет? – спросила я. Хотела шутливо, но увидев, как он уверенно действует, смущенно добавила: – Пожалуй, не хочу знать ответа на этот вопрос. Его пальцы на миг замерли на моей груди, и я не смогла сдержать вздоха.

– Оставь мне хоть немного гордости, пожалуйста, – попросила я через одну томительную минуту, снова пытаясь прикрыться руками. А он снова перехватил мои ладони.

– Нет.

– Крис, мне больно и стыдно и всё, что мне надо... – я замолчала не в силах продолжать.

– Я и говорю, в спальне в темноте с натянутым до носа одеялом. – Он улыбнулся, а потом став серьезным сказал: – А вот этого у нас не будет. Ни стыда. Ни одеяла. Подумай, Ивидель, ещё не поздно повернуть назад. – Рыцарь закончил шнуровку. – Если между нами что-то будет, то это будет не гордость или стеснение.

– Будет? – эхом повторила я.

– Будет, – твёрдо сказал Оуэн, снова обнял меня и усадил рядом с собой на грязный пол. Менее романтическое место трудно себе представить, но я не променяла бы эту разрушенную библиотеку на дворец князя.

– Будет, – повторил рыцарь, – Правда очень недолго. Чувствуешь, как нарастает страх? Как он множится внутри? Как хочет выйти наружу? Как сильно ты меня боишься?

– Не знаю. А как сильно надо? – я положила голову ему на плечо в ожидании ответа. Но вместо слов, услышала далекий гул. Академикум вздрогнул, пол накренился. Я инстинктивно схватилась за рыцаря. Плиты заскрежетали, словно стиснутые челюсти великана, готовые раздробить кости. Наши кости. Стены ниши, собранные из обломков железных прутьев, камней и корешков книг пришли в движение. На миг мне показалось, что все сейчас рухнет. Неровный потолок обрушится нам на головы, положив конец сомнениям и глупым разговорам.

Я посмотрела на Крису, борясь с желанием по-детски зажмуриться. Пусть синие глаза станут последним, что я увижу. Рыцарь повернулся ко мне, словно наши желания совпадали. Мы встретились глазами... И все прекратилось. Стих скрежет, замерли смыкающиеся обломки плит, и даже остров, казалось...

– Мы остановились, – сказал Оуэн, отпустил мою ладонь, привстал и заглянул в дыру в полу. Пролом стал шире, часть плиты обвалилась, и я, даже сидя, видела хвост синего пламени.

– Они остановили остров? – удивился Крис, – У них получилось?

Он повернулся ко мне так стремительно, словно и не был ранен. Нагнулся и быстро поцеловал меня. Я видела, что мысли его уже где-то в другом месте, уже далеко от меня. Романтический вечер признаний закончен, мужчины переходят к бренди и сигарам.

– Значит, ты был прав, – натянуто сказала я, когда рыцарь снова сел рядом. – Не стоило творить глупости. Это все Разлом. Это не мы.

– Разлом? – Крис так удивился, словно я только что произнесла слово на незнакомом языке. – Ты в самом деле так думаешь?

– Главное, что так думаешь ты. – Я обхватила себя руками.

– Опять говоришь за меня? – издевательски спросил он, становясь тем Крисом, которому я привыкла. А потом вдруг дёрнул меня за волосы, вернее, потянул за конец тонкой ленточки, что еще каким-то чудом держалась на волосах.

– Ты всегда смотришь на меня, как на героя. Даже не интересуюсь, что я совершил. Так дай мне убить этого дракона и бросить башку к твоим ногам, – сказал он наматывая ленту на кулак. Я видела, что он злится, но не могла понять на что.

– Ты сам сказал про Разлом, и я знаю, что...

– Ты ничего обо мне не знаешь, – перебил Оуэн и попросил: – Вытяни руку.

– Что? – спросила я смешавшись. Показалось, что я услышал далёкий крик, даже хотела повернуть голову.

– Вытяни, – уже мягче попросил он. И я подняла ладонь. – Как я уже сказал, ты ничего не знаешь обо мне. Возможно, стоит это исправить. – Рыцарь скупой улыбнулся и стал наматывать ленту мне на безымянный палец, один виток, второй, третий. – Я знаю, что здесь приняты

брачные браслеты, но в моем мире, когда девушку берут в жены, ей на палец надевают кольцо. – Он сделал ещё один виток и завязал поверх фаланги узел. Не особо красивый, не особо аккуратный. Я все еще не понимала. – Кольца у меня нет, поэтому, пусть будет так. Ну, вот и все, теперь ты моя жена.

«Что?» – хотела спросить я. Хотела даже закричать. Но мир вдруг отделился от меня. Только что я была внутри него, как куклолка в игрушечном домике. Я ходила, говорила, садилась, вставала, а через миг, увидела картинку из книги, на которой кто-то другой ходил, говорил, садился, вставал.

Я выдохнула и не смогла вдохнуть. Звуки отдалились.

– Пусть ни для кого больше этот жест не имеет значения. Мы с тобой будем знать, будем помнить. Ты будешь знать. И каждый раз сомневаясь во мне, каждый раз, когда я буду вынужден отвернуться, вспоминай этот момент. Вспоминай и знай.

Он говорил что-то ещё, я слышала странные звуки, что никак не хотели складываться в слова. Снова слышала далёкий крик и шум падающих камней. Слышала, но не могла повернуть голову. Я ничего не могла. Тело онемело и не слушалось. Оно стало чужим. Я не могла им больше управлять, только продолжала смотреть на картинку в книге, не имея сил что-то изменить. Внутри поселилась глубокая пустота.

– Иви? – заметил что-то Крис. – Иви, что с тобой? Это просто шутка. Я хотел показать тебе, что...

Его прервал оглушительный грохот и крик:

– Не двигаться! Держать руки на виду! Одно движение и...

Они кричали, они приказывали, но я при всём желании не могла пошевелиться. Не получалось даже опустить ладонь, я держала её на виду, как и кричал серый рыцарь, что через несколько секунд оказался рядом. Он заломил Крису руку за спину. Ещё двое мужчин подбежали следом. Один, похожий на ученика старшего курса, направил на барона метатель.

– Именем князя, Кристофер Оуэн, или кто-то там вы на самом деле, вы арестованы за...

– За что? – спросил Крис.

– Мы все знаем! Ты с Тиэры, – выкрикнул старшекурсник, его рука с оружием дрожала.

– Я не с... – начал Оуэн, но ещё один рыцарь ударил его коленом в лицо. Что-то омерзительно хрустнуло. Трое на одного. Я бы сказала, что это не честно. Но они были не на дуэли и не на рыцарском турнире.

– Молчать! – приказал серый, – Будешь говорить, когда спросят.

– А она? – спросил ученик.

И, наверное, посмотрел на меня. Но я этого не видела. Не видела никого кроме Криса. И ещё пятна света, что подало на меня откуда-то сбоку. Я ощущала его тепло. А ещё ветер, холодный зимний, он шевелил растрёпанные волосы.

Нас не бросили, нас всё-таки спасли. Самое время порадоваться.

– Леди почти в обмороке. Смотри, ничего не соображает.

Я соображала. Хотела даже закричать. Но в место этого, поняла, что падаю куда-то внутрь себя, падаю в бездонный колодец. Падаю, не в состоянии пошевелить даже пальцем.

– Доставить в подвал и допросить. Наизнанку вывернуть, но узнать...

Серый все ещё говорил, когда я упала. Когда меня окружила тьма, голоса окончательно затихли.

Я не знала, что это. Хотя, вру, знала. Я нарушила данное богиням слово. Можно поиграть словами и сказать, что «почти нарушила». Но это будет лукавство. Дело не в том, что сделал Крис, не в его странном поступке, не в ленте на пальце. Дело во мне. В тот миг, когда он произнес сокровенную фразу: «Теперь ты моя жена», я едва не закричала от счастья. Тысячу раз ответила ему «да», не произнеся ни слова. Никто не проводил над нами соединяющий ритуал, мы провели его сами. Мы знаем, как сказал Крис. Я знала, что предала богинь. И наказание последует незамедлительно.

«Только не заставляйте расплачиваться отца и брата», – мысленно взмолилась я. – «И если кому-то нужно умереть, то пусть, это буду я».

И словно, повинувшись моим словам, сердце замерло. И несколько томительных мгновений показалось, что оно больше никогда не забьется. Показалось, что споткнувшись, оно замолчит навсегда. Но оно сжалилось надо мной. Ударило, а потом застучало сильнее прежнего. Я смогла вдохнуть, попыталась открыть глаза и...

Услышала тихие голоса и почувствовала прикосновение чего-то холодного к лицу. Попыталась приподняться, но тело казалось тяжелым и неповоротливым. Кости ныли, словно всю ночь на балу отплясывала.

Какой бал? Я же была в разрушенной библиотеке с Крисом, а сейчас...

С губ сорвался стон.

– Она очнулась, – произнёс женский голос, и я узнала Гэли.

Подруга она убрала с моего лица влажный носовой платок. Я приподняла голову и огляделась.

Сейчас я точно не была в библиотеке.

– Что с ней? – спросила серая жрица, делая шаг кровати, на которую меня успели уложить.

– Знамо что, – сердито ответила подруга, – Она неизвестно сколько времени провела рядом с..... Выходцем с богинями проклятой Тиэры. – девушка покачала головой и уже для меня добавила, – Все, Иви. Все уже кончилось, отдыхай.

Я всё-таки смогла приподняться, опираясь на подушку. Тело слушалось, хоть и с трудом.

Голова тут же закружилась, стены сделали несколько оборотов и нехотя остановились. Судя по всему, я не в темнице рыцарей, а в своей комнате. Ну, в той, что была закреплена за мной до того, как нас перевели в общую спальню.

– А ты бы не болтала, где и с кем она время проводила, – попеняла девушке Аннабэль Криэ. –

От таких разговоров хорошего не жди. – Она подошла ближе. – Мы опять встречаемся с вами при не очень приятных обстоятельствах, графиня. – И, заглянув лицо, совсем другим тоном спросила: – Как вы, Ивидель?

– Не знаю. Что с островом? Что с... – Я замолчала, не решаясь произнести имя. – Сколько времени?

– Скоро рассвет. Ты пролежала весь вечер и почти всю ночь. – Подруга всхлинула. – Как мёртвая лежала.

– Академиком снова управляют магистры. – Серая подошла к растопленному камину, взяла с подставки кочергу и пошевелила угли. – Взят курс на Трейди.

– Пришельца с Тиэры нашли? – спросила я, касаясь растрепанных волос.

– Но ведь... – не поняла, сидевшая на краю кровати, Гэли, – разве это не барон Оуэн? То есть тот, кто им притворился?

Аннабэль поставила кочергу на место и не глядя на нас попросила:

– Мисс Миэр, выйдите.

– Что? Но я... Иви!

– Все будет хорошо, – пообещала я. – Чуть-чуть подожди, прошу. – Я попыталась улыбнуться, но видимо напугала подругу ещё сильнее.

– Это приказ, Мисс Миэр. – добавила бывшая баронесса Стентон.

Подруга вздохнула, но всё-таки вышла, скорчив напоследок страшную рожу, словно маленькая девочка, пользующаяся тем, что взрослый стоит к ней спиной.

– Вы ведь знаете, что Оуэн не с Тиэры? – не без внутренней дрожи спросила я.

Больше всего я хотела, чтобы она ответила «нет». Потому что «нет» означало, что жрицы ещё не совались в разум Криса.

Сейчас его вряд ли спасут от вторжения в память древние законы. Слишком тяжелы обвинения.

И слишком правдивы. И вместе с тем, я хотела, чтобы она ответила «да». Хотела, чтобы они знали, не он мог принести гибель Аэре... А мог ли? Никто никогда не задумывался над реальностью этого предсказания. Разве может один человек угрожать целому миру?

В голову мало помалу ввинчивалась боль, словно молоточками ударяя по вискам: тук-тук-тук.

– Как тебе ответить?

– Правдиво, мисс Стентон, – попросила я, опуская ногу на пол. Слава Девам, комната уже успела прогреться.

– Хочу напомнить, что не обязана этого делать, – добавила она.

– Не обязаны, – согласилась я. – Но ведь зачем-то вы здесь?

– Происходит что-то странное, – натянуто сказала жрица. – И мне это не нравится.

– Что с Крисом? – снова спросила я и снова почувствовала угол тревоги, грозившей перерасти в панику. Последнее что я видела, это как Оуэна били, как заламывали руки и волокли куда-то.

Висках продолжало стучать.

– Он в темнице, – ответила Аннабэль.

– Он... Он...

«Он жив?» – Хотела спросить я. – «Он это ещё он, или жрицы превратили его разум в кашу?» Но произнести это вслух не смогла. Нянька считала, что плохими словами можно накликать беду. Я всегда смеялась над её суевериями, а вот сейчас испугалась. Глупо, но иногда мы не властны над своими страхами.

– Его уже допросили, – скупно сказала она. – Я сама хотела, но... Наши так торопились. Она замолчала, глядя куда-то поверх моего плеча.

– Пожалуйста, – попросила я, – Потом можете с десяток раз повторить, что вы меня предупреждали. Пусть так. Вы можете, даже отписать папеньке и посетовать на недостойное поведение невесты вашего племянника. Все, что хотите, а сейчас просто скажите.

– А вы не задумывались, что иногда сказать что-то не так просто?

Я продолжала смотреть на серую жрицу, и она стала сухо излагать факты:

– Сегодня днём после того, как Академикум лёг на обратный курс, посвященная жрица Эльза с высочайшего разрешения считала память того, кто называет себя бароном Оуэном.

Девы, эта пауза, как жизнь, которая неизменно приводит к смерти.

– И теперь Эльза бросается на стены в одной из допросных, очень стараясь разбить голову в кровь. Она бормочет что-то о железных птицах в небе. О норах, изрывших землю, о металлических червях, ползающих по ним, и нутро этих червей наполнено людьми. Об оживающих картинках на стенах домов, которые говорят, что человеку есть, пить, делать. Она рассказала много ужасов...

– Что с Крисом?

– Чем не идеальные доказательства его происхождения? Тиэра полна железных чудовищ и других непотребств. Никто теперь не усомнится...

– Что с Крисом? – повысила голос я, и схватилась за голову, висках по-прежнему стучало.

– А что с ним? – Она пристально посмотрела на меня. – Сидит в камере, зубы скалит, иногда харкает кровью, но сейчас уже не очень сильно.

Я выдохнула и закрыла глаза, вознося благодарственную молитву Девам.

– А вы, леди Астер, не хотите спросить, почему после считывания, сошла с ума жрица, а не подозреваемый?

– Уверена, вы мне расскажите. Остальные тоже задаются этим вопросом?

– И не только задаются, они уже нашли ответ. Он звучит просто: от вырожденков с Тиэры всего можно ожидать.

– Но вам этот ответ не нравится? – Я открыла глаза.

– Он неверен. – Мы смотрели друг на друга. – Уверена, они тоже поймут это, но будет уже поздно.

– Что поймут?

– Ивидель, вам нехорошо? Вы плохо выглядите? И видимо, плохо соображаете, раз сами не вспомнили о роде, которого жрицам нельзя было читать.

– О Муньерах Сьерра? – спросила я, пропустив ее слова о моем внешнем виде мимо ушей. – При чем здесь Муньеры? Их запретил читать еще первый князь, в знак доверия к старому роду...

– Ивидель, не смешите меня и того самого первого князя. Ни один правитель в здравом уме не пошел бы на такое, – со злостью сказала серая. – Князь вынужден был дать им эту привилегию, понимаете? Вынужден, он хотел сохранить лицо, хотел защитить нас. Нет, вижу вы до сих пор не понимаете. Или не хотите понимать. – Женщина осуждающе покачала головой. – Жрицы просто не могли читать Муньеров, пусть не всех, а только тех, кто отмечен даром, но каждая из нас, что пыталась проникнуть в разум полуночного волка, погибала. Жаль что всеобщая история этого не сохранила. Род мертв и все решили, что можно забыть...

– По-моему о них достаточно говорят. – Я сделала шаг, ощутив ногами едва уловимую вибрацию. Остров двигался.

– Байки, сплетни, слухи, обросшие за сколько лет невысказанными выдумками и превратилась в легенды. И только жрицы изучают историю этого рода. Бегло, нехотя, но изучают. Когда училась, я считала это полной глупостью – читать о несвежих покойниках.

– Не думаете же вы, что Крис на самом деле Муньер? – я рассмеялась, но тут же оборвала смех, так как боль висках усилилась. – Это глупо. И невозможно. – я вспомнила о несметном богатстве старого рода, и о том, как Крис рассказывал про свой единственный плащ и про то, чем был вынужден заниматься. – И все это только потому, что та жрица заболела?

– Конечно, думать о том, что он с Тиэры проще, чем вспоминать старые байки и предполагать, что один из полуночных волков вернулся.

– Но он же коснулся стены зале стихий. Артефакты не ошибаются. Он не с Тиэры, и он не Муньер.

– Неужели? – Жрица подняла бровь. – Напомните мне девиз этого старого рода.

– «Не хочу быть собой». – Послушно повторила я, не понимая, зачем она все это рассказывает. Не понимая, кто же Крис на самом деле, потому что этот упрямый рыцарь этого так и не сказал.

– Одна из трактовок с языка единой Эры. Есть еще несколько, на выбор, так сказать: «не могу быть собой». Или «могу не быть собой». Или... – Она все также внимательно смотрела, словно надеюсь найти ответ на моем лице. – «Могу быть тобой». Знаете, почему их боялись не только жрицы, но все остальные?

Я не ответила. Ненавидеть их могли по сотне причин, от богатства до цвета волос, как ненавидели нас.

– Потому что они могли менять тело. Ненадолго могли становиться кем-то другим.

Представляете, живёт какой-нибудь Джек и не тужит. А потом вдруг встречает Муньера, и тот... Как бы это сказать, берет поносить его тело, всего на 5 минут, как костюм в лавке проката. Но на эти пять минут пришелец получает над тобой полную власть. Он может убить, проклясть, выйти в гостиную в неглиже, или спрыгнуть с крыши. Говорили, не зли Муньера, иначе он встанет на твое место. Девы, как же их ненавидели! Как боялись! Даже старые книги пропитаны этой ненавистью. – Она внимательно посмотрела на меня. – Ну, почему же вы все ещё молчите? А где крики, что это невозможно? Где уверения, что я сошла с ума?

Я пошатнулась и в панике схватилась за родной столбик кровати. Я не могла ответить, не могла кричать. Меня испугали не ее слова, меня напугали собственные воспоминания, что отдавались в такт ударам молоточков висках, и голос раз за разом повторявший: «Тень демона. Тень демона...»

И еще вопрос, который задала я сама: «Крис, ты демон?»

– Богини защищают наши разумы от вторжения... – начала я, но она перебила:

– Расскажите это тем, кто имел счастье познакомиться с полуночными волками поближе. Не все из них были опасны, отнюдь нет. К примеру, верховная Гвиневер совершенно не обладала силой рода. Это как с магией, ребенок со способностями появляется раз в пятьдесят лет, но...

Их все равно боялись, особенно жрицы. Род был истреблён. И забыт. А зря.

– И вы думаете, что Крис... Что он Муньер, который вселился или что там происходит, в тело Оуэна? Что он вынул настоящего барона, как вынимают жемчуг из резной шкатулки, и заменил собой, как аквамарин? Вы в архиве пересидели? Попросите у государя отпуск и езжайте к морю.

– Снова грубите, Ивидель? – Совсем не обиделась на мою подначку баронесса. – Может, я и пересидела в архиве, но как-то уж очень все сходится. Муньер в теле Оуэна, звучит как бред, но многое объясняет. Например, охлаждение старого барона к сыну, и стену в зале стихий, и сумасшествие Элизы...

– Вы сказали, герцоги Сьерра могли занимать тело на несколько минут, так? А Крис такой, сколько я его знаю. И еще, – Я выпрямилась. – Он точно не маг, а вы сами сказали, что не все из них опасны для жриц, только те, что обладали силой. Вы сами себе противоречите.

– Я не специалист по Муньерам, – Жрица дернула плечом, – Может, его настоящее тело мертво? А может, мертв настоящий барон...

– То есть, вы ничего не знаете. Лишь рассказываете сказки.

– Да, – печально ответила она. – Но эти сказки лучше, чем то, в чем уверены остальные.

Муньеры жили на Аэре, только на Аэре, и ни один из них не остался по ту сторону Разлома.

– Тогда почему вы говорите это мне? Скажите остальным! Скажите, что он не с Тиэры. Может, ваша Элиза успокоится и расскажет что-то ещё...

– Элиза час назад умерла. Взяла нож для писем и решила вырезать картинки из своей головы, повторяя, что их слишком много, что она не может этого выносить. – Жрица подошла к окну, а я продолжала стоять у кровати, сердце билось сумасшедшее. Краем глаза я видела собственное отражение в зеркале, видела тоненькую растрёпанную и дрожащую девушку. – А рассказываю я это потому, что все это вертится вокруг вас. Все это началось с вас. Я не хочу вас обвинять, но...

– Но обвиняете. – Я помассировала виски, стук не прекращался. – Как обвиняли Криса самого первого дня. Допустим, он Муньер...

– Вот именно, допустим. – Она вздохнула и с кривой усмешкой продолжила: – Вряд ли кто-то будет разбираться. Но если и будет, вряд ли барон доживёт до этого счастливого мига. – Баронесса замолчала, а потом вдруг попросила – Помогите мне, Ивидель. Помогите понять, что происходит. Вспомните, с чего все началось, каждую деталь, мелочь, разговор, слово, ощущение, предчувствие – что угодно.

– А вы поможете мне? – Я опустила руки. – Скажите остальным, что он не с Тиэры? Помогите спасти Криса?

– Ивидель, остров чуть не оказался в Разломе. Все напуганы. Им нужен виновный. Нужен чужак, что покушался на все, что у них есть, на наш мир. И даже если я права, уже поздно...

– Поздно? – спросила я, чувствуя, как холодеют пальцы.

– А ты не слышишь? – Она снова бросила быстрый взгляд в окно. – Не слышишь стук? Это сооружают виселицу.

– Что? – Я в два шага преодолела расстояние до окна. За стёклами был лишь ночной мрак. Мрак и стук, что болью отдавался в голове.

– На площади у атриума, отсюда не видно но... Слышно.

– Мы должны остановить казнь! Мы должны рассказать, даже если вы ошибаетесь, и он не...

– Это ничего не изменит, – перебила она.

– Ну почему?

– Приказ князя! И отменить может только...

– И отменить его могу только я.

Мы со жрицей развернулись. Он стоял у самых дверей, и прежде чем они бесшумно захлопнулись за спиной высокого мужчины, я успела разглядеть взволнованное лицо Гэли.

– Выйди, – скомандовал князь серой жрице, как несколько минут назад сама баронесса подруге.

– Но, милорд...

Чужая, показавшаяся тяжелой сила разлилась в комнате, заставив нас с Аннабэль склонить голову.

– Прочь, – едва слышно прошептала он, и женщина торопливо вышла.

– Милорд... – Начала я, а он сделал всего лишь шаг, схватил меня за подбородок и заставил поднять лицо к свету, заглядывая в глаза. Пристально и требовательно.

– Что этот дурак сделал?

– Милорд, я рада, что вы не пострадали, – тихо сказала я, чувствуя прикосновение жёстких пальцев.

– А я-то как рад. – Он продолжал смотреть сквозь прорези маски, сейчас показавшейся мне особенно злобещей. Я впервые видела его так близко. – Такие, как он, всегда все портят и даже не понимают этого. – Глаза князя потемнели от гнева, на скулах заходили желваки, – Если бы я не отдал приказ о его казни раньше, то сделал бы это сейчас.

– Милорд прошу. – Мой голос задрожал. – Он ничего не сделал, он не... не... Он не покушался на мою честь, – все-таки нашла в себе силы произнести я, и едва не расплакалась, так донельзя фальшиво прозвучали слова.

– Честь? – спросил князь и рассмеялся, маска шевельнулась. – Все всегда сводится к чести. Вашу честь и все, что с ней связано, он может забрать с потрохами. Я говорю не об этом... – мужчина отпустил меня, стремительно подошел к окну. И, обращаясь к кому-то, возможно, ко тьме за стёклами, проговорил: – Ты был прав самого начала. Не надо было с ними заигрывать.

– Милорд?

– Этот Муньер все испортил! Снова! – он стукнул кулаком по подоконнику.

– Так это правда? – спросила я, чувствуя, как холод нехорошего предчувствия ледяными пальцами касается затылка.

Все, что говорила жрица, было всего лишь домыслами, как она сама заметила, байками и сказками. Глупыми идеями, за которые хватаешься, когда ничего другого не остается. А вот то, что говорил сейчас князь, говорил, как о свершившемся факте... Между их словами была большая разница, как между словами учителя и ученика. Ученик предполагал, а учитель знал точно.

– Но как такое может быть? Когда вы узнали? Откуда?

– Не твое дело. Считай с того мига, как его коснулись мои зерна познания. С той минуты, как рухнули перекрытия, а вот откуда знаешь ты? – он обернулся.

– Ми-милорд, – я запнулась. – Мне сказала Аннабэль.

– Аннабэль? – кажется, он удивился, а потом нахмурился, о чем-то сосредоточено размышляя.

– Но раз это правда, раз Крис не с Тиэры, за что его казнить? – не выдержав, прервала молчание я.

– Он умрет, независимо от имени, которое носит и на которое имеет право, потому что обнажил оружие против своего государя.

– Я тоже.

– Хочешь в соседнюю петлю? – вкрадчиво спросил князь, снова окружая себя ледяным спокойствием.

А молотки продолжали стучать, но сквозь этот монотонный, причиняющий физическую боль стук, донесся еще один звук. Выкрик, словно кто-то в коридоре повысил голос, а потом снова замолк.

– Государь, – произнесла я, слезы вскипели в глазах и обожгли кожу. – Прошу вас... – У меня подогнулись колени. Я позволила им подогнуться. Умолять лучше снизу. – Неужели он заслуживает лишь смерти?

– Даже так? – усмехнулся князь, разглядывая меня с каким-то странным интересом, и вдруг добавил: – Ничего не меняется в этом мире. Никто никогда не доверяя волку. Никто кроме змея. Он один верил ему настолько, что доверил самое дорогое. А на что ты готова, чтобы сохранить ему жизнь? – спросил он презрительно, и сам себе ответил: – Не трудись, я знаю, что ты скажешь. Уже слышал.

Я молчала, кусая губы в кровь и всхлипывая. Откуда он знает? Что он слышал? Все эти вопросы могли подождать, важным сейчас было другое.

– А может, сделать все проще? – спросил он куда-то в пространство. В коридоре снова раздался шум, кто-то кого-то в чем-то убеждал, а может, читал молитвы. Надеюсь, что не «за упокой», потому что по заунывному тону очень похоже. – Ведь спрашивать ее согласия не обязательно... Но тогда я потеряю силу первого змея. – Он сделал шаг, потом второй. Я опустила голову, разглядывая мужские сапоги. – Я могу отменить казнь, – произнес мужчина, останавливаясь напротив. – Тем более, что ничего от этого не выиграю, лишь получу отсрочку и моральное удовлетворение. Убивать Муньера бесполезно. Не этот, так другой рано или поздно вернется. Ищи его потом по чужим телам.

– Что я должна сделать? – едва слышно спросила я.

Спросила, потому что мне нужен был именно этот. Мне нужен был Крис, как бы его не называли остальные.

– Всего лишь сказать мне «да», – ответил он, и я подняла голову, чтобы увидеть его лицо, пусть и скрытое черной маской. Увидела, но мужчина смотрел не на меня, а на дверь, за которой кто-то крикнул, что ему необходимо видеть князя. – Только не думай, что я прошу твоей руки. Не разочаровывай меня. Я хочу получить от тебя подписанный, но не заполненный вексель. Однажды я порошу об одолжении. Может быть завтра, а может быть через год или два, а может быть никогда. И что бы я ни попросил, ты ответишь «да». Ты исполнишь мою просьбу, в чем бы она ни заключалась.

Отлично, еще одно обещание, еще один обет, как тогда с богинями. Я так искусно умею предавать, что обязательства находят меня сами. Я бы рассмеялась, если бы не боялась расплакаться в голос, как дочка прачки, у которой на реке увели белье.

– Но милорд, вы же можете...

Шум за дверью стал громче, голоса приблизились. Я отчетливо различила сухой тон Аннабэль Криэ Стентон, которая, кого-то отчитывала.

– Приказать? Да, могу, – он поправил манжеты черного сюртука и не стал ничего объяснять. – Так вы согласны или...

Дверь распахнулась, прерывая князя.

– Го-го-государь, простите, – сказал тот рыцарь – старшекурсник, что еще недавно наставлял метатель на Крису. Он все еще был напуган. Сейчас он боялся того, что осмелился войти сюда без высочайшего разрешения. Боялся того, что ему пришлось прервать князя, чем бы тот тут не занимался. Он боялся того, что происходило в комнате. Боялся того, что происходило на

острове, даже меня, сидящую на полу, опасался. Но больше всего он боялся того, что собирался сказать.

И все же сказал, открыл рот, невзирая на тяжелую прижимающую к земле силу и произнес почти не запинаясь:

– Гос-с-сударь, он сбежал.

– Что?

– Агент Тиэры, тот рыцарь первокурсник, – парень бросил опасливый взгляд на меня. – Десять минут назад.

– Куда смотрел Лео?

– Серый рыцарь успел задеть беглеца, там повсюду кровь. Но сейчас он сам без сознания, хотя видимых повреждений нет. Милорд, подранок далеко не уйдет, мы уже оповестили...

– Сам бы он не выбрался. Кто-то ему помог. – Князь тоже посмотрел на меня. И был вынужден отвести взгляд. Потому что, когда Крис сбежал, я была здесь, стояла на коленях, вымаливая прощение для рыцаря... как всегда тому совершенно ненужное.

«Дай же мне убить дракона» – сказал Оуэн.

– Железную тварь проверили первым делом, – зачистил парень. – Она в клетке, там неотлучно дежурит магистр Игри.

– Немедленно поднять рыцарей. Всех: от учителей до первого курса. Это остров, – Князь прошел мимо меня. – С него невозможно сбежать. Обыскать каждый уголок, каждую комнату, каждый чулан, закуток, заглянуть под каждую кровать. Академикум не причалит ни к одной вышке, пока мы не найдем беглеца. – Князь в сопровождении парня вышел из комнаты.

– Милорд, позволен ли мне будет напомнить, что нас ждут в Трейди, наверняка, снарядили дирижабль, и как только остров... – услышала я удаляющийся голос Аннабэль Криэ.

– А мне без разницы кто и где нас ждет. Мы меняем курс, Академикум идет в Запретный город. Никто не покинет остров, пока не будет найден тот, кто называет себя бароном Оуэном...

Голоса затихли. Дыхание слетело с губ тихим всхлипом. Я закрыла лицо руками и расплакалась, уже не стараясь сдерживаться.

– Спасибо, – невпопад шептала я, не особо понимая к кому обращаюсь. – Спасибо.

– Иви! – В комнату заглянула Гэли. – Иви, что случилось? Что происходит? Почему ты плачешь? Если князь позволил себе...

– То что? – проявила я любопытство.

– Не знаю, – она села рядом и протянула платок. – Но обязательно что-нибудь придумаю.

Пожалуюсь папеньке. И Миле.

– Это серьезно, – я вытерла слезы. – Князю точно стоит опасаться вашу домоправительницу.

– Давай приведем тебя в порядок, а то на привидение похожа, – подруга встала и протянула мне руку. – Кстати, нам разрешили вернуться в свои спальни, правда вещи перетаскивать никто не торопится, скорее всего, потому, что на этот раз добровольных помощников не предвидится.

Герцогиня визжит и топает ногами... – Голос подруги звучал успокаивающе, возвращая меня из душевного хаоса в хаос реальный. Но у меня хотя бы появилась опора под ногами. Я даже улыбнулась, пусть через силу, но все же. Поднялась с пола и поняла, что молоточки стихли.

– Но их придется перетаскивать все равно. Утром сходим за твоими.

– Утром... – эхом отозвалась я.

– Для начала переоденем тебя и расчешем, – она открыла сундук, рассматривая оставшиеся в нем вещи. – Сейчас...

– А сейчас ты сбежал. Ты где-то там, – прошептала я, подошла к окну и коснулась пальцами стекла.

– Ты что-то сказала? – спросила Гэли.

– Нет, – я продолжала смотреть во тьму. – Я ничего не говорила. – И тихо добавила: – А даже если скажу, меня не будут слушать.

Казнь не отменена, всего лишь отложена. И князь прав, это остров. Я сама думала об этом, когда увидела, как пытается бежать железнорукий. Рано или поздно Оуэна поймают и с почестями отведут на виселицу.

Гэли разложила на кровати сорочку, словно примерная горничная, а потом хихикнула. Я начала расстегивать грязное платье, получалось легко, даже слишком, половины пуговиц не было, а шнуровка, которую завязал Крис... Я замерла от воспоминаний заалели щеки. Это вам не рассказ матушки, о походе на ярмарку под руку с неподходящим парнем, это... Я подняла руку.

Ленточка все еще был там, грязная, истрепанная, но была. Ухватив за кончик, я развязала узелок и стала разматывать ленту. Никакое это не кольцо. Я перевернула ладонь. Трех, словно поставленных хной, точек на коже больше не было. Лишь покрасневшая кожа.

«Только мы будем знать» – сказал Оуэн.

«Что он сделал?» – спросил князь.

Нет, об этом я пока думать не буду.

Серая права, разбираться демон он, Муньер или выходец с Тиэры никто не будет. Сперва его казнят, а потом начнут задавать вопросы. И то шепотом в тишине кабинетов, тщательно следя, чтобы этот шепот не услышали. Признавать ошибки не любит никто. Удавить по-тихому или по-быстрому – это надо сделать девизом.

– Давай, – подруга помогла мне выпутаться из юбок, а потом в задумчивости посмотрела на тряпку, в которую превратилось некогда красивое платье.

– Выброси, – попросила я.

– А это? – она указала на ленту в моей руке.

– И это тоже, – ответила я, а потом, повинувшись порыву, скомкала ленточку в кулаке и добавила:

– Я сама. Потом.

– Девы, что с твоими руками? – сплеснула руками Гэли.

– Ничего, просто поздоровалась за руку с огнем, как любила говорить бабушка Астер. Заживет.

– Ты какая-то странная, – покачала головой подруга. – Словно сама не своя.

Вот именно, не своя. А чья?

Криса казнят. Если только...

Если только не найдут настоящего пришельца с Тиэры. Найдут с помпой и шумом, с доказательствами. Будет особенно здорово, если он при этом будет повторять: «Здравствуйте, я с Тиэры. Как тут погода? Как богини? Конец света еще не начался? А то, я боялся опоздать». А железная кошка, повинувшись одному взмаху руки, станцует для магистров.

– И никакой тишины, – прошептала я. – Это же остров. Никто не покинет его, пока я тебя не найду. Приказ князя, между прочим.

Конец второй книги

15 марта 2019 года

Ярославль

Примечания

1

Серая найка – птица, водится в прибрежных провинциях, ее крик по поверьям предвещает несчастье.

2

Ивидель вспоминает события произошедшие в книге «Габель первокурсницы».

3

Посвящение – один из трех факультетов Академикума, там где проходят обучение жрицы.

4

Академикум состоит из трех факультетов: Магиус (маги), Орден (рыцари), Посвящение (жрицы).

5

Врата демонов, или Последний перевал – горный перевал через который, после договора, заключенного Первым Змеем, на равнину попадают демоны (см. книгу Табель первокурсницы)

6

Б'кыр – уважительное отношение к женщине, принятое на Верхних островах.

7

Хиус – резкий, холодный, зимний, внезапно поднимающийся ветер, сопровождающийся выпадением снега и сильным морозом.

8

Эо – одна из лун Аэры. У Эры три луны, еще называемые глазами Дев: Эо, Кэро и Иро.

9

Врата демонов, или Последний перевал – горный перевал через который, после договора, заключенного Первым Змеем, на равнину попадают демоны (см. книгу Табель первокурсницы)

10

Б'Астером – по законам Аэры буква «Б» в фамилии означает «бастард», но признанный бастард.

11

Кнехт – двойной металлический столбик на пристани или судне, к которому крепятся швартовы.

/9j/4AAQSkZJRgABAQEASABIAAD/2wBDAAoHBwgHBgoICAgLCgoLDhgQDg0NDh0VFhEYIx8l
JCIfliEmKzcvJik0KSEiMEEeXNDk7Pj4+JS5ESUM8SDc9Pjv/2wBDAAQoLCw4NDhwQEBw7KCIo
Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozv/wAAR
CALQAFIDASIAAhEBAxEB/8QAGwAAAQUBAQAAAAAAAAAAAAAAAAABAECaWUGAAf/xABPEAAB
AwIE
AwQHBACDCgYDAAMBAIDBBEFEiExBkFREyJhcRQygZGhscEHI0LRFTNScPh8DZidBYkNUNT
gpKywvEINFRjk6JEZIMmRVX/xAAZAQADAQEBAAAAAAAAAAAAAAAAAAQIDBAX/xAAEQEBAAI
C
AgEDAwmFAQEAAAAAAAAQIRITEDEKEEIIETMmEjM3EUNEKbkUNS/9oADAMBAAIRAxEAPwDeNkB
Z 4pRJqAUDHOezBThPdwsIK67itI36b7qUPafEoJkgebgEBSCQW1Nk9osESSAAkaHwQIRMxOb8
fFdJcaFCyP1GqNnImbJqNbohOgQbHXOw1RLHEC6m07DnOOIOic1wadD4gqKQkm4trolbyC
NjSZkha462U4N+aDYSXEophVJsOaB2p8lNbtZNI5TfTRSWPIq4yphFuS7KbbJ1k8PAYQRdB
IspOp2SdUuvVNJ01QZpdYJnagFRTyWCngw1tVC2ZIQH8i3ZAI6UOdcCwK6/O6jqYW0UjY+1
L3OF9rABPh76AdlNrpuynecrdFDfROA1xSb6pTYg6pPYgGOHO6bZp9bQKYRkpHRW1KYCPIuU
PI6zbByJms0IeGlmr5jFCLW9Zx2ajZhM9325LdpGp1CuRwvHbWrfn8GiyFk4drInkiaJzNy
4m1gj2g3FcWArnR6bJ7R3iAcwHPqnaJmHMfOyaYSNEWGjokyA8kAPFETexAsL6qUDwU4ivu
ndgRyS2SjJeVIOQLWSCMgc7hLa+iA5wudSuDPJdbRPaLkHkgjcmqeIyXbKZsY3CkawXuQIsI
2x93Vc5gLbWF+qnyjIumW8UBCOEWCHlpsWkt1J517LfdPbCTrZGwoSx7HEWLFbMEJebALRO
phJo8XOySLDGteHA28LJ+x7UsdC4kXbzU81DJBYOHktAynDNTbTwTnxRvbq17FtmOytsCpI4
rK3kp2a6Jggu6wZ8E9nsPF3Gkbt7pzWm6MbG23qhcYxfRLZbDNBapBpY23Tiy5XFpBQCk5js
kK6xG64oDgFxbouB2ul8EBHIHUr/wBnxXJ7DPMY0xi91zGMDhfXpquo2OlhBLgo3lzKnJdc
s4dl7WUJaLCwAU4AKBY4teWuI06lhktraqts7Exgjse6b8kBU9yXL0F0aJwN0BWvvUD90IE
dG919CEax2m6r473GqOjIsinYVxvzTDJIHjLz2unP201TW+sL9LIgOa8h1jy3RTJHW3QzLF2
qKY0DlsmmiaUuLnX5A1ggXUFI2zn+xE2WkY5dmWSOFj4KQjViddk0oj7Ux2yI06jknm6oNW1
jrNJV7h0fZYfAw6HLc+3VUU0fbzthH43AK4xGo9FbTBumaZrfYilQOPNyVMEvUFvu/7pkElh
ujMeZejbJ+w8H36KspHMkkbG95ZmNgbXROhOhjpc2hTHPH9FS1NKyijEks9wTYAN3+KipIGV
2YRzlrmi5BajZ7J2gCQyhNnpsIW2likMkx1tIsAPE3RBwlzGgy1TGeYT3BuGmMgimDIC1JHh
ReLsqmPHUD+aFlilikdGH5y3Qm1kiC1T3AGyu6CJmHYV2rxY5TI8+xUpHazxx8nvA+Kt+IZey
waUDQvsw6o/ki/gVikAsq6vHYZ+0d2j5Rz2F9vKy0PEeIdnG2iiPekF3+A6e1VmAU7IpZcQm
/V0zdD1J/r4oKpqXVFRJPe883T1yeuUkPqjkpA9EYZhU2Ix9oXdIEDobXufBGT8Ou7Iupqn
tHD8Lhv7U9w9xWdoANuYXUUmH0DK+R0HbuhmjHeY5m2vmoq+n/R9b6O6UvGUOJDUBG0okapm
TC9tFK/CY4qIVb6y0ZaHD7vXX2puHYZJWgy5iyHYOI1cluFt3aNIUb3C5sNUdPgjhGXU8+dw
/CRv7UJQU09cXD9W1hs4uHPolsbiMHqFMzU3RbMJh7TsvTG14/CAL+66SooY6PL945zn3tpZ
GxuG5WiAyF1rck13EQ45ezA6XciyMsD3DcDRVdPERI5wcBbU3O4QcWEVS6QaRhx8HKVzhGR2
jgcN73HldDxNp6ixy5X9RofglhIjBaJM4ts7Q+8KdqsgNY02Ldt1O1oy6Kvpxn19mkxy
WGANx9byVICGvbdp8CDuE0XhzRZc6cRbgnvAU2UBqjLY3MIP/ZBB3VzidrJWzt5u1Ka5oBs4
A3TbNsSYx7EBOJmW0sm9qy5soe6NhZK0NvqAgHiQXtbRKCSL3CUiOyY4G17khMHjTfdI4C+m
qjBPNKHaoMryHWPTdJbmuOm6cEwaG9U4NTiL629y4NsNEAmX+78VydR1XJBiabEHMGaACj9I
zS5r3JtzQMJPZNB0+ycC98lmt16lcUu+XpXGSrqGQ6c0Wx1xc7ckHTRuyDNoel7onJUNZZuX
2hXKxsLI+3PTohXvvKNeS6R72nLI0tPXkoXO+9Iv4qpRobCCXalHRizUNFG1rWPDrlw1tsEW
0GydRUBwd7c0rfFJcP+uq4G1x4JQHMP3iKYg4nd7RFs1GitNG0mrna8giBvqUNSBv9iJFz
stJ0wy7cmlOTT4pkQhDzmwKnLkLUu7pQDslJfUGMxN7RoJD7a2QvEsx7eCNp1YC7+vcisEj
vJPMfBo+Z+iq6Cjr5A6QgvjPeLXa+RS+S+Tq4ek4TIRrmjzD5rNUb/86h/fb81rYxE+nDYi
0x5coynSyx9K0x4hHGd2ygfPE402K0UIdAyOORc117uUWfYbLRSvfJKx4c23dUXEd/Q4rH
/WfRC8NX9Jmfv1B80vgfAhszLuKJA82zsDQfGwQvEXaCtYTFIwD3pfmoMbH/AItKbm9m/IK0
ia2qwmPxB/d3D7agXsCn1yEfDRzRVHg5vyKENH+dzfvn5qwwOmfSmojfYglpa4bOGuoQUjb1
c375+aJ2J2jpmf8AiFOeWcFrixGHxDrJ9CoGax1ML+QeCjeI2A0UMjhdsczS7yRex8q6rgl
ioKXCqdmeZ7e0lANr/19FS1kFTRSBk8Toy7a/NXPENO5k7cThqQc5aGtG4sNwrLEomYhgImk
aA9rGyg22O5RvR70Zi8jsM4dbFEcriGxgjl1+qp+FquSPFBTlxLJmm4J5jX81bcVtzYbHbht
R8iqPAY7Y5TW11d/yIE6kdL+KnEPFkr2gASwZj53A+irsahfU8SR07N3taPIa3Vy7+0cZ/8A
1jf/Algh6h0VNxAkiQXLw2FngTe5+XvSIKVXY/WXqWUEYIjhaFuptorTFXOOmFEMNwdIxbpz

VfxJTtPEaeptpJYHzB/JH8R6UcZ5Z/oUfg/wruHJpl68wknJI06eIWiki09PLIwAGxfOyzG
COvjMNtrO+RWplAliliB1LCCPNGXZXtmKCQUR4nfiLxcq6xTWSEW6/RUGGX9Ohv+2FocRZmk
h12v9E72d7QmHtaZ7djbVQia2Q35q+Z3Ii42IAuqefs+2zDM1pOnNI8TGstYgAEfFS9o4sy
uOnXmm52E3FzrspYojNq8AN3Sq9ndgJmEkC5Ia0jkiIo5Y5LvcTpbMNM3/ZLGAHh1rBos0fV
Oe/tXho0AGt+RU7KkFQ5rxmcsNIi5xJ0AAQ8fZmcxTAZjcDXdG5Q0AXVoocvOocAbDmmF8Tx
cAtKfLHmBsAoMpaNQGfI1Tr7EppeW2Frpme5uUzTXDRtdcJM2gCiLyW6A+1dE4t3KBpNoEmh
K7OLeHmoXOJN2aEer4oCYhKAlaCWgne2qdbRMO5JV1hfQJQNUgbfwXJ1lyCeeCEGFrqxddR5
rqJoMmYg+F1PQ1VNikAje0Uk9ic7R92629xu1S0+HVcbrGO7T6rwbtd5HmuKYWPRucvawhOi
MiOv1QsNFUtAGQn2qYQzR3JY4exXqsbpLVQRSRFzt1nZnZKt4to0gA+xWtVL2eVrr2J3VFXP
JrZcrSBcXN9DpoiVeEXFHO0kAkEnkreOxWSgks4HUK1gxKSJlt9OaPYZYfgfWaAXPO11FC8H
u5tQEBU1jpdXGwJXQzqOB5uFiU5dl62D45gHaFgXtA26qklu7eyOhffn/JVsrivqMtOZ2bp
yRF0Bhby8S66iyPoi1x6cmXFddMOicdEw6qiNJ0QISSRsi9bEWUtIQQ7KHW5FAF4XCYaFtxY
uJcVT0OIR0zqozxOc+V19Oe+iOOIVQ0aGf8ACgpo+3k7RzGtd8otdKQaHcPk+guZya82VVU
wGLiAi1gZWuHtsUdHV1FOwRxNja0cg1NdVzvlbK5kRe3Y5dQn8gTxA3NSR/vRC8PNtUzG34
B806WsqJ2FkjY3N6FqbBUzUrcsTY233OXUo+ND4D4tE6XGXTaNXZQPcEdjThBQw0rLWJGngF
Ca2Z0wldHCZBs4t1UdTTJWSB8trgWFkBY4PVPqY5A5jGNZYNAwWAQDxaql/fPzSwVkl1KzJCY
NoO5y6lc6UyvL3NaCd8otdANIF2XHJW0DMUwwsJ1e2x8HBVjhmGyjimnpJC6F1r7OxQdiCP
h2tfUZJA1sYPr3vp4K4xmVILhLoW7vAjY0dP+ygdjU+X9SwHrq+eWWqkzynMeXQ15vZcl1v
UZxbAW9mLyWDgPEbj5oDh/D5m1xqZonMbG0gZha5KbSVNTQuPZkOYd2nZFSYrVTMYRtZGTuR
qUcjVSU9QKjiaBjQ2KHJfxuLoHiKqMdY6DsWuOvr433sWHw9yfSyzUYIiZECd3FtyV1XJW2
M0UTi3Y5bG3vRINDMwAK/AmVLR3mhsq+qkq2fpXBWvi1cQHAeI3Cr24IVsiELWQiMDLlyaWT
KOSqKNzjGG5HG5jtoPJGhpLgGHysrH1MkbnNY2zctwclGU9aH49MwG7HNyDzH9FQy4tUTMLW
NbHcakh+xRUFDM6ZkzdGsfqbpX+R/10dO2LFcoA01008VaVzC6SIg2sD9EK51qt8zGtcS7Qk
XRbHyTtBeB7kUnQtOXX5two5MOY5jyAbHUNPIoxjB/gkNs9ZsbiC036Kdklx4dFY1NJHK0u
A7yqJi+F2XJlt1R2uXYszADqfBMbN2feJ33KBbMSbudzUzX5rEqNbFRYUqiISU7TtJe4Pi
URhtUKlhZIQJW6W6oZshe7+6NvNndG5pZVRGzwTcdQjGllit3R67aJnYAqIYi0utYubptvqj
QLK2XQCojEYFhcnohgx5PQImuna05W6uHwQrWPkaC5x1T2uFs1vrPA9qaJoASM59yU0w63Sd
iwXR9HymjJZ2jpbA9Qos8UgyslZIT+EHVTSPa+Isc0aiyqqmjdHaSPluRyStipNr1g7jflb
pdLITCqiepgPbRkBsHn8SOItyVRneKanBpPsTVK19tBsgkOt9iuUheb+ouQGIlwyGY9pF91
IBoWjdRR1VVh/wB2Xdx27LXY72clpQGodsWh8YB11zKlxNrlqqzLFoOixy1jdR1y7uqJonvr
TnpHEKc5ik0cPI8wpiuGUt7VkbidGOIF/ddVjfsqciaMmIsBAaNvYmnHZPTz6REypYD3cws
4eR+hT4TcbvhYzVtNhs62ma//dyu9ioMTp8laZWHNfLRg7bYWII6rXU0sNXTfc2kiIuYpB3m
eX9WVNjtE6OkD4md1rwXW5BTID8eX3aUsQJNw1xtuitcl9/IqXDow6IZjqSrN9Mxt2FoJt71
i3uUIZ6R5uA7a+6nhGgO1jdr1jBDK3JoQTzUsJtCXdD+Se+DPhdYqzqAc2+ouqSKVgcS4m2w
VtRzMLMpdbbdPZZRe4OHAzA66j6qzt/3VfgurZvNvyViRqujDpweT91MLSQmhhJUzQ0c08Fo
VINbA3LZ25UL6YD1UQDcpS0FIAvRuZSikJRZYOqXQeCNjYJ1JvsojTWVgSNezQ6WTPavMFie
qjLLbo+RgA3KHe23imAuQbrsoUhfjsm8kGjy+C4N52Tuq62iAQG2i61912UjVdrsEA0sG6TI
0DbRkkgJribFBnZQm+q643TLEa9U9g1vzKYTMC08NU58bXMDiQANyqzEcUjw+O+7zoAspWc
R1VRLq+5cbBo5JaOY7bZ01C1xBmAPRNbJTOok7D7V5xJichkLiYzhcyNI0NTLM+xkdm5AP0T
0r1enMhabO016hTMYW6AkDzWJwvFqvD3d5zpb+yRotfhWL0+I90gMeUk3GwdEOBExk6C1k5t
OAbIPyBo208EmZQXDbXwTS5oIzb+Cc08rH2pxYcKcNcH7bIerpmSN1Nj1RLWho0Slo11SG2
bkpniTLYe1SCFQQAIVfmDoVc1EQyh4jD7HUIOSWKVhHZ5SOXRvVapQ7InHW3d5gfJFMAJvbu
tCgYXbDbnyRQc11st4KLFbOpoWah7Abeqi9Ag3uLe+06hOp6gynK6wcnEWBKqn7OXOCbHWy
i7YMvmNgEbXE5WhV1RH9259wRax8Eq0x5nKEYpG+odA31mg3S+klxO11RQvtj9m7OY75K0jY
4yA72KW2lXkEic/sIOfSwABxtndHibKGdxl+7j9fooWX0DyA5r768tEhpoYGhtPGBoMo2Ti
PBNptaaM23anEErWoc066pbpNU2ziEyOzDquTmP6lcm1FWukYYc3ra5Wmx9iEdSOMJ7OZz8
uoa4bJIYyY2SyNaXO1Y9h0t4FOkE7MhjeCM2otYi+I/Fcvzy7eujx2gpzG8kgNGUnmhY6E1D
5Lt0J0J6qysWuYAAGi1wdboqM04iDIY8gubuuq40XtoNSNmiPZEOEcZ7jwbObdVWNWtnaWzN
aL6Zx6p8xyQdK5pkjuOua45rcwVDV2pJWOh7jdW2OzkbTZuizhFJBentIwNRkN22StooiQY
axj/AAfpf2rqapc+ItOrCCHRk7eXRRjh+JzR6HJPGwjR7XhzfcnuUt2d1S41BJTVjBIwNLrk
dD5KKMgUj7q7xOgnGHZalzZGwjM2Ru4tKmia0w2c7K0nfos8ppv48twDHvujogQAJXBjs
zQTIPVgwsG6hRWtanhs10E9/wBofJXJCp+GCTSTk/tgfBXLiurD9sed5f30wgBdlDrWJBTS
4jRNJPLRWguVzdpAnZpWn1mkKG5JN00mx3QE5fleYTg17tbqAOzNuSpWSm+6AV12Hvd2hA2s
U7Nfdw0UJOv80ArnknVQP12Tz3tdrKsxjGYMMjAy55CLht9vEoOTYsjQoeaqpoP1s8bPau1W
ExPieqqSQ6YtF/VZoFVjEHPO/mqaTD8vRzi2HNIHpTDfoCnsxCjee7VRk+a83kxEEDK7VSQV
tzufYg/SPTmkOAykEdQnCyw1HiUsEgLHkWWxw6pNBRrkzAO1DgOoStlh6p3sB2URZuVNbfrN

IKEIstkyU9nE5w0DQpyFXYzK6HD3vadQRoeaFTtjMdr3TvkkaT3DYf8ADcqLlS1oa06vuCed
ufvPwClqZHUqJlWncWlWlFmS4+qSSjlGr2OaG6m45f1dG9NvW1C5rshjYQxgsXuI3SCXsy2
KE5OZdsQE6RksjQ3IbA3I/aJSGjLHPeCw32I3CW4XrUoqHRgPYXEO7vecbKxw3EJGTB0L5A
5upCqS5jafLzWn+6fqup3vZMHNuLnmqT2nAsUbiOHMkd+sHdd5q0BWH4PrjK4xkgEjveK2Im
tYKdMcpqiF11AZyOSaZM/RGkHTT5NrKIVwA7w9oTJnNEZzEXVfLkbbXunpUi4gqo5gbaW6p5
9YmwKoYZyHODRyDXr8Na4OsRdGhY6enDrubo7pfQoZhlb+EgDfRGcQZM91m2ymxSvAe2wQJU
cb+37gBzHqnx0MrHA52iyjiJbIBazkW2Ujc3S0oa4G0dzrrsqqaUsklbYlwy2I0Ks8ReLRG/
M/JZ+vkJkNtrKLeWmE3A36MEWlrlqoW5WuAja67jceGyMa7sySD0QtOI3n7wENvqQle/wC+
cGEIvJLJrr8iXknvteQeVgomNe5jy0Eua4E215FddxAs72J7A/I8tBDtDcKZR00NCb0UX7qI
9iHobii1vYfVT5rreOS9kPVIUp02XHkmRl/BcnXK5AYukjnpYR2Mg7IEkwSAFjrpwxWlUd
KvD4wzk6A5XN/NFYfiGB413qSodSyn/UzaX8v5Ic4bNhs0pnhBa992EatIPJYcx2bl7Fimiq
ony4fN6QNyxuj2+bU2kzZSx7HMcN2u3CpZaaqoZjOx7onAjLrYgexWNJ9aJmjEYy6mJ2mcA
At9oRqUet1+TGPIxGoex/hpuEY0udFFOQ2RmokY4XNuRHklZTUNbVSPoarJK43MEwyuv4Hmk
fDNT00UNQxzH9oLg+d/cp1o9ynwzRUtR2Ej7ZjdrjsbrQ0VTStpWMZlXuQatva3VUksEdRH2
b2AghHoq1tI7M7MHODHbspL8uYKrG6Z5YzJfS11NUVD4mnKsBDN6r/byKzNfAKCV9MPUNYwk
bDojmxIWNpzEh43HUJag+kUkkE1nlGLWSHdptsT08Ur9ysfsqgowDIA4gA897K1bEHN7tgfF
VVOTnGb2q5h1aADfyWlpyq+4fjMvJLfnJyPgyvKBwT/AMrJ+/8AQI2RdWH7Y8/yfuprLi1
ICXIOcDbdRG4WiXFxuuvdNumE7oNKCAnCQWQ9zyXBx2QBBIG26jMv3gAICa06+KhcTmcb/i6
IGHg36LzLH8TfLUzOLrlzjqvTHHLG537IvuvHcTcXvfrzuT4IXgrJi55136p0byJLX3Qpd3
ILG6wDjy58kRcFa3U0Ljp5plPBPOW5liWuIAJcALnzRrxwqvbndQy5Ru5pzN940TPcE079jc
m/itpwvUZoJoS71CHj5H6LDQy0kdmTPljIOvcBHzWi4br4GYpGxlQ1zZbxnQg6jT42S1VZau
LalvgmlilaLsHkkLbc0nKiyVXxjUX+b5j6rGuPtVubgWQldTCrpJYCbZ2kA9CmqXlk+GMMb2
4rJ2B3asJF9bd4grTzUdHIwtfA06b2VZg9FLHAXXLTHIWPYer0Vm9cPltmTvw5gP9G0Ubrth
bfXC6ejpZYHRGNoafBEE6XCFqaqlpRaeojY7k293H2LHG3bayMXjOCz0bzJCBJEdxzcP4pM
0gblOm9l6Ieyq2FhY4tcPxRkD4hY6rwUwY56JCFkozC3IdF2eLyXrJh5PH8xd8KT9jXsG2b
QDqtVJUu8isNiUEOGPwyancMfluOY5/14rWPlzG45gLBg+025vLj63kWKt43cSINW7ZB3Ia
HHYlcMzgSBcBUxEuqC/eygncXRkak+CfCxr3EONullFM4MdlBUrt4INExpa8ZWM+xRccpawg
N1tshoWl0o7hdubXRskbexdma43Gzd0CoaKaR1S4HI0c7cz4K0BOioqMCKtDG0xJBtq71VfB
wtYpFI2dlBIOXUbFNkcb22suZIC61tOqQsJd1QQLEnns0/3j8IVVDC5uSrfEoT2DDb8X0VRM
CHDS+izy7b+PpG216AHRd2RBOgN1I13e1sPMri7vaLOtCat0sURT63Khve1ypln6noEiq+w6
5oWXN7k/NTnZDYWe9EP3nfNFWXRonJl2QLuaUjVdZMjfyuTtPFcgPEaZ5Elygmw719r3Whwj
iOroHMhLxUUpH3kM2oH7pOyoqOKSOM7TVw/mkvmfbKuWWx6mWMvb0B1fw7ikAjrrhSP2DZdA
Pp8UNV4TVUjA4s7aI7SR95v8liZBlbdhze3VHYTjNdhpb6LUvjA/1Zddh8wdFftL2y/Ts6q9
Ebi0HKHC2xN0d4tjVMDY5QainDhmY/vFovuDvooaXHsNx8B7W10QopXf6+P1HebeStZMLmjZ2
keWoiHuXG6qfwnK/GUHTxQ08jA2dhLxdjHmxKCNmu4MDMmQgHSxGqrXTut2M/30bT3WvF8v
kdwpn4i1kULWDNHH3XCYXy9CHDVPhPhYnaOyu38IcSLcrp0bWTPntqcuqghrKWqYWsfskdsQ4
6ex352RbYn07HOippHueLG2oPtUyHbrtmyHNqLvgcWudborOEwa266pppJG9k+KSMOB9ZvO
3JE4VhNZUQEVADCB6j3DfwI39qnLDfs/ea5W+BaUT9dm5+QRz0PhtI+hpnRSODiXk3CIdqVt
hNRyZ3eVREKNwFIK7ZRuVkiITCFKQU0jdBore5OsnW8E7KeiAb6oJJAzKiBjsY3Pt/vIkM5
W96Be8AublbYEhI4LrHZKGV4OuQm9r8I4itL7yauDR1K9VxrFqOmoJaZs2dxjcwHMLC4tqV5
ZXQRcS+uDj0Y0INeM4VRnjb+qbmnd+078kTsnkfBNXO74ic1jc2wc6/0BULqeitpUv8A+C31
U8DooaKSmbUDLI9rcxWsQCP+pI9CKOabtHuc8vd3X+ViNveVbU1SKOvkRl6zjbs5HMI18FV
UjqalM98wc7K5oa0gA3BGp1+Sto3YfVyb3A0gkdvd7Xi/h6p+amy2Lx1LytY6unxSX0CvD5o
KmzGTStHaQP/AAnMPWF9PapqCnjpGyt9Ec6SOcsY2NwY4kC57x2AHZUMGDZXwymuiMakaXFj
H5rA3tBL4dbIOPE218tdHch0ri+PwwDjcZfc9xbxAHNE9tFdb4aij4voo3dhL2/d0BGV494t
daWOVs8edh7q8djZURSEoy8Bpsbg6eBXpnc1S6pwkFsub2+CWNvyXkwk3FuQeijIFIKR4qM
i5VsQVV2tNDPNTnjBcA5+cE7eAWYnxvHI6qNk1BFkfY905TY7blbZhF7FuhVVVYXTSVHaPbm
sb2OwKw8mvmOrwUFXQuq8MEjZZYmvAPdOU+Sz9HhD+0MjZZIlg+1h+z+8dVr6iJooGs8NPeo
4C1rWjmsMb6uvXtENFR1ETXGad0jfw3HLxQD4S3iNsgjznsCWctRcW+IV85/cVa8uFUJGBuc
NIbceH8kt8j45ZbieU/pGCIJ70QL32/adr9AtlG0mGPrIF153HUTYtjglqiBI83IAsNBsPkv
TIowYGX3IC7cJqacPly9rsPIN9Nk4Zg3LyvfvRENYNkuWw0VsULblMqhZgdaxvuio4hmTayOz
GAjdyBOw9H3qlnQgqxn7kFy/J1NtT4DxTaWGISMIGtjqlxB4ihBLmxgn9a4XyHIYJbO81XRR
wOafnmvfm7cFzNgrwMDmtNiLjYixWdfbK2YTFxOVuWwta3XbrqtFQzRzU7ck4nc0DM8czulK
M5UjIgluu6fa1ktike9kbC57g0DUkmybMHipLaVp00cqCYgOAOPIRVVismIvLYGf5o3Z53kd
1HghpcoLC7TSywwzVlpwlk5MAFrlRuiBucJ5IhgafV115psgDXF1gpWhgjcXgHMB1RWQtvY/
BRNfl1CUVBuQ7okKsqHGKckgmNTWQwyBxJa94Bt1R8GLYfuyiKGtp5JHbNbICT7F59jDwy1m

YgG7QncM9kOJKN+UAhxAIH90rXHP4R14Zq5bei1M7KW AzSEBgIFydrn31XNqYXEWIYfJwQPE
cT58BqWRtzENDrdQDcry+SJolsW5eeirLP1R4/F7ze3r/aM/aHvC5eOGnjv6x965L9X+Gn+m
/khhkTn4ax5bdr3OANulgoHsbDO5r3AsDiHa20urvCoGw0UcZfnZES4dCN/ndVNRTsIJC4et
rqud1d0NLS7X/N5RY+4hJFCQ/K8Brh7IL6LJYmM3toug9t8+juh3CN1SaOHO4WO3XRTQ1M
9G/7maRhH7LiNUILG2aQtc7K0dhqzxCJw/FqbkJzIWS8LBnETZ9MSpRPyE0VmSD6FXGH0sV
Wx7qKrqjmsN/VvGV7fMFZHI2xDTrfopYZTFY6hw2I0srmX5Z5eL8NQ/AMgLLuifqc4GqCbTV
I9JhfHIXOeQ6RoPeAOnhyCSh4qxCjaGOeKmpPkdR7VvoqDivDawWlf6LJ+zKbA+R2Wksc+Xvj
3Nss174ARGSxzTcHUWK3OF1MlbQRTyxmORw7wItfxHghZZcEq6hjpZaZ8oPdu8XP5qxM0UbQ
XyMaOvYArY55bnRXDVRSubG3M9wa0bkm11X1nENNG50dLaeQG1we6D581USyz1Uvalz84aLi
JugCN6LHC0fUY4wSNEEWdhcA5500vqQrMtN1mQ9r6d73aWlmdkOi0VDKaiih15uaPzfRLs8s
ZJwcWkGxHsSW+CmIJPimkJoRgaqVsJey9wOibITmuIfR2sgEsS ViuJMbFI17GOvcm1ueq1s8
kgdKGG5EZt52XlPEjnmfsYkhtrJxr44p67EZah5L3XQBzSa3T2xulmDANXFWLqQRMDQ24Auf
FZ5ZNpjTUljuWvke3sn7gFWiDjp3vLb+aKhwpnYTDCXuGu2ij2tX+nFC8PZuLBMEjvw/JW
no+JPqOxdTPzZg0ty6687KaqwWakreycx0cmmZj22/MJ8ybKYy3UVcOI1VO68Mr4/wBxxCoj
4mxJgs+d0ulrStEg16d4FaZ3BNOKAVctWIXa+rdFQz4DCTmpKpk7r7AEInkVfFpY03G9a+Js
E7GUYAAA1oGg20II+C1nDHEtMxrmTuyMcbjLC1uX/h39yz2D8CVWJNimZligLe9I47u12C2e
H8FUYEGmWR87h7AtJXPl6zhfse2WNskbg5jhcEbFLrbVIC2MZRYAaADkkL9E2JbA6oerGvS6
nz21VFifEFIKxtIH2zA/e30zdFn5MfaNfflrIRNUG2T8wA0PJQguAzvblA3IFggZpagEuNX
I1h2DGiw+CfTwxPBkkc+XweSR7ly2cPTmPG9j3TZhoQQhi/7zN+zz/r2oWor2RnKDrts3je
POew0FI62155RY8B8kY423TPLLU2rp3tixOWoheMrah2Qt5tvuvScGrosQoGuaR2rB3mj14+
S8ofMyKZkLhbuAloO19R8LLecH19O6AQSxdoz9W53ddbp4rujgz5aq3QJWtBoq6xv4pkjgy
WMWeTfYDdDMTGwJhEXsjkuL6g9FIAc2iCnLlqx5/YAYPmfmdErCQRHZ9baNXLyYQ8cgbKDG
qW9M6pMr+5YBn4dTZL6QMPonvEer7uYGjmdrqTFnvOBudI3K8hhc0HY3GiV6OcZRnM1g4Daw
W2iYxkbWsYGi2wFlhA/unkt3nDIA8nQNBPU4q83wWaWOCJ0srwxjRdznGwAWRxOvqMXmjbc
0tpc3dYRrJ4noOgS11TU4picbZ4zFSx3c217nxd+SdLUS0+ZINDeWQWzu2jzbPmUrvlviHhh6
8/JzXC1tgoakA5Spm2cALWvsninlme0RxOc3XUDS6y7umv8AkM24acu6ikJLhe51Vn+h6sOv
ka0W5uUMmG07n5ZsSgidyaJdviFXrS9sUTIy6K7bOvyPJDzNcy7eYCs4sMeG2gr4Xgf3kpwa
plkL3SxXtvqb+wIuN/Be8/LJV5LpAba5efmo6WoNAx08YyzMIMbrXsVfV+Bv80oeymDraH14
Wd4oX/J/EC372iILb94NLbkeGqUxrWZY2dgJ00MbLHRuNMcwsfuSNPeqYOzOFwduqsZeGsVL
3ZcOqLDbu3RVLwpikkRk9Ccw9H6FP1yyVj6Y9KUsJN8p/wCJcrc8OYqCR6FPp4Lkfp5H7Y/k
mF1EcFBM+WN5BIZvty/NCu1BIJLLaKeYPbQ08LHOLnFp0sBsELU921W36LO805+S01S3OLH
TzT4SybeJTU3KOSIkfBUUbGCnbFI2wDm8uqjghkjdKyZrgAgnX+tUWc8HKN9CY9vIHldBzU
0tPKXl+/Pki46tgOSS7HdHa9ZIJAIg9RY+1LRy2VHHLE+NrJYwwgaG2ie+gDx924Hwvdf9h
G8Wvpyson0ssALopNDyS3o97V0kDmEtcD7tVCS5/dOoaNkd6VcZpG6H8VtFFmpHyOifYWFJZ
aSIQ4ia494gDyU1NA+SQguuGjnmqO7NxDYyTdGwRzUUzZAwviOhvzsrIRVIBLG7LFTMysZu+
2p9FTMAbKAdC5NidnZ2oFnOYZCBta5CifUNPZSt2JuntlrZWEgTsIuPW9yv+H33onw3uYn6
eR1/NUkgDaoX9V4IPkQj+HZwysfBfV7PiP8AurjPObxX5ZdNI5KYAJpGmytzlixIBopSFHMq
yJznAdLoCtkZJ2pcwWdbfs9iT0VFXBwp6cx09K9vbbuY4gB3krZ1TTi4yhp5kusR0UMuL08
XrEk22ASt02m/h5oMPkpK57J4nRyMHquFio64+kB8THhpZqRyK1GO4iMScA6ANbH6ruazhw2
TtHVFNM4B7S14tuCNlnldunHjtEzK2xA0AC1Pdc8Z0JF1lclmNDXtsRorDCZjBUgg2F1ldui
Tbey4XQ1pD5adjnN2dzVZxZh9MyizNj74Is4m5VtQzh7Gm+4WW4oxStpcQe2SkfLE4gREDQB
TMqmY/cJxyhq6/hykgpCQ4AucLXvZU+FtrqOujZSuE8bmjtmDMW28NfntZgmJU9bHDCwESta
S5vQKxmjjiiie5jQ1xtqB4q8MvhOc1RmGREjOEVOCAYxZ1hz5ol2u3vQ+H60xFiS15b3jdEX5
cl0PPvaF7e8dIDUTx0sfaPuQeQRTgNwqTieQxUMWX8TnX9wTEm7pUYpj8swc1rhHF+y3crHY
rV1+pIGuiOqJPWddZ2tl7SUG7BDok01XC2OzzwOppWGR8AuHblzVZ1WNGxYyJ+Y8iLLJ8GxS
P4jYG3LTG8P8sv52WzihgpsMmrK2zWRkkEjfyXJ5fty+2N/Hft3WUxaWrYbuJ7SQ2aB9EMKU
U0WWQXbGO0qHDmeTVaUdTSiV2PYw4tYLtpaZvrPzHgOvVZjEcSmxOWzW9nCCXNYDzPMnmVv
jjqc9sc/JKfFlJVvz5tQ57r2HyVvSTSx6dEBSwVMr8tPGTy7o+qtG4M9jgavuggc78Gbm/3B
XMoxkrQYXxLXUVmiTix+B5uP5LTU2P0mIBt5HQS82F2h8isLBHhkROZ9XUcrgBg+NypWysL
iIKY25XkJJT3Fer1hjrMzu0AFzrewQod9WTMyKzbX8bcIsP4jnp03UzpQ6N4ymiEm3tJ0Wh
wTFoa2pEsEmSQA3hcdHC/JTeUTHS2Y0VTxFI/umwb4BC4xJUzPjpmAOjDiQL6u6X9isJo4ww
VMP6snUfslA1Ajww+oInpGgBl+hIuotVj3tVUtPSgel1kzDBpaKN13vdybZWbMYrJJdngDRa
7Wbhg5Anqs/h0TTVueQMwB1V218kjmXNY1kTe891+9I7kPAAKfZpljzy4zvmIMecdjQ6WUj
ZoNw0KXsHSzZW6l2kkMRjjkke9scbdXyvnmtCoMT4gfU5qPCs0cJ/WznR8g/wCkjd80Sbuo
uanE8Iw+OQTT9vNGQOyiO7ul/mVWQYzjOJofJHP6JA02bHG0Wt52Q1BgZhd5GjLe/eGpVsx
jWhjWANA3kEvfXS/WT+QIVTTV72+11Ushta2YgfNRx8P0FiTBnPiUcLuHaNAsSohI7tHduAG

3mlcrRP4MjwHD2izY7E2vZ2xQeI4GyKJ76F8gnZqzvkd/urNri85eum6sY80Ba0ue4nfXZVJ
bOx7a7Y2LiXG56R1BLV0ikjcC2e9n6cj1C4YnjrdW41Lp1crHGoIm1zJImgZh3tNzdAmNoN7
LK55Ti1rMMbNyOjxPiQRNk/TDtSfWA1+CskTibGqQD0mqiqGnXkD8lXshYSbtAbz0Smmgc22
XQKp5LCvjavwu/8ALCpPle8LmzS0tZr8lyf6qf0MPw6eRsmIdlC0FrQGRgc+vxKgmf2kzW7
Zd0K0yuYLSWm/RSU92PGfUnYo1F9LanjLsrdbHw5qci1wWlrjyIU9FIBQPZYhx1vzb/3Q0hd
INXOB8RmS6LukDg6ZrTrnNjdTTUEDYnhkhDjYBttvYhHwTgCQBrgx2buG/wUjKpsk2Z18x3v
ojatX4TxSVEQu+PtWbEs0t7FL6UyQFoVmbELopAYJa1rEp0LGS08UkjASWi9h8VPAv8pqqk
pZaYdmHEW72bqqqPDu0lNiAHXsToNee+KR1+ydYE6DqgZHTxHWF2QXHTzVCb/JKOIDpntJ2H
dNt/6CPb14s9HmOUA6IehllidZ0V2utY87dQjpnQ1DLM7zgL5uQ1VSPy7DdpU0b3MjduLX6A
9ES+JLoGyxscGON8u+U9FBCHGTsiL5diVaxzlsTWPBLALEeCucoy46QzXdRxuvYhpHtCSieK
fFoJx6hcDfwcLFSzMAikaDcWdmkcwXOtSRuG7SW+XMKmfW3HmkI6KuixyldA1784Nhezboh
2IRMpG1DtAbXbfUXVw42J3ENBc42AGt1nMSxaeV7o4HmFg5t9YqwrCuhqIHRRFwO7swtosy
9npNYwZi3U3HKyjPLTXx4b7RRU80gLGc3qbpGUrzcruLn7Akq3dGGsyRt00A8UAYwZHEO0vo
VzXO2uqYkho4HNIIzrsR0QNbQS0kofGGAXudNx5hXEQFgLZXN0HI0SvBIZYHMeCCB+0QQp97
Lo9MvjFEwRnmjFw4EjzG4VPTy2ePAq6mkyKejkOcMnwb+GhWTgqiCNbELRphXoVPUFGDG/
I8NuCRcX8IHSYvjE7s0dLS1bW6ubEdfc5vmdY3CS2KpGXlcq7HDIJLN6XQ1k1M92pDCC0qZw
13PkfhUQ1AexsPo8sdg6N246J1XWxRR/evy5tbbm3JA11XHhNOBITJKdBfdxVPSsmrZC+Z7
i5xuXFGN1dsvJJeI1mH43Rta+M9pmLy4DLy+G6toZ4aht4ng+GxCwzsOdCHOYe0ceXI/kUf
heISOjDn3ZNGSDrckeK6J5JXHl4vmNaRfdVHEMBmwzgLmJ2b2bFWsL+2ia8C90krGvY5jhd
rwWkdQtWMuq8mxG7Ii4iwJWaneZjsjBdxV7j85jllhBJyul8yqmgng7MF7xd5G6cm63yrWcCU
8UNTVSyPDcsHrO5a6lAY5jLcUqeza5zcNpdur/HzJ0Cq+0kax7A9wbILOAO4QmIFzCKNtmhl
nPPjb6KbhJl7D240jqyqfEqgvNg3ZrQdGNGwHgEsL6Slj7zfSJeI7MH5qwwbABjBfEa6Kkyl
JZE5pL5bC+nL4pjcNigrWDK7s2MzuDxY+R+HvU2FjyWmlrwxwjc7sYQAS2MZRbppqrOgpIBL
BFlyumJAIXUseWilnf61sx8+XzCfGcZHG6EadmxxvN1DXWiUsAfDd2wJv7E6oeaamBbpNMCR
/db/ADU9IwObKwXAdKW+y/5BD1jhMZpjplawdAP5BVsrFJ2hY8anRWeFV0IPUsexxa4G4IV
ZUNswvtzUIG5wlAO90Ss9ar2OlqshFVvT1DQZG9CeYUeM0xhp3OjOaJ9spHLVB8Oz+k4PGx1
iW3bbwRs7pYaCelfaVjm3iuNiNcp80rN8UpdxncL1qZSNct76+Kt5JIMOpHVnc8xxu1Ywev
J4AFVU8eNsA9JqIWSV10hiazI1vUutv5KuMFjNcZp5HSOdoS7Zo6fyU6ka2W38JqzEavH5m
QMaYqdp+7gZ8z1PirXDMIbSRkzBrn8gNh+amwzCW4ewuBu9xtmO9kaTbmotG/iIpB3dvYopA
5hjsPW38FO8g31Q9W8xtjLdQpENdly5Nmi5KClqGPeBEedQd7IqJolZmks3MNQELUQMgkHZA
EdSUKhWPcw3BFzzRQxWpjAjzak2GiGYxzd0drc1NEGmQGSPaHEHJonjbBdVDWxiZzH3O1015
gJomq0HoLsRmvEAXovc23VZW0ktFOY5Q3k4DdZ3H5Vjn8K4tOw25pLgBSuLzZQWutzAKbpz
aPclppsMXsBP5LlKWw31aPcuR6ntUQR57DMGAnd2y7I/Q3DbbFRMFzouVO2TK25ddbJWIPmj
gildJmF9fNEvfGZrsIDXC4HTwVbRTZ4TF2L32JNxs3zRPYxPjYwvdmfV03+KVm+y+RbMpC0
WuumyXFew7FjooWted+hQofJG4NzA3F7v0ukkdK8Nc+JwY12p3G3UKZLDk52kZELfdvLLjzC
ljllhYxjm5mtFszdUyNzHnu1wPkpB5Woto62h6JbVRsE7c4DuZ6bIorc10rCT1tfzU1MXVij
znXJe462UX6ObMxj3zPa4hVGfEvImKxbBDHbM7fq0cXDhrIbybteBe3VQU1BDS5XRyueTuT
yVh2gZS3OgIAHhqtJlzyv4V9XA2I9oCb59+gQZVSVEjjYWA1Cnq5C9rxezbhw96Eojlfla3
vdHyqdDKScD7mV2hPdceSZHH93PE71mODh7NcklaHd9o0uD5JzDeSKVzszpGuD/kFUqLBFDM
EBaWxDDbzF7/AFVxLUCaEwmnia0jQ9FU4e9z3vaGHvC9rdNFYhjtCWulGhsCntlnN0M9mRso
bG17nN9Y8SRz9nXG4AOQ2B631+q0jQqB5DtrcLMVMRllkk1Dmi4t1JU5TcVjVwKhkjZJG3I
Y0kEnW50/NCmcy4sOWgUNHI6KIum17RveHySUExnkAfudR4f1dc2m6eR5gdbZwGY3UVEXuhj
cyznag87gH/si8Wg7WbsrQcwBBA52VNHLJCHB3qh2vhe35I18iVRV096pxa5zZQwAh2zwBYr
LvaWylq3eLQQVdL2zGhsrbnTnpqsY9o1DxfKdF044zKJ9vWppqNIQ9wZG3OTsLXWrw12I0knZ
OILMouW728EuD4jR4bgQraqkZHJfKx4H6zp5FOWSp9OM9RjvnDjrten+vYouFnbb2muE/Yvq
a4Z2F5aPXceas3QibGAbqDrZCYXM2WvcSbAEAW3J6KzqS0NuDtvz1WWWvSPk0R/dh17gjkN1
TVL/AEPEg4XIIjs7Tn4jxVnDK6RssBFHylpvsQqOdxqKyIPNgNXZvDZLDsXpvsFd2mHs1lGtr
9FPVvbT0ss7to2Fx9gQuAWbRdkdHNtcdDbVdcYVXY4K6Fp79Q4MHluV3x59n3PKKwGeqfM79
o+09Vdf2gckZV5AQ1oOiGbHm2Gi2k01p1HF21ZG1w7t7u8hqfkg4o+3ndPMwua52ZxGlvarj
DY29rK59w1sD7lupF9PqmzB7I3R2McYBa4germladeizyvKpHRNbhETFE4vHqubJYn4FNbSu
ZSuJABmcAA0aABXIBE51KYY5XyRj1gG7fDwUU4bDJDFbKASFF0uBpWlmFED8cjG/G/0UIdf
i4j9hrR7gia64w+03+2BPL+t0Fn/AP8AMpSRuPooVRtM4RCY20BcR56gfND1LcsCbPanxPu+
VoP+s5Lq7RwA/ZQarqmWoXHq4b/14IandaQc0fiTQyjY3q/6fzVfDpMARYpfLLKcvTeC5AaG
SMnvF3c8Tb8griumqG0MrqQDtrd0u5eI8VksAqHU9AJWmxjqG0t4arZSNHaEt9V2o8inU65
YuloS/HzSvJDQ0m46haimpI6VjWgDTn0VdTRIHED5A08WuCIxuuqNLhkmU/eS9xvt/ldZtMt2
6V3+U9RBIbnMlb6Lmytic24cOt9xdaCZ0NTSx1dPo14IHQrz62d5cLWYLAeKvMCxCWnJoJw4

Nc67b8romW5qqy8euYt8jgbl3JMqXBsRc7QNF7+CKaGueBrYIOxKlhjpe6Td5sdd7qZhdBtu
KxsrJYQ9jjY7G1IDLQW3v5oqOmaljWgWa0WCSWIMbdp25KVzSNtQwX008IILTAMbfXZI2IvY
19rZtrhK0GGGoiboe8L2TheCWYhNhj47juk6hE1+LUVZh7jduc8jvdVmJAmCIG5OZyqHNcwnM
La81FzuP2qx8cy1kUgZ9TcEqUBhddjSByBN13oxZTme6xcfv8EjGBzg0WufFEabiNOZLifH
quRfoXguVaTtlwAAACEUDYcwt7FAAA0WU2UZRqdTstDEU08kQe1jywuBGg3RjAwaSdnNy253V
Y2C7xl1Kv6TDKltKDlwZHDvA8/aq9ONptkCuDXVUbb93KbX5I6CSSPMGOLQ4WI6hBmCFru7E
6Nw2c11/gU7tnQC5c1w6WylZX+FdxNVsi7MvyAkDcaFRGnmeAGTEhwtZ35ps0xdE+7HtLhzC
mila4MyuFrjW+yW/yc4dBM6ilZHVNMExQM2myucMjgqImmQjujVpG/iooiyYm9i0Akhzd0LB
K6Osa3ZpZYgj2rTHUZZfcNq4Y4KppD+44WaFDPG+dndeQWi7ddLop8TJaV92gm3NBRyOpSO2
uY3CzZpZStTjA8kxdAMzbKOkd/nDiOevxT6tzXFsqbmOp00suaGNma5rCwBvNwNz7E2nwKdj
lLrC3MLsgilZI3Vp6C+idCLANd+IjdJI0QgW0BaTbyKe2YimjkjIMsU2QnRtjbRGB9fkcPS3
a79UHCWioBHY6kE/17VZEWEyeqe6zsBONeW29KIJ/aKqMUlhrIGdrme5t3DlbcArQt1sFiOI
p8mMTkP0a4AeFgP5qpuiD5awSOaWG4zNHx/mmRVjKWZvdvm0aepaWsD6hrXaG40Pmpaipyz
knbnmHhqs/RttpairL6d0QPe1t7LfQqkdLdgZKf1khuffzT21PbjtGk3DT8IUv1UYxCTuQd
vElThj8C3QuSoMQnifLy4NGY2681RzUD4KmP0thZE9ocHN1DxbkRp4I2X798TiQHPZYHqRp
+SKhrKaeNOt55Q6UhrH95hNrAtP4dbLpxmozt2gnxET8NT4bLAXI7u0ieDbstRptrY/ByD4
VxERVtQoOtmTQWG52PI/11Rr8OlpHyASvWLYic3YyB2XTUOG4BB3tbboqtuGunnO1013SNde
1wC4DXnzTyM4cuuWjkiFDWvfYhjXWdyN1o6djZ6Zwc69+8COizsLmVM7WzZXk7uabi6uoaps
ZfGw3FtP69/uXFnOWoJ8k1JXGzrgd1w5EEf0UTGyMmOU2DxqwnwUdXMZZQ92jWfHmFDI5xga
LjNE4E26Hf4296cnJXpscBzPgmfK4Ole7tLgWFj/ANIS8aS5qlkRdYMZ8SrTB32gpiBBoHEi
+wdt9Cs3xg//AMS1be4bZduDkk+5janWV2txfdLE3RNmJzk8kscgDTcrZcWeDZCazNIJ7NoG
bb1hdRV8raurLZz2FEBbNzIvexHUu+i7A3NdJVZ3FrQxpLgLn1hyS4jSuMMjHy14cTZuwsSD
sufK/c0gqGoAiMcM0hYd+8dfNRZg6RuXYCwsmUkbYqcd521zqoYXZZAB1U2rke1bi6nZHbnf
5KqdMP8AK8m3rt/6Vay95ovuNws/UyZeJw/kLD/6qaVWIFJ2k5A5vcSiJQZKrLy/JV+Akves
p5K1pmF8rpEQ1fi9wYmeBPv/AOyrBZtTpyVji7Sudro3RV7her0Nr9UfKcm24aa80ct2gxv
AvffT/utfT9rh8BJBc0FrvYbLC4HLJA1zXOIA3HLcLUYM95mkiuSxtyPejPtNm4jhLRxAWh
xv3m2DdAbX3UPEziBDGD6t3H5KVgAx5xsbguub+CTFYWzVLQ4XHZHQ+azvS5+6MmHBvzR2Ey
unxDvHM7QC+ttVXTNyvLHXDA4g5d7XROCTtpa180kT5srLtjabZiNrnkFOLbLptmxvMrc1tw
0anoh5ZnBt3u0VNFioJYIXQOnJga8ObEwZW2/rqriRgMYuPxI3+GPrZ24SBxsNIG9zmi4AP
gnsDGN7psOZKilcCbFpcDyBSEN7Zr2gOBNTbrsopJXRGN2QWJBv7U6OMO/BbTruo5Yhe9iLJ
mMqZIZexDjIJJtshatjQYPIp3EM3cOQ6pJWWiA8UtNwugp3xBoNz3SeXXzU73eVasnAQy
FzQHxUNApKeKR780bS4NFzbkFGGZX3GhGylhgle8Mia8uOwaNUTtVT+kx3/muUv+T+InXsh7
ZAUwnrl+Gftj+WOb6oFr2UzTfQbc2NzQLc/BPGnMprSRS9nIxzqQ0HU22WupMRoa2l7CKt7N
zd+0j0Kx4D391gzHayL9CkhszR+1Y2sVftuagMsdr92Bz5CYHx1A5Fjxt5FDQ4ZMKzs6ilf
ILHes23xQMU1VBCezebNda99QVY0/ENfTwszFsrjrcqPXEffOAxOSQ9g45WnRw5pk0YjcTP
Ew8y5umns0RrcZwyoJ9KoBG4nV8RsUjv0XUAtgrTGOkrPqEap+1+YWBUQPdFK5+dpIzBBE1x
na4QagAdbq1jgkAc6LJIwMIBjchJsUc1xcPb3Re+wUIMtlzNO2EGSFwJuCGarpi2Wka7RzDY
NtzVkyJz2CwdmZsQCgKiJzHvc0XaRfKDz6+CNJllqrfdlRYOsGjLrqpQ6wGZ17HooJHF8xku
Bmd0SgEbu32Tb64W8DmysIH4W6gp/YslY3tdSAfmkY0Oga5gylwy38FHNlKzHe4NiT7ynGF7
GRwxmrD82oRrtvNVTHt/STWcw5W4GyEVHGOB2uhXmeMTulq5pL6vLj8V6hZeX4/TmnxCWL9
h5A8dVrgIEp5miIATHNGOaXE6ljTDMHdx90CyXszltdpuCCiJIWVID2DTd7O9GfZqPaPktCW
2E1ALst9HN0KArtQxp0IuPLX+aFwKoME/o0zha+1+Slc8yGSB7TngIs7qDdRrVVLuHvLmxU7
naEAnyuUDPLeV0jDubjw1T8UqSLxg6tAFuiAjlu2xKuBqKLiqliivU4TDUvbwkNnzZSdLai2
umiLwfFKCuoOYMqzqh00FsszIw9j9Ld64uP61WQa3NpfZSjOB3b6pXE9NviFXhsVSHUPZSOc
0Z5odGE8zbx8E2jq+OnDSdC13P8AulZuG8YdytsUfTHsy2Rps06AdFGWesVjdLepqyBFGNTs
fKwUsTya0NI7jmjunmCOarJXOfG1+9iBfxV1CI4qqmHeY7KCTroT/3WfrrSttW8x0tAwvd
d+979Csrxa+2OSA9awO9q1WEyMillp2gN7J/cA6OH5/NZTjJmXHYj1j/NdGLn7qy8jdddl
C4gDoipNSVCQLWvutatacPR92tk07rIx73j8PiJLgeQUXD9hS1pvqXRD4lLWkOkePFYzdt
MSWYwE+CAa8tnB8dFZSOB2AB3sqV8mSrI8BZZ1a3JzMKyulSZMUMo/2lvh/NaWN94b+Cy+Li
zw7XQ5velSy6XmBMLcIz83uKt4AI4iTituVXYKGNc6YDaxPxKspgG0zjbcWTOdKgNL3ucdzU
Vd6K2Fpa09seaPdT2gz5htsqjERkey/ROXScpw0fDUhf9ru9eNwF/3T+S1uEaVEjgNtCW9y
xHDE/Z1Mbt9bW5dFvcKjawayySSNYM+Vt/wATiBoEs5vSN6gazW47+sa57nEZBqdlJiLCysY1
xAd2RJHTVRVT6mDEpGUtmSTE3ktwHh0SQYaaVk00jzJI+13ErPLWlyfLNYkwtLthqT8U7h2
xxVoHONw+CnxZgLHPowvp0UHDYP6WjJ0uHfJRG+X7WjjhZEE7fRTPcGs1+Sd2TnuDWgkk6A
Ig0McQPptTHT32Dni9valhjb0wyynyGZBLKS2NrS0gk9UPNTO1a82PRHOrMBg9fFGX/uvBPw
CjdjXDrH2Mksp/hvP0Wvp/KZlfiBoYOxj1ZvsmzizbajorEY9w+4agtHjA4fRKMX4ake1gmY

XE2Dezfr8E/T+S97O5Qjom9k0kalAyNja8tPyWllwuGbs+ykMTT3spGtvIqpxaegw6ripfRC
SLSPnzXIA1tbyU3x1WPkl6JFgoig9JxCoZSwsfiteE0mJ4ZhOHunmqY7yuOXKLueBoLBUMc
TSYtakggMUDjr2mrnfkq2eiIll7WmhwYQDvsqsmehMLIPvo+Xi4vle5tPUGfXIHbkcCy5Qt
4MxZ7A4NbcXs5+o81y03T/pgnxOMbcm+qhdB102zXHWysuxeKdjy0FpJF7prYw59jy1WS9q
60kbyWuyHwNkdDJUzQ96Uua7cG2qlDTRGJxtryK1p2lsQY4AHTQhOjZtK2QTMRYrmsb2A1KNd
UUQhEclIWkfiB6ck2EZKjMBYhoRBOd2upO9wl0VBMZSTNc4BzLG5udr8tVzqamJJaQRyNORV
Qxtic9rQDpsFF6A25yvIPRLcpw+ij7IOcwm4PtRNPLUSB2YyEPOInWsq6J1VR5rASN5goqjq
53NP3VgOgEIIITPko/SQe5jKibQiwLzdWUUKVQ0MmkBntYy2sHeY+qDc6VtSKiRmg2sUr4zl
bOw6b6c1W02bAzUc7Kp0czRGS693bDx8IEWPAN7G3Tmj62vL6ZsD2d5puHHI5IAvIBuLqcv4
bY7s5WcBmCTxtN2bkDPFSvpWThpcx5Ntw+w38k1gayJjXHLcWueZsjYh920uOtuacYZVHDS
dV+kZXh97+tce5WOnMqGINaLAjzUlwdkVHZRuvPOLWZMYnLuZG3kLL0Ia7anwWG43jtXhw/E
wG/wVYdnGJnBEjm9NQmtqHwRiRhsQ4HdS1TSQH+wobQxyNOttQtyS1U16n0uLQsS0b0cTY/m
rTdaqLEaKaZv62KwePAHQ+5U0LC+NgJ2cR8AocAq/Q8Scx/6uS7HDwSpb1Ta6Z/pUhJuMx+d
/wAkD81j1CfilO+Auae8Gk5XdRy+BQtNIWloughb1VxE9o3Uxc3kearRNe4upGzmwd0sSm02
sGTD1Xaj5KcOBb2WzjqLIV7XBzTrYcks05OWUHUG3zQNr3MX4YXNHeid3reNrH5o7C5HVHY
xFl1mtd7InKLGOwnjje0PEoLXg7EdFf4XID5BA42AzAncaj8INgbFrZGyDM0NqYxuNntP5jXz
Wcx6oGIVdLV5cvaU7nfFwWgqp5Jmh8fdk7OJgPS51+qr+J6OolqKvKTrGwOa0eA0Tx7Zzt
3blRPAvoijCGuIQR3W2W1Nb4H3aKtJ3zxfMpk7vv3Bdgv8AMK2/7cZhvKiqHWRbdQufltrg
nlN2jnoqWtvHVMeDu35K4dqWkpxNn3QdzYs6qjv2alPkVT4swGZ8dtwLe66sMNMd4cqr8cu
ysD+hHyCV6F6XWAHnhFO7m1pHxKPrH2hazS51Kr+HXA0TmXGVjyffqrJ0Oe8rruF9AE4fwFy
3YqjF7sc0A2srxzmm2Ui2qoccd963Kbppy6F4C9zpGhu9+S9MpomzkyvZZ0b2u9pC8s4fqux
qASNF6thnaUznges1h+CefTII5wONgc7nT2I+oANO4+CrPvRxBlPqlx2aNRbrurWZn3Dh4L
Cxd+GVxWMmneb/1dC8OxEYpG4DQh3PwKs8QiLqEQHTf5oPh8ZcThH73PwKWMbW/av6x1RFSy
mmlMUoabOAF1maOlFv4j29ae0zNJJcdytZMMzTpoQgW01n9pYC22m6j2suk42SIhdMCMkLb
+1IzDGillJG0Frr5rXuN0ez7uQE2NxYrq1+WnLmEZraXWmtp9rvQekwyKrqHMbE1jW6udl2C
Ip8SwLDI5KmOQE+qwZO+629h581UT1+JwUT2U7mQsPrvbq91+Xgo/wBDVMkkAdFZ8kXdDvE2
uVc1Oiu07914MlxnEZKt9TBPJH6RdoDjmLG9B0UmF4TVVILU1sryI2scc79S82+KuqzCaXDq
Wipm5Xy9oS9x9ZwsfgnzV0xphQUIKIYcmQySnlzsAq1/+i9+PsgXAcKpzKMqQmKDG5S7bNv
f2KWWWCtxOqqoLSsLWBriCA4jxXMjNhG5v3bG5RcbtnpWjKS0AWb0S3xqJvdtNNdjRcTnpBc
7dmfzXJ2ZvVcj2o1PwpeyzxC7i0X5IXIY32Bv4laagijlo9WjW6oquJsVWWDkqymrpUy3bEL
nDsxEX3sblp9IyOfs43ONgNSbplqZtS2/asA/vGysGWleXkC4AGnPxSPaFtM4d8E3tZJZx
a2JRzQNibac1EWgTg6bHVSUqKVjZoMurXEgkkaBc97Wvc0vBsiXNBUSyMQI3NTxTIAynUko
ymtFZm+YC5K6spKX0MGLSW9zYpaOB01Ljm5+KetC3gRM3PTz59WgA/FRVUeRualLuuttFQqeq
ppDT/dnQ+sCULJOJGtEgyvBO/P2oTiqXy9q5zy2xvfTYJCHO2GibcBx05ri8FS611StbUU4D
XiRzGjNa9weqlBU1jIwA45W6e0Db4Kvo7thDmEsd4FXNNUB8P3wLXcyDYFXOuHLI2gdW1TY2
u7a5JsRkH5KvtrVuse3t5MCV0cbo2WzZrC99kSxtOSjLLIuNdBe3rP/AFDh5MH5LkCkXulK
O2dncGkZiNblmqyXHDQ1tO7TY3+CrX5W5cia/DBMY2Zz43G2nJBmzHi/i135oh7zFUZm7t
K6tiaHCVg+7kF4Lp2LAhf2EDnaZmut5dVvNcWz3B1urOTvty9RY/wBeSqpAfSXagDQ6orPI
UKp01LNFIS4MuWk7jXZCsdlRzBUSmbrSd0kO010TxSsvme9ouOt0FyVsgzONTNCPIn6vYTy
skbHC3m4+TU8gABzW28TqjcaSURA/URlZw5ja58VzYjLIynhdnc45Wi1teio6rOKp2+uo8Fa
05dVSB0jHRtIDswOvsRMtlu1PVZW5MjAMtXe9yrzBa8mYXGhblPtBCqpGMDMkZDmsFg4DdJQ
T5JmjfTUfFK1pI9aooxPh1FO9tw+MxSDxadPhf3KDi1pyU2Y3LGuGbrdG8KPFZgQY7Zrrg9P
FV3FxdEI43WNmG3vTth/wAtMHUaPKhP0U03ekPmoXbdFrWiywV4dHWQ3GsbXjX91wPyuoMR
PZVcbuqXASHYxFHyla+MjzaR80uLNzRRy8wufPteKRrszAhaqPPG5p2IUIJmjCWQaHRZrU+
GTmOoDHH8VlJzMOebmLfkGak+jYgXfhf3laYqHSUTJjIDJNGm/OyRfBMDmldSOBFe5cM11b
sZUB4JmyW5DUqm4Ze0Q1EWXNIHAgbkjyV06eRp0MjfdLZEVj0c92RrmyPc7S1nbro4oCx4zf
iV1PUNyFzy4O6jdUeI1LqlzegVJy6Mw2TLONea9d4dqC7AxIjXvZdtibA21+RXj1GC2Yea9
a4N1wWT+J9Aqv7WPwnhlnqcTjlnbGHC9sjbX0VnMPunW10QDpMmKsjEbdwMxdrt0VjNYwPt0
WNVe4oq454X3HI6KtwVlsVhPS/PwVtUNLoJABuCq3CGn9JQiwABdy8FM7a/8WikF9IAWENJv
ZFEXGyjkYDG626nXLOVUPfOSQ7Qg8kpdI7R1vYjOyBIGXXmmzMAZty3Vr2hoZYYZnSTxGVJN
crRmJPLRFvqqisqXVTojTgMyMbm4c7+aGomh0rgGnTUo5wuALWAVS6mkZa3sNHQxxvc+73y
v9Z73ZnH2qdjQLAiWCl3ube1MLXH2IJ2UB1t9UpF81tLpT4BKG3sLIJIN/W+C5G2H9WXJnt
U0Va6CIDMvlqhpSZJC5wJJXRuAYL80udu4RbvletVEWtLgMoAvqrOBrNMrQGjlf6oA2zefRW
dM1mQODhfoRZMqljiYY3SElpva26R7czw8OJcBbVvJPic9mjgNdBdPdA9ozWG+4OySAkjZY
2h7rZXbaoaoe98ZbY6oyoBOh3BCY6MEJcRUCI34XaZhzRUEgJLMx06hMEYvqAiWR3N2Abpb2
dSTSjsw0/iOifFex7XtcPxfREPbcw33adFDM1zLkC97mydiYpxAHAKgdEx8TQ2+UKbs3DQEK

InkjIG97KNOnaxjg/wA3a9pscov46KRw++Ad0bYddQIZnpj2h3NoseiSUf5y3xy6q457zRsL
w57WC/giwCOSp8PdetsST63PRW+XXc6qLE3g8NN9VkeO7tbB4g28NlrQ3rdZHjs92BvQH6Kv
HPuE7YCYZzg8uZYm1rEbpkFQ17HQyXAJuPArpXWJueagdaUX9Uj8V7LoUinaWuLtuFU1MpbUk
MDQeu5vZW89+b2PI2LTuFSTNLp3uBN7oZZiYnlzASTfncohrnBunRBQG12m2uqKZYrO1phzE
+19NiErRdhG+XVNB06qVlw+x2OhS6awO6MPDg78WhRUU72Qsh0ysN26ajqPgoopa6xGxsUTB
KIoJmGr3PsASBcDXb4e5BaE0cspifTOfepTc1rDU23v5FQwwGOaO1xmGvyVnhwdTtdKcpiq
GZG3Hrcr+FtFHiFOY3Uz23uTIN+jv5q/gfL0rglro6N7S4Pa7UEHQoLjt5ZNCNrst8Sk4Enf
2To3G1jcg+5Jx7GXPPJoQa6/j/V1pHPZrNiH6lRSc7aeCmeBfS1IDLtoBrWqTYPI2LGAORzg
1onbc9BdWVGJxgtmhItkcRbyNISNOVwIGoNwrzEJWzzOlbtM0Se8a/G6xzi8VVRSZbDoi5bX0
VWHdjOQevJWtXCRoustNJVJjEF2iQC5CkpZGTyWDMB3RYOPJWE9KZSGDnuegVTUTufUimib9
0TkaOdv61S0n5WWC0n+belG7cxs1wG4VnJ2kfZNI8HcuNIwhsTWhjezAsAOSCnmLHFtsh
8k4sFVt7N+V7roB1i+zblviipYi83c5QlrI/MoRk6ljvO0N5r1nhEZMFyEEEvJv8F5phNK6o
qWhrblzrBeqYUxsMTGG7YmNAPXqUZxUZ2cGyO/8Vbfk4fJHy6wP8kBIGfpIOdNG3UWZm7zj
5I+QExOt0WR1VPN2P9qrsOaW4rEf7x0HkrJ4LQdOvyVbhwxSI22kRO2nw0hBKLp6HtGF0o0
cLAlbMBVgQUxe2V7XTy5d2gyG1kYWS8sbLehdZTtp9Gix69UDMDInxfooYLwgiSV1gBYOJsE
6SpYB3XA3Cq8qksOootXuO5siTpva6gw9xkkelozONtANlaR4dI7V5EY95RJaWwU15Bh1mnT
XqnQse85WMLz4BHGHD6EF9RI0HrK76IZ/E1I0lkErrbaBoV+v5R7W/tiaOgme0ZwU1/PUQC
VPG3NIB25uNgqqbGayUdzJA09O8feUBKDVuBnflJL0u7RG8YPXK9r70vDRp29MLeIXKg9BaNO
zP8AxLk/eH+nPyCjF4m6bLsluijCQwaH2J7c7zbLrdTG1SQQse8ZhpzsrExhj3ZXD0HTVVLX
OB0BvyGqusNjsWzR2J7wLuqaqTaMrowOdexIuP7qQyODw0t03UtXIxtQQb+qhQ4F2a4tbTxUF
OT3kON3ZrjbnZNlikaNCCCLhOALjYaaaLs2SRgN9SEjQXnvlFO958FLHUzB+V1K8dbkBEMqz
TB0QyE39ZMHedmJuTrdO6+BadIXFjiGkg6m2tk2V7JGjKb+Xkp6V2VjuWqikia5r7ixB3GhC
RRVag3toF1s7rAalTMAdoDqnMb37AgHzRprsc3K5rB0GyJ9CY7U39yGj9QOG4IKtAL2KVY2h
oqOKJ4e1ne6IT20T7aJAoqmkQA3ssfx8D/m2v4SFs272WQ46ZewC2tifkqw7PHt5tUA57aE/
BL+jC6PtpnBo5F5tfyH9eSfWzspZDIyukvpfUN8T1Ve6okqH5nvLr7uef69y32qxMaGnkdds
j3EdAiOIOGajBp42zMu2WJr2uA0OguPYUbQwsdG0kb9tGryL07GMMg4mwNuVoD3NEKRP4T0+
iVy0LNPAHsMUouOfNEx9NR4o3GcPkppHse3K5hsQQq6FxnTVOU+Tx4o1p5A+SmF7DfRQO6tB
Pki4hrrZRa1jp2d8PH4xf2hLTMifKBM4sYb3cORsbey9IKWZqZ45xnMPLY/RQjwGqez0PpKu
D9JxRyiV9O0EvaH2zWJAl6aEKwrS2agppbgmOoc0+Ra0/wDSVUikbDijJpJvuw4sdK1pIG19
DZWdE/tMOqWEZ8j2P28xf4rTG7RqNrwe6tPPPjZmRoa47Dff4Kr4hrTiMM09zljAaP2WkE
fRTUcjp4ddG1tjNMMxPMAHRUlfVnNp4nNe4WksHC2++vsKvH4RljarX2v3QQFC4X3TmVDmhz
RzCT11W1QjIFrI6CTaJo/FA4g/unUfG6BeQBdJT1IhqBnPCf3X+RUZHkTEYyyUSDYm6mp5L
MadwpK+M9hqNWmyFpbvY1jRckgBZLG11ffSUZu3PNKMrG32HMIB4HATUSV4k4bp3WdAVHPC+u
xWSOLvNYcgJ2AG5+atqelkomGCWItY4ktr6yWtlO9p8pdfI4jwsENVgMjOcku8U7OYHlptb
x2VfiFS57iT7BdKxcoeaYWs03KijYZJLC51TCNd7q6wTDH1dQyNrdTz6DqiIt2vOHKMQRoqn
jW2RgI5kan3fMLYYUcz597EBU0NM+UinPjIorgZwK3Pj5q+oaWopGl80WRr2AAE63WefJX
UmgkwP6VBBFi5t9BrbbXkrej7hx8FUTOtibBobuH0vSLGIjwUSjL4APAIdvz5Kpo7DEoxc/r
LFamDDWSxZ3ucA7UAaJzcHo6Zj3wwXlsoBJN1pML2n9WTgDM52mXfYoergZMBnc4ZRu02Kt
PQZnAHKBbqVX1TJaiKQU8Je4N0DR4rL1sqplFO6eVhdBJleBoC5puR5ooU7RCXyAaN9Vjcu
EjmlJ7vAlm3aWu0srJ+IGQADpvrRaKpWcQxwx9lh9E1gh4pHW+W6gkxSvqAe1qCAfwwjL8R+
aDo6drp3NcQRIBVmyBrHaD3JXOI64wHHAd+zNzzebITNpwYzmF9dNEa117abJJWXabDfxUzd
PaOCjb2ZfmGYcjzU3YbX5KSNlgPBS2t4qkWhuzPurkTmC5CdsywxY3oiAWNY1zcwe073+SY2
ERxgyx3GtgDYpjBY67/BaaapmC+vNF05dezTrt5oRgOVF0rnRSjQG22qE0fHhMppjI4d4m9k
LKzs3Fh3HgraXEyyPJ2bs1uoVNJIXPc4tNydUVGNt7Rv9ZvnumuY4g7kHU6rnyWc3Q2v0XOm
aBYm1uqi7aouwky+wm28L80QyOUWvNe+4ypjZWX0IREMjC0Xt7EQqkJW57QPBA0IIXSPfGw
tew3N9RqprNM/KRe4UEhNtdCmiUEG5U83LgSblY2HX5JSDfwCaxOXYA2bubI8YIT2/US+
5DRw9o007vTe3NFCK7rB7LX3vohndfJP0pB/6eZd+koDb/N5vcprfRWf7ZvuTvRW6fft9yev4
TvFGzEYCF/LzBUHGLoJ6ATBr2PbcAkaHwWmZA1tx2rNfBC4rhTcRw6Wn7RmZwuwkbEbJyCZS
V4JiDXdqqeqbRsc54y2Lh4bK/wAbwSppKx1PURm7m+xHUHmqltSKZ1oImXG73C/8gm6L+Vn
SyGN3fdqvQ+DcQElK+je4Xi77StA4O/x+a8vixM115HtcB9CPktDgmMR0tayV5DoXDK8C5sD
z8bIs2WXMWP2kYREA3EYsv3pyyBpB73Iry547M9LG3mvVftDqIqSipKVj43GYGulh0y8vfr7
15fPZxJA5p/HKJ0mp9QR7UfAA72KvpfXAvyVIBYbrH5bzoRHaOQei7SLHyQz4zFI5h1INr9U
U+xaQPYo5rvja+2o7p+iFI7SUCJnMN2zAC/Ii9vofcr3A6j9F4wckscrHRnvN7wlte3mqEtn
qIXMGZ8cYLIL6N5E/JE4e57IoKmS2QuyONxvz0VYpegU3Y4rSSoH6NfmDMoDQbbDoshxALx
OzANe8FtyNj0Wn4WqKaDDXQtcPSBKs5I9XE7eywVRxZRGjcw5+1Ejg4E76mxCrC/BZxmnGzh
4aaJ4fcAJ7Em7dfNI0ZWXXS53TFzd/Yhg3tH6i/VSG79yiqeHIwwPsSC1EHpNLG6+kkevnmN

D8kHRRmOR7ADnBs3zR2FzXo5Iz/qnhw8jofiAp6WgMFQ6vm9R5+5adnO6+Q+KzsafCGjw70A
AOymd3e8x0V7US0uJUjoy0MLgNvwu2uo5GxYlh+XvCX9sn9W7xWehq5qerfTTgR1DDILXahy
rotoKqV0MrqebZzDYPGxVbJIwu7rrhXNRIY4ZZJjG6Z/wCE689G25jmfYqiuoWMqWtid2JL
bvDe8A7oosK5WGsY17xbTwXpfA1NRwQTPqmZpDYDS9t7j5LzmmmpZaSRsz5I362aRfU+RXpPA
VSxnbMe8NFsxJKSbd4taypOQNngopMvK7QwBjPHUzAZo2gN1sDdJLjWHw6PqmE9G975IWbiS1
YPu4pZL+AAU5Ww1azzxmW9yBqejdV172tLGMblcXFlz5A8lcMoYmizru63VHHxI83ZBRsiAP4
nE/JRzY1XOFxMGDnkYBb3qZcJG1wzt/DUGwWUctTBALySsZ+84BY2Sqq5h95UTOB6vUJhL+8W
7dUXywTwfmtY/HcNa7L6U1x/uglVOLTRujL6F8rCLHs2GwdroqoUmd24aLaE6o6iw2T5Jp
hiYQ3QttvcdUTybV+njhztK7GXTDtDhDXPAv3iL/ACUUnED3NMZw1lzyzfyUDy/LYPI8RoQu
miM7WStkylmhHVL2qpiXDXdvPLIYhHYAWvey0DaKNtPmMgLgKkmoqc00r7lozi4srMWtbc
+Cma2nPnouUclFM2zCpj3TqmTD7snohOzo26DyTrHRdGc0bTpchPbe+oKrRUzIOi5PoOi5NO
1VXVEUzGtY0b6myDyDQpz22F7Jt+RbbwHNU2nB0GXtLuJdfAXXMJc7e3mu7B+lgHcwUrYyNc
wv5FATcyDa4TRcvPkuaw+AvsSuMRabtex1+hSDiSNLuA52KglAzNykkXUjs/7O3QqMgu1tsd
VKofHFG9wBaPNGQwQROvlzear2ziN47jipBGwysi1wQd9UoWQySGAR53NPsKE2ae8dETPLGI
GR2ObqAhA06b79FSIYHA2535riNd7pSACuuL39yFC4yCA0kWuiqcDKfNDx2PrWKlp75PCPFJF
S2vbSyUNSack4applYJb6JAE4JIWY43ou3w+OpaO/GS0nwP8x8V5JURlsmXLfrde91tIyuu
az+jZG2v06Fe045h0IDWYwS9x7HWII+KqNvHdzSrbjGGgyU5IP4hYqdgDRf5LeiEbJNSuzD
RrumrXlpksUoLmjK7mPyTUCxfEaiolY2eQuMUYY2/Jo2CrmmNE251OqJxaM5myeFkMxtmjTk
nekb5E0w+8GisGf91XwaOsdVZgXueiwvbbHo8GwUkYzZmHZw28Ugmbmb5pPVN9iOia0Ae6LMG
vLcwsbe/5hTB9mxxZLSBplfkb06/P2D5ldn9Hq45gxrwHB+V4uD4FSsEnZT1cbnMjktGGB5J
8b38D8VWKMU11wtXwRYnGahpJkZka7oVecXxMlwoZo/vg5pDm8m/ksVSSJbfW+4Oq1FXjMs
mDeiSRNY7KGvePxW8PYj1vtwdsuLLOis6x0Uuujco2CMkJOppQ7YU0dfkupzmwU+bU6MCmd
J3gABYbCy6V/ZtytSQRPIF9zzQFnhMLYz6TVP7OIN2OJ3cTsB7bK2EgxGMuN2xx3ZkAvkHL8
1E2KOSiNM0gdmLMJGt+R96q6Ovlh1F83qvap+TOjr5KStljkFpGaOaD645EfBdicdPLTOkqW
Oz5gC9mrmX2aDztz6lQ4pFHK9krZHMqAcof+En9k9PNV/p7odZG2mafzaxgHrbqotAZ8lSVD
mEtqBEbgl7ePgoxNI1jprOAB1LuZ6XUj6nI7tnuDgNM1uaHq6o1jmgNs1gtrqSeqlnboslZ
NPNE91miPRrRst/wm5klQl/wTMIIsfePiFhfQi2Fj2m4cdPn/AF5LT8LTmN8Z5xuDH70Hjttn
4YJrG+UeC40DREwb5SdeourJ4/VNHM8kkvdAXHk2mVV0NG0uB3U0IKC2wAB2T6Ujs2jm31ve
isoPNGhertE3CJRT9roSR6hGqEfAYmfj2lpb4KwbLM02ErhbQa8IHOHTNJKdmcQNSndfCZct
8gnwtDGua4m6ZHNKxr2NILWnWwecqJcWMhOwshmc5fYfh+qU74X3OUb26k3vFXRJEHBrwLi4
0J5J7gXer06pYmEBxJNyFqSGnrzTy5pofSjBaEnK0DyRn6erDo2OKO/7LdQq+eIlt9T4KGMY
58zGNBLnWACJIT9cbN1o4n9tA179S4XXT6RHyTmQGmY2FzxOaN0IQLxEHmqYxLEPu2+SeTZu
gTih923yCk5W+iImm5yuXZ2/0FyolQGhxA2ufJPqoI4m5Q8PI2NtlPUsLzm7PKbd62qDOoVX
ppOTom5WF5doAmsaMgN+8eVtkrKd02rXkW1AK4NYDIOftCcykNII0O26Tne11IWQ/hc+3iE
kYYHEFw027t0BG91rtt6wsoja+wU0Iozs87JszgbFuW3xQrmuadb3O2ilUEwzmzrC2pCOYNb5
RfmQEDT00pdmuLeSOA7LeRungjRZHTveyOMtNjmCjnkMxLiBcjkLJ88jAQRlaeut0zQx9oX
sNvw3N04k1jA51r2vzspH0zWtL8xNuSiMrWnu3J6KSOTMHXuCQdDsmYljiGxNs4iQnS/JTQX
yHxKBbG+9nAXBvoQjoB3PaleU2JwTa10oumhOA0Qgo3TtOaQJbaJwlbj2KfojDJKlrQ6T1WA
7X6leP41ilTX1TpaqYvkdpmIG3Sww++0GoLW00AO4JI/ryXlftdzXSk619gFUB4SSbQmqkpp
CNC3mDqCjHOhDQ8NsXC4sbIKZzaijAyDO06v5kdERBG6qmdGNLrDS3ROKLOWzxFj7tadrHX4
odkDHGBj8/QbO9yuv0eWgtJZdvrWJdbzt7VWYUYz2IGRx1Dm6jwOm4TIIKz5RgQxuyuuMol/
u2RcM0F8o7ZxA1GtwFGKiopT2NQwSMA0a8XFuoKmayOctkpHmORuoYTqPI/RP1g3U0VZRCzs
zgTqO+NU4VWHm5M72353BSkl49JDQ2oi1cy3OxBICDZHE6KaPIMr5AWgjQd0/mj1h7ox7aaR
oyVV7bXauqKtsVVFUQRRTa118l7sv5aabaecFhpaaOvZAI2uimYLZhexl/NLBTtbK95bYNc2
wOtuaJiVuxlJO+Jh7BrA550lcNj4K8pGx4hgry0HtYgXAHfTcf11WXimPZy25FsjfDkfmzB
asUte4m+R9nkdRs74FVouw7og5oGW58DZQOL4DYtOuxR1RH6PUPiJH3biLoersQwDpf4/wAl
SQkUE9XUNa0geOQBdbfD+HKOjjD6l3pD+VxZo9nNY2GUwSNe31mm4stdHiPpdMySN12Ee49C
svJteGlibbDR1he0Ewk3B6f9IS17pIq70pjSIn2JNtGu/r5rUSPa9pY8AtOhBVFVRzROeJcX
RMbZhtcFuxbbyUzPc1Tyx+QzqkBplY3M+9w38N/2lXdqYzdzGloFyLLmDsHF0U4yb5Hj6pJ2
vqmB8bHBvNvIp7ZXIX1MhndmDbAaNA5IjDwzOA61xupGjJeOWPTy1UT2OppA9pzMJ0IS2mY6
u1u1obEYCbZTcHoicNkNLX2tzzDxHNCMeJImv0JA18UU2JsYhqQ+7i4sc07joUtttPVsOmZV
UUUrdSBZSTRi17c1nOFMQ1NM82DvVv1WmlaSPBZZRF4oOnpY2BxGz9dTsidhYDTwUUYcG25H
Tb2vZR06QC5B6pkoytdbmnsBzEDbkumbp809cFvIXygOu3x1CWJzQ12nKyV+5008AmNZ62gu
pnbS907uXW4uuLMt7HcJcum+/RI8WGGOnJaEgc0ka7WKBkc6AhzXFhFiHDSysAPut9bFBVDS
6lu6W5ona5V/T5hC3O8vdbUnpcKh2aFzdjyTov1bb9E2e/ZOsNU2HymhF2NG+ikN2usdFFGS
IjbaaaJ2ZztTqm3KP2lyXM1cmEc1HWObowk+DghXUFY3/UOPIYq27d4IbYglOMsp2V8F7WK

uGnq13XMT/8AhKhZSVBUBBIXc9NlcCSbUucR5FTOqC2BrgQXO2KNQe9Upw+sda1O8ddQmMw2
tDjmgfYHTUK0dVypNr2FuSa+V9tHuHtS4P2yAigqQbmnfbwsopaeYSszxSWB5tKs5KmVzGtD
i3qRzSNnnazKJdfqSlwftSNijLGge4KKopmjnYJ0s8rWG8jiSbb6KGesnP8ArXAX514E2f6K
80v3bXO13Q3oNWYSRA/yRVJXzSN7N0h0N83NFumeQLuPggjbyjPOgkuCQfLp+Snp2TZ2hkbn
X0sRon1FpaiRwJ1dffwTo43C3RC98C48PqGvu5g22zDdTRtLQWu0N9V0RzMGY2sLKRjNN7oZ
7vyVo8E/2LgwgQRkck9J2jypSNFL2ZSiLmnotvOePwX4IExovlYvPMUYymshNw9veeP2br1z
i2mg7aR0rQRlaST0t/JeN4098+ISkPL239dxTuo6McvthtHAH18VK97WtmIaXXuBfmrWgqTg
WKMA YHS08ri9rudv5BZyKHNMAx5c8m4AVIMDXVr6ipdnkkOZztN0u4ctaeixOmNDJQ9sGwyO
zZ8tpGXBvYjft4qoxh9JTPpoaF0ssMNw6WW13k22HiaaKyoOH8SkgYYaNGaR+Nwb8SmYzw5i
MFG6aSAZYxmJY8OsicL1sHF2c0YZMM0fKx1b4hQzUElN940hzD6sjdj+R8FBA5zRb1bcjzR9
PXPjORxy5tCHC4d9CtInRtPLI/vbSMGjj8k+WjJ2TRMs0Pu9t/UJt8CiezinAcwCN393ZO
E1tnMF7DKQfXc1rFMaVMriMQhG2TL8FO93Z0znC4zOcfhYfNR1ERZWCbXI4EgnLYbLpZlpGM
09UX873QIBELQyE7kBVxurOjf95A7qwtKrSLU7Rzc4n3I2kP6on8LuiBFjXuvUh99XNaf/qE
LIS63QD3Iqr1bEerLe4oO4dzVZE05kbZB1vldyJ2SZqzD5M7S51xy1DvzS5iw2B5X8IMKtr
oS3w3HhuEEjflVtZoPubIKrxWrqWZS4C3QJ8rY3XzMA8RohXxAeqdFlcYPbITTwska0lo7wR
tO0xSAaAHS3VCUBJYRzYfgVaCMObfa/RS0xLPQxxz3yix2PQoqqWSlCwvbdh0IV3TSDk/JI
Lsdo4KStpgI7EdpE4aHmEqrTMwS9k7IdWHYqL8wySjMFQyr71m3jF7a3GvsVLWUgpcSLujOxH
JNhmLbBx1GxUbr/DTYXUvika7MQWnQ7e1eYfUfpGibKy19ni+xXktLUAkXNlrMFXGaONzIZ
iwuG4V8UZTfTaCleBqQfammmluLZdN9VS0uK1nncTZ5XuY5wDhYc1dYrHVR0/a0krmlnrNsD
cdVPrjYzvtLqntp3Dm0JzodCO038Fn/TK8gHt3uvysOiQ11aCxoldrzujeKvTL8rp9EHg3k/
+qiFBlzWIBzeCqWV1cc3+cXt1spYK2vncR2wY1vPII9v4P1y/Ky9DO2Ztz4KCeikyHKWkgcl
DJPXZdKpu3+zCH9LrXNFqkHTctAt8E/tEmTgLQmx2uChpbOhII6c1P280kbhO4Otta2iGII7
MtI5DZTJy0i+g/VjfZok/VuHgoYpW5GjawUj3gxmxTY/KRurR0TgDr5qONxyDkpBKLBMj1yZ
2rPH3LkEeSQRfkdCntOoKY4AndKNgLKy0WTvN30Qr+63unzU1S8hjsngNghCS7xSpyHscXPAu
ByuU8vANib25qC/sUxhLACdcwv5JaNxdqLJped7pXNsktrqLhIIPH33JDeqaGucPNPkZndcN
yi+ykZHpdCojppqsJicCUVcktF7WSxRuB8FJk8NVWkWGDR1HaFwY/LfQgXBT2Rk91XUcYMDW
vF7jVM9Dia3QG/mq9S9wAabWHPRH08YbE021KfTtaddbKVwAGmiJEXLZvJLcJN+aS/RUKtw
Oa4uCbdV2N4rHhGHPqX2Lto2k+seSDk3wxf2i1rX1fYQPzPbGO0F9juB8V5ZVwPzZ5nZQdgO
a0mKVrpJJKid2Z7yXa7kqmp4n1E3pEwzAeqORP8AJLtl1a1NG0dGKamdK5mV7vaQDsFoODMOi
qZ5amRofk9S/LxVRVHtAIWG9vWd4rTcFOijhkjA7xBSPC5UZ9NvFjy1YJ7MW5J5ibUU74ni7
XtII6goYV1L6PLKHWbFuiqaWN0HahwLbXWUbxGvPpqKFsskMgyTROLHEaXtzsgJ4XUpAf34n
bEfTotDxjRsZLFXR7SuDXgG2ttD7gfcqOKfMZKaon2k2DrbEbLbGsvJNVHDOY3BpcSD6ruv8
0ayYm19fqqsMdnfTuBzNjLbHmpIJ3ah2p+a0Z7HzRtkY4cj8PFAVfdlBta5RscmlgRprdq1k
IMWcAafJCbAJ1YwcrI2m9Vtt8yGLRZnkiob3Bv6yCg+suKaJwGzjf2/9kG14byA5gKwqmk4f
f9nKR7z+aqiE4mpQ69jBKdEh15JgBBGqcdQEYMeTY81E6x7F7KYphZpZTST4Yxr+2YGu7U7t
ul9Va0jhJE023CqKBuTEYSXFjXOyOcDbQ6H5q2pI3QF0DyM0biDbwWdXjU7ogfMIjmc1zHRS
+qUmXyHnczK642PipaQ/E6I00hLRmY73KnkpAQXwg2Grm9PFa4tbVQGF3rAd0n5LO1DJKSbM
24LTspsTYDhklNFfYVWZXg3VVLtqIjUuzbW1kiG7fEeCippnROBuiVMeuYNT0eIUwmy/fxk
X1Nj0NldP9IH4Yz7SFGOGMa9Hnab6HRw6hb/ANa5oc3Vp1FlrNMs5ZUZFBfLFpyuUwiUgZ
oYif3v5KV1Q0C9iozVAjRqOE8mFrgNKeG/QH+SHlvcgUdjubWsVma1tx3T7k01o/YKRzYOaR
oaGij71tSUBYtGtK8e1XfpjD+Epr6qNwyuYD1ulZFY6+FJoY3BsT2E6m6iy3cGvBa02ufBXr
XwjaM79U5kkIcI9fHVKRXsCjqIw0ZSLDTZTtkY7axRYeyXumMa9FJ6OwX0uLkltgVpa65I
S5WHI8SpXU7CAO9pdIaZ1u454RotxHePp8VyX0OfquRoJvRjzplt/vJwpqhumUHxurC65Xpn
7VWPop3cmi++qb+i5t7s96tRulBS1B71VDC5Rbvt+KIGHPG8jfcVYajEag96DbQW3kHuUgom
BuW/wRKS/vT1C9qGNBEdSXJ7aOJulifapS4aBde5RqDdMbDG3Zt/Mp4Yz9kaeC7YpbjwTlum
4TsfFdm0SFzSLX16IDmvsfHouLiT4qM5APWAIUT3Cwve55hJWk4Nna804jmFGwadU5zriwQC
Oe1jC5zgGgXJPILy7irHf0rWuchH0aG7Yx18fMrS8aY2YYTh0DrPeLykch0XmNbKZn5Ae6Pi
k28eOuaCIEldU66DI0ARA0AbE22lmeA51K1jYY9Rq7V3109qeW5BbZztT4DkE2sQ5Q1psbkX
JPUq34GIdQ98b9RqLFBv5RTx9sBc8gUPguJpK8TgBrXuv8AyU5zhp48tZNa59sDm713Bwa4
9bOsjHVYpCLiaHhvaPDNTy3PwCzX6VjNDVRFwDpH91v+8ENXYtJUmOBukTSRzubW+q59Oy5
LfgsWZVNGxp4NR/fdsPmqFge70gv9YPbc+JuShGVhLGAOMkt9L7NPW35q0p6cx0Db6mZxcSf
681vjHfll7XYKaVzXxTj1mmx8R/V1NURBke31XjM3yKgrGWjN9LFHRD0nDWnnFoR4Hb6q2a
OJ9mk8r97w8USx2pjdqCh4GWlyN1XaHyUrWuBLXDvNNig0E8WR4b+ypom2jBtzuppY2p8/4
mfJRxfqwR1QlcTR58LntvE1l/aQfzVM5txyWgpG9rS4nHf8AAPgbfkqNzbEjonE1DY33TgL6
2T9SR1SNadU0m5UgaBuPcpMq7LognQx7F7Ai4FwOqtZiDissr3tEk+UmMcui6Ln3hVNiEsDmw
zMkIvYrOql00UWxb8k7JyPPdRxjW+moU41UVtEDS0TrbWUNZE2rZnAs8esOo6qxMDpmWAOYb

fkghNewktBBbv4Jbn7yUc+dpIIPJGGnir2dpTjLL+KPr4j8lNW wtnjL2jXmOiqI5H08wAJFu
YU9Jo+inkpZgDsDsvTOGMaiqqZtNKRnHqHr4Lzlk0eINu4Bs4/8Av/P5o7C6l9LMMrrWPVVL
orPaaerlsZJ0THZOTb+SEwytFdStluM40drz6otzSeQ961c+tXRp7PmB5FNiAvkv7EggDTo
L68yU4x8gLDwQaMOa64MViNeqbmjGmVqk9HvbvadEog5BztQke4QFpuSwbKtB1Whd2ZHM380
oapPftIofl308VJ2zXDRwdb0VDlz6FoPnqnCNzdgLeAQOCukG9gLbgpjXk7CwPMKvROR5+C
fZoGjQUFwiv5rlJcfsn3Lk9EIXLgl0CaSWS8ki4kWQCIIml4B0I8kwzN5JDSTmlNwhnVivYD
zUby9zx3iB4I2ehRAOtlguh8xGgN/NjmJsbuA6XR9s9Jy+wOvkmCQmS1xr0QzrlxJc6/IKaBr
Qbki52Tg0nc240KjynyU3dAvyQ0tZEx2XtGj23UIN10kNxxquDcp7zsygNUXerG93jsPiBlc
bnKzy7xQvVT5jboENXYjHRUkk57wjF9/gn5BcZiXHxWR40xO5ZQxus1nek8+Q/rqg8cd3TI4
vXyVE0kz3XklcdqcpYwA3dudf5ol4zuMr/VHLqoZXd0E7u1PgFUjctmvI4d1utup5BMGrcxF
yTqpJm5WtgH4Rd1uZK4d05uTAXfl8bIMBiT/APVD8OntQzKb7u556kqcNdPL3j3WqWpjflAD
TY87ISrDI5kpaGnLflyUrX3lOtxbmi4qcdpbwJ9tkE1gdUOBus8sJa0xzs4GYZSGWYPI1ebW
6BX9SAJgxuzBYKDC42sBIl2CmNy5ztyrk0SpxRoa0+IBU+Eu/wBXfr4t7eSgxUkhaS0khaWu
B1bqhI10WWYw2JFIJVR5ZWyW9Ya+YUsl4OG248jqlqwH09+bT80gihIDrO2dodUxkeWb178
Lx80sevPdESM+9jk/atfzCZLPh37+pqYz/rY3fMFUZGmxVzwsuKRf3g4f8A1KrqiLsqmSP9
h5HuRE3sMBQlDduafspIoS+Jz/2XBNKHKAAuy6aKQt5JzmXNxoEJQEeHsXTtDn5g3KDs0clL
e22/MpjxeymmuKUmWhik5t7rvZt8ES0hV+EP70tOfxjM245j+V1YNvZRWuNHQTIhNDjqiGc
817nAXJ5df5povdc64APlpLVU+ZmYtaBffrVNXCJGlzRYjktFUxiRpcBrzCp52FjIFFm1THI
WkNktlap0mUk3kHPm4fmgKiG4zN330UUUjmkA7jZEZ9PQ+Fsa7GobHI77uTuuv8AAreFvgvH
cNke8dowG7TZwa38V6dgWIGsoAyQ/exW4He3IrbFHkny7eC4pS4dEhuLXVsjrXGyaW2CkD
hZMcddEgTRJoAuJuk9iDOA8bJ73NtoFHDjcoI7XdcAEi4uAPggzrnr8VybmauQEu7dei5zn
XuhxITibA28IjnP7PxQWjwXXXG5Ka25HIJQDzPwQDraJoDM2ouFxFH94qMtbfUE26koDpewB7
xAtte2Ub6qBvO/kCUuRt7tYAfAJCkcMdVm/chkd7LfnRvnrqj6sTR4uf+QUt9E2+9rpKRtFU/
eaNvgGEn5p8cT4w4OfUPPgAB9F1jfmP3KAa9jHHvFzgepSNbGy4awDpopLJMhTJwI6JCQUtr
Li3RII55mwQvclNGi+68vxSofXVz3Zrlx1P1W34qrRT4f2LfwfpuvPKmXJHYCzbnwTjbCam
wtRd03ZWYhhtYqJlpKoX9Ua28BquLsrHO5nQeCSA/rDzy296s6a8kuLnbkp7s3oj3bAgBMkF
iPkgJtSuHV ARU7BlzAeKIY4zNNxZrPimDSCwuLorIiqdrbC51KDQwNHbOJ5tl+BVVCP89I3v
qrRhs4Hwd8iqxhtVtNkg0lLmFK6+mlkrtGnaybSzh8DxbLs3c1OqFKJETme3S10kRGVpsdE
labzgeC6L1R4JJ5W9PJngYDuNP696IcMOMG6tQNE7u5b6XVhe49iRg4uWqLz3jF/wALgUIO
WNkTH3mOH91BD+H3CPEqY7DOB9FH0iXZ4tUtp+0J96Zh7jFKx43a4H4o3iKPLjU19c4a74BE
TkqMpV7gOHuqaOqflLgOC1uZGqFwzB6rFJcsDO4Pwkd6rVvsMwyHDKJtPDD2t3PO7j1TZ26e
ZODQ42F9eaaQTvurPGKYU2L1UYFgHkgeB1QBbpZMkVvikLeimLQToLJrhySoJBIaerZJzY4H
zV/IwRzHLq06t8jsqAhXIG/t8PYdc0JyO8jt9Qs60xp2t0pHdTrLrG9lLaBTdrkFWQg6tGhO
isZBrfRQOa0tLXegefQpBShuZm5Qbi2oVfPbZAsVdVVM5h1FkK9jSxrQyzm7m+6UTYiw7EZA
M2ABvrYrW8OY0+KubLI7uu0eB0WNfEWvzbR+Gyljr5g223irlTJ8PZAQQC0gg7EJxdel1Tc
N4h6XQIjx78Y0vzCuNOi1lc9mrp17aLr63K4m3mk3CCde662oSeS7N4IMrtDpqnsjL23vZRZ
IJHLiFiN0wR7XM3ITbjnqllkDjtayjvrskIfcdfguTcw6LkBzRzTuwg0KdfqgFDrJ100bJdk
gS6Qi/VPBvyXaE2QERHQFNyk739iA1SjSNEFsN2Z0Sdbors1wZzsjQ2hbAANyk7MWtcKf
LZL2YPT3JjaBsd+YsntjA0ABKkEY A1XdmN0DZvZi2y55bFE5zgA0C5TywWsLhVuNTGOnbC1x
zTOt7B/QSE5uml4rrDUV4admi5Hnr8rLzSF8hJNlB4tP21bO8n1nn3Koc03LraeScdXXCCV
1wb06J8UZbHmOzrWUB26knl8VNEzQDz1VkwPkcwdjcfmljZQvjfHCXEWzahOnjexzC4EBx7v
imyPe8Br3XAGiKIjsSY2oqfX5KCHW0AtoBspXC562SMNbs2HJp+SaksJGu6I593Su8AUJJH
cBILKgfYhvVFA3BVZTOLQ0323Vne7rjZ2qRqus97e3JJECPWN2dbTZRWxki9wAdzTT8iaT
RwPVWjRt4qsibZ1tHK0jvYac0jCkZXWIUsIsSPajwQ65T49HaIIVRt7xVjjc9TA8/jp2H4
IWijzF+mosUbiozR0bgD+pIPsJGQzhrFpoqqKgks6F5ysFtWfBpkvO8O+6rIZS4ANeCCfNe
h+SbHJiOK4AzGC+2kjGn6Kly+C1vF8GaOnnA9Ulp9v8A2WXY7JkhLDvVIW9FMRddl9qRoHss
biH4Q8MqRE42ZMMh8Oh96hLcwBtmsBpB0uCpquiwscWPFi3RI5tlOXGphiq/wDaCz/3hoU3
JcXWdbSh5GX1Q7mX3RxYfnROi8ElbV8sWduu4+Sakhsb2V2+P8QCidRh9zew5IKqQw3vomth
yuBCsjCRoeSa6nVxFWnD9e6kqGPvsdR1C9Bjc2SMPabtcLiy8wpmmN46rdcO1Ymg7B51bq3y
5qpwwzm5tbnDI1Ke5lk0jxVMyaWTNRyKfz6hNIKAQHwSe0pbaalSumpTMmh5rttikN4LtT
u66QJmHT4r12U9SuQEotZdcKIOJG11xcB5pFpMCTsnAqIOu26e0oB99E7cpgKcLX3TI8AdUo
3ukGnmlQRfiuXWtzSgXQTgCT811k6xSc0Eby2S+xLvyXW0QZNOizGOTufV1Dm+rBFa/jb8yt
HUztpoHSO5DRYeoqXTQ10hOpYPbdwSaeOc7ZGq1dzQcg0sdlYTi5N9eSEeB7VcjoCljXDW+Y
H4J8Ys4m3JPDDILkhIDHECxAGg5pkZNUdsGNf6zDpYclAQkZrKSeSdlbDRFEdT/jcdtk86XN
yua3JCBffVI7RiSkAHePkUO/bTRThwBcPBQvt70qR0O1r6KxgN4wDyPVV0R7wR8GjreCQdVR
3YdPFBNGqtSMzbWVeY8khB93RAqemac91Zx3DAeiBpeexurGMd1MkMje8uaDopXtv7EgHwQF

lhbb1OQ7PYR7tUVXi1JS67Zx8QhsNcG1MRP7Qv8AVWNfHanDLaxyuB9v/ZlqqxY6Ft1p+Hq+
aUmmmcXANu3MbkLO5bb13CpvR8RifyvYpovTQY/B2+FSC1y2zh7FjMnKy9FjBPA+Pk9pCxL
owx7o5AQ5psdEkQCI0ojJ5FHejZho5J6JIPVIKDCCM22TRHZ2qNETmkg8dFzobi+6VOJsIJ
fHNSO3d32eYRDWISEupqpkzdCCCreeENncGeodW+R1UWLxoNzAmmLwRnZeCUR6WtqpXsB2V+
SaYbXFkcY7FKYdExtTyU2t7JnYW5bq2fBdRdjY7Kom1W9jldcBWuEzup52PB1BULob7BOgZk
IPiqTumubKxrxs4XCXYW6obCJe1pMI7lht7Ef2YQw6Q5fBNLQpHNUT0GadNAmlKUzUEi90zK
SByTS5PDMzL3G6jdobFBkyMt6gXJPauQZze8UhvMxRuuAQN0+7fbdLiXszXnzTmEEbLtALWu
IZYHZBFFhz1T7XNwkFuqc54be7tkyPBuLdOSchXsbgJkbmyNuCCnncIIO0Tm2CYW3bvrySt
BHNLZJCRyTdTpZJbobJSmThfZcSuF7dVBWT9jCTexOiDU2P1t4nMadNlmWa0dYd+635qwxmU
lwad9yqyLWlqxzyt/wCZEjoxmopZhuhHNSbEDXqj5hdC9nmeAdhqVa0Dm5R5cl0kUfoZ7M5n
kjb4rpe9c8yboZz8tO43I73JAqCG5e48gnObncG8rpsA0J6qZgHePLkiiEec0luSR40KcAdT
a90jhfRSofJcXsVA4IESjWyhAu7VATU7bPGbmrGKK7b8wg4W3kCs426eaROaNtUJURZZc37S
PDSAo6ll479CgUymbY2srJdL/BV9N61lZxsJbex800og27jsOeq5jBk3Gie5trW58krW2ce
qAIPgRY9FeYg3Mx7xqHlj/eFUU7NSrl7e0w2J3MAtpSN/qgqq8h6JzWEOUwZbVOEeugTQ1eG
y+kUmb9zbVVHENGxlQydgSQC3iQi+H5e5JCTt3h/XuU+OxZ6Nh6PUs/lm4GlrdDsUWGADUK
IR2OyMkaQBH045JqDENJt1TDFYkgI2SAN1tZMypDYKSEWYRtZWkIMuHxv5xnIfoewLohYbO
RmHxm0kBHri48wpsPaIMJ8EvZ2U4j8E/Jr1UaabC9npZL2Yta2vVEFiQMsUAI6JRMpW9gj3x
+WiiMe6qFQppnOaSxhNtyOSg7MhwVk0va0hptfdDuj11CtO1jgkmWXIdnBX11nqDuSt3BV/
mSZ5dkk2UDt1K7XmoiEFEbkW81I4DkmG3RNUMvbQJrtTvqnEjZMJFt0lGE67r112ftBcg9JW
NN9vcnBpB2N09rhhfZLmzOFz5aoSYryunNFthqpDGDqea7snDYJlsgjBN7alKYmuADtQnAHm
UlV+9BEjhbELAnTZTgDom2sdk8DRBV2VLyX2ShckTrLj0XWS7oBpGxJVXiUueoZE03AOqs5
HBrC420VA55kne/oCUKxihxOTPUE9Rug4haCo8h81NW6ym/ID5BQR6Qy+QVOidK6oblcdCAh
HHKwm3raBEz+CglaBZo3A1umYSQFxoUXsg5f/LHXcoyVuhshJQOy9oTgpkYszQclMBAIDqmM
GgsL8lOWjNbkqQ0iyZzU2Qprm63SMFPodlBG3v8AtvZfVI1GllFE3vXHJICIWDPcBWEewIQk
AGboj4xYddEA7KSdkkrM0VvBTtcQ3LZtr3TpGBzD3bA8uiC2Bpm/e76q4jflly2uq+mjAmHX
RWbWnkLIQHezVOazvX8FK5t/K6VrbuGiBtNC3UFW1OM2HyNOuVwPv/oKuhZr4K1ohdkrP2mH
4apC9AwywTmsUoZ4J4ZdUg+if6PUskHI6+Su8Vb2lC1zTduYFU7GKxjl7TDZIXbssR5XSqKq
wweKeBIPdClyJQwWQefeJuSnsZdSBikYwXQBNFSNIY8OJG1kUKHI5pbY25hOoW2adEVspK1W
SxFsh0TMhr1S3UO6oUjVSuVHk8F2QKW112Qk7JaVtEWKfZNdkeLiRoE8Ubjue4m5K5sehFvJ
NNOTyVwyka217J4gjHK6pPsqqemLXajRW3IHnZLLaBoAmuNhcIK3bjbmonON9E4hMebc0Hii
cT1PuUbxcbkp7iLqNxxHW6FyGZRYszRyXFwSZkl6NyN5hcnZJP2SuQawGUfhv7Eosd2BOyJcv
90KMBLX8PJPDROnURG8jsngITs3iO7s29LKRckW0eTmuyqRcgbR2I5JbJy5ANvZdcJdElgg
A8RlyQlO0P8AX81StNxKeeW3xR2JTzPLDYIClgtk82/VNrp0K5v3ztNgPKEKHMbBKASCQEX
W/rneQ+SAccrHa8k2sAuaC/Nawbqh3akutqiZhkYBzdqoH6Ai+iagkrbNKFe28LvNFznuzJ
OW8Tri+iZGRAEj5qaM5Xk6HrcKNNoGXZPzonDwsETOyBDQeqrq1jGTEAaFK2eSMENdYFRPcXO
udVOQgKoaLHj+S6JosnT+u32qSKM5M1tN0nggi01RjG6A6qKJtm2Bab+GoRLAdr+xiHRN11
25qVze6eS5gF1I4WZshNDxtyytNlZsYgWjUX109ysoxcA+CEosotr1TmR3eLDQJ+Ua+acBYj
WwTJNC3QXKsaEffgHncfBBQssdUfTdyVrjbQhIGZMpsbqRrPBTTtHbOHikDU0ua3mngWvbpZ
cAbpwHggjBj7RyS20TgEEQNT2N1HRI3RPbuCgLCk2KIJOQ1MbMN+imuOqLpG3Z5IUsRdxsm
5Gk6pHKgbGXXdkHMP4s0WATsyYtKA1osAlvom5rrroSW64riU10GTTkUw6p5TCg4aTcWcge4
A2KndbqoXsBOgAPWyS4FdIxz8rDr4pWxutYqXKdCSPcnaJL2FdE4Hdc1pYQ7p1U0lzs4qFw6
klLZpSj+yFygyM8VyPYai7y80uW6dZLbVW5jQ1KAls5IDkqTZcgnLkl0hKDLdJdJdNJQC3
Uc0mVhXFyDrpbRkXQcirpM7ySoYHd1/mPqkldcnXRRRyBxaw6EHQptlfWavPkPkq+QZiG9V
YV/dqHDoB8lWuNyTfyJtEndmkNtFC4kNLSBY2Ke51yVE7ZMw1R6oAUe0PsKknIOgBzdbprg
ez9nRMiAWFlw8Vy64BSNx3TtyPJI42XEm1uSRopDaQaA6KVjLBRSEoBHRExAejzQQiIabot
jb2/JDxDRFM5JEIY250TnbbLm7pSDdJJtr2R8Q7g8kGPBHQd5g6hNJWjXVOaLkXXWtyUsYF9
dkBLG3XVfx7iyHiHiiWfVAESj70n2rgLlLJuPIJAhJw8E4JoP/ZKEEcNtNgmX8VwN0EkBsdR
dOuC640UwBZOa7VB6HQk5VIDY7oeJ3dUmbxSJNmXZ7IRzrpwSCTN7UocmhKLII4XKcAU0FOB
TI7LfmUf90hdbRcDrugIOBA8FESbokHRNLGuQcoUkpjiinU99nW81G6mdyIKnlcsCk6Jt1
KJNNlyApTDSzfs/EJcq9oFIN9007H81O+nlaLlpt4KEgAm6SpUeUrK+7eq5Br5IIXLryu5J
Fxnkwu1QDi5NL9UwuTL2QekhmlyZceKRx5A+0oPSTMMf26bcprtRug9HF11V1kmZxA2CMlf
laSqmV+a5JCapAzgXkgaoaZronAvFkS2QRvvdZ11S2VgaE2kBYi6058Wj5KskdaN59yOxB2b
s3A7sVXMT2B13chcDlxN9Uwusb6e1IXEg6e3oonus06pmY7vOuSFKfUAsooS3Nd2oT33vYIp
I3HW/IISnODcoJdz1HNmNDWPs12ZvVBw1xP/JdfVML/Gydm0Uma5ouHB4JcdWjCWRMYsQEG0
nOCjI0yHMyIjct7/Air9UQ0ewhCxO25lztM93PuSUiSmtbdLfvFR5tNU5rvYgkgsi6bUWCda
eqIgdZJirYnmnsUifbS6ex2oQBbD8kQ1yDY7mpmvTA5zrgdLJA7kow67Qml9ki0IzX8Eoehs

/NOa4IBaEFy7Nzuoc1huuD0DSYOckDuaGD7FPzDkgaHRO0KkDkJG+w3UgkSLQkPTg8dUKJNU
4PQWhYelD0MJEvajloVnsnB9/BCB6ka9BaEg3KeDZDB/inh6CEXSgqEPUjXX1QR65IFyA5cS
uXIBE18cb/WYHexOXckBD6JB/s/iVymsVyNDddn1ShyHzpcxQek90x6aHc1xJKAZqu8brikt
70zKNbppPvXXskKQIUwnRKSopHBouTogwlbNYBo3KdBg09QwOlcIgeVrlSYXEKqsfM8XbFsP
FG4liTMPjGmeR3qt+qDtu9QBjw0C05Kk5vFunzWexOgqKCTJOzQ+q4agrR0HEAqKoQVDGszG
zXDa/RWIZSRV1M+CZt2uHuPVMTK4315rKGYRxB0gYMxaXkGzR7EXBwdV4hTialraWWMk2c1z
vyQ2JUsHLPsy+tG4a9fH4hXn2fud/n7LnIMhA8e8m1ytm04rHfZ7itj/nNMAd+878lmMUo4
6GQRMrYK19yHdiSQ32kAH2L1riOR0fDte9hIcIXWIXi+XPIBcDXc7IifHbl2usAwVmLP7EVc
Ecx9WORxBd5aWKuj9neKZiRU01v3nfs9g0Tpsbo2Q3DnTtt4WN17DW1kOH0ctVUPyxRNzOK
KM8rjeHmtZwHXUkbnqcQooY27ue8gfJZmSjc6s9FopBWuOxha438gQCrDiHHqrHa10szi2Jp
tFEDowfU+KqqSrlw+shq6d+WSJwc09D0Que2uVtS8GcRVdsuHvjHWVwZ8zdXdN9mWYgGpro
Ib7hrS8/Rb7CsThxbC4a+E2ZK25H7J5j2FY/FftMZFUPhwykbM1pt20rrA+QSZe+d4gOf7L6
uNuamxGKVw/C+Ms+pWdrsLrsJqOwrad0TuROod5HmtDgf2jmrro6bEqaOFshytjcbNPiD81
ssRw2mxWjftVUYcx2x5tPUiHvljdZPH4yiGHROxHD5cKxGWi11MZ0NvWHIpBE/sw6xsUN/gZ
Q0gr5204q14XvPd7S9nHpcBXo4JxEf6+D/iP5LLxBzqmJrPWLgG263XsI2QxzyuLEf5GYg0E
menuHTP5KnkY2mmMTJ2Tafijva/tXoeMZv0PV5PW7F1vcvLo32ckMLcu1nCGSzbR5WxA/idew
9yYUOGqqeISRvNO9jtnNJ/JZvPqFsuDJHPoJ2kkhsunuQee5NxA3hitH+th95/JLJgFTBGZJ
Z4WtbqSSbD4LUqg4tMjaOEtP3Zf3h7NPqhGOeVulOJLaZr25hH0+GS1sfaQzxHqLm489FRsk
uLeCvOFsz6yV9+611j5kpNc5ZNxL/k9V/wC1i95/JKcEqImFz5Yg1o1JJ/JaJU/E0hjw5gB0
dIAfimxmeVugMFD6USyGqge4crn8IMMBqv8AaR+8/kqvCZT+lKextd9ltEKztxqg/QVVt2kF
x/JOaglSNe0j95S1XELqeqkhhTtcGOy3Lt0bh+LQ192AFkg1yn6IK3OTYUYRUD8cfvKgdT9n
OYXzxtelbk/kr6SRsUTpHGzWi5WQlqXTTPkdu43Sp425LoYXUfts95TZKCSFuaSWNrfMqyoX
F9DC4m5LAq3HXkPhbfSxPyTTLbdB89n2zAgHdFxrphEovjhz1KqhIrDCJCauwOhaUIZTUFD
D5hu5vvUbmdbdoxzyCtHmzHHwVE1/NNOO6JBPVPab2Q4enB/O6DFeqeJQEGZdL3SdryQ
nQ7t2hIakDxQHaG9kmcOghxq/AJpq3ckFc89k5uckWQNCvSHX1Nk3tjvdRtie5PFMb6lMcF7
d/8ARXJfRW+K5AOB9y64TjE4ckmQhAK11vBpZBRartRugJCQUlwoi4hJmKRpCQmk9EzMT5JC
TZAc53ggq6YMit1RLn212AVJiFRneQNdUKkXvDxDqOQjfp8AQKo4hkccVe03s1oy+5MwjFRh
9S4SXMMlSxHK3NFY9JQVktamCri7Votlv6wTEmslC6Qg3vYjYrdYbVem4fDUc3N73mNCvPnv
utZwhOZMPLiJ/VyfnCvJONGONaQB8NU0eu0xu89x9VF9n/6zEPKP/qV1xZCJcBldzjc1w99v
qqP7Pv1+JW2+7/6kjl342g4n/s1iB/8AZK8Agrrr2Xij+zOlfwHLxtrdAALkIE4eq2n2eYX
21dLiEgu2nGvH/vHf3D5qX7QsZzzswqJ/dj78wHMnYfX2rRYVDFwxwmHzjKY4zLL4uPL5BeV
1dVLW1ctMbySvLnHzQWM9s9hneCGkFrok2te58V1PSS11XFSwNvJK8Mbc21JTBnF9muludU
1WETEmKeMvY2+xGht5g/BZDEqM4fiVTRPvmhklPO2xW+4a4IxLaUIK2WaCSFjXZiwm+rSLW
I8VkeLayKr4sraiCzo+0DWnks0AH4gpMsbPa6VA3BG694wuR8uFUkknrvhYXX62C8S+wmlxL
FIqWjvfneg6Da+/wXusbGxRMjaLNY0AeQqny3pgPtAYxmMUzxo50Pe9hNIRQVF25XGyM4rxB
uI4/M5hzRxfdtPW2/wAbqnuQjbXCfbF3gkDaziKjjAvZ+Y+Q1+i9PXn3ANN2uLz1BGkMvgfE
/wDYrWcSV/6Nwozg2cZWNH/EL/AFJh5OctLOVgkifG7ZzScvIJGmCZ8R9aNXafYV7ADcXGxX
IXEsPo3EVZGBYGTOPli/1Qfh7sQNfcdVbbgc3oan+KPksc1+i3fAZvQVX8UfJEa+X9jVKs4h
p/SMFnaGrBnHs1+V1JiNV6LU0LibNkn7M+1pt8b117BJG5jhdrgQqhyziyvM2SWF1sOEocmH
STEayPt7B/RWlmjNPUSQO3jeWn2L0XB6f0bCaaK1iGAnzOv1Sjp81+0YHAuLQdRuFR8wM2HR
fxR8ijMPqO3xPEQDpE9jB7G6/FAcYm2GRfxR8imxwn3yKPBn3xamH/uBbxeeYK6+MUv8QL0N
EV5u2GxJ3/iIT/FKSkqTTVEczT6jgfYo8Ud/4tVD/wB0qAOUt5OG0xufLhD3NOj8oB8CVIA9
aGg7HGMFZTySEOjsHZdxzZ2qY2nqpYWvzhjiA7qnWXj43G0w3XDaf8AhhVfERtLB+6forPC
9cLpj/7YVRxO601P+676J/DPD96ua/xVlgjr1/8AulUrX+KtcBdfEf8AcKTXOcVo5P1bvIrO
NetHJ+qf+6V1VvKdZYC2v2Ts6Ha5PBvoktLmuOa4eBTQCRsntYsbkfFNJQ25Tg34pzYnWvYe
9SMj7hGW7uVkeA2PmiGMA8U1IPI7wsp207hu5MrXNA00SnTdPETQNSSnZWjYAlSizN/aXKXR
cgbLcHySd3ZJouvAcWNPLdNMbSeSdmTc4skDTComyYYgnOfb2JrpBZMzCwbKKTQJ75FBK/Q
uOwSVAtZNIzIB1Ko5HZn11/JHVchdfU3KBkFgBfU7pxriHe7TfdQfXrc7mNgytIJJ1FtQgqj
Nk1RdzcO1E1DBV0Vn54wXR3sb2513hKcPpairiqIJI8zWkZ2kXIv+ataKrgo8DpZKiVsbBE3
UnwTcPx6kxOrfT07X91ubM4WBSY3LKyxNjUD6nB6qGJuZ7ozlHUrP8CUU9MK6SaF8Qe5jWh7
bXte/wA1p62rjoaOWqlvkjbc25oHAsdixuGRzIzFJEQHMJvodjf2ITLfwvE2vDdf/BcvOuE
cK/SWPwtc28UP3j7+Gw99l6NxJrw7XD/ANKqr4Gwz0PCDVvbaSqN/wDdG31KFY5awqL7QhUf
oSPsz9x2o7Ufl4/RebPAXtOLULcSwuoo3f61hAJ5HcfGy8ckhcx7mOaQ5pIcOlkNPDeNBCEs
UstPMyeF5ZJG4Oa4ciOakcwW0vfmfGte6bZb1fG+P1tI6mkq2sa4Wc6Nga4+38IZ1P2eVFX
S0tbhkkdpowOfFibZXE9j0WSMdnL1ocQ4fgeB0IqpT2jqdhhGwXcdB7kmOf269QvCPBowJ7
qyreyWrcMrcu0Y526korirHm4bSupIJAKqVuh/Yb1U+DcVYdjUphgc+KYaiOUWLh4IjGsEpc

apuznblkb6kgGrT+SGO/u3k8mGi7XkCjMRw2owyrfS1DbPbsRs4dQrPhjiBmDSvhqYs9PK4E
uAuWHqk67eNqxqCcMkoMHMsZCyWpdnIIsQ3l+ftVd9otTlp6OIB9dznn2WA+a2THBzQ4G4Iu
F5vx5U9vxB2W4gia23QnX6hDn8f3Z7b7CKjOrCaSe9y+FpPnZYfj6n7PGopwNjoh7wbfktNw
XP23DVO07xFzPiSPgQq77QafPR0IQB+rkLT7R/JAw48mmGja55sxpcegF16DwLTzQ4ZO+WNz
BJLduYWuLLD4bWzYdWxlCfs8Z2Ox5EL03A8Yixqi7djDG5pyvYTex80Rp5rdaV3GkjocPppW
mzmVDXD2ArQQStngZK31XtDh7VneOf8ARMP8Yflo7hap9JwCnue9GDGFyDPhZDgz7JWcxrDy
7ixsQHdqXtd79D8itw4tjjJOgaEDU4cJ8YpK236hrwfbt9V2OVHo2C1U17HJIHmdPqgZZe2o
rOEJjUCvno8k+b3p3GZthcX8YflqHgJ/AMpVfxB8ILxn/ouL+KPkUfc9f1Wd4fY+XG6XI0nK
/MfAL0RZbhhHWuEWHVDAHgZY5Bz8CtSi81ty5Y2twLEqnFKiS0C0b5CQ4uAFIFiuFfounpw
94fLIXFxGwtbRar9L0HpDqc1TGyNOUtdpr7VTcYaik/3volpeOeVslZ1r3N9UkeRslbmcbNB
JPQXUas8GxZ2GSuDMz4pLZhzHiEm94nDX4dG6LDqeN4s5sYBB5IbF8J/SLWOZJkkjBy32N0f
FK2aJsrDdrxcHwQWI4tHhs0TJI3ObICezTtbwVOKW+3DMmgqmVPO5hd2nIDn43WgwnCJkOTt
5pBnLbZBy9qsRNE6AVGcdnlzZvBCUuMQVIX2ELXHQNmdAhVzyyg6T9U/90rJMK1sv6p/7pWR
ja4jZFPx/lhhCmaSoo4neSjZTn8TkKrgRpdSsa5/qt2U7QUUxoGyEWmsguLOII6WRbGgNAA
0CY1PG1uSEUpCRLdJ5oDtV3tXLkw73rki5ARI4TTKoybbIRlxTNIX35pvaADf2KMnRMLtEBI
X+KYX6JmZNcgzs5QtVJoWjLqVI92UX58kHISUKKDP7ztUM/Uud7kQ8kA23OilooY5aiOJ9u8
4CyJGmy4Xw9JXM9InkMubvVAGrvHwQ2MYKQUD+XgnlkmG4IFm+a2kp7GneWD1GEgeQXn0maR
5keS5zjclJOFuVQ1M8tQGR51jblYOQAV1wZH/4hUPP4YwPef5Klez3LUcH02SmqJyP1jg0e
z/uhed1iL4r4k4eqB+0Wt/8AsFTcBC0lefCP/qR3Gk2XDoYAdZJL+wD+YQfAgs+u8o/+pJE/
tVocbiM+D1MLd5GZR7VU41jAwOqw2jh7sTSDIP7g0/n7Fd4jKIKCwZ2zAHHyBVFxDw5PjFS2
tp549Iga13P2ps8dfPTsGGEG4K814yWz0PG3yMbaOpHaN8+fx+a2fDFca3Bog83kh+7f7Nv
hZD8ZYf6XhHbNbd9O7N/unf+vBB4X1y08yMepRGE0UFbilPT1MvYxPdZz72tonGPKVGYih1V
puleFIMiw91XRF0sJsHtk1Lb7EFZZ7pK12eVxc6wFz0AsPgvQaanc37PHMlu4mFzhfpcLCQ
stoQhnhbe0EJfTzslieWvY67XDcFetYDif6WwiGqNhIRIkA5OG/5ryx0duS3PADnfo6qYToJ
QR7QgvLpt2l43w9IRhIrAPvKdw1/uk2P0WFOaU1eIU9ONe0ka32XXpnEoB4erAdsn1Cx/CNJ
22PxPIu2Fm/AAAsPmkPHlrCvQwLCwXnPFWC19Pi0tcWdtFUPu1zBe3IAheiyPbFG6R7g1rRc
k8go6epgq4hJBKyVnVpuEMcMrjdbqhbDDqzDsMeysYGGR+drL6gW5+5S8W0/pHDtRbePK8ew/
ldWUdfSy1T6WodjpmC7mA6hLWwCpop4D/rly34Jj2vtuvIwxbnGMWw+q/ij5LHiMjltqpwQM
tDUj/wB0fJKOnzX7C8cC+Ew/xh8ih+Baj7uqXfhlePbofEXxo3NhcX8Uflqk4VI9HxunPn
mytLD8x8kflPGb8VjerO8Zz5cNigG8sl/YP6C0Sx3F8va4jFCDpEy/tP/ZFZ+KbzgrgkWpar
+IPkp+MhfDlv4o+RTODm5aap/fHyU3Fgvh0X8Uflo+F3+6zGCNTjNL/EC9EWCwldSwpdP9YF
vUoPP3Hn2Kt/8Xqv4rvmmYVE01PHBI7M2InLfle2nWRGJs/8Vqf4h+aHDEm81qLDBsDOI5pZ
XmOFtpu4qPGcOgoKhjIJS8ObcgnULS0kBsA7MCzuxJPMrf6rHhibPHK5ZW7bfCf9E0v8IK
n4qbeam/dd9Fc4XphdN/DCqeJhean/dd9E/hjh+8XTUshuH2wGUhro7119uareH2gYiP3CgW
OeGdnndk/ZvorLA22r/9wpNLNStDJ+qf+6VmowtLJ+rd5FZ6Nul02eCaMIhmyhYLIhgsg6ka
FK0pg6p7UIqQdU4JoCcEyOsk2XX5Lk264rknigFuPFcuv4fFcgK9zhfQJlyuKb4XTNxKafJ
cSkv7EG66aSlYl+jQsedlG8nZMGSHNryQz9B4qdws03NF/khUCubrepad3ZVMctvVcCpCy6X
s9CQLDzSU1mj2dWuHvWMxDD30dS6Mg5CbsPUK/wquHZtppTZzdGE8x0VILDHOzJKwPaeRCTO
W41g2Ur5pGxxtLnONGoQz29BStoqKOnb+EanqeaWCipqY3hhawnmN0PieINo4i1hBmcNB08Sg
8svbiM1xRP6ViPZtN2wDKPPn/XgiuCMzX1vzk/qVe+EvuTqTuffXnC9JTsJqXtLRIWh+dr
/mhlpxhofjgvgIWP/bKw0WMyIDSGjZVOEVrAWFwOg0632JwvqMNqIWC73xkAdSvPXwPjEwva
WuHliyE+PWuVtwhU+j4k6nvZk7dv7w1H1WzljbNE6J4u14II8CsPgVNLJi0DmNJDHZNEbALd
oT5P3beXVIC6kq5ad28biPNMoqB9bWx07Br161+g6rW8T4PJNMKynjLyRaQN302K7haibEH1
k2Vlu4y+nmhr7/bte1FEyTC5KJgs10RjaOmlgvLnwOieWPaWvabOB5Festex4uxwcPA3VXiP
DlDiMpmcHRyn1nMPreYQyWz9e3nbo7jxW94RoH0WDB0jS107i+x5DYJ1Jwrh9NKJHh8xbsHn
T3BH4hiVnhkBknfY27rBu7yQrPP24ir4wrGxYYKUHvzuGn90G/5ITgmlyipqSN7Mb8z9FR1M
9XjmJ5wwve82Yxv4Qt1hFAMOW6OnuC4avI5kpC/bhoJxROYcDlaDYykM9+/wUHCEEUWFOew3
ke85/C2yJ4jopK3DgIgXOjdmyjmFkWNfHdrXObfQ2JCBjj7Y2aOidHScaZ6d14nS5TbbvDX4
rbLC4XRST4IBkaTkeHOPQBbpMvJ3HnOI0vYYjURW9WQ+5aTg5uWjqP4g+SH4iw+QVxqWMJZK
BcgXsdlZcN0klnQvMjS0yOuAd7WSXIlvBFxa3NhsQ/8Ad+hWWpSaeqjmG7Hh3uK2eP0sIVQW
jaXOY4OsOYWVMJBsRYjceIPx2eum8BDmhW1B2WGxZ3pGLVEm4zWHkNFrKcPvg7JnH1Izf2LK
dmXuJNy5xuiou8U1au+FW5aao/fHyUvE7c1BH/E+hUmAUz6eke57S3tHXAPRS41TPqaGzBmLH
B1gjtB9+2ZwplsUp/3wtssthdLI7EInBhsx13G2yteIMcj4fw01kkLpu+GBjTa5Pjy2SivJ
92UkUGJMIxOov/tCUyjpTU1UcTRfMdfLmi8GxfCuLZZPuZKeqYLuYXXzDqDzWjpaCnowexZY
ndxNyUKyuuM9bOU5aCwttpayxMsBilfGd2uIW3WdxWkf+kSY2E9qLgAc+adR47qrnDf9G0/8
MKs4hbeWD90/RW1JGYaSKN27WgFAY1Tvk7ORrSQ24NuSPhON+5RtYrPBm2rv90oRrFZYTC4T

mTKQ0NtdJrleFq/9W7yKomN2V84XaR1Cp+ydG7K4WI6pssHMCiaFG0eCmaNEHT2gWTwE1qcC
mk8WTk0J17BBOXLrpEAq667kkugFuVyS/iuQFa7TmmJXOCbnA5JqddcCLi+vgm5gRey4v9yY
OuSTI3UeXwShw2XGx2KArsRxWkwy3pfbRg7O7FxafbayEpuI8KrKmOnhne+VW2Vo7Jwufcr7
GXxV3DtfDNGDanc72gXB94XkNI2d9ZEylLhM5wazKbG50UW2Orw+PHyY2/hvaziXC6SYwvmd
I5uhEbbge1G0GIUEJxF9JMHhvrC1i3zCo6n7Na6GgdOytJlna2/YhhAPgHX+iz/DIY6hx2mf
ezJHiN46g6fDf2Jbqv0vHljbeY9HMPdLzsOaqZeO6WheYo55J8uhytDgPaUPxxiklJRx4dG
S189zJb9kH6n5Ko4Y4Mm4ggfVS1Ho1ODlaQ3MXnnbwCdvOk4ePD098+mpoeMI8Wf2MNQWSna
Mss5311QNRxDhsE7o6mWaOQbtfC8H4hZjiHAanhjEY29vna4Z4ZmjKdD8CFbcX1bMW4fwbFS
0CaQPjkI5kVw8Qfelct8eG569VbTY1QUVPDVunLBKM0VmnM4dbKFNF9PVSDnHiE0bjsH3aD7
VksJwyt4jxKOkieLtlAL37RsH9fFWXEFbVVgFI2rFQ2pgvZ7gzKWX20udEt074/HL628r2sx
qqoYxLPV1LWE2DgHEe8ISPG48XqGQColnksS0Oa7pc/JF8DYnHi2GVGAYg0SNYzuX5sO49h+
awwlmw2smbBIWvbnizje2x+Ceyw8UtuPzGudxJDh33LK2QZTq2K5t9FPSctmtc14sQIEh2a4
kEoThTgeLF8P9Pr5ZGRyXETy7AkDS59qo+JMCfw9ivowlMkbnh8T7WNvHxCN0TDxZZXGXlTP
T6/b0uX/AliqfEcapoZiKmZ80w3AGYhSnEcnBceJO/XuvG09X3tf3C6zvD+A1HEWImnjK7Nr
RmlIlvH1JRAWHjx1bl1FrTY9RTTBokfATsSLD3hX/6UrqGDtu2qXRN9YtYZAPPQRMcUcIS8
PmJqGT+kU7zILSuUd0K0f2f46ZMPfh0wzGF4yu/uu/n8wjY8mOPp748xBPx0yQWZid2jwh
f4KJ4mqh2rY5py5od6hc4g87brKY5Cynx2thjaGsZO8AdkLrOrD659DBh4bGHtlplg4bEafz
RC8mGOGMuPpyMOPXUL3sjqpYHXs8BjgdOuioZxU5sAmfXVXZk2Dyx9iel7Kkxmmidi/G1VTUg
uZqnllEgHPwJXolhfVE/h+fAoWD7qnuwW/ENQfO/zRu0ZzDH13O2YbxjATriM/8AwwRs0rnU
/ps0VS5p3JhcXW6kWusLgb42Y5QvIF2Cdl7+YXswrQagxGOzdr3ROS82M8dkkYiPi6hhZkir
pWN6NjCponf5ZU4AJxGex27jtfgsdDTjEscbTxd1tRUZRbkC78ltPtEoaWmwag9HiaszJDE2
w2bl2+CN1eWGEymP5SycTNhooquSvkEc1yzQ3dY20Chp+MoKiQM9PljJ2zge9Y/DKCSx+vg
oInXLW2aXbMYNSfj8Vb8QcD1eB0PpraltTE0gSWZILL89zCJbp3x+LG+uV5bAVtYdfSZLear
cUxamoiH1tQTI4aNtdxVNwrjIZSVNNVPu2mjMrCd8o3HyVJS0tbxLjYiYQZp3EknZjR9AEbL
HxSXZfUaSLjChP3RdURxne409wKszicFJSr2SSGE3tNExzgPMgae1V2KfZu+jwx9RS1rp5o
m5nRmOwCvVdFz3XvvisuFyd+nqo3EsOozAfldMrPHIjcsPhajjaiVriM3/AMbvYR1FjkmI
QvmpH1csTBdzE63s01PkvM6uNsVdNEz1WSOaPIGy9qhkioKWClIi7kcbRYaWfKRpmxxwk1O
2VfxnRRuLX187XA2IMTgR8Edh3FGFYoHUMva1rnkWZ6O54PncWCy/wBoscTeII5I2ZTLA1zj
1NyPkFf/AGetipuHZKkR3llnLSeZsBYI+RnhhPFM0OIRwUH2i4eKNrYfSIcr2sGXcOA09g9y
JxDiYYXN2VZLVRO5F0brO8jzVPHUUnFftSje03bFKWt8mNN/iCr/joR1fctR15nfgkYwNpd1v
kSgrJ7YzL8K9vG9G9wa2rqCSbACM3U7uLKSNNxZPXyWSDQslje1w9lll+AYY5uKYXSNB7ON7x
fkbzfV59pYilo8Pnazyi97b21tYJLY8eE8kw0Ph4qpKiVsUOJOkkdoGtY8k/BFVONxUTwyqx
AQuOwe611QfZmGMfiUzmXcxsYB52JKu+Oiyq4SqHlgDopGEX5d4BP4Z5Y4zyemkQx7CnvzHE
oXOJ/a1JUtzXPS4e8NqqiojzatJifZ3kbarIfZ9Gx/FDC9oOSF7hfkVuuK44K/heuD2axR9o
0ncEc0QeTHHDyTFWDjCf/Xy/wDxv/JXNJWnEKYTs7bsnHumRhbfxsV5jwlTx1XFFDFKwPZ2
mYg+AJHxC9dlk7TuAaBELz4Y4WSIWt6qvrOI8Jw6odT11UYpRu10T/y1Vo0WsVS8eQQ1XC8
z2DtIHNcx3MG4B+BTZYauUIL/lnw9/8A9Fv/Amb/AMlcUdVDXU7aiAuMb/VLmFt/YRdeX8CU
cNZxRC2Zge2JpAdtcDT5r1I7gdALBKXa/PhjhlqEATiNNE0WCW6pg5cuXc0By4LlyATKuS6
eK5AU9xcgi+ibfVcSuFvIK1EII0NwUtgRe6aT3iL3TmPLHBwA06oBAde1jdda3miYn53Z3Wu
mThua43SAarJOEYj/hX/ACXm3DP9psP/AI7fmvSav/RGif4WT5Lzbhn+02H/AOIb81nl27Pp
/wBmT12OokdWlhddpJf14oCW1oI3Ev1XtEP/AJ7T9o/VeLf/AJf/APT6oyL6X/ku+Oao1HFV
UPwwhsYH+6CfiSvRMMhOHYDQUkfdlhdbqD78SvLuIHGbiSuO5dUOHxsvROIschbk8dFSwOq
q17QI4WC9h1NkQ/LjbjhjFB9pFWyUYbBmzTma97vAGwHvsVn6iUv4Qo476R1cgHta0qwm4Q4
pxWofWVNM00k1JklaPza+ijxzBavBOHKSCtY1kr6p7rNcHaZW/kk0wuOMxxl3drT7MxlmxKY
DvMjYAfMn8lrMXa6t4exGnl714HOF/AX+iy32aepinlF83LXVncwysJ29Hk/5U505vNf6t/6
eacE1Bp+LKIjaQujPkWn62VTX/6Qqf4r/mUfwm0u4pw4D/bA/AoCv/0jU/xX/MqXf/8AS/4e
shhpsMoaOO4bFA29utlthePart8djiLszoKdjXHxOv1C2WOYtTYNQx1E5zPMbRHGDq82WT4Vw
UcT4vNiOITxuYyTO+IHvPPIyaqv4cfh+3fky6gXHWSUXCuB0T7h0gkqHDzIt8CtF9n8fovD1
XVtH3k0wYD4AfzKrvtNI/StE0aAQG3/ErzgiPNwjEOs7z8UtWeW/DL+aIx6N1bwliEMpLnR
MEjSfA3+ixnAM2TieOI+rrPG5pHiBmHyXoGIRD9D4g07Opn/Jea8GuLeLaAjm8j/6lF7Lw8+L
KBul/wC0eIf4h/zW/kmZR4JSVz9qehY/zNtB77LAcR/2jxD/ABD/AJrS8XV3ZcL4TRMPengY
5/7rQLe8n4JRp5MfaYRN9nmGhzqrHKnvOaSyMne51cfiB71q6PMa/tX7vvdZH7PKovpa6gJ2
c2Vo+B+i2jGZXh1tU6c3n3+pdvHsVpzh+NVUDe6YZ3BvhrovUa+sazA6jEmkd6lMjT4ubp8
SsN9oFJ6PxTNIBYtSbJ8LH5K0rsRD/swphm78jmwH/dcT8gFL08k98cKqeaQt0niqncRdsDX
SH2Cw+JC0n2iG+BU561RP/1KD+zKmvLiFYR6jGxtPncn5BG/aMLYDS/4j/pKPhOd39RJ+FV9
mrR+IK2W2rKft2lbetjdWYVW00pzCSB1vOyxn2Zi9ZiH8FvzW7eMkMxOwj8k50y89/q14c1

xGxIuLG3Rbf7NIAKjEKsi5ijaxvtJP0Cww2HkvQfs1ANBifUvj+RSnbs+ov9OtJX4n+jKCpq
6iS7GRnQ8zsB71i/s6w2efGjiOQiCBjhmtOXEWsPivRGRwSMcyeNr2uto5twpWOjZljhYGtH
ICwCbqxn8rjzcZO3h+IG2J1R/95//ADFbF/2i07iD+jJNAB+uH5LHV/8ApOp/jP8A+Yr1hnBv
DhjaXYbFcgE9935pOzzZYSY+02824lx1mP10dSyndAGRCPKXZr2J/NazhSqFDwLPWO/1Ekjx
52FvjZUHHWGUWfYZFBQwNhdCHFofNzc9VIKrsPs17EGxqK0tPkLH6BAyky8eMx6S/Z1CZ+I
Zqp+phhc4k9SbfmtNxfpwhXfvR/8wVX9mkIFJiVRbUuYwH3k/NW/GgtwhW/vR/8AME/hjnd+
fX+GQ+z3+0w/gP8Aorj7RhbC8P8A4r/kqf7Pf7Tj+A/6K5+0f/RmH/xH/JL4aZ/7iIPs3/VY
p5R/NyueMf7H1n78f/MFSfZt/wD7P9yP5uV3xib8H1n78f8AzBP4Z+T+/wD9xIPs8/tMf8O/
6LcY5rw5iQA19GcsP9nunEp/w7/otrjy7AMTH/6zvkiDz/AN3/AMeb8NVRosbjqQLuiilc
3zEbiFt+CYMXnppsSxCrdLBOLxNc/NrfU+HSyxvCEBjuKKOKQZmPLmuHUFjldQY1WcE4pLhN
UHSUD3Z4yNw08x9QIGvmtbjO3oANiNdVtCzkf5IV3+5/wAwRFPiENVcyaCUSRvFw4HdAcWy
dpwhXnxj/wCYK7048JrOf5ZT7O/7UD+A/wCi9PB8dV5f9nhtxNf/APXf9F6OJSbafBTj01+p
/uCrpbjghXlfezTxJpuFTm0m1XKIOO+SXPc8roJJsutQd7nVdmQCrlY5AUpSZtNUpCab71Wp
10pNz5JOSUCw5IBQXA76qVsRdqSAlipnSWJNgiYqVrQPBK0bV1fH1wbEDmuPRpOXgvMeGf7T
Yf8A4hvzXrOMsyYDX2/9O/5FeTcM/wBpsO/jt+azy7dn0/7MnrkTHCsuQQLn6rxT/wDL/wD6
fve9W1K8F/8AzP8A+n1RS+k/5DscHZ8S1odpafdf/iWtpuIqHBMexioxJkkJZUJhJA1tyIwN
Nem3wWe42pXUvFVXpZs2WRp8wL/G63+G0WC8R0IH8tLFNUNY0FxJuHDcEc9eqSvLIPTG3rS
t44xDF8JNjGH1r4cZO4+PKCAdwbEc9fcs9xLjrsf4bwb6ola1s7J3skDdr2Go9isvtHxuCZs
WEwOD3xv7SYj8JtoPPVZR8bm8MxSEHK+rd19jAin4cJ642znbU/Zp6mKeUX/AFLT4/MKfh3E
JCbf5uvtOn1Wb+y8AnEwdQRH/1I77Ra1lLgrKJmj6p4uP7rdT8bJzpl5J7efTNfZ9Smo4pj
ltdtPG559osPmqCv/wBIVP8AFf8AMr0T7N8KNNhk2IyNs6qIDL/stv8AM39y87r/APSFT/Ff
8yk6cMvby5fw2eHOw/FuMJv03N95AWxUIM8HK6w93jbndAcXYRNwzjcdfhr3QxTkujLD6jub
fJehYRrh0skFdJRxOqWsbaUt7w0VF9oxi/yaaH2z9u3s/jf4XT05cPLvySTrphuIccOPNop5
Ghs8URjLA2JvcEea3P2fuD+Fmtv6k7wfmvLevgvQfszrmnCsw9zrODhKwdRsfkPelO3R9RhJ
4tT4anG3dlgOIP2tTv8AkV+CWdpxdQgD1XOd7mFbzjqtB8MTszWfUERMHXW5+AWU+zajM2
PSVNu7TwnXxdoPhdO9sfFx4crVFxH/aPEP8AEP8AmtjT4d+lsCxORwzOjo4YfDKwPPxI9yx
3EX9o8Q/xD/mvQeH8Er6eqpcQgrgKGPp2GemcDq7swNPcEo0811hjdsZwPWei8TWnJ71Q10R
9ouPiAvVwzReMVcb8F4gka3R1JUXb7DcfBe1QyNniZKzVr2hwPgU4y+qnMynyw2nUv+j6wD
k6Nx9xH1WOkxBz8Fhw+5tHO+T3gAfVel/aBSekLSSAd6nka8eV7H5rydKuj6bWXjm/h6p9n
tL2HDAlIsaiVzvYNPohftKfDpF8R/0laTAaT0LAKGntYshbceJFz8Ss79pn+hKX/Ef9JT+H
Jhl7eff8qv7Mf/PyH/Bb81tcYIFLgtdMdMsD/ksV9mH/AJ+v/hN+avPtBxBtHw8aYG01W8MA
/ug3P0HtR0leWe3n08r5Lf8A2ZOvT4kznmjP/MqbDOHnz8GYlibmHOS0w6fhae8fn71P9neI
x0mMy00rwwVUeVpP7QNwPmlHT5rM8MpPhvMZpMRqMOD+jKsU87NRDgdnty1281nuDeLJ8Uq/
0diNjUWJjkAAz23BA0utbV1MVBRY1M7w2ONpLiV5Lwlnl4voXNFisZS4+ViSnXL4sZlhlv4Vt
f/pSp/jP/wCYr28DuN/dHyXiFf8A6Uqf4z/+Yr3Fn6tv7o+SI0+q6xeafaSLY9B/h2/Mqnpq
COFMPivo6pmd7g381c/aT/p+D/Dj5IUtXGTwth0nJrM33hn5JN/H+zBtPs4aP8AJ+p13NT/
ANIR/G39kKz96P8A5gqj7NktjqStoie+HtkA6gix+Q96sPtBqGw8MOhJGaeZjWjyNz8k/hy5
S/r/APbK/Z5/acfwh/RXP2k/6Nw/+K/5Km+zz+1A/gP+iu/tMAGH4eB/tH/II+Guf+4gT7Nj
Y4n+5H83K64wN+EK39+P/mCpPs2sZcSbfUxsIHtKuuNCIuEqprjYvkjDfHvA/RE6Z+T+/wD+
Mt9nv9pD/h3/AEW0xCxwPEv8K/5LF/Z7/a/Q/4d/0W0rnm9C4lfS9K/5Jzo/P/d/8ef8ABn9r
aD993/KV6Fj+FQ8S4NJEgGvCF3RO5g9PIrzhGVsPFVA95sO0t7wR9V6VSzGKtaRsXWKWM3D
+ptnkljzTAMZmwiuEUhPo73ZZWH8J6+YW24nNuEMQzHW8f8AzBYDHHRPxyudD+rM78tvMrfc
Uesy8F1N9yynJ94RLwvyye+GX5Zn7PjbiQn/9eT6LdtqHNIKwn2f/ANo3f4aT6LYB9tb3uqx6
ZfU/3B5qrurvU4VIIsgO0F9koelW2V0dYtqASTcBPEt9uSrQ65sCniRwGhKNFpZCZUUAj3Je
2BO2ire2I05pwmNtbJAGlh2gvz965Adt4LkaGiiKR57jSfJSCgqDu0DzKtHSNaNNT0amtErz
dxyjoEbLavFBJtnbm6DVTw0BYSXkH2I1rQ0WATrJbLaNkeQWCdITlyRK/Hf9A1/+Hf8AIRxr
C6v9H4pTVZaXCGVryBzAOq9180lm9AIY38Xm/Tlmt7CYfitFitP29FO2Zg3tu3wI5Lw95Lah
zgNQ8n4r3yw5BdYdEWDxeb9O3jt5/j8FNxphkNfhT2vrqZn3IPs4tO416HZYdlRWYe98bJpq
Z2z2hxafaF7xpyUclNBMQZYy3kbFzQUaXh9R6zWuHi2D4BiOO1AZTQuyE9+Zw7rfG/NafjrD
IclwDCqGD1Inv15uNtT716KAGiwAA8FhvtQ/8lh/8R/yCnCLx818nlx/AP7NqiKlixaomeGR
xsjc5x5AZkNTUVXx7x7FJWSh0VBEQ2/RvJo8TufPyVHh87o8Cr4M/Zx1E8DJH2vZvFP0XreBw
4fT4TBfhj2Ppmts1zDfMeZPjdKK81/TyuU7pK3EMPwDDw6eRkEMTbMZfU22AHNeJzy9vUSS2
t2j63S5uveJqWnqLdvBHJbbO0G3vUJwrDnamhpj/wDyb+SdjDw+aePe5vbzuH7SMTiaw0d
M7KAAe8PqqLG+IK7H6hj6ogNZpHEwWdb/Mr192DYU464dSn/APi38k+HC8Pp5BJDRU8bxs5s
QB+SNNJ5/HjdzHlh+FeC3TYTVyYIGYnVceSJPheYL3zEeYGngspUU2KcMYrrnp6iM9yRuzh1
HlHe2Jk1PBuX5J4mSt/Ze0OCNjx+pymVtm5XiLziOK8RvKtaiSSqm9WNjWjTyAXouBUtFwXg

Ific7Ip5zkn5knk0W3sFo6ehpKS5pqaKG+/ZsDb+5T6EahGk+Tz+89ZNR4TiVV6didTVhhaJ
pXPAPIEr1DhPiPD6vBaendUNiqKeK0kbtDZo38RZaaw6BdYdEaHk80zXk108a4wqqWu4lqam
ieJIn5e+0aEgAGy3nBXEFJW4RS0D5gKyFmQxu0LgNiOui1NmjkqfHOJsNwDI2qc50sgu2ONt
3EdfBAy8n6mMwkFYzSem4NWU1tZIXAedtF4vhlKa3E6alA/WytaflnVesQcSU+JcO1mJU8cs
bIY3/rG2uQOR2KwXANGarimB5F207XSHztYfEpVt4LcMM9/D1oCwsNhosZ9pv+haX/Ef9JW0
WL+03/Qtl/iP+kplz+D+5FT9msjlarEZZHBrGQNC5x5AEqIw1fH/ABI6VpdFh8Byh37LfzKo
sOqZKfB8TAX2UTCKNzujS4k/Jer8OwYdTYNDFhkrJYANZGn1ncyfFedPmv6eVyndHQ0dPT0T
aKKICBrMgZyt0XkvEvC1XgVY98cbn0ZN45Wi+UdD0IXsC4kEWKetubxeW+O7eDy1tZVtbDLU
zTNB7rHPLvgtbwvQxcNtdjmnH0clhbTQuHff1Nt/D2r0dlPTRuzMhja7q1gBTzI04v7EtNc/
qfaesmo8FmldNUSTEWL311vM3XsGD8SYdieGidtSxjoowZmPNizrfw8Vc2j/AGR7khZED2N9
yJE+XzTySTXTyTjXF6bGMdMtI7PDFGIw+2jtyT8VPhDqPFuF5sEkmZDWsm7WmzmwkJHq3+Ht
XqnZQf7Jn/CkMMDt4mf8IRo/9RPWYydPD45q/A8QzMMlJUxm2osR7DujK+oxvHaZ2IVhkmgp
gBnLQ1rbm2ltyvZJIoJrdRE19tszb2ThkaMrW2aOQCnk/wBV8+vLxzhPFIsHx+GqqLiEhzHu
AvlBG/vsr7QMaw7Eaehho6qOdzHOe7IbgAgWxpBczn8lCaajJdTxEnmYwjSb55c5np4fQY
IVYZUioo6gwygWuL646EHd4lJ2l4wGiuqzK1hu1oAaAetgvZ/R6EG3o8N/4Y/JK2moXbU0P
/wAY/JGmn+qx3v1eIUOIVWHT+kUU5ilyluZoB00+60tNxFVR8PvsmIVr6ierYYaeGw0GznGw
/qysPtJw6ni9BqYYmRveXRuyi1xuPqtVQwQYdQUkYsyKMNGngiQ/J5scsZlrt4axz43te0l
rmm415FXknGGLUSU5jLo2vlsZQ2zvy+C9dM0R0I+CtId+Af8KNVOX1OOXeLyXhferxqujkk
icyjY4OkkCLBw6DrdabjzGajmG1GGsmY+olewFjTfIG66rZmoB0aNFG6KhlJL3U8RJOpMYP0T
0zy89yzmWU6eR8J4pT4Vj0c9S8Mhex0bnfs3Gh99lvmRieFssUgfG4XDmm4PtV72eHk2EEP/
AMY/JMfFTMsIY2sG5DW2CePCfL5Z5LvSmFO8nn7FngksMoN7a3VsY7mwHsSiLdVtntU9jKG3
yptnj8BVyGE+XileQARsbUt3Aag+dk7PyCtjCz9IRPibfRt0bPav7XxXIzsWdB8VyBsdHUNv
prdfNcHDRANLQQAFJ6WWiwspToauQJrHXsmmsfbdGi0sFyAFRKTzv5JwdM47H3I0NDV1whW
9tbVSBslvW+CQ0m0XJgaeZSgII5cuXFacsL9qH/ksP8A4j/kFuScoudl5t9ouNUdfJS0dLOY
YwlpzHMnWcbWF/elW/08t8kQ8DYRT43QYtQ1Nw13ZEObu0jNYhb3AcDhwDD/AESCR8gLy9zn
7krAfZ5jNHhlfUwVc7YW1LW5HuNhcX0v7fgvUWuD2hzSCDsQiL+puUzs+Crly5NyksuSpEBy
5ckQCrly5Acu5c5gOXknH5eeLKgOvYMZlv0y/ndetrOcU8IRcQlk8c3o9UxuXmw3Dh0KVb+D
OYZ7rN41xZhr+ElcLw0ntJI2skblI7MC1997+CO+zPDjHSVWivH61wjYfAb/ABPwQIJ9mNQZ
x6ZXxiIHURNJcfft9R0cFBRxUIMwMiiiblaERp5c8McPTC9p1i/tN/OLS/4j/pK2ewXnf2jY
1RVcNNQU07JXxyF8hY64bpYC/VFZeCW+SAeBMMp8YgKUNSD2ckLNRuChAELE8P8AD8HD1E+m
glfLfnfc5/M2t9F59wDfJheLytq5mxMqi8oe46Ag3F16qx7ZWNexwc0i4LTcFEafU3KZ2fB
UhSpLJuUiQpSDsk2TN1111ySyAXzC7dck0QHWuV2y65SEi97IDi7u6qMuHNOJBCY4i26YIXa
2GvmkByuGtK1x5Jhdbnogl dxdc2P4VG2kc3t4JM7Q42DtNRdF4WMUGHsdi7Im1JBBE1uV0
TDMWP9bTonVE4cQ3cBLXKva69SWDrEkXHuTgALXdqoBL116dUoeXOuRtvZnKewJ3CblGulwm
Bwta5211SnL1Jv0JQC202trsEoaRpw1XRt/Db43TsuWxLSD1QDQNDt0rW33FvanXB2KQlo
5IBQ4bc0htZIXC2h0UZcgHlwUeYHldITomkFASXH7S5R3tyXIBgbffROEY6qYBgGwPVOysP4
beSDRshadyiGRMGwSNjZcaffSBuXYoI5oCcQkvqlvdlBoTguuuSIq5cu2QHLly5AcQCLEIf
9H0Q/wDxIP8A4x+SIXIac4fRf+kg/wDjCna0MaGtAAGgAGyVcgOXLua5AcuXLkAi5KkQHWWL
lyA5cuXbIDl2y6y5AKuSLrIBTruh/QKL/wBJB/8AGPyU6VAD/o+i/wDSQf8AxhTsY2Ngaxoa
0bACwCULkBy5cuQCLrJVyASyTKLpyRAJlukypbpCbpmaQQmkHon3KbdARuBtso3XC1c5RuKZ
oXE2KYT8ApHKIhAcJSARfQ7qPONUp05apjtEwUv9qUSWFtuttLqIke7JNL3B2QabtAeV/and
oOTSB531Q5c4akpWEOJPTVAWcEjCzTfndJNN3st3v0QMbgXAOOhXOfdxANx0T0NCe1B138
UnaE2+igbleYT2vBSCW91wBGqYHKTOTukRxa4DUWSWS5i7mlSBuU/wBFcnadCuQETXaKRr0G
2W6lD7JqFNdqntfdCiS6eHbILQjP0Tg7dDB3jZcHm90aLQsO8UuZCiQ9U5spSGhWZddQCXVO
EgQSa6VRh4Tg5IjlyaHJQQgFXJLpUBy5ddcgOXLrrkBy5cuQHLly5AlIXLkBy5cuQHbLly5A
cuXLkBy5ckQC8ki6/iu3QHXXLk10At0iQmy66DcUmnNKmkJghPgmkpXb0UZQCH4KN2gsnEpp
8Ewjduo3WUrim3ABBbe6DRE/JMdrqpRGXnut80ws38NEzQkpLa7JzgAmHXSyYcCOey4jokLe
i7I7qUjJa+xsIJN9CQPHVKGk2TmDK4HomDbuaO8NDsniUdSpJR2xBygW0TRS35pA5r72UjXf
1dR+jGwAday7sZRtqQhrtd7lPDtN0MM4OrduiUShu90gJynouUXbs6hcnqDT//Z